ПЕНЕЛОПА

ДУГЛАС

ПАНК 57

18+

Новый чувственный роман для всех поклонников
автора бестселлеров по версии
THE NEW YORK TIMES, USA TODAY и WALL STREET JOURNAL

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Миша и Райен – лучшие друзья по переписке, которая началась семь лет назад и теперь необходима обоим, как воздух. Для их дружбы существует только три ограничения: никаких социальных сетей, никаких телефонных звонков и никаких фотографий. Так продолжается до тех пор, пока один из них не решается нарушить эти простые правила. Знакомство в реальной жизни приносит разочарование. Неужели на этом их дружба закончится?..

- Пенелопа Дуглас
  -
  - Плей-лист
  - Глава Первая
  - Глава Вторая
  - Глава Третья
  - Глава Четвертая
  - Глава Пятая
  - Глава Шестая
  - Глава Седьмая
  - Глава Восьмая
  - Глава Девятая
  - Глава Десятая
  - Глава Одиннадцатая
  - Глава Двенадцатая
  - Глава Тринадцатая
  - Глава Четырнадцатая
  - Глава Пятнадцатая
  - Глава Шестнадцатая
  - Глава Семнадцатая
  - Глава Восемнадцатая
  - Глава Девятнадцатая
  - Глава Двадцатая
  - Глава Двадцать Первая
  - Глава Двадцать Вторая
  - Эпилог
  -
  - От автора
  - Текст «Панк 57»
  - Текст «Мысли»
  - Благодарность
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

Пенелопа Дуглас
ПАНК 57

Клэр и Бендеру,
что бы ни случилось в понедельник утром…

Copyright © 2016 by Penelope Douglas
© Е. Вительс, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Плей-лист

Theory of a Deadman – “Bad Girlfriend”
Linkin Park – “Bleed It Out”
P!nk – “Blow Me (One Last Kiss)”
Halsey – “Colors”
All-American Rejects – “Dirty Little Secret”
Atreyu – “Do You Know Who You Are?”
Bring Me the Horizon – “Happy Song”
Tiffany – “I Think We’re Alone Now”
Eminem – “Lose Yourself”
Eminem – “Love the Way You Lie”
White Zombie – “More Human than Human”
Staind – “Mudshovel”
Avril Lavigne – “Sk8er Boi”
Breaking Benjamin – “So Cold”
Ghost – “Square Hammer”
Garbage – “Stupid Girl”
Bring Me the Horizon – “True Friends”
Fort Minor – “Where’d You Go”
Taylor Swift – “Wildest Dreams”

Глава Первая
Миша

Дорогой Миша!

Я когда-нибудь рассказывала тебе свой постыдный секрет?

Нет, я не смотрю «Дочки-матери». В отличие от тебя. И только попробуй сказать, что это не так. Я прекрасно знаю, что тебя не заставляют сидеть перед телевизором вместе с сестрой, чувак. Она уже достаточно взрослая, чтобы смотреть его в одиночку.

Нет, моя тайна гораздо страшнее, и я даже немного стесняюсь тебе о ней рассказывать. Но, думаю, отрицательным эмоциям тоже нужно давать выход. Могу я разок такое себе позволить?

Видишь ли, у нас в школе есть одна девочка. Такие есть в каждой школе. Чирлидерша, очень популярная, ей все легко дается… У нее есть все, чего только можно пожелать. Мне стыдно в этом признаться, тем более тебе, но когда-то, очень давно, я хотела оказаться на ее месте.

И в глубине души до сих пор хочу.

Ты бы ее возненавидел. У нее есть все качества, которые мы с тобой на дух не переносим. Надменная, легкомысленная гадина. Из тех, что вообще ни о чем не думают, а если и думают, то не дольше пары минут, потому что мозг не выдерживает нагрузки, понимаешь? Несмотря на все это, я всегда ею восхищалась.

И не надо закатывать глаза (я знаю, ты именно так и сделал).

Просто… несмотря на все ее отвратные качества, она никогда не бывает одинока. Понимаешь?

Я ей в каком-то смысле даже завидую. Если начистоту, я правда сильно завидую этой ее способности.

Чувствовать себя одинокой дерьмово. Быть там, где полно людей, и ощущать, что они не рады твоему присутствию. Чувствовать себя незваным гостем. Когда никто даже имени твоего не знает и не хочет знать. Никому нет дела.

Когда не перестаешь задавать себе вопросы: «Они надо мной смеются? Обсуждают меня? Насмехаются надо мной, будто их идеальный мир был бы гораздо прекраснее,

если бы я не маячила перед глазами и не портила вид? Может, они все только и ждут, что я пойму намек и отправлюсь восвояси?».

У меня часто возникают такие мысли.

Я знаю, что это жалко – идти на поводу у общественного мнения. И еще я знаю, что ты скажешь: лучше быть одинокой, оставаясь собой, чем кого-то из себя строить ради того, чтобы вписаться в коллектив, хотя… Мне это на самом деле нужно, я все время так чувствую.

У тебя никогда не было такого ощущения?

Интересно, а у чирлидерши оно бывает? Когда музыка замолкает и все расходятся по домам? Когда день подходит к концу и рядом нет никого, чтобы ее развлечь? Может, когда вместе с макияжем она смывает дежурную улыбку, на свет выходят ее надежно спрятанные демоны, – чтобы поиграть с ней, потому что больше не с кем?

Думаю, нет. Нарциссам неведома неуверенность в себе, так ведь?

Как им удобно жить.

Телефон на приборной панели вибрирует, заставляя меня оторваться от письма Райен и прочитать входящее сообщение.

Проклятье. Я сильно опаздываю.

Ребята уже беспокоятся, куда это я запропастился, а я все еще в двадцати минутах езды от склада. Почему я не стал «невидимым» басистом, который никому неинтересен и на которого никто никогда не обращает внимания?

Я снова вчитываюсь в слова Райен, раз за разом прокручивая в голове последнее предложение. *Когда вместе с макияжем она смывает дежурную улыбку*…

Пару лет назад я впервые прочитал это письмо, и эта фраза меня поразила. С тех пор я перечитывал ее сотни раз. Как ей удалось так коротко и емко выразить мысль?

Вернувшись к письму, я дочитываю его до конца, прекрасно зная, что будет дальше. Мне нравится, как она ко мне относится и что она заставляет меня улыбаться.

Хотя что уж там… Я только что рассталась с парнем через «Фейсбук» и теперь чувствую себя гораздо лучше. Не знаю, когда я успела превратиться в такую идиотку, но рада, что ты готов с этим мириться.

Так что продолжим.

И дабы внести ясность в предмет нашего последнего

спора, Кайло Рен[1] никакой не плакса. Ясно тебе? Он молод, импульсивен, да еще и родственник Энакина и Люка Скайуокеров[2]. Разумеется, он иногда жалуется на жизнь!

Что здесь удивительного? И он искупит свою вину, зуб даю. Можем поспорить. Только придумай, на что.

Ладно, мне пора. И да, отвечая на твой вопрос. Тот текст, что ты прислал мне в прошлый раз, – это просто здорово. Продолжай над ним работать. Не могу дождаться, когда прочитаю песню целиком.

Доброй ночи. Молодец. Спи крепко.

Наверное, я допишу тебе утром.

Райен.

Отсылка к *«Принцессе-невесте»* заставляет меня усмехнуться. Она уже семь лет заканчивает письма этой фразой. Первый год мы писали друг другу, потому что пятиклассников заставляли этим заниматься. Учеников и учениц из наших двух классов объединили в пары, и мы должны были переписываться.

Но когда учебный год закончился, мы не прекратили писать. И, несмотря на то что живем в каких-то жалких пятидесяти километрах друг от друга, а теперь еще и «Фейсбук» есть, мы продолжаем переписываться по старинке. В этом есть что-то особенное.

И я тоже не смотрю *«Дочки-матери»*. Это моя семнадцатилетняя сестра их смотрит, а я просто втянулся, да и то смотрел всего один раз. Не знаю, зачем я рассказал об этом Райен. Я же прекрасно знал, что нельзя давать ей повод надо мной угорать, черт возьми.

Я аккуратно складываю письмо. Черная бумага так протерлась на сгибах, что, наверное, порвется, если я разверну его, чтобы прочитать еще раз. За последние годы в наших письмах многое изменилось. Темы, которые мы обсуждаем, то, о чем спорим, почерк… От крупных, еще не оформившихся букв, выходивших из-под пера девочки, что едва научилась писать прописи, до уверенной, четкой руки молодой женщины, которая знает, кто она такая.

А вот бумага осталась неизменной, как и ее ручка с серебристыми чернилами. Замечая в горе писем на кухонном столе черный конверт, я всегда ощущаю приличный выброс адреналина.

Убрав письмо в бардачок, к остальным любимым письмам Райен, я беру ручку и заношу ее над лежащим на коленях блокнотом.

– А ну смелей, накрась глаза и губы, – шепчу я себе под нос, выводя на бумаге слова. – Заклей все трещины, замажь морщины.

Задумавшись, я останавливаюсь, закусываю нижнюю губу и играю зубами с пирсингом.

– Еще б расправиться с мешками под глазами, – бормочу я, прокручивая в голове текст, – и щеки нарумянить, чтобы врать и не краснеть.

Я быстро записываю слова, хотя в темноте машины мои каракули почти не видны.

И снова вздрагиваю от пиликанья телефона.

– Уговорили, – ворчу я, мечтая, чтобы сообщения перестали приходить.

Неужели ребята не могут и пяти минут без меня продержаться на собственной вечеринке?

Я снова заношу над бумагой ручку, но останавливаюсь и напрягаю память. Что там, черт возьми, было дальше? *Еще б расправиться с мешками под глазами…*

Зажмурившись, я снова и снова повторяю в голове эту строчку, пытаясь вспомнить продолжение.

А потом разочарованно вздыхаю. Черт, забыл.

Вот проклятье.

Я надеваю на ручку колпачок и швыряю ее вместе с блокнотом на пассажирское сиденье своего «форда раптор».

А потом задумываюсь над ее последней фразой. *Придумать, на что поспорим, да?*

А как насчет телефонного разговора, Райен? Как насчет того, чтобы дать мне послушать твой голос?

Но нет. Райен нравится поддерживать статус-кво. В конце концов, у нас все хорошо. Зачем что-то менять, если для этого придется рискнуть дружбой?

Думаю, она права. Что если очарование писем испарится, как только я услышу ее голос? Сейчас все мое представление о ней строится исключительно на ее словах. Стоит услышать, каким тоном она их произносит, и все непоправимо изменится.

Но что если голос мне понравится? Что если ее смех в трубке или дыхание зацепит меня так же сильно, как ее слова, или даже еще сильнее?

Ведь я уже просто одержим нашей перепиской. Именно поэтому я сижу в машине на пустой парковке и перечитываю старые письма одно за другим. В них я черпаю вдохновение для своих песен.

Она моя муза и, думаю, об этом знает. Я доверяю ей настолько, что присылаю свои тексты и прислушиваюсь к советам.

Телефон звонит снова. Я опускаю глаза и вижу на экране имя: Дейн.

Тяжело вздохнув, снимаю трубку.

– Чего тебе?

– Где ты?

– Еду.

Завожу машину и переключаю передачу.

– Нет, ты сидишь на какой-то парковке и пишешь песню, разве не так?

Я закатываю глаза, отключаюсь и бросаю телефон на пассажирское сиденье.

За рулем мне лучше думается. И не надо меня подгонять. Потому что я ничего не могу сделать, когда в голову приходит идея.

Выехав на улицу, я набираю скорость и направляюсь в сторону старого склада за городом. Наша группа проводит там что-то вроде квеста, чтобы поднять денег на летний тур. Я думал, что нам достаточно всего-навсего дать пару концертов, может, объединившись с другими местными группами. Но Дейн говорит, что-то необычное поможет нам привлечь больше публики.

Поживем – увидим, прав ли он.

Февральский холод пробирает даже сквозь толстовку. Я включаю печку и зажигаю фары. Дальний свет разрезает ночную тьму.

Эта дорога ведет в Фэлконс Уэлл. Там живет Райен. Если я проеду склад и поворот к Бухте – заброшенному парку аттракционов – и двинусь дальше, то приеду в ее город. С тех пор как получил права, я не раз боролся с искушением туда поехать. От любопытства меня так и распирало, но я этого не сделал. Как я уже говорил, не стоит рисковать тем, что мы имеем. Если только она сама этого не захочет.

Я наклоняюсь к пассажирскому сиденью, отодвигаю блокнот и другие бумаги в поисках часов. Оставил их там вчера, когда собирался мыть машину. Это одна из немногих вещей, за которые я несу ответственность. Семейная реликвия или что-то типа того.

Нахожу их и, не отрывая рук от руля, застегиваю на запястье черный ремешок с циферблатом, обрамленным двумя железными скобами. Сначала эти часы принадлежали дедушке, потом он передал их отцу в качестве свадебного подарка, чтобы тот, в свою очередь, подарил их своему первенцу. Что отец и сделал в прошлом году. Тогда-то я и понял, что от дедушкиных часов остался только ремешок, а старинную часть с циферблатом отец потерял. Те самые антикварные часы «Жежер-Лекультр»[3], что хранились в нашей семье вот уже восемьдесят лет.

Я обязательно их найду. А пока не нашел, придется ходить с этим куском хлама на дедушкином ремешке.

Пристегнувшись, я перевожу глаза на дорогу и что-то замечаю. Подъехав ближе, вижу фигуру, бегущую по обочине, с хвостом светлых волос, в черной куртке и неоново-синих кроссовках. Ошибки быть не может. *Да вы надо мной издеваетесь!* Вашу ж мать.

Свет моих фар озаряет спину сестренки. Она резко оборачивается, замечая, что на этой дороге она не одна. Я делаю музыку потише.

Когда она понимает, что это я, ее лицо расслабляется, и она преспокойно бежит дальше, не снимая своих гребаных наушников. *Отлично ты заботишься о своей безопасности, Энни*.

Притормозив, я опускаю окно со стороны пассажирского сиденья и подъезжаю к ней.

– Знаешь, как ты выглядишь? – Исполненный злости, я наклоняюсь к окну, крепко сжимая ладонью руль. – Как приманка для серийного убийцы!

Беззвучно рассмеявшись, она качает головой и ускоряется, заставляя меня сделать то же самое.

– А ты не думал о том, где мы сейчас? – заявляет она. – На дороге из Тандер-Бей в Фэлконс Уэлл. На ней никогда никого нет. Я в порядке. – Она поднимает брови. – А ты разговариваешь со мной точно так же, как папа.

Я брезгливо морщусь.

– Во-первых, как минимум на этой дороге есть *я*, так что она уже не пустая. Во-вторых, не надо упрекать меня в излишней предосторожности только потому, что ты единственная глупышка, которая додумалась устроить пробежку посреди ночи у черта на куличиках, а я не хочу, чтобы тебя изнасиловали и убили. И, в-третьих, твое замечание неуместно. Я не веду себя как отец, так что не надо больше бросаться такими фразами в мой адрес. Это неприятно. – Затем я кричу: – А теперь залезай в чертову машину.

Она снова отрицательно качает головой. Энни любит дразнить меня. Прямо как Райен.

Энни – моя единственная сестра, а братьев у нас нет. И если не брать в расчет мои далеко не блестящие отношения с отцом, мы с ней неплохо ладим.

Тяжело дыша, она бежит дальше, и я обращаю внимание, что у нее впалые щеки и появились мешки под глазами. Желание продолжить читать морали никуда не исчезло, но я принимаю решение его попридержать. Она так много трудится и едва успевает спать.

– Давай-давай, – говорю я ей с растущим нетерпением. –

Серьезно, у меня нет на это времени.

– А что ты здесь делаешь?

Я бросаю взгляд на дорогу, чтобы убедиться, что все еще с нее не съехал.

– Сегодня ночью этот дурацкий квест. Мне надо там появиться. А вот ты почему не в парке, на хорошо освещенной дорожке, в поле зрения еще пары десятков таких же бегунов? А?

– Перестань со мной нянчиться.

– Тогда ты перестань делать глупости, – парирую я.

Нет, ну правда, чем она вообще думала? Здесь и днем-то опасно находиться в одиночку, а ночью – тем более.

Я на год старше нее и в мае оканчиваю школу, но она гораздо ответственнее меня.

Эта мысль напоминает мне еще кое о чем.

– Эй, – недовольно начинаю я, – это не ты случайно вытащила утром шестьдесят долларов из моего бумажника?

Я заметил, что этой суммы не хватает, а ведь я только вчера получил эти деньги. И я их не тратил. В третий раз наличка из бумажника исчезает в неизвестном направлении.

Она делает глаза как у кота из «Шрека». Знает же, как это на меня действует.

– Мне нужно было закупиться материалами для лабораторной, а ты свои деньги сам никогда не тратишь. Не пропадать же им зря.

Я закатываю глаза.

Она прекрасно знает, что может просто попросить папу дать побольше денег. Энни – его ангел, он даст ей все, что она пожелает.

Но как я могу злиться на нее? Она счастливый ребенок, сходит с ума, делает глупости. И, полагаю, единственное, что я могу сделать, чтобы она стала чуточку счастливее, – это не мешать.

Она улыбается, видимо, заметив, что я смягчился, хватается за раму окна и запрыгивает на подножку у двери.

– Эй, а можешь взять мне газировки? – спрашивает Энни. – *Холодной, как лед*, газировки по пути со склада домой? Мы оба знаем, что ты там не задержишься дольше пяти минут. Ведь чтобы найти горячую штучку, которая отобьет у тебя желание социализироваться, больше и не нужно, да?

Я усмехаюсь про себя. Вот дуреха.

– Ладно, – киваю я. – Полезай в машину, доедем с тобой до заправки. Что скажешь?

– И карамельки, – добавляет она, игнорируя мое предложение. – И еще что-нибудь пожевать.

А потом она спрыгивает с подножки и устремляется вниз по улице.

– Энни! – Я нажимаю на газ и догоняю ее. – В машину. Сейчас же.

Она смотрит на меня и хихикает.

– Миша, моя машина в двух шагах от нас! – Она показывает вперед. – Сам посмотри.

Внимательно вглядевшись в темную дорогу, я вижу, что она говорит правду. Справа на обочине припаркован синий «миникупер».

– Увидимся дома, – говорит Энни.

– То есть ты закончила пробежку?

– Да-а-а. – Она драматично и явно преувеличенно кивает. – Увидимся, когда придешь домой, хорошо? И не забудь про конфеты и газировку.

Я насмешливо улыбаюсь в ответ.

– Я бы рад, но у меня совсем не осталось денег.

– У тебя остались деньги на приборной панели, – бросает в ответ Энни. – Не надо делать вид, что ты не разбрасываешь сдачу где ни попадя, вместо того чтобы убирать ее куда положено. Могу поспорить, в твоей машине, если поскрести по сусекам, сотню баксов можно насобирать.

Я фыркаю. Да, я такой. Плохой старший брат, который вечно устраивает бардак и ест на завтрак сырные палочки.

Нажав на газ, я еду дальше. Из-за спины слышится вопль:

– И еще чипсы с укропом!

Я вижу ее в зеркале заднего вида: сложила руки рупором и кричит. Дважды нажав на гудок, даю понять, что услышал, и притормаживаю у ее машины.

Через зеркало я вижу, как она качает головой. Намекает, что перегибаю, но понимает, что я не уеду, пока она не сядет в машину.

Извини, Энни, но да. Я не оставлю свою любимую семнадцатилетнюю сестренку на темной дороге в десять вечера.

Она достает ключи из кармана куртки, открывает дверь, машет мне рукой и садится в машину. Увидев, что она зажгла фары, я снова выруливаю на дорогу и уезжаю по своим делам.

Откинувшись на спинку сиденья, я опускаю педаль газа в пол и несусь по дороге в сторону заброшенного склада. Вскоре фары Энни скрываются из поля зрения, потому что я переезжаю небольшой холмик, и на душе снова начинают скрести кошки.

Она выглядит нездорово. Не думаю, что она заболела, но она такая бледная и уставшая.

Просто поезжай домой и ложись в кровать, Энни. Перестань

вставать по утрам в 4.30, поспи целую ночь и выспись наконец.

По сравнению со мной она просто идеальная. У нее средний балл 4.14, она звезда школьной волейбольной команды, тренирует команду девочек по софтболу, и это не считая бесчисленных кружков и дополнительных проектов…

Стены моей спальни заклеены плакатами, а между ними черным маркером написаны отрывки из текстов песен.

Ее стены увешаны полками с кубками, медалями и другими наградами.

Вот бы у каждого было столько энергии, сколько у моей сестры.

Свернув на проселочную дорогу, я делаю несколько поворотов подряд. Впереди среди черных деревьев виднеется свет. Прямо передо мной стоит высокое массивное здание. Почти все окна разбиты, так что видны лучи света внутри и тени движущихся людей.

Думаю, раньше здесь делали обувь или что-то типа того, но однажды Тандер-Бей превратился в богатый, респектабельный район, и производство вынесли за пределы города, чтобы уберечь нежные носы и уши его обитателей от загрязнения и шума.

Но старый склад, хоть почти превратился в руины, служит людям и по сей день. Костры, вечеринки, маскарады… Теперь это пространство хаоса, и этой ночью оно принадлежит нам.

Припарковавшись, я выхожу из машины и запираю двери, больше переживая за сохранность писем от Райен и моих заметок, чем о бумажнике.

Оказавшись внутри, я даже не утруждаю себя тем, чтобы оглядеться. Под аккомпанемент песни *Square Hammer* группы *Ghost* я протискиваюсь сквозь толпу в угол, где сидят остальные ребята. Когда мы бываем тут на вечеринках, они всегда занимают именно эти места.

– Миша! – вскрикивает кто-то.

Я поднимаю глаза и киваю парню, стоящему с друзьями у колонны. Но не останавливаюсь. Кто-то хлопает меня по плечу и здоровается, но я вижу только броуновское движение толпы в свете экранов мобильных, на которые меня снимают со всех сторон, и слышу только смех, перекрывающий музыку.

Видимо, Дейн был прав. Мероприятие проходит на ура.

Ребята оказались именно там, где я предполагал их найти: они сидят на диванах в углу зала. Дейн что-то делает на своем айпаде. Наверно, управляет происходящим через Интернет. На нем джинсовые шорты и футболка, его обычная одежда, которая никак не зависит от температуры на улице. Лотус с собранными в хвост волосами разговаривает с парой девчонок, а Малкольм

подносит бонг к губам и поджигает, свесив темно-русые кудри на лицо так, что они загораживают, без сомнения, красные глаза.

Великолепно.

– Вот я и здесь. – Я наклоняюсь к столу, поднимаю гитарные кабели, один из которых уже плавает в разлитом алкоголе, и бросаю на диван. – Где теперь вы хотите меня видеть?

– А сам как думаешь? – огрызается Малкольм, наш барабанщик. Выпуская дым изо рта, он кивает в сторону толпы у меня за спиной. – Ты нужен им, красавчик. Иди пообщайся с народом.

Я смотрю назад через плечо и корчу рожу.

– Ну уж нет.

Стоять перед ними, петь и играть на гитаре – одно. Это моя работа, и я умею ее делать.

Но это! Развлекать незнакомых людей, чтобы заработать денег? Нам нужны деньги. У меня есть определенные таланты. Но общение с поклонниками в них не входит. Я не общаюсь с ними.

– Я займусь охраной, – сообщаю им.

– Нам не нужна охрана. – Дейн встает с дивана, и его лицо озаряет привычная еле заметная улыбка. – Посмотри вокруг. Все просто великолепно. – Он подходит ко мне, и мы оба поворачиваемся лицом к толпе. – Расслабься и подойди к кому-нибудь. Здесь полно симпатичных девушек.

Я скрещиваю руки на груди. *Может, и так*. Но я сегодня надолго не задержусь. Та песня все еще крутится у меня в голове, и я хочу дописать ее до конца.

Мы с Дейном смотрим на толпу, и я вижу у людей в руках карточки, которые им выдали на входе. У каждого на карточке свое задание. В этом и заключается квест.

Сделай фото пирамиды из шести человек.

Сфотографируй мужчину с накрашенными губами.

Сфотографируйся, целуясь с незнакомцем.

И еще несколько заданий, пожестче и погрязнее.

Они должны выложить фотографии в «Фейсбуке» с тегом нашей группы, а мы случайным образом выберем победителя, который получит… что-то. Забыл, что именно. Не обратил внимания.

Нужно было купить билет и прийти на вечеринку, а когда бар наполнился людьми, как мне кажется, уже нет ничего сложного в том, чтобы привлечь народ и сделать необходимое. По идее, бармены должны у всех проверять документы, но я знаю, что всем на это наплевать. В этом городе любой может купить алкоголь и безнаказанно его выпить.

– Ну и как у тебя дела? – спрашивает Дейн. – Опять проблемы

с отцом?

– Все нормально.

Он держит паузу. Хочет надавить на меня и выспросить все, но вскоре бросает эту затею.

– Тебе стоило взять с собой Энни. Ей здесь понравилось бы.

– Да ни за что, – смеюсь я, и до моих ноздрей доносится запах травы. – Моя сестра неприкосновенна. Понятно тебе?

– Эй, да я же ничего такого не сказал, – прикидывается овечкой Дейн, самоуверенно улыбаясь. – Просто подумал: она так много работает, могла бы и повеселиться немного.

– Повеселиться – да. Но не нажить себе проблем, – исправляю его я. – Энни на правильном пути, и не нужно отвлекать ее всякой чепухой. У нее впереди блестящее будущее.

– А у тебя нет? – с вызовом спрашивает Дейн. Я чувствую на себе его взгляд. Напряжение висит в воздухе. Разве я говорил, что у меня – нет?

Дейн с минуту молчит, видимо, гадая, отвечу ли я, а потом снова меняет тему.

– Ну-ка посмотри сюда, – говорит он, наклоняясь ко мне с айпадом в руках и пролистывая ленту. – Четыреста пятьдесят восемь человек уже выложили фотки. Постят фото и видео, сотни тегов, даже ведут прямые трансляции у себя на страницах…

Это сработало лучше, чем я мог представить. Затея уже давала свои плоды. Количество просмотров наших видео на YouTube за вечер увеличилось в четыре раза.

Я бросаю взгляд на экран и замечаю, что в ленте полно фотографий, подписанных названием нашей группы. Бокалы вздымаются в воздух, девушки улыбаются. Дейн скроллит дальше, и я вижу, как начинают проигрываться видео со склада.

– Отличная работа. – Я оглядываюсь и смотрю на склад. – Кажется, мы заработали себе на тур.

Вынужден признать, это его заслуга. Все веселятся, а мы получаем за это деньги.

– Зайди ко мне завтра, – говорю ему я. – У меня есть текст, хочу попробовать положить его на музыку.

– Хорошо, – отвечает Дейн. – А теперь сделай одолжение, иди отдохни. А то ты такой серьезный, как на турнире по шахматам.

Я отвечаю хмурым взглядом, забираю у него айпад и со смехом отправляюсь обратно к ребятам.

Лавируя в фотографирующейся толпе, я на ходу пролистываю ленту. Попадаются имена многих друзей и одноклассников, что пришли поддержать нас. Я вдыхаю дымок, доносящийся до моего носа, и разглядываю фото какого-то парня с маркерной надписью *«КОНЬ»* вокруг ширинки. Девушка указывает на нее, позируя на

камеру и удивленно прикрывая рот рукой. Подпись гласит: *«Я нашла коня!»*.

Я смеюсь. Конечно, некоторые задания, такие как «сфотографироваться с конем», невозможно выполнить без определенной доли креатива. А она молодец.

Там огромное количество фото и видео, и я не знаю, как Дейн завтра будет разгребать эти завалы. Хотя, зная его, победитель уж точно не будет случайным, а розыгрыш – честным. Он просто выберет по фото самую симпатичную девушку.

Листая дальше, я натыкаюсь на видео, и оно само начинает проигрываться: девушка берет барный пистолет, направляет вверх от себя и начинает разбрызгивать воду. Струя поднимается вверх и опускается, как настоящий фонтан.

Она делает несколько эротичных танцевальных движений и смеется в камеру. «Я стою в фонтане!» – объявляет она. Ее грудь чуть ли не вываливается из выреза маечки.

Маечки, которую она надела в феврале в Новой Англии, когда на улице отнюдь не жарко.

А потом один из барменов выхватывает у нее из рук пистолет, возвращает на место и бросает на девушку раздраженный взгляд. Я слышу тихий смех оператора.

Девушка в майке тянется к телефону.

– Да, неловко вышло. Давай сюда. Нужно подредактировать видео, прежде чем выкладывать.

– Ой, какая незадача, – говорит женский голос за камерой. Девушка-оператор пятится.

Но та, что в майке, хватает ее и визжит:

– Райен!

Затем раздается смех, и ролик заканчивается.

Я замираю, уставившись на экран айпада, и сердце в груди медленно, но верно начинает биться быстрее.

Райен?

Девушку с телефоном зовут Райен?

Нет, это не она. Не может быть. В мире сотни девушек с таким именем. Она бы сюда не пришла.

Но я смотрю на видео. Потом перевожу взгляд на имена вверху поста. Там проставлены теги группы и еще нескольких человек. Затем я смотрю на имя того, кто выложил видео.

Райен Треверроу.

Я выпрямляю спину и начинаю дышать чаще.

О боже.

Черт! Я моментально поднимаю голову и невольно сканирую глазами толпу. Перехожу от одного лица к другому.

Она может быть любой из этих девушек. Она здесь? Какого

лешего?

Я снова утыкаюсь в айпад, навожу палец на ее имя и замираю в нерешительности.

Мы знакомы уже семь лет, но я никогда не видел ее лица. Если я найду ее, пути назад не будет.

Но она здесь. Я не могу ее не искать. Сейчас, когда она рядом, в двух шагах.

На моем месте никто бы не удержался.

И мы не договаривались, что не будем искать друг друга на «Фейсбуке». Условились только не общаться в соцсетях. К тому же я знаю, что она меня искала. Может, она ищет меня прямо сейчас, узнав, что я играю в группе, которая организовала это мероприятие. Может, именно поэтому она здесь.

К черту все. Я нажимаю на ее имя и замираю, пока грузится профиль.

А потом вижу ее.

Когда ее фото появляются на экране, внутри все переворачивается, и я перестаю дышать.

Боже.

Худенькие плечи, прикрытые длинными русыми волосами. Чуть вытянутое лицо, полные розовые губы и дерзкий взгляд светло-голубых глаз. Сияющая кожа и великолепное тело.

По крайней мере, на фото все именно так.

Я запрокидываю голову и делаю вдох. *Иди к черту, Райен Треверроу.*

Она мне соврала.

То есть не совсем соврала, но из ее писем у меня сложилось впечатление, что она выглядит совсем не так.

Воображение рисовало девушку-гика в очках и футболке *«Звездных войн»* с фиолетовыми прядями в волосах.

Я пролистываю фотографии, и на одной останавливается взгляд: изгиб спины в футболке с разрезами – она смотрит в камеру через плечо. Меня сразу бросает в жар. Я бегло просматриваю профиль в поиске подтверждения того, что это не она.

Пожалуйста, пусть это будет не она. Будь просто милой, стеснительной, асоциальной… Такой, какой ты мне нравилась семь лет. Не усложняй все своей сексуальностью.

Но все на месте. Все, что я нахожу, только подтверждает, что это та самая Райен.

Моя Райен.

Чекин в «Галло’с», ее любимой пиццерии, музыка, которую она слушает, фильмы, которые она смотрит, – и все это добавлено с айфона последней модели. А это ее самый любимый на свете

гаджет.

Вот дерьмо.

Я гашу экран айпада Дейна и начинаю лавировать среди людей, пробираясь сквозь толпу. Холодный воздух потихоньку прогревается. Прохожу мимо еще пяти костров, от которых пахнет жареными маршмеллоу. Из динамиков, расставленных повсюду, доносится музыка, и я сжимаю зубы, пытаясь успокоить свое сердце.

Подхожу к бару, кладу айпад, разворачиваюсь и скрещиваю руки на груди. *Просто подожду здесь.* Если она пришла посмотреть на меня, она меня найдет. Если нет, тогда… Что? Я так просто возьму и отпущу ее?

– Привет.

Я поднимаю глаза, и сердце делает кульбит. Девушка с видео с фонтаном стоит передо мной, всего в паре метров.

А рядом с ней…

Мой взгляд прикован к Райен, хоть я и знаю, что со мной только что заговорила ее подруга. Плевать. Райен молча стоит рядом и неуверенно смотрит на меня, немного щурясь.

У нее длинные прямые волосы – не кудрявые, как на фото в «Фейсбуке», – и одета она в черную кофту на одно плечо и узкие джинсы, порванные почти в клочья. На бедрах видны полоски голой кожи.

Райен. Моя Райен. Я незаметно сжимаю руки в кулаки, все мышцы разом напрягаются.

Она ничего не говорит. Она знает, кто я такой?

Я слышу, как закашлялась ее подруга, моргаю, перевожу на нее взгляд и наконец отвечаю:

– Привет.

Девушка с фонтаном вздергивает на меня голову.

– Так вот, мне нужен поцелуй, – она ставит меня перед фактом.

Я дышу чаще, потому что понимаю: рядом Райен. Это не так-то просто.

– Прямо сейчас? – говорю я, замечая, что ее длинные темные волосы рассыпаны по шарфу, который она надела вместе с серой майкой. Да здесь же как в морозильной камере!

Она показывает на свою карточку.

– Да, это мое задание.

Она опускает глаза и рассматривает мою фигуру. Губы растягиваются в улыбке. То есть, как я понимаю, она хочет, чтобы я ее поцеловал?

Она делает шаг вперед, но, прежде чем успевает подойти вплотную, я выхватываю у нее из рук карточку и заглядываю туда.

– Забавно. Не вижу тут ничего подобного, – говорю я, возвращая ее хозяйке.

– Это для нее, – объясняет девушка, покосившись на подругу. – Она такая застенчивая.

– Я привередливая, – вставляет Райен, и я тут же снова переключаю внимание на нее. Ее легкомысленный ответ меня провоцирует.

Она демонстративно наклоняет голову и заглядывает мне прямо в глаза.

Что она хочет этим сказать? Что я недостоин? Ну-ну… – Я сдерживаю улыбку.

– Лайла! – кричит кто-то неподалеку. – О боже, иди скорей сюда!

Подруга Райен поворачивает голову к группе людей слева и начинает хохотать над тем, что они делают. Видимо, она и есть Лайла.

А потом снова поворачивается ко мне.

– Я скоро вернусь. – *Как будто мне есть до этого дело.* – Пожалуйста, просто поцелуй ее. Ей это очень нужно. – Она замечает, что Райен пристально смотрит на нее, и снова обращается ко мне, чтобы пояснить: – Чтобы выполнить квест, я имею в виду.

Хохоча, она уходит. Я почти уверен, что Райен последует за ней, но нет.

Теперь мы только вдвоем.

Меня бросает в холодный пот, я ощущаю на шее его прохладные капли. Я смотрю на Райен. Мы оба застыли в неловком молчании.

Почему она ничего не говорит? Она должна знать, кто я. Конечно, она не в курсе, что я недавно создал группу, потому что я хотел удивить ее настоящей олдскульной демозаписью на выпускной через несколько месяцев. Но в наши дни просто невозможно оставаться невидимым. Наши имена и фотографии есть на странице группы в «Фейсбуке» и напечатаны на флаерах, которые лежат у входа. Она пытается меня одурачить?

Она меняет позу, и я вижу, как медленно поднимается ее грудь. Она так тяжело дышит, будто ждет, что я что-то скажу. Но я молчу. Она вздыхает и опускает глаза на карточку.

– А еще мне нужна фотография того, как я ем что-нибудь с кем-нибудь, как в *«Леди и бродяге»*.

Мои руки по-прежнему сложены на груди. Я смотрю на нее, слегка прищурившись. Она что, собирается и дальше ломать комедию?

– Или, – продолжает она недовольным голосом, видимо,

потому что я не ответил, – мне нужно сделать фотографию фотографии фотографии. Что бы это ни значило.

Я молчу, озадаченный тем, что она ведет себя, как будто ничего особенного не происходит. *Семь лет переписки, и вот так ты решила провести нашу первую встречу, мой ангел?*

Она качает головой, давая понять, что это я здесь веду себя грубо.

– Ладно, забей.

Она отворачивается и собирается уйти.

– Подожди! – кричит ей кто-то.

Дейн догоняет Райен, останавливает ее, затем подходит ко мне, ругаясь себе под нос.

– Чувак, почему ты смотришь на нее с таким видом, будто она только что ударила твою бабулю? Черт тебя побери.

Он снова поворачивается к Райен и расплывается в улыбке.

– Привет. Как дела?

Я опускаю глаза, но всего на долю секунды. Она что, действительно представления не имеет, кто я?

Наверное, здесь может быть полно людей, которые о нас даже не слышали. Мы не такие уж большие звезды, а это мероприятие – единственное, что происходит интересного в радиусе восьмидесяти километров. Так почему бы ей не прийти только потому, что больше нечем заняться?

Может, она ни сном ни духом, что прямо сейчас перед ней стоит Миша Лейр, мальчик, которому она пишет письма с одиннадцати лет.

– Как тебя зовут? – спрашивает ее Дейн.

Она разворачивается и прожигает меня глазами, показывая, что теперь ее есть кому защитить. Спасибо мне.

– Райен, – отвечает она. – А тебя?

– Дейн. – Потом он поворачивается ко мне. – А это…

Я слегка тыкаю его в живот, не давая закончить.

Нет. Это произойдет не так.

Райен удивленно сводит брови. Наверно, думает, что я со странностями.

– Так ты живешь в Фэлконс Уэлл? – продолжает Дейн. Он понял мой намек и меняет тему.

– Да.

Он кивает, и теперь они оба стоят молча и смотрят друг на друга.

– Понятно, а еще… – Дейн хлопает в ладоши, – я слышал, тебе нужно что-то съесть на камеру в стиле *«Леди и бродяги»*?

Не дожидаясь ее ответа, он заглядывает за барную стойку и залезает в контейнер с украшениями для коктейлей.

Увидев, что он выудил оттуда дольку лимона, Райен морщится.

– Лимон?

– Слабо? – бросает вызов он.

Она качает головой.

– Окей, подожди минутку, – просит она, а я продолжаю смотреть на нее, не в силах оторвать взгляд и пытаясь осознать, что это та самая Райен.

Тонкие пальцы, что написали мне уже пятьсот восемьдесят два письма. Подбородок, всегда припудренный, чтобы скрыть маленький шрам, который она заработала, когда упала, катаясь на лыжах в восемь лет. Волосы, что она каждый раз собирает в хвост перед сном, потому что нет ничего отвратительнее, чем проснуться с собственными волосами во рту.

У меня было с полдюжины девушек, и каждую из них я знал в десять раз хуже, чем знаю эту.

А она понятия не имеет, что…

Дейн возвращается с деревянной палочкой, на конце которой красуется кусочек поджаренного на костре маршмеллоу.

Он толкает меня в бок.

– Помоги, пожалуйста.

Дейн поворачивается к ней и берет у нее телефон.

– Ты позируешь. А я сделаю фото.

За долю секунды от восторженного взгляда Райен не остается и следа. Она переводит глаза на меня и моментально мрачнеет, потому что ежу понятно, что у нее нет ни малейшего желания есть что-то в стиле *«Леди и бродяги»* со мной.

Но она не отступает и даже не пытается изобразить застенчивость. Подбежав к стойке, хватает барный стул и встает на подножку, чтобы стать чуть выше. Нет, она не маленького роста, но ощутимо ниже моих ста восьмидесяти трех сантиметров. Наклонившись ко мне, она приоткрывает рот и пристально смотрит мне в глаза. Мое сердце просто выпрыгивает из груди. Я собираю всю волю в кулак, чтобы не дать волю рукам и не дотронуться до нее.

Но она вдруг останавливается.

– Я пришла к тебе и сделала все что нужно, – замечает она. – Ты должен показать мне, что тоже этого хочешь.

И я ничего не могу с собой поделать. Уголки губ изгибаются в легкой улыбке.

Черт, а она сексуальна.

Я не ожидал.

И я прогибаюсь. Беру маршмеллоу и открываю рот. Смотрю ей в глаза, мы оба наклоняемся и откусываем по кусочку,

замирая, чтобы Дейн мог сделать фото. Она смотрит на меня, и я чувствую ее дыхание на губах в такт тому, как поднимается и опускается ее грудь.

У меня уже горит все тело, а когда она приближается, чтобы откусить еще кусочек, ее губы касаются моих, и я едва сдерживаю стон.

Я отстраняюсь, проглатывая сладость целиком, не разжевывая. *Черт.*

Она жует кусочек маршмеллоу, облизывает губы и слезает со стула.

– Спасибо.

Я киваю и чувствую на себе взгляд Дейна. Уверен, он понимает: что-то не так. Я кладу шпажку на барную стойку и встречаюсь с ним взглядом. Он загадочно улыбается.

Вот зараза.

Ну ладно. Мне понравился маршмеллоу, Дейн. Я бы с ней их еще дюжину съел. Может, сегодня не стоит спешить домой?

Телефон в кармане начинает вибрировать. Я достаю его, вижу на экране имя Энни и сбрасываю звонок. Скорее всего, хочет узнать, куда это я запропастился вместе с ее сладостями. Через минуту ей перезвоню.

– Итак, – говорит Дейн, – все эти фотографии, что ты постишь сейчас у себя на странице… У тебя нет парня, который придет за нами ночью за такое, да?

Я напрягаюсь. У Райен нет парня. Она бы мне рассказала.

– Есть, – отвечает она. – Но он знает, что я не стану сидеть на привязи.

Дейн смеется, а я просто стою и внимательно слушаю.

– Нет, у меня нет парня, – наконец всерьез отвечает Райен.

– В это трудно поверить…

– И я не стремлюсь его найти, – обрывает она Дейна. – У меня как-то был один… Вас нужно купать, кормить, выгуливать…

– И что случилось? – спрашивает Дейн.

Она пожимает плечами.

– Я занизила планку. По-видимому, чересчур занизила. С тех пор я стала гораздо разборчивее.

– И хоть кто-нибудь в состоянии пройти твой строгий отбор?

– Есть один. – Она переводит взгляд на меня, потом снова на Дейна. – Но я никогда с ним не встречалась.

Один. Только один парень ей подходит. Она имеет в виду меня?

Телефон снова вибрирует. Я засовываю руку в карман и выключаю звук.

Потом поднимаю глаза и вижу вспышки камер. Народ

фотографируется напротив стены с граффити справа.

Я подхожу и беру у нее телефон. Она удивлена. Подходя к ней со спины, я включаю камеру, переключаю на режим селфи и наклоняюсь, чтобы наши лица вошли в кадр. Но не только они: я делаю так, чтобы в кадр попал еще и парень у нас за спиной, фотографирующий двух девушек на фоне граффити.

– Фотография, – едва слышно говорю я ей на ухо, имея в виду селфи, – фотографии, – показываю на парня сзади на фото, – фотографии. – И я показываю на стену с граффити, напротив которой они стоят.

Она наконец-то расплывается в улыбке.

– Умно. Спасибо.

Я кликаю по фото, сохраняя этот момент в памяти навсегда.

Перед тем как попрощаться и уйти, я жадно вдыхаю ее запах, на долю секунды замерев на месте и улыбнувшись сам себе.

В один прекрасный день, мой ангел, когда мы встретимся снова и детали пазла сложатся у тебя в голове, ты меня возненавидишь.

Райен забирает телефон и медленно удаляется, оглянувшись на меня через плечо, перед тем как раствориться в толпе.

А я уже хочу, чтобы она вернулась.

Я залезаю в карман, достаю телефон и набираю номер сестры. Интересно, она сильно разозлится, если я скажу ей самой идти за снеками? Потому что, честно говоря, я совсем не уверен, что готов уйти.

Но Энни не берет трубку.

Глава Вторая
Райен

Три месяца спустя…

Дорогой Миша!

Что. За. Черт?

Да, ты все правильно понял. Я именно это и сказала. Могла бы еще сказать, что больше не буду писать тебе, но сама знаю, что это неправда. Я не махну на тебя рукой. Не собираюсь сдаваться. Ты заставил меня пообещать тебе это, и я сдержу обещание. Такая вся из себя надежная, несмотря на то что от тебя уже три месяца ни слуху ни духу. Надеюсь, тебе весело, где бы ты ни был, придурок.

(Но серьезно, не надо оказываться мертвым, ладно?)

Я оставила пометки на текстах песен, которые отправляла вместе с предыдущими письмами. Теперь я жалею, что не сделала копии, потому что иногда появляется ощущение, что я потеряла тебя навсегда… Тогда какой в этом смысл? Эти слова предназначены для тебя, только для тебя одного, и даже если ты больше не читаешь письма или даже не получаешь их, я чувствую потребность их отправлять. Мне нравится думать, что они рано или поздно найдут своего адресата.

Последние новости: я поступила в колледж. Ну, на самом деле в несколько. Это забавно. Я так давно мечтала, чтобы все в моей жизни круто изменилось, а теперь, когда я стою на пороге больших перемен, желание убежать от своей обычной жизни, наоборот, сходит на нет. Думаю, именно поэтому люди так долго продолжают страдать и ничего не пытаются с этим сделать, понимаешь? Несчастен ты или нет, проще не выходить из зоны комфорта.

Ты когда-нибудь замечал такое? Как все мы вечно выбираем путь наименьшего сопротивления, хоть и знаем прекрасно: кто не рискует, тот не пьет шампанского? Нам все равно так страшно рисковать!

Если честно, лично я боюсь. Не думаю, что, когда буду в колледже, что-то кардинально поменяется. Я все еще не знаю, чем хочу заниматься в этой жизни. И не стану более уверенной в себе и своих решениях. Я по-прежнему

буду дружить не с теми людьми и встречаться с парнями, от которых одни беды.

Так что я была бы очень рада, если бы ты ответил. Скажи мне, что ты слишком занят, чтобы отвечать на мои письма, или что мы уже не маленькие, чтобы быть друзьями по переписке… Но только скажи мне в последний раз, что ты в меня веришь и все будет хорошо. Из твоих уст такое дерьмо всегда звучит правдоподобнее.

Ни капельки по тебе не скучающая

Райен.

P. S. Если только узнаю, что ты забил на меня из-за машины, девушки или последней серии GTA[4]*, я зарегистрируюсь на форумах «Ходячих мертвецов» под твоим именем и буду вести себя как тролль.*

Закрыв серебристую ручку, я кладу два листа черной бумаги на подставку для ноутбука и складываю их пополам. Убрав их в такой же черный конверт, беру палочку сургуча и подношу к свечке, стоящей на тумбочке, чтобы сургуч растаял.

Три месяца.

Я хмурюсь. Он никогда еще не молчал так долго. Мише часто нужно побыть одному, и я привыкла, что он может подолгу не отвечать на письма, но в этот раз у него явно что-то случилось.

Сургуч начинает плавиться, я заношу палочку над конвертом и жду, пока он капнет. Задув свечку, беру печать и прижимаю к расплавленному сургучу. Когда я ее отрываю, с обратной стороны на меня смотрит причудливый черный череп.

Мишин подарок. Ему надоела печать Гриффиндора из «Гарри Поттера», которой я пользовалась с одиннадцати лет. Его сестра, Энни, все время смеялась над ним и говорила, что ему приходят письма из Хогвартса.

Так что он прислал мне более «мужественную» печать и велел пользоваться ею и только ею.

Я тогда просто посмеялась. *Что ж, ладно.*

Наша переписка началась с ошибки. Учителя в пятом классе объединяли учеников в пары: мальчиков с мальчиками, девочек с девочками – чтобы нам было комфортнее. Его зовут Мишель: непонятно, мужское это имя или женское. Меня – Райен, тоже непонятно. Так что его учительница решила, что я – мальчик, а моя подумала, что Миша – девочка.

Сначала мы не очень ладили, но вскоре обнаружилось, что у нас много общего. У обоих рано разошлись родители. Его мама бросила семью, когда ему было два года, а я ничего не слышала об отце с тех пор, как мне исполнилось четыре. Мы оба их почти

не помним.

А теперь, когда прошло семь лет и мы уже оканчиваем старшую школу, он стал моим лучшим другом.

Слезая с кровати, я ставлю на письмо сургучовую печать и кладу его на стол, чтобы утром отправить. Вернувшись в кровать, складываю канцелярские принадлежности обратно на прикроватную тумбочку.

Выпрямившись, ставлю руки на пояс и нервно вдыхаю воздух.

Миша, куда же ты запропастился? Я тут, между прочим, иду ко дну.

Наверное, я могу загуглить его, если буду слишком сильно переживать, или найти на «Фейсбуке», или приехать к нему домой.

В конце концов, он живет всего в пятидесяти километрах отсюда, и у меня есть его адрес.

Но мы пообещали друг другу этого не делать. Точнее, я заставила его пообещать. Если мы увидим друг друга, увидим дома`, где живем, людей, о которых писали друг другу, весь построенный нами волшебный мир рухнет.

А сейчас Миша Лейр со всеми своими недостатками для меня идеален. Он всегда выслушивает, подталкивает к важных шагам, помогает справиться с проблемами и ничего не ждет взамен. Он честен со мной, и мне ничего не нужно от него скрывать.

У многих ли в этом мире есть такой друг?

И как бы сильно мне ни были нужны ответы на вопросы, я не могу так просто сдаться. Мы переписываемся вот уже семь лет. Эта переписка стала частью меня, и я не уверена, что смогу жить без нее. А если я его найду, все безвозвратно изменится.

Нет. Подожду еще немного.

Я смотрю на часы и понимаю, что время пришло. Друзья будут здесь через несколько минут.

Беру из специального углубления в столе кусочек мела, подхожу к стене рядом со входом в спальню и начинаю обводить фотографии, которые я к ней приколола. Их там четыре штуки.

Вот я прошлой осенью в чирлидерской форме в окружении девочек, которые выглядят точно так же, как и я. А вот я прошлым летом в своем джипе с кучей друзей на заднем сиденье. Я в восьмом классе на школьной дискотеке в стиле восьмидесятых, улыбаюсь и позирую вместе со всем остальным классом.

На каждой из трех фотографий я на переднем плане. Лидер. Выгляжу счастливой.

И еще одно фото, в четвертом классе. Здесь я на несколько лет младше. Сижу одна на скамейке на детской площадке и

давлю из себя улыбку ради мамы, которая привела меня в школу на вечер кино. Помню, все остальные дети носились вокруг, но каждый раз, когда я прибегала к ним, чтобы вместе поиграть, они вели себя так, будто меня не существует. Всегда убегали без меня, никогда не ждали. Не хотели брать меня в свои игры, даже разговаривать.

Слезы наворачиваются на глаза. Я протягиваю руку и касаюсь своего лица на фото. Воспоминания так свежи в моей памяти, словно это произошло вчера. Я очень хорошо помню свои чувства. Будто я незваный гость на этом празднике жизни.

Боже, как сильно я с тех пор изменилась.

– Райен! – кто-то зовет меня из коридора.

Я шмыгаю и успеваю смахнуть слезу за секунду до того, как моя сестра распахивает дверь и врывается ко мне в комнату без стука. Закашлявшись, я притворяюсь, что рисую на стене.

– Пора спать, – говорит она.

– Мне восемнадцать, – замечаю я, предполагая, что это все объясняет.

Я не смотрю на нее, а продолжаю красить нарисованный еще вчера кусочек рамки. Нет, серьезно, что ли? Время десять вечера, а она всего на год старше меня. И я гораздо ответственнее, чем она.

Я чувствую запах ее духов и вижу краем глаза, что ее светлые волосы распущены. *Прекрасно.* Скорее всего, это значит, что к ней скоро приедет какой-то парень. Он как раз отвлечет ее, пока я незаметно выскользну из дома.

– Мама писала, – говорит она мне. – Ты доделала математику?

– Да.

– А обществознание?

– Я сделала всю домашнюю работу на завтра, – говорю я. – А докладом займусь в выходные.

– Английский?

– Опубликовала рецензию на *«О дивный новый мир»* на Goodreads[5] и отправила маме ссылку.

– И какую книгу ты выбрала следующей? – спрашивает сестра.

Я недовольно смотрю в стену. Белая меловая крошка сыплется на пол.

– *«451 градус по Фаренгейту»*.

Она усмехается.

– *«Джунгли», «О дивный новый мир», «451 градус по Фаренгейту»*… – продолжает она перечислять произведения не из школьной программы, которые мама мне разрешает читать. –

Боже, какие скучные книги ты выбираешь.

– Мама посоветовала читать современную классику, – парирую я. – Синклер, Хаксли, Оруэлл…

– Думаю, она имела в виду что-то вроде *«Великого Гэтсби»*.

Я закрываю глаза, запрокидываю голову и издевательски изображаю храп, давая понять, что думаю о ее замечании.

Она закатывает глаза.

– Ты ведешь себя по-детски.

– В чужой монастырь со своим уставом…

Сестра в прошлом году окончила школу, а теперь ходит в местный колледж и по-прежнему живет дома, что очень удобно нашей маме, которая работает координатором мероприятий. Ее часто не бывает в городе: то она на фестивалях, то на концертах, то на выставках. Она не хочет оставлять меня одну.

Но, честно говоря, почему она оставляет Карсон за старшую, ума не приложу. Я гораздо лучше учусь и со мной куда меньше проблем, по крайней мере, насколько им обеим известно.

Плюс сестре только и нужно, чтобы я лежала в кровати и не путалась под ногами. Тогда она сможет спокойно провести время с парнем, который уже в пути сюда и будет с минуты на минуту.

Как будто я все маме расскажу.

Словно мне есть до этого дело.

– Просто я хочу сказать, – говорит она, уперев руку в бок, – что эти книги только мозги тебе засоряют.

– Ну что ты мне рассказываешь? – подыгрываю я. – Все эти глобальные концепты едва ли уместятся в моем крошечном мозгу. Этого вполне достаточно, чтобы заставить меня почувствовать себя тупой как пробка. – А потом я ее заверяю: – Но ты не переживай. Я обязательно скажу тебе, если мне понадобится помощь. А теперь дай мне поспать мои законные девять часов, пожалуйста. Тренер собирается прогнать с нами утром всю программу.

Она недовольно ворчит и бросает взгляд на мою стену.

– Поверить не могу, что мама разрешила тебе сотворить со своей комнатой такое.

А потом наконец разворачивается, уходит и закрывает за собой дверь.

Я смотрю на стену. С год назад я повесила на нее черную доску, на которой можно писать, рисовать и просто калякать. На ней размашистым почерком написаны тексты Мишиных песен вперемежку с моими собственными мыслями и какими-то каракулями.

Еще к ней приколоты фотографии, плакаты и написано много всего, что имеет для меня какое-то особое значение. Вся моя

комната особенная. Это место, куда я никого не привожу, особенно своих друзей. Они только посмеются над моими, что уж греха таить, убогими художествами, которые я все равно люблю, и словами, моими и Мишиными.

Я уже очень давно поняла, что не нужно раскрывать свой внутренний мир окружающим. Они любят судить, а когда меня не судят, я чувствую себя счастливее. Есть вещи, которые лучше держать при себе.

Телефон на кровати начинает вибрировать, и я тянусь за ним.

– Мы снаружи, – гласит сообщение.

Тыкая средним пальцем в экран, я набираю ответ:

– Буду через минуту.

Наконец-то. Мне просто необходимо поскорее отсюда выбраться.

Отбросив телефон, я снимаю майку и стягиваю пижамные штаны. Все это летит на пол. Подбегаю к креслу и хватаю джинсовые шорты.

Натянув их, надеваю через голову белую футболку, а на нее – серую толстовку.

Телефон снова вибрирует, но я никак не реагирую.

Иду я, иду.

Засунув в карман немного налички и мобильный, хватаю шлепки, открываю окно и выбрасываю их вниз, на землю, через козырек крыльца.

Затем собираю волосы, завязываю их в хвост и вылезаю в окно. Аккуратно закрываю его, оставляя комнату темной и тихой, будто я там мирно сплю. Неслышно ступая по крыше, подхожу к черной лестнице с боковой стороны дома, спускаюсь на землю, подбираю обувь и выбегаю по лужайке на дорогу, где меня уже ждет машина.

Я открываю дверь.

– Привет, – здоровается Лайла с водительского места, пока я залезаю внутрь. Я оборачиваюсь, замечаю на заднем сиденье Тена и киваю ему.

Захлопнув дверь, нагибаюсь и надеваю шлепки. Я вся дрожу.

– Черт, поверить не могу, что до сих пор так холодно. Завтрашняя утренняя тренировка будет сущим адом.

На дворе апрель, так что днем воздух прогревается, но рано утром и вечерами температура падает градусов до пятнадцати. Стоило надеть штаны.

– Шлепки? – озадаченно спрашивает Лайла.

– Да, мы же едем на пляж.

– Не-а, – нараспев отвечает Тен с заднего сиденья. – Мы едем

в Бухту. Трей что, тебе не написал?

Я смотрю на него через плечо. *В Бухту?*

– Я думала, что они поселили там охранника, чтобы он никого не пускал.

Он пожимает плечами и озорно смотрит на меня.

О-о-окей.

– Ну, если нас поймают, вы двое будете первыми, кого мы отдадим ему на растерзание.

– Только если мы тебя ему первым не подсунем, – мурлычет Лайла, не отрывая взгляда от дороги.

Тен смеется у меня за спиной, а я качаю головой. Как-то не очень весело. Неприятная сторона лидерства – это то, что всегда есть кто-то, кто метит на твое место. Я-то в шутку это сказала. А вот она, похоже, не шутила.

Лайла и Тен, также известный как Теодор Эдвард Нильсон, – мои, во всех смыслах этого слова, друзья. Мы знаем друг друга на протяжении всей средней и старшей школы, мы с Лайлой обе в команде чирлидеров, и за ними я как за каменной стеной.

Да, иногда они ведут себя неприятно, издают слишком много шума, и мне с ними не всегда комфортно, но я действительно в них нуждаюсь. В старших классах последнее, чего ты хочешь, – это остаться одной. А если у тебя есть друзья – какими бы они ни были, – то появляются кое-какие возможности.

Старшая школа в этом плане похожа на тюрьму. В ней не выжить в одиночку.

– В ногах у заднего сиденья есть кеды, – говорит Лайла Тену. – Будь так добр, передай их ей.

Он наклоняется, продирается через, видимо, гору всякого хлама на полу БМВ девяносто какого-то года, который мама Лайлы отдала ей.

Тен перекидывает один башмак через сиденье, а потом протягивает мне второй, когда находит.

– Спасибо.

Я беру кеды, снимаю шлепки и начинаю переобуваться.

Закрытая обувь придется очень кстати. В Бухте будет грязно и мокро.

– Жаль, что я не знала заранее, куда мы едем, – озвучиваю я свои мысли. – Взяла бы камеру.

– Кому нужны эти фотографии? – отвечает Лайла. – Лучше найди какую-нибудь темную, незаметную кабинку «Вальса», когда приедем, и позволь Трею показать, что значит быть мужчиной.

Я откидываюсь на спинку сиденья с понимающей улыбкой на лице.

– Думаю, куча девчонок уже сделала это до меня.

Трей Берроуз – не мой парень, но ему определенно кое-что от меня нужно. Я уже несколько месяцев держу его на расстоянии вытянутой руки.

У Трея есть, пожалуй, все, что нужно таким старшеклассникам, как мы. Друзья, популярность, весь мир у ног… Но, в отличие от меня, ему это нравится. И это многое о нем говорит.

Он высокомерный болтун с кашей вместо мозгов. А эго у него такое, что сравниться с ним по размеру может разве что его не по-мужски огромная грудь. Ой, простите. Это, кажется, называется *мышцами*.

Я на секунду закрываю глаза и выдыхаю. *Миша, куда же ты запропастился?* Он единственный, с кем я могу выговориться.

– Ну, – медленно начинает Лайла, глядя в окно, – он так и не заполучил тебя, но хочет этого. Правда, он не будет бегать за тобой долго, Райен. Еще немного – и он переключится на кого-нибудь другого.

Это что, предупреждение? Я косо смотрю на нее и чувствую, как сердце начинает биться быстрее.

Что ты собираешься делать, Лайла? Проскользнуть и забрать его прямо из моих рук, если я ему не дам? Радоваться, что я его упустила, когда ему надоест ждать и он захочет затащить в постель кого-нибудь еще? Или, может, он уже с кем-то трахается? Может быть, с тобой?

Я скрещиваю руки на груди.

– Не переживай за меня, – говорю я, включаясь в игру. – Когда я буду готова, он прибежит ко мне как миленький. И неважно, с кем он будет убивать время до того.

Тен на заднем сиденье беззвучно хохочет. Он всегда на моей стороне и даже не догадывается, что я имею в виду Лайлу.

Не то чтобы меня волновало, прибежит ко мне Трей или нет. Но она пытается меня поддеть и сама все прекрасно понимает.

У нас с Лайлой у обеих довольно скверный характер, но это выражается по-разному. Она падка на мужское внимание и почти всегда дает парням то, что им от нее надо, путая при этом минутное увлечение с настоящими чувствами. Конечно, она встречается с Джей Ди, другом Трея, но я ни капли не удивлюсь, если узнаю, что она легла и под Трея тоже.

Завоевав парня, она чувствует себя круче всех нас. У них есть девушки, но они *хотят* ее. Она от этого чувствует себя сильнее.

Но так будет только до тех пор, пока она не поймет, что они хотят всех подряд, а она так и не сдвинулась с мертвой точки.

А что же не так со мной? Я слабая. Я просыпаюсь утром с единственным желанием: прожить этот день, по возможности не

напрягаясь. И неважно, по чьим головам придется пройти ради этого. Этому я научилась немногим позже, чем была сделана та фотография, где я одиноко сижу на скамейке на вечере кино.

Я больше не одинока, но стала ли я счастливее? Вердикт до сих пор не вынесен.

Плоды пожинаешь и так и не знаешь, что сеял лишь то, от чего сам страдаешь.

Я улыбаюсь Мишиному тексту. Он мне как-то его прислал, чтобы послушать, что я скажу. В его песнях глубокий смысл. Или я сама его попросила прислать?

– Терпеть не могу эту дорогу, – говорит Тен. По голосу слышно, что ему не по себе, и я моргаю, возвращаясь из мыслей в реальность.

Поворачиваю голову и смотрю в окно, чтобы понять, о чем идет речь.

Фары Лайлиной машины выхватывают из ночной тьмы кусок дороги. Легкий ветерок треплет листву на деревьях, и это единственный признак жизни на темной трассе, по которой мы едем как в туннеле. Пусто, тихо и такая темнота, что хоть глаз выколи.

Мы на Олд-Пуэнт-роуд, дороге, соединяющей Тандер-Бей и Фэлконс Уэлл.

Я поворачиваю голову и через плечо смотрю назад, обращаясь к Тену:

– Люди умирают везде.

– Но не в таком юном возрасте, – он нервно ерзает на сиденье. – Бедная девочка.

Несколько месяцев назад бегунью по имени Анастейша Грейсон, на год младше нас, нашли мертвой на обочине этой самой дороги. У нее случился сердечный приступ, хотя я точно не знаю, что именно его спровоцировало. Как уже сказал Тен, когда кто-то умирает в таком юном возрасте, это по меньшей мере необычно.

Я писала об этом Мише, хотела узнать, не знаком ли он с ней, потому что она из его города, но это было в одном из множества писем, на которые он так и не ответил.

Сворачивая направо, на Баджер-роуд, Лайла залезает рукой в бардачок и достает тюбик блеска для губ. Я опускаю стекло и вдыхаю свежий, прохладный морской воздух.

Атлантический океан пока за холмами, но в воздухе уже пахнет солью. Я живу в нескольких километрах от побережья и почти не ощущаю близости океана, но когда приезжаю на пляж или в Бухту – старый парк развлечений *неподалеку* от пляжа, в который мы и направляемся, – для меня словно открывается

совершенно новый мир. Меня обдает соленым ветром, и я уже почти чувствую песок под ногами.

Жаль, что мы едем не на пляж.

– Джей Ди уже здесь, – замечает Лайла, сворачивая на старую, почти заброшенную парковку. В свете ее фар виден темно-синий «джи эм си денали»: стоит как попало на неразмеченном островке асфальта. Наверное, разметка, регулирующая, где именно парковаться, стерлась много лет назад.

Сорняки до пояса высотой растут тут и там прямо из асфальта, склоняются на ветру, и только лунный свет дает возможность разглядеть, что находится за разбитыми кассами и входом в парк. В отдалении от нас в темноте возвышаются молчаливые башни и другие постройки. Я замечаю несколько массивных конструкций. Вот эта круглая махина – скорее всего, колесо обозрения.

Я немного поворачиваю голову и вижу, что вокруг разбросано много похожих конструкций, включая каркас старых американских горок, угрожающе нависающий над нами.

Лайла глушит двигатель, берет телефон с ключами, и мы все выходим из машины. Не заходя за ворота и полуразрушенные билетные кассы, я пытаюсь разглядеть, что лежит за ними в огромном парке развлечений. Но моему зрению доступны лишь темные двери, дюжины углов и бесконечные тротуары. Ветер, гуляющий по разбитым окнам, как будто шепчет что-то.

Здесь достаточно укромных уголков и мест, где можно спрятаться.

Вдруг, неожиданно для самой себя, согревшись, я закатываю рукава толстовки. Почему, черт возьми, мы приехали сюда?

Посмотрев направо, обнаруживаю, что в тени деревьев на краю парковки стоит черный «форд раптор» с тонированными стеклами. Внутри кто-то есть?

По спине бегут мурашки, и я нервно потираю руки.

Может, кто-то из друзей Трея и Джей Ди сегодня приехал на своей машине?

– Ух-ух-ух! – пытается кто-то изобразить сову. Я отрываю глаза от «раптора», и мы все смотрим в ту сторону, откуда доносится голос.

– О боже! – разражается хохотом Лайла. – Вы, ребята, сумасшедшие!

Я качаю головой, а Тен и Лайла, крича и улюлюкая, бегут к колесу обозрения прямо за воротами. На старых желтых балках метрах в пятнадцати над нами, между кабинками старого колеса, сидят парень Лайлы Джей Ди и его приятель Брайс.

– Вперед, – говорит Лайла, перелезая через ограждение колеса. – Пойдем посмотрим.

– Посмотрим на что? – спрашиваю я. – На карусели, которые не крутятся?

Она бежит дальше, игнорируя мой вопрос. Тен смеется.

– Пошли.

Он берет меня за руку и тянет за собой.

Я иду за ним. Мы направляемся все глубже и глубже в парк, бредем по широким дорожкам, где когда-то ходили толпы людей. Глазею направо и налево, в равной степени очарованная и напуганная.

Двери, потерявшие половину петель, скрипят на ветру, лунный свет играет на осколках стекла, рассыпанных под разбитыми окнами. Ветер гуляет по детскому паровозику, завывая то в кабине-слоне, то в воздушном шаре. Вокруг глухо и темно. Мы проходим мимо карусели, и я вижу на платформе лужи и грязь, сколы краски на лошадях.

Я помню, как каталась на ней, когда была маленькая. Это одно из немногих воспоминаний о папе до того, как он исчез из моей жизни.

Мы идем все дальше в парк. Крики и вопли наших друзей понемногу затихают. Я сбавляю темп: знаю, сколько еще осталось.

Раньше это место было наполнено смехом и радостными криками, а теперь заброшено и медленно разрушается, никому ненужное. И вся радость, которую оно приносило когда-то, тоже забыта.

А ведь с тех пор, как «Бухта приключений» закрыла двери для посетителей, прошло всего-то несколько лет.

Но всеми забытая, заброшенная и отверженная, она все еще здесь. Я делаю глубокий вдох, втягивая запах дерева, влаги и соли. *Всеми забытая, я все еще здесь, я все еще здесь и всегда буду здесь.*

Усмехаюсь про себя. *Вот и текст песни для тебя, Миша.*

Я плетусь следом за Теном и вспоминаю все свои размышления, которые озвучивала другу по переписке, а он превращал их в песни. Если у него выгорит создать группу и подняться, потребую с него гонорар.

– Как-то грустно, – говорит Тен, проходя мимо игровых шатров и проводя рукой по деревянным прилавкам. – Помню, как приходил сюда. До сих пор осталось чувство, что это все живое.

Ночной ветер гоняет листья по пустынным дорожкам между кассами и палатками с едой, оживляя хоровод воспоминаний в голове. Потоки ветра обтекают ноги, пробираются сквозь толстовку, прилипают к телу как вторая кожа, и по шее бегут

мурашки.

Я вдруг начинаю чувствовать, что окружена.

Как будто я в самом центре воронки набирающего силу смерча.

Словно за мной наблюдают.

Я скрещиваю руки на груди и стараюсь поскорее догнать Тена.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, стараясь скрыть, что вся трясусь от страха.

Он тянет дверцу одного из деревянных игровых стендов, она слегка поддается, но полностью все равно не открывается. Ее что-то подпирает.

– Достаю тебе плюшевого медведя, – отвечает он с таким видом, будто я не понимаю очевидного.

– Ты серьезно думаешь, что после стольких лет запустения там внутри еще остались призы?

– Ну, здесь заперто, разве не так?

Хихикнув, я продолжаю смотреть, как он хватается обеими руками за край дверцы и тянет ее на себя.

– Джей Ди, перестань! – раздается вдалеке голос Лайлы, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть темные силуэты, взбирающиеся на колесо обозрения.

– Ага! – смеется кто-то.

Тен перестает дергать и пытается понять, что держит дверь, как будто это препятствие можно просто так взять и убрать. А я обращаю внимание на потрепанную и изорванную красно-белую клеенку, закрывающую нижнюю часть прохода.

Слегка пинаю ее ногой, вижу, что она поддается, и указываю на это Тену.

Он останавливается, напрочь забыв о поисках затвора, и задумчиво смотрит на клеенку.

– Так я и знал.

– А теперь иди туда и принеси мне плюшевого мишку, – требую я с улыбкой на лице.

Опустившись на четвереньки, он проползает под клеенкой, что-то бормоча себе под нос.

– Да, ваше высочество.

– Можешь посветить себе телефоном! – громко подсказываю я, когда он исчезает внутри.

– Угу.

Его приглушенный голос изнутри звучит забавно. Из всех, кого в школе я могу худо-бедно назвать друзьями, Тен, пожалуй, ближе всех к настоящему другу. Не такой близкий, как Миша, но все равно. Рядом с ним мне не нужно кого-то из себя строить.

Единственное, что удерживает меня от того, чтобы окончательно сблизиться с ним и привязаться, – это его дружба с Лайлой.

Если вдруг в моем маленьком, хрупком круге общения произойдут изменения, останется ли он со мной?

Честно говоря, не знаю.

– Тут нет плюшевых мишек! – кричит Тен. – Зато здесь куча всего надувного, типа пляжных мячей!

– Оно все еще надуто? – в шутку спрашиваю я.

Ответа не последовало.

Я наклоняюсь к дверце и напрягаю слух.

– Тен!

В ответ тишина.

Мурашки бегут по коже, я вся вытягиваюсь и снова зову его, на этот раз ощутимо громче.

– Тен, с тобой все нормально?

Но тут вдруг кто-то обхватывает меня за грудь, и я подпрыгиваю, жадно вдыхая воздух. В это время прямо мне в ухо кто-то говорит низким голосом:

– Добро пожаловать на карнавал, малышка.

Пульс отдается в ушах, я дергаюсь в попытках освободиться и вдруг понимаю, что это Трей, приставивший фонарь к подбородку. Подсвечивая лицо снизу, фонарь делает его дьявольскую улыбку еще страшнее.

Вот придурок.

Он улыбается от уха до уха, русые волосы и карие глаза сияют. Опустив фонарик, он бросается ко мне, и я не успеваю даже вздохнуть, как он обхватывает меня, поднимает в воздух и закидывает на плечо.

– Трей! – кричу я. Его плечо больно упирается в живот. – Прекрати!

Он смеется, шлепая меня по попе, и я чувствую, как он проводит рукой вниз по бедру.

– Сейчас же перестань, тупица! – кричу я и колочу его по спине.

Продолжая хихикать, он опускает меня на землю и ставит на ноги, но так и не убирает руку, обвитую вокруг груди.

– М-м-м, иди ко мне, – и он прижимает меня к стене игрового стенда. – Пытаешься дразнить меня, да? – Он водит обратной стороной ладони по моим голым ногам. – В школу, где я не могу к тебе притронуться, ты надеваешь чирлидерскую мини-юбочку, а сейчас, когда у меня есть такая возможность, ты в шортах.

– И что? – я невольно начинаю кокетничать. – В юбке мои ноги выглядят как-то по-другому?

– Нет, они и так, и так смотрятся великолепно.

Он наклоняется ниже. Я чувствую его дыхание. От него несет пивом. Я вздрагиваю.

– Просто засунуть руку под шорты куда проблемнее.

Он пытается подтвердить слова делом.

Я бью его по руке.

– Видишь ли, дело в том, что… – начинаю я. – *Мальчик* умеет только жаловаться. А настоящий мужчина не дает ничему встать у него на пути. Будь то шорты или не шорты.

Он проходится взглядом по моему телу и снова поднимает глаза.

– Я хочу тебя.

– Да, я знаю, чего ты хочешь.

Трей уже давно пытается со мной флиртовать, и я точно знаю, что ему нужно. И дело не ограничится ужином или походом в кино. Дай ему палец – он всю руку откусит. Может, мне и не нужно кольцо на пальце, чтобы развлекаться с кем-то в постели, но я не хочу стать очередной строчкой в списке его достижений.

Так что я ему не поддамся, но и отвергать не буду. Мне известно, что случилось с последней девушкой, которая его отшила.

– Ты ведь тоже этого хочешь, – говорит он, нависая надо мной своими огромными плечами и прижимая широкой грудью к стене. – Да, детка, я гадкий, но я всегда получаю то, что хочу. Это только вопрос времени.

Достаточно беглого взгляда на его огромное эго, чтобы увидеть парня, который нахваливает себя либо из страха, что другие не станут этого делать, либо потому, что ему постоянно надо напоминать себе, какой он классный. Самомнение Трея Берроуза похоже на кирпичный дом, балансирующий на кончике зубочистки.

Что-то касается моей икры. Я опускаю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тен выползает из игрового павильона. Я отхожу с дороги, отталкиваю Трея и замечаю, что Тен держит что-то в руках.

– У меня есть меч, – говорит он, тряхнув перед нами надувной игрушкой.

Трей ухмыляется.

– Да, у меня тоже.

От его грубой шутки становится противно.

Он оборачивается и внезапно замолкает. Теперь все его внимание приковано к колесу обозрения.

Его так легко отвлечь. Ему так легко наскучить.

– Вот что я тебе скажу, – говорю я, обращаясь к Трею, обходя

его и взяв Тена за руку. – Я позволю тебе подбросить Тена до дома.

Трей оборачивается через плечо и смотрит на меня с таким видом, будто я с дуба рухнула.

– А потом ты сможешь подвезти до дома меня, – заканчиваю я и наблюдаю, как его бровь с интересом ползет вверх.

Мы оканчиваем школу через шесть недель. А его интерес я могу подогревать куда дольше. Я не хочу с ним встречаться, но у меня нет желания проснуться завтра героиней мерзких слухов, в которых нет ни слова правды: они заполонят «Фейсбук» за считаные часы.

Трей Берроуз может быть милым, но и быть сволочью он тоже отлично умеет.

Уголков его губ касается улыбка, и он снова отворачивается.

– Все, что тебе нужно сделать, – это поймать меня. – Я хватаю за руку Тена. – Считай до двадцати.

– Может, лучше до пяти? – угорает Тен, отходя подальше вместе со мной. – А то он не умеет считать до двадцати.

Я чуть живот не надрываю со смеху, но всеми силами стараюсь этого не показывать.

Трей ухмыляется, глядя на меня как хищник на добычу, которую еще не поймал, но ничто его не остановит на пути к этому. А потом открывает рот и медленно делает шаг в нашу сторону.

– Раз…

Мы с Теном разворачиваемся и бросаемся в дальнюю часть парка.

Смеясь, мы несемся по дорожкам, покрытым толстым слоем мокрых листьев и упавших ветвей, и лавируем между разрушенными павильонами. Пробегаем мимо «Орбиты», «Ниагары» и «Торнадо», где, насколько я помню, играла *Def Leppard*, когда аттракцион работал.

«Зиппер» все еще на месте, темный и проржавевший. Мы пробегаем его насквозь, цепляя руками холодные ржавые цепи старых качелей. Они гремят, скорее всего, выдавая наше местоположение, но я продолжаю бежать за Теном.

– Сюда! – кричит он.

Я вдыхаю полные легкие воздуха и следую за ним. Он ныряет в невысокую постройку – похоже, техническое помещение для сотрудников. Вступая в темноту, я закрываю за собой дверь и вздрагиваю: в нос ударяет затхлый воздух.

Тен достает телефон и освещает фонариком пространство перед собой. Я делаю то же самое. Пол завален мусором и какими-то обломками. Где-то капает вода.

Но у нас нет времени останавливаться и разглядывать обстановку. Тен направляется к чему-то, подозрительно похожему на люк, огибает перила и делает шаг вниз.

Как странно. Лестница ведет под землю, в подвал.

– Прямо туда? – выдыхаю я, застыв у зеленых стальных перил и видя только кромешную тьму внизу. В душу закрадывается страх. По спине бегут мурашки.

– Пошли. – Тен начинает спускаться ниже. – Это всего-навсего технический туннель. Они есть во многих парках аттракционов.

Я на секунду замираю. Внизу может таиться все что угодно. Животные, бездомные… может, даже трупы.

– Здесь, внизу, находятся системы управления и контроля над аттракционами и всем остальным. – Тен продолжает спускаться, подсвечивая телефоном путь. – А еще через такие подземные ходы сотрудники могли быстро добираться из одной части парка в другую. Пойдем!

Откуда, черт возьми, он все это знает? Я представления не имела, что под парками развлечений есть подземелья.

Но я спиной чувствую угрозу: нас преследует Трей – так что я выдыхаю воздух, обхожу перила и спускаюсь вниз за Теном.

– Здесь, внизу, горит свет, – говорит он, достигнув дна колодца. Я вылезаю вслед за ним и выглядываю из-за его плеча, чтобы посмотреть, что перед нами.

Внутри все холодеет. Перед нами длинный подземный ход, со всех сторон отделанный бетоном. Квадратный туннель метра полтора в высоту и ширину. В нем повсюду лужи, видимо, еще не высохшие после дождя или возникшие из-за прорыва трубы, либо соленая вода натекла через трещины в стенах. Лужи мерцают в электрическом свете ламп.

В конце туннеля виднеется только черная пустота. Меня бросает в холод, я ежусь.

– Электричество, наверно, идет от городской сети, – говорю я. – Может, свет тут горит всегда.

Конечно, на самом деле я понятия об этом не имею. И зачем им держать тут свет включенным постоянно? Но когда я вру себе, мне становится немного легче.

Я слышу, как у нас за спиной хлопает дверь, подпрыгиваю от неожиданности, бросаю взгляд вверх, на начало лестницы, и через мгновение уже толкаю Тена в спину, давая понять, что пора бежать.

– Черт, – шепчу я. – Бежим, бежим, бежим!

Мы бросаемся в туннель. Сердце в груди колотится как бешеное. Мы пробегаем какие-то двери и ответвления других туннелей в стенах главного. Я все еще здраво оцениваю ситуацию,

хотя, несмотря на страх, на губах появляется улыбка восхищения.

Я не могу избавиться от мысли, что, если бы нас преследовал Миша, он бы за мной не побежал. Но и пари не проиграл бы. Он бы нашел способ перехитрить меня.

Я слышу, как кто-то шаркает у нас за спиной, оглядываюсь через плечо и вижу на лестнице дрожащий свет. Задержав дыхание, хватаю Тена за футболку и затаскиваю в комнату с правой стороны коридора. Двери как таковой там нет, так что мы просто проскальзываем внутрь и скрываемся за стеной, тяжело дыша, но стараясь вести себя как можно тише.

– Осторожнее, детка, – говорит Тен. – Ты ведешь себя так, будто *не* хочешь, чтобы нас поймали.

Да, я не хочу, чтобы нас поймали. Я бы лучше делала восковую эпиляцию, чем дала Трею нас найти. Каждый день. А сразу после этого принимала бы очень горячую ванну с солью.

Не то чтобы меня совсем не привлекал Трей. Он хорошо выглядит и прекрасно сложен, почему бы и нет?

И все же нет. Я не буду одной из его девушек, скачущей по коридорам школы в обтягивающей юбке в ожидании, пока он шлепнет меня по заднице, а его друзья похлопают его по спине, понимая, что я – его последний трофей.

Я отбрасываю волосы назад и начинаю смеяться.

Да ни за что.

Прижав голову к стене как можно плотнее, напрягаю слух и пытаюсь понять, насколько близко он к нам подобрался.

Может, он развернулся и ушел? Или свернул в боковой туннель?

Я щурюсь, услышав еле слышное жужжание снаружи. Такой звук издает комар, летая по комнате.

– Ты это слышишь? – шепотом спрашиваю я у Тена.

В темноте я не вижу его лица, но, судя по всему, он тоже прислушивается. А потом за чем-то лезет в карман джинсов. Через минуту комнату озаряет слабый свет телефона. Я поворачиваюсь и широко открываю глаза от удивления. Перед нами кровать, смятые белые простыни и небольшой столик.

Что за черт?

Тен проходит вглубь комнаты, ближе к кровати.

– То есть здесь все-таки *есть* смотритель.

Вот дерьмо.

– Ну, если он здесь есть, – тихо отвечаю я, подходя к нему поближе и изучая взглядом то, что разбросано по простыням, – почему он не вышвырнул нас отсюда, когда мы только спустились?

Тен поднимает телефон выше и осматривает комнату, а я тем

временем рассматриваю вещи на столике и кровати. Вот часы на старом черном замшевом ремне, лежащие на фотографии других часов, почти идентичных этим. На подушке лежит пара книг, а рядом – айпод с подключенными наушниками и тетрадь, а прямо на ней – ручка. Я беру в руки тетрадь, открываю и вижу почерк, вроде мужской.

Все идет своим чередом,
Пока их подъем твоим крахом не станет.
Столько стараний потрачено зря
Столько страданий потрачено зря.
Дай им насладиться своей правотой,
Пока тебя в землю не закопают.
Не беспокойся о пухлых губах.
Все, что от них останется, – прах.
Я хочу их лизнуть, пока они пахнут тобой.

Сердце колотится так, будто пытается пробить грудную клетку.

Я хочу их лизнуть…

Черт. Капельки холодного пота стекают по спине: я вдруг представляю губы, которые шепчут мне на ухо эти слова. Никогда не была фанаткой поэзии, но я бы с удовольствием почитала что-нибудь еще из стихов этого парня.

Меня охватывает ощущение дежавю. Я вижу хвосты буквы «у» и резкие углы букв «з», из-за которых они похожи на маленькие молнии.

Как странно.

Но нет, на этих страницах полно писанины, каракуль и зарисовок. Беспорядочное нагромождение всего подряд. И все остальное ни капли не похоже на Мишины письма.

– Ну, – раздается сбоку тихий, неразборчивый голос Тена, – здесь жутковато.

– Что? – переспрашиваю я, отрываясь от продолжения стихотворения и поворачивая голову, чтобы взглянуть на него.

Но он смотрит не на меня. Я гляжу туда, куда он светит, и вижу стену.

Бросив тетрадь на кровать, я слежу за световым пятном от телефона Тена.

ОДИНОКО.

Это написано большими неровными черными буквами, похоже, баллончиком с краской. Каждая буква высотой почти с меня.

– *На самом деле* жутко, – повторяет Тен.

Я делаю шаг назад, еще раз осматриваюсь в комнате и пытаюсь оценить обстановку.

Да уж. Фото на стенах с закрашенными лицами, непонятные стихи, загадочные грустные слова во всю стену…

И это если не брать во внимание то, что кто-то здесь спит. В этом заброшенном, темном туннеле.

Мое внимание снова переключается на тихий жужжащий звук. В поисках его источника я наклоняюсь к кровати. Подняв наушники, прикладываю их к ушам и слышу, что в них играет *Bleed It Out*.

Черт. Я сразу же бросаю наушники обратно и задерживаю дыхание.

– Айпод включен, – говорю я, выпрямляясь. – Кто бы это ни был, он только что был здесь. Нам нужно уходить. Срочно.

Тен делает шаг в сторону двери, я отворачиваюсь от кровати, но сразу замираю.

Обернувшись, поддаюсь наваждению и вырываю из тетради страницу. Не знаю, зачем она мне, но я хочу ее забрать с собой.

Если этот парень здесь живет, он не будет грустить о пропаже какого-то листочка: у него других забот хватает. А если и будет, то никогда в жизни не узнает, куда он делся.

– Пошли, – я подталкиваю Тена в спину.

А сама складываю страницу и убираю в карман.

Держа перед собой телефоны, мы выходим из комнаты и поворачиваем налево. Но тут же кто-то обхватывает меня руками, и я начинаю кричать. Чьи-то руки сжимают меня так крепко, что я не могу дышать.

– Попалась! – гордо заявляет мужской голос. – Ну что, поехали домой?

Трей.

Извиваясь, я пытаюсь развернуться и вырваться из его объятий. Лайла, Джей Ди и Брайс стоят у него за спиной и смеются.

– Черт! – громко восклицает Тен, тяжело дыша. Его, разумеется, тоже напугало их внезапное появление.

– Вам бы стоило выключить фонарики, – порицает нас Лайла с ухмылкой на лице. – Мы их увидели сразу, как только спустились.

Я прохожу мимо них и направляюсь к лестнице, игнорируя ее комментарий. Если бы мы не разглядывали комнату, наши фонарики *были бы* выключены.

– В любом случае что вы, ребята, здесь делаете? – спрашивает Джей Ди.

– Просто пойдемте, – приказываю я, уже теряя терпение. –

Нужно выбираться отсюда.

Мы все идем вперед по главному туннелю, и я оглядываюсь через плечо, всматриваясь в темноту и стараясь запомнить, как выглядит вход в комнату, где мы только что были.

Но ничего не видно.

Темные углы, тени, редкие блики от наших фонариков на лужах…

Я все еще тяжело дышу, не могу избавиться от жуткого, гнетущего ощущения. Здесь кто-то есть.

– Это не те развлечения, которые я представляла, когда вы предложили поехать в Бухту, – ноет Лайла, ступая по неглубоким лужам.

Я поворачиваюсь и, забыв о своем страхе, лезу по лестнице вверх.

– Спокойно, все хорошо, не переживай, – мямлю я себе под нос, но достаточно громко, чтобы они меня услышали. – Заднее сиденье машины Джей Ди уже совсем рядом.

– О да, – усмехается Джей Ди.

Я борюсь с желанием еще раз заглянуть вниз, в темноту туннеля.

Поднимаясь по ступеням, я по-прежнему чувствую на себе чей-то взгляд.

Глава Третья
Райен

– Девчонки, поторопитесь!

Тренер дважды ударяет кулаком по дверям шкафчиков, мимо которых проходит. Девочки вокруг меня хохочут и шепчутся, а я поправляю волосы и собираю их в небрежный высокий хвост.

– Да, я слышала, что они собираются устанавливать камеры, – говорит сидящая на скамейке Кейтлин Стивенс группе девушек. – Хотят поймать его с поличным.

Наношу дезодорант и убираю его обратно в спортивную сумку, а потом проверяю, все ли в порядке с блеском на губах, глядя в зеркало на дверце шкафчика.

Камеры, да? В школе?

Какая прекрасная новость.

Я надеваю верх чирлидерского костюма через голову, поправляю его на груди, одергиваю юбку. Мы набираем в команду новых участниц, потому что многие из нас скоро оканчивают школу, и тренер попросила иногда приходить в школу в форме в надежде привлечь как можно больше новичков.

– Интересно, каким будет их следующий ход, – вступает в разговор другая девушка. – Он все еще водит их за нос.

– Лично я, например, хочу, чтобы так и продолжалось, – добавляет Лайла. – Видели, что он написал сегодня утром?

Все вдруг резко замолкают, и я понимаю, на что они смотрят. Я поворачиваю голову и перевожу глаза на кусок стены прямо над дверью каморки учителей физкультуры. Мягкий поток воздуха из вентиляции треплет большой лист белой папиросной бумаги, криво прилепленный на стену.

Я улыбаюсь про себя. Сердце начинает биться быстрее. Я заканчиваю приводить себя в порядок.

– «Не осуждай мастурбацию, – Мел Лонг зачитывает вслух послание, которое, как мы все видели утром перед тренировкой, скрыто под листом папиросной бумаги, – это секс с тем, кого я люблю».

Все начинают хохотать. Держу пари, они даже не знают, что это цитата из Вуди Аллена.

Они обнаружили граффити сегодня утром прямо здесь, в женской раздевалке, и пока учителя залепляли его бумагой, все успели прочитать, что там написано.

За последний месяц надписи на стенах школы появлялись уже двадцать два раза, сегодня мы увидели двадцать третью.

Сначала они возникали редко, по одной, то тут, то там, но теперь появляются все чаще, почти каждый день, а иногда и по несколько раз на дню. Как будто «маленький Панк», как он (или она) теперь известен, вошел во вкус: врывается ночью в школу и оставляет случайные послания на стенах.

– Ну вот, – я закидываю сумку на плечо и захлопываю дверцу шкафчика, – если во всех коридорах и у каждого входа в школу появятся камеры, уверена, он или она наконец поумнеет и перестанет расписывать стены или попадется. Его дни сочтены.

– Надеюсь, что попадется, – взволнованно говорит Кейтлин с заинтригованным видом. – Так хочу узнать, кто это!

– Да ну, – возражает Лайла. – Так неинтересно.

Я разворачиваюсь и выхожу из раздевалки. Конечно, нет ничего веселого в том, чтобы Панк попался. Не будет утренних сюрпризов. Дело уже дошло до того, что, приходя сюда, каждый первым делом считает своим долгом проверить, не оставил ли вандал новое послание. Все думают, что интрига – это весело, так что жизнь в Фэлконс Уэлл станет скучнее без этой загадки.

Иногда сообщения на стенах серьезные.

Я свечусь ярче с каждым днем, а ты не умеешь сиять, дерьмо.

– Панк

И все молчат как рыбы, будто напрочь забывают о загадочном послании, словно оно не стоит их внимания, но ты знаешь, что они весь день не могут выкинуть его из головы.

А иногда послания смешные.

К твоему сведению, твоя мать ни за что не стала бы встречаться с твоим отцом, если бы у нее был шанс сделать этот выбор заново.

– Панк

Над этой надписью все ухохатывались.

Но на следующий день, как я слышала, несколько родителей позвонили в школу, потому что сыновья и дочери устроили им допрос с пристрастием, чтобы проверить, правда ли это.

Послания всегда без подписи и никогда не адресованы кому-то лично, но все стали их с нетерпением ждать. Кто он? Что он напишет в следующий раз? Как ему удается это делать, всегда оставаясь незамеченным?

И почему-то они все уверены, что это он, а не она, хотя нет никаких доказательств ни первого, ни второго.

Ореол таинственности уже висит над школой, и я больше чем уверена, что посещаемость резко подскочила, потому что никто не хочет пропустить часть истории. Все хотят наблюдать за ней воочию.

Медленно подходя к своему шкафчику, я бросаю на пол сумку и делаю глубокий вдох. Пока я открываю шкафчик, набирая на замке знакомую комбинацию цифр, у меня сдавливает грудь, и дышать становится сложнее.

Я роняю голову вперед, но быстро справляюсь с собой и поднимаю ее снова.

Черт.

Открыв дверцу, я подхожу вплотную к шкафчику, чтобы никто не видел, что я делаю, задираю юбку и достаю из-под пояса эластичных синтетических шорт ингалятор.

– Эй, не одолжишь мне сегодня замшевую юбку?

Я подскакиваю на месте, выпуская ингалятор и вытаскивая руку.

Слева от меня стоит Лайла, а по правую руку – Кейтлин и Мел.

Поднимая рюкзак, я достаю из него книги, которые были нужны для домашнего задания, и кладу их в шкафчик.

– Ты имеешь в виду ту самую, дорогущую, ради покупки которой я сдала в секонд-хенд половину своего гардероба? – спрашиваю я, складывая книги на полку. – Да ни за что.

– Тогда я расскажу твоей маме обо всей одежде, что ты хранишь в школьном шкафчике.

– А я тогда расскажу твоей обо всех случаях, когда ты говорила, что переночуешь у меня, а сама пропадала неизвестно где, – парирую я и улыбаюсь, вешая сумку на крючок в шкафчике, а потом поворачиваюсь к Кейтлин и Мел.

Девочки смеются, а я снова разворачиваюсь к ним спиной и достаю альбом по искусству и текст по английскому. Они мне понадобятся на первых двух уроках.

– Ну пожалуйста! – упрашивает Лайла. – У меня в ней такие шикарные ноги.

Я изо всех сил делаю вдох, стараясь наполнить легкие воздухом, несмотря на то что на них будто давит гиря в пятьсот килограммов.

Ладно, черт с ней. Я готова сделать что угодно, лишь бы она оставила меня в покое. Я залезаю рукой в шкафчик и достаю из самой дальней его части юбку из нежной темной замши на пластиковой вешалке.

И швыряю Лайле.

– Только не вздумай в ней трахаться.

Она довольно улыбается и растягивает юбку, любуясь.

– Спасибо.

Я хватаю пенал, в котором лежит куча карандашей для рисования, и телефон.

– Что у тебя сейчас? – интересуется Лайла, перекинув юбку через локоть. – Искусство?

Я киваю.

– Никак не могу понять, почему ты его не бросишь. Ты же его терпеть не можешь.

Я запираю шкафчик, слышу, как звенит звонок, и вижу, как толпа приходит в движение.

– Уже почти конец учебного года. Продержусь.

– М-м-м, – рассеянно отвечает Лайла. Скорее всего, она не расслышала, что я сказала. – Ладно, пойдемте. – Она поворачивается к Мел и Кейтлин, потом бросает взгляд на меня и отходит назад. – Увидимся за обедом, хорошо? И еще раз спасибо.

Все трое исчезают в глубине коридора, теряясь в толпе учеников. Идут на испанский, сегодня он у них первым уроком. Все куда-то несутся, бегут по лестницам, захлопывают шкафчики, заскакивают в классы… А у меня боль в груди усиливается. Живот уже горит от напряжения, настолько мне тяжело дышать. Я иду по коридору, опираясь рукой на шкафчики, чтобы не упасть.

Встречаюсь глазами с Брендоном Хевиттом, одним из друзей Трея, улыбаюсь ему на ходу. Вскоре все двери закрываются, а толкотня и болтовня сходят на нет. Мои легкие при каждом выдохе испускают тихий свист, словно у меня в горле маленькие невидимые струны.

Я медленно закрываю глаза и с трудом открываю их, мир вокруг начинает вращаться.

Втягиваю в себя столько воздуха, сколько могу. Никто не видит, как белеют от напряжения мои руки, потому что я изо всех сил прижимаю к себе книги, и никто не знает, что у меня в горле, свистя, летают иглы, как по взмаху волшебной палочки. Я изо всех сил стараюсь не закашляться.

Я прекрасно умею притворяться.

Последняя дверь наконец закрывается. Я быстро залезаю рукой под юбку и вытаскиваю ингалятор, который всегда там спрятан. Подношу ко рту, нажимаю на кнопку и с трудом вдыхаю лекарство. Эта горькая взвесь всегда напоминает мне чистящее средство, которое в моем детстве мама во время уборки разбрызгивала по дому для дезинфекции. Мелкие капли спрея достигают дальней стенки носоглотки и медленно оседают в горле. Прислонившись к стене, я снова нажимаю на ингалятор, увеличивая дозу лекарства, и закрываю глаза, уже чувствуя, как уменьшается давление на грудную клетку.

Вдыхая и выдыхая, я слышу, как пульс отдается в ушах, и ощущаю, что объем легких становится все больше и больше, будто сжимающие их невидимые руки потихоньку ослабляют

хватку.

Как же быстро на этот раз случился приступ.

Обычно это происходит на улице или когда я перенапрягаюсь. Каждый раз, как становится тяжело дышать, я убегаю в туалет и достаю ингалятор. Ненавижу, когда приступы случаются неожиданно, как сейчас. Вокруг так много людей, в туалете в том числе. А теперь я еще и на урок опаздываю.

Спрятав ингалятор на место, в шорты, я с удовольствием делаю глубокий вдох и выпускаю воздух, перехватывая книги.

Развернувшись, поворачиваю направо, в соседний коридор, и поднимаюсь по лестнице в кабинет искусства. Это единственный ежедневный урок, от которого я получаю удовольствие, но друзьям вру, что терпеть его не могу. Искусство, группа, театр… Для них все это – лишь повод для насмешек, и я не хочу становиться их мишенью.

Осторожно приоткрыв дверь в класс, я вхожу и ищу глазами мисс Тилл, но ее нет в кабинете.

Должно быть, она в лаборантской.

А мне не нужно еще одно опоздание, так что…

Я стремительно пересекаю комнату и направляюсь к своему столу, поднимаю глаза и замираю: Трей сидит развалясь, за моей партой, на соседнем стуле.

Я чувствую укол раздражения. *Великолепно.*

Видимо, прогуливает химию: он уже завалил ее и теперь должен пересдать, чтобы окончить школу.

Урок искусства – мой счастливый час, а он все портит.

Я слегка вздыхаю и выдавливаю из себя полуулыбку.

– Привет.

Он отодвигает одной рукой стул, расслабленно откинувшись на спинку своего, и пялится на меня, пока я сажусь. Мисс Тилл, наверно, и не заметит, что он не из ее учеников.

– Я тут подумал… – заговаривает Трей, пока все остальные болтают. – Что ты делаешь седьмого мая?

– Хм, – высокомерно начинаю я. Отклоняюсь назад, складываю руки на груди и скрещиваю ноги. – У меня вроде были на вечер какие-то планы, но точно не помню.

Он кладет руку на спинку моего стула и задирает голову, глядя прямо на меня.

– Ладно, как думаешь, сможешь достать платье?

– Ну… – начинаю я и внезапно замолкаю.

В комнату заходит высокий подкачанный парень и направляется к парте рядом с нами. У меня захватывает дух.

Он кажется мне знакомым. Откуда же я его знаю?

У него с собой ничего нет: ни рюкзака, ни книг, ни даже

карандаша. Он занимает место за пустым столом, через один от моего.

Я ищу взглядом мисс Тилл, пытаясь понять, что происходит. Кто бы он ни был, он не из нашего класса, но только что вошел сюда с таким видом, будто делает так каждый день.

Новенький?

Я кошу взглядом влево, разглядывая его. Он расслабленно сидит на стуле, положив одну руку на парту, и смотрит куда-то перед собой. Ладонь покрыта черными пятнами от запястья до самого мизинца. У меня так бывает, когда я рисую и кладу руку на бумагу, и она пачкается в чернилах.

– Эй, – слышу я, как одергивает меня Трей.

Я отвожу взгляд и нарочито закашливаюсь.

– М-м-м, да, уверена, у меня получится.

Он хочет, чтобы я купила платье. Седьмого мая выпускной бал, и меня на него еще никто не пригласил, потому что ходят слухи, что это собирается сделать Трей. А он тянул время, и я уже начала волноваться. Но я хочу пойти на выпускной, даже если и с ним.

Мой взгляд снова соскальзывает на новенького, я смотрю на него краем глаза. Его темно-синие джинсы перепачканы грязью, как пальцы и локоть, но на нем чистая иссиня-серая футболка и довольно приличная обувь. Глаза почти скрыты под густыми ресницами, а короткие темно-каштановые волосы лишь слегка прикрывают лоб. Сбоку в губе кольцо, оно бликует на солнце. Я прикусываю рот, глядя на него и представляя, каково это – иметь пирсинг на губе.

– Может, и укладку сделаешь? – продолжает Трей. – Только оставь волосы распущенными, мне так больше нравится.

Я поворачиваюсь, отрывая глаза от губ новенького, и заставляю себя сконцентрироваться.

Выпускной бал. Мы говорим о выпускном.

– Без проблем, – отвечаю я.

– Хорошо. – Он улыбается и откидывается на спинку стула. – Потому что я знаю одно прекрасное мексиканское местечко…

Он разражается хохотом, ему вторит его приятель рядом, и я на мгновение смущенно замираю. А, ты подумала, что он собирается пригласить тебя на выпускной бал? Глупая девчонка.

Но я не собираюсь дуться на его попытки заставить меня почувствовать себя идиоткой. Моя броня прогибается, но выдерживает удар.

– Ладно, развлекайся дальше. А я пойду на выпускной бал с Мэнни. Правда же, Мэнни? – И я пинаю ножку стула парня, сидящего передо мной, привлекая внимание этого эмокида.

Мэнни Кортес вздрагивает, но продолжает смотреть вперед, не обращая на нас внимания.

Трей с приятелем вовсю хохочут, но теперь поводом для смеха становится бедный парень, и я довольна, что отвлекла от себя их внимание.

Но есть и другие чувства: ощущение вины, отвращение к себе, жалость к Мэнни и укол совести из-за того, что я сейчас его использовала…

Зато я отвлекла и насмешила Трея, и теперь Мэнни и весь стыд, что я чувствую, не имеют никакого значения. Я смотрю на ситуацию свысока. Стыд никуда не делся. Но это как наблюдать за муравьями с самолета. Я в облаках, чересчур высоко, чтобы меня волновало то, что происходит на земле.

– Да, Мэнни, ты идешь на выпускной с этой девушкой? – насмехается Трей, пиная его стул, как это только что сделала я. – А? А? – Потом он поворачивается ко мне. – Не-а, я даже не уверен, что он предпочитает девушек.

Я выдавливаю из себя слабую улыбку, качаю головой и надеюсь, что сейчас он наконец замолчит. Мэнни сыграл свою роль, цель достигнута. Я не хочу, чтобы ему досталось.

В Мэнни сорок килограммов максимум, его волосы такие черные, что отливают синевой, а лицо настолько гладкое и бледное, что в определенной одежде он легко сойдет за девушку. Подводка, черный лак для ногтей, узкие джинсы, грязные потрескавшиеся кеды «конверс»… Все как по учебнику.

Мы с ним ходим в одну школу еще со времен детского сада, и у меня до сих пор хранится ластик в форме сердечка, который он подарил мне на День святого Валентина во втором классе. Я была единственной, кому он вообще хоть что-то подарил. Никто об этом не знает, и даже Миша не в курсе, почему я так трепетно храню ластик-сердечко.

Я поднимаю глаза и вижу, что он сидит на своем месте и молчит. Под черной футболкой он весь напрягся, но не двигается с места, склонив голову, и, наверно, надеется, что больше никто ничего не скажет. А может, думает, что если будет сидеть тихо и неподвижно, то снова сможет стать невидимым для всех. Мне знакомо это чувство.

Но что-то в груди слева неприятно ноет, и я бросаю взгляд на новенького парня. Он все еще смотрит прямо перед собой, но теперь нахмурил брови и напрягся, как будто злится на что-то.

– Нет, серьезно, – обращается ко мне Трей, и я с неохотой снова поворачиваюсь к нему. – Выпускной бал. Я приеду за тобой в шесть. Лимузин, ужин, мы заедем на танцы… И ты моя на всю ночь.

Я киваю, едва слушая, что он там говорит.

– Ладно, давайте начинать, – мисс Тилл выходит из лаборантской и ставит на стол органайзер с канцелярскими принадлежностями.

Она опускает экран, выключает свет, и я снова кошусь влево, наблюдая, как новенький, насупившись, смотрит вперед. Интересно, его официально приняли? У него есть расписание? Он, вообще, собирается представиться учителю? Я уже начинаю сомневаться, настоящий ли он, но сдерживаюсь, хоть и ловлю себя на желании протянуть руку и дотронуться до него. Я что, единственная, кто заметил, что он вошел в класс?

Мисс Тилл начинает приводить примеры рисования прямыми линиями, а я тем временем замечаю, что Трей оторвал кусочек бумаги от страницы в моем альбоме.

– Мэнни, – шепчет он, сворачивая бумажку в шарик и кидая комочек размером с горошину прямо в голову Кортесу. – Эй, Мэнни, мода на эмо давно прошла, чувак. Или твоему парню нравится, как ты выглядишь? – Трей и его друг тихонько хихикают, но Мэнни сидит как изваяние.

Трей сворачивает еще один шарик, и чувство вины начинает глодать меня сильнее, чем раньше.

– Эй, мужик. – Трей бросает в Мэнни бумажный шарик, тот ударяется о черные волосы и скатывается на пол. – Мне нравится твоя подводка. Одолжишь ее моей девушке?

Краем глаза я замечаю движение слева и вижу, что ладонь новенького на парте сжалась в кулак.

Трей кидает еще одну бумажку, на этот раз сильнее.

– Ты хоть не забыл, где у тебя член, педик?

Я вздрагиваю. *Господи.*

В мгновение ока новенький встает из-за парты и хватает стул Мэнни за спинку. Я завороженно смотрю, как он перетаскивает стул вместе с Мэнни и ставит так, чтобы самому оказаться между нами и эмокидом. Потом быстро подходит к старому месту Мэнни, забирает его тетрадь и коробку карандашей и кладет на стол перед своим новым соседом по парте.

Мое сердце начинает бешено колотиться. Я сильно сжимаю зубы, стараясь скрыть потрясение. *О боже.*

Все ученики поворачивают головы в нашу сторону, чтобы следить за развитием событий, а новенький тем временем успевает плюхнуться обратно на свое место, ни слова не сказав и не удостоив никого даже взглядом. Он по-прежнему зол. Мэнни тяжело дышит, все его тело вытянулось по струнке от того, что только что произошло, а Трей с другом молча и пристально смотрят на новенького парня.

– Наверное, педиков тянет друг к другу, – едва слышно шепчет Трей.

Я краем глаза смотрю на новенького. Он наверняка все слышал. Но он спокоен как танк. Только мышцы рук напряжены, а зубы плотно сжаты.

Он ясно дает нам понять, что мы его разозлили. Никто никогда так не делает. Никто никогда не бросает мне вызов.

Трей больше ничего не говорит, и оставшуюся часть урока класс время от времени оборачивается на нас, пока учительница молчит. Я пытаюсь сконцентрировать внимание на ее указаниях, но у меня не получается. Я чувствую, что он рядом, и хочу смотреть на него. Кто он, черт возьми, такой?

И тут вдруг меня осеняет. Старый склад. *Твою мать.*

Моргнув, я снова кошусь в его сторону. Да это же тот самый парень, с которым я фотографировалась на квесте несколько месяцев назад. У меня в телефоне до сих пор хранятся наши с ним фотографии.

Интересно, он меня помнит?

Это так странно. Я так и не опубликовала наши фото на странице, где нужно было их запостить. Распрощавшись с ним и его другом, я потом всю оставшуюся ночь искала его глазами в толпе, но так и не нашла. Стоило мне отойти от него, как он словно исчез.

Мисс Тилл заканчивает объяснение, и я провожу остаток урока, озираясь и рисуя какую-то бессмыслицу. До этого я целую неделю работала над одним проектом, но сейчас им не занимаюсь, потому что не хочу, чтобы его видел Трей.

Это мой самый любимый урок, но на нем я чувствую себя беззащитнее всего. Искусство – не мое призвание, хотя мне доставляет удовольствие что-то делать своими руками и заниматься творчеством, хоть на уроке, хоть в автомастерской. И я не провела бы пять месяцев в комнате с двадцатью ребятами, каждый из которых только и ждет удобного случая, чтобы заглянуть мне под чирлидерскую юбку просто так.

Я здесь не ради этого. Я делаю рисунок для Миши. Создаю обложку его первого альбома в качестве сюрприза на выпускной. Нет, он не обязан ее использовать, я этого не жду. Но, думаю, это его поразит, подбодрит, добавит мотивации.

Конечно, я не хочу, чтобы Трей видел обложку или задавал вопросы о ней. Он просто посмеется над тем, что я действительно люблю.

Никто не знает о Мише Лейре, даже Лайла. Он мой, и это очень сложно описать словами… Даже пробовать не хочу.

К тому же, если я никому не расскажу, он не станет

настоящим. И мне будет не так больно, когда я его потеряю.

А я его потеряю, если еще не потеряла. Все хорошее когда-нибудь заканчивается.

– Это он, – шепчет Тен мне на ухо, прежде чем сесть за обеденный стол со мной, Лайлой и Мел. – Тот самый парень, что разрисовывает стены школы.

Он поворачивает голову, протискиваясь между нами, смотрит поверх моей тетради с домашней работой по математике и поворачивается, приглашая проследить за его взглядом.

Новенький сидит за круглым столом в одиночестве. Ноги вытянуты и перекрещены, руки сложены на груди. С шеи свисают черные провода наушников, на лице все то же недовольное выражение, что я видела сегодня утром. Он сосредоточенно смотрит на столешницу перед собой.

Я сдерживаю улыбку. Значит, он все-таки настоящий. Тен тоже его видит.

А потом мой взгляд падает на его правую руку. Она вся покрыта татуировками. В животе начинают порхать бабочки.

Я не заметила этого утром.

Может, потому, что сидела с другой стороны от него. Я не понимаю, что изображено на татуировках, но точно могу сказать, что в рисунок вплетен текст. Оглядев помещение, я замечаю, что многие смотрят на него так же, как и я. Любопытные взгляды исподлобья, тихий шепот…

Отвернувшись, я касаюсь бумаги карандашом и заканчиваю задание, которое получила сегодня утром, чтобы не тратить на него время вечером.

– Думаешь, это он тайком пробирается в школу? Почему ты так считаешь?

– Ну взгляни на него. По нему тюрьма плачет.

– Да, это достойный аргумент, – саркастично замечаю я, продолжая писать.

Честно говоря, он выглядит не так уж плохо. Немного грязный, немного злой, но это не значит, что он преступник.

Я снова оборачиваюсь и смотрю на него, на секунду задерживая взгляд на лице… Твердый подбородок, уверенный взгляд темных глаз, изгиб линии носа и форма бровей, создающая ощущение, что он вечно чем-то недоволен… Он скорее похож на парня, который ответит кулаками на твой «привет», чем на человека, что исписывает текстами песен школьные стены.

И вдруг он поднимает глаза. Куда же он смотрит?

В сторону Трея. Тот что-то говорит директору Берроуз, когда она проходит мимо. Новенький за ними наблюдает.

– Он новичок? – спрашивает сидящая напротив меня Лайла, и я понимаю, что она его заметила. – На вид очень даже. Как его зовут?

– Мейсен Лоран, – отвечает Тен.

Я ничего не могу с этим поделать. Я повторяю про себя его имя, ищу его в памяти. Значит, именно это имя он не дал своему другу назвать мне тогда, на складе?

– Он был со мной утром на уроке физики, – объясняет Тен.

– И на моем первом уроке тоже, – добавляю я, переворачивая страницу в тетради и записывая условие следующей задачи. – Но он ничего не говорил.

– Что ты о нем знаешь? – спрашивает Лайла.

Я пожимаю плечами, не поднимая глаз.

– Ничего. Мне все равно.

С обеих сторон от Лайлы к нам за стол садятся Трей и Джей Ди и начинают жадно вгрызаться в свои сэндвичи.

– Привет, детка.

Трей прижимает ломтик жареной картошки к моему закрытому рту. Я выхватываю картошку и бросаю через плечо. Слышу, как они с Джей Ди смеются, и продолжаю делать домашку.

– Не думаю, что он вообще хоть с кем-нибудь разговаривал.

– Мистер Клайн задал ему вопрос по физике, а он просто промолчал.

– Кто? – спрашивает Джей Ди.

– Мейсен Лоран, – Тен показывает на новенького. – Он сегодня первый день.

– Интересно, как он проникает в школу по ночам, – вполголоса добавляет Лайла.

Я роняю карандаш на стол и поднимаю глаза, непонимающе глядя на нее.

– Не надо его обвинять, пока не знаешь наверняка, что именно он устраивает этот вандализм. Мы пока ничего не знаем. Кроме того, он сегодня в школе первый день. А стены разрисовывают уже больше месяца.

Я не хочу, чтобы его напрасно в чем-то обвинили.

– Ладно, – огрызается Лайла, закатив глаза и отправляя в рот ложку салата. – Интересно, как тот парень по ночам проникает в школу?

– Понятия не имею, – отвечает Тен. – Честно говоря, я вообще не думаю, что он выходит из школы. Тот, кто пишет на стенах, я имею в виду. Думаю, он остается в школе с вечера.

Джей Ди снова откусывает гамбургер.

– Зачем ему это делать?

– Потому что как еще можно обойти сигнализацию? – аргументирует Тен. – Подумай об этом. Двери школы открыты допоздна: занятия по плаванию в бассейне, факультативы, тренировки у спортивных команд, репетиторство… Он может уйти после уроков, поесть или что-то еще поделать и вернуться до того, как в девять вечера школу закроют. И тогда у него есть вся ночь. Может, он даже здесь живет. Атаки случаются практически каждый день, в конце концов.

Я дописываю решение последнего уравнения, медленно водя карандашом по бумаге. Интересное замечание. Как еще кто-то может обойти сигнализацию, если не прячется и не ждет, пока двери запрут?

Или если у него нет ключей и кода отключения сигнализации?

– У нас в школе нет бездомных детей, – подмечаю я. – Думаю, мы об этом знали бы. Наша школа, в конце концов, не огромная.

– Все, как ты и сказала, – реагирует Лайла. – *Он* только что появился, так что мы еще ничего о нем не знаем. – Я вижу, что она смотрит поверх моей головы, и точно знаю, на кого. – Он мог уже целый месяц здесь ошиваться, не начиная учиться, и никто бы об этом не узнал.

– Кидаешься камнями в новичка в грязной одежде, у которого нет друзей? – парирую я. – Какие у него могут быть мотивы портить школьные стены? Ой, подождите. Я забыла. Мне же нет до этого дела.

И я снова склоняюсь над домашним заданием, вывожу заголовок и продолжаю:

– Мейсен Лоран не живет в школе. И не портит стены, шкафчики или что-либо еще. Он – новенький, ты – интриганка, и мне скучно продолжать этот разговор.

– Мы можем узнать, кто он такой, – встревает Трей. – Я могу пробраться в кабинет мачехи, посмотреть его личное дело и узнать, где он живет.

– О да, – соглашается Джей Ди.

Их зловещий тон меня нервирует. Трею все сходит с рук, думаю, не без участия его приемной мамочки – директора.

Я закрываю учебник и тетрадь и кладу их друг на друга.

– И какой мне интерес это делать? – улыбается Трей.

– А чего ты хочешь? Назови цену.

Я опираюсь локтями на стол и поворачиваю голову, оглядываясь на Мейсена Лорана. Его невозмутимость сбивает с толку. Он ведет себя так, будто вокруг никого не существует.

Все суетятся, проходят мимо, голоса летают над его столом, вот слева от него кто-то рассмеялся, а справа уронили поднос, а

он сидит словно в коконе. Снаружи идет жизнь, но ничто не нарушает спокойствия внутри.

Однако я чувствую, он в курсе всего, что происходит вокруг, хоть и никак не реагирует. Он знает все. По моим плечам пробегает холодок.

Я поворачиваюсь к Трею и делаю глубокий вдох, избавляясь от неприятного ощущения.

– Ты мне доверяешь?

– Нет, но я готов слегка приспустить поводок.

Джей Ди смеется, а я встаю из-за стола и задвигаю стул.

– Куда ты собралась? – спрашивает Лайла.

Я разворачиваюсь на месте и иду в сторону Мейсена, отвечая через плечо:

– Хочу услышать, как он разговаривает.

Подойдя к его столу, круглому, на четырех человек, в дальней части зала, я присаживаюсь на край и опираюсь руками на столешницу по бокам от себя.

Мои бедра оказываются перед его глазами, и он медленно поднимает взгляд вверх по моему телу и останавливается на лице.

Я слышу звуки барабанов и гитары из его наушников, но он продолжает сидеть на месте, только складка между бровями становится глубже.

Я протягиваю руки и аккуратно вынимаю из его ушей наушники, оглядываясь через плечо на друзей, которые внимательно наблюдают за происходящим.

– Они думают, ты бездомный, – говорю я, снова поворачиваясь к нему и замечая, как он переводит глаза с них на меня. – Но ты ничего не ешь и ничего не говоришь. Я думаю, ты привидение.

Я одариваю его озорной улыбкой, выпускаю из рук наушники и кладу руку ему на грудь. Его тепло моментально проходит через мою руку, и внутри все переворачивается.

– Ладно, забей, – добавляю я, продолжая монолог. – Сейчас я слышу сердцебиение. И оно ускоряется.

Мейсен просто смотрит на меня, будто чего-то ждет. Может, хочет, чтобы я исчезла, но пока не отталкивает.

Я убираю ладонь с его груди и снова облокачиваюсь на стол.

– Знаешь, а ведь я тебя помню. Ты был на том квесте в феврале. На складе в Тандер-Бей.

Он все еще не отвечает, и я начинаю переживать, не перепутала ли я чего. Тот парень на вечеринке не был многословным, но, по крайней мере, под конец вел себя дружелюбно. Как можно заигрывать с кем-то, кто сидит с

отрешенным видом и не реагирует?

– Ты любишь автомобильные кинотеатры, Мейсен? – спрашиваю я. – Тебя же так зовут? – Я опускаю глаза и начинаю крутить в руках его ручку, пытаясь казаться застенчивой. – Скоро распогодится, и можно будет открыть сезон. Может, как-нибудь захочешь зарулить туда со мной и моими девчонками. Не хочешь дать мне свой номер?

С каждым выдохом его грудь опускается все глубже. Он смотрит на меня, и все мое тело почему-то начинает тянуться к нему. Его глубокие зеленые глаза, в которых можно утонуть, полны неведомого мне огня. Гнев? Страх? Желание? О чем он, черт возьми, думает и почему никак не заговорит? Я проглатываю комок в горле, чувствуя, что скоро критическая точка будет достигнута и он сломается.

– Ты не любишь людей? – продолжаю напирать я. – Или, может, тебе не нравятся девушки?

– Мисс Треверроу! – слышу я строгий женский голос. Он принадлежит директору Берроуз. – Слезьте со стола.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, но внезапно руки обхватывают мою талию и стягивают со столешницы.

Охая от шока, я с размаху приземляюсь Мейсену на колени.

– Мне нравятся девушки, – шепчет он мне на ухо, и мое сердце бьется с такой силой, что становится больно.

Кончик его языка скользит вверх по моей шее, я застываю и начинаю дышать с бешеной скоростью. Тепло разливается по телу.

Черт.

– Но ты… – Его низкий голос и горячее дыхание обжигают нежную кожу на шее. – Ты на вкус просто отвратная.

Что?

А потом он встает, и я сваливаюсь с его коленей прямо на пол. Выставляю вперед руки и приземляюсь на них.

Да какого дьявола?

Я слышу вокруг смешки и начинаю оглядываться. Несколько человек за соседними столами хихикают и глазеют на меня.

Стены словно сжимаются и грозятся раздавить. Я сгораю со стыда.

И мне не нужно поворачиваться, чтобы увидеть, что Лайла, скорее всего, тоже улыбается.

Вашу ж мать.

А потом я вижу, как Мейсен Лоран поднимает тетрадь с карандашом, вешает на шею наушники и молча выходит из столовой.

Козел. Да что же с ним не так?

Я встаю, одергиваю юбку и иду обратно к своему столику.

Это не первый раз, когда все смеются надо мной. Но он будет последним.

Глава Четвертая
Райен

– Я собираюсь в «Банана Репаблик». – Ко мне подлетает Тен и обхватывает сгибом локтя за шею. – Пойдешь со мной?

Я качаю головой и поворачиваю налево, спускаясь в холл.

– Мне надо домой. Сегодня моя очередь готовить ужин.

Школа почти пуста. Мы только что закончили тренировку, но пока все остальные принимают душ, переодеваются, приводят себя в порядок и готовятся к вечерним похождениям, я все еще стою в шортах, спортивном лифчике и майке. Просто хочу выбраться отсюда. Этот день выбил меня из колеи, и мне нужно собраться с мыслями.

Этот новенький, Мейсен, – крепкий орешек. Мне пришлось выключить телефон, чтобы уведомления «Фейсбука» не мешали обедать. Слава богу, никто не успел сфотографировать, как он сбросил меня и я приземлилась задницей прямо на голый пол в столовой. Хотя это не помешало Лайле запостить мем с шуткой на эту тему и отметить на нем меня.

Конечно, она «всего лишь пошутила».

Черт с ней. Сейчас мне нужно домой.

Алгебру я успела сделать за обедом, но у меня остались кое-какие задания по литературе и обществознанию.

– Ух ты. Это твое? – слышу я голос Тена.

Я смотрю в другой конец коридора и вижу кучу вещей, разбросанных по полу. Прямо там, где расположен мой шкафчик.

Тен отпускает меня, и мы оба бежим туда, где заметили беспорядок. Дверца моего шкафчика открыта настежь и погнута, как будто ее открывали чем-то типа лома.

Какого черта?

Я опускаюсь на колени и, хватая ртом воздух, перебираю свою одежду, айпод и гору бумаг, вываленных из папок, по которым они были аккуратно разложены раньше.

– Что здесь, блин, произошло? – взрывается Тен. – Чего-нибудь не хватает?

Я еще шире открываю дверцу шкафчика и проверяю остатки его содержимого. Маленькие розовые полочки и лампа сверху, которую я специально устанавливала, – на месте, как и зонтик и флисовый жакет, который я держу здесь на всякий случай. Я снова приседаю и разглядываю все остальное на полу: все мои книги на месте, «лабутены» и футболки, что я прячу от мамы, – тоже.

– Вроде все здесь, – затаив дыхание говорю я, все еще растерянная.

Какой смысл вскрыть шкафчик и ничего из него не взять?

Я нервно озираюсь. Насколько вижу, ни один другой шкаф не тронули.

– Интересно, что бы это могло значить, – говорит Тен.

– Что? – я поднимаю глаза и следую за его взглядом.

Он закрывает дверцу моего шкафчика, показывая слово, написанное черным маркером на внешней ее стороне.

Пустота.

Я смотрю на него и понимаю, что окончательно запуталась. *Что это?*

Дышать становится тяжелее. Я пытаюсь покопаться в памяти и найти ответ на вопрос о том, что же со мной происходит.

Пустота? И почему только мой шкафчик?

Я собираю все свои вещи и складываю в спортивную сумку, ошарашенная самой мыслью, что, пока я была на тренировке, кто-то все это сотворил. Сейчас приемная директора закрыта, но утром я обязательно пожалуюсь.

Надев черный флисовый жакет, я вместе с Теном выхожу на парковку и сажусь в машину. Он запрыгивает в свою. Я немедленно запираю двери.

Надо будет завтра потребовать новый шкафчик. Нельзя же каждый день таскать на себе столько вещей. Даже если до окончания школы осталось всего-то чуть больше месяца.

Черт побери. Кто стал бы рыться в моих вещах? Я нравлюсь далеко не всем. Если честно, Тен – единственный человек, у которого нет повода портить мне жизнь. Но сразу навскидку сказать, кто это мог быть, я не могу.

А что если это случится снова?

Я быстро еду к себе, заезжаю на дорожку около дома, ставлю машину в гараж и вижу, что дома никого нет: машины домашних отсутствуют. Сестра, вероятно, еще на занятиях, а мамина машина запаркована на стоянке аэропорта и ждет ее завтрашнего прилета.

Я опускаю взгляд на экран телефона и отправляю быстрый ответ на сообщение, которое она прислала уже довольно давно.

– Я завтра буду дома поздно. Чирлидинг… плавание… – пишу я.

– Окей. Ужин будет на столе. – Отвечает она. – *Не забудь завтра взять с собой побольше еды.*

Да-да. Я убираю телефон в сумку. Пару вечеров в неделю я остаюсь в школе допоздна: сначала тренировка по чирлидингу, потом сама веду занятия по плаванию еще пару часов. У меня

есть небольшой перерыв между тренировками. Я трачу его на еду, потому что домой к ужину не успеваю, и на домашнюю работу.

Закрыв за собой ворота, подхватываю сумку, захожу в кухню прямо через гараж, достаю из холодильника бутылку воды и бегу вверх по лестнице.

Нужно принять душ, тогда я почувствую себя лучше.

У меня давно не было такого плохого настроения, как сегодня: сначала этот эпизод в столовой, потом то, что случилось со шкафчиком… Надо мной не смеются. И не таким парням, как Мейсен, ставить меня на место.

Я не позволю ему проникнуть мне в голову, как позволяла другим много лет назад. Теперь я сильнее.

Я открываю дверь спальни, вхожу, и сумка падает у меня из рук.

Какого лешего?!

– Какого черта ты здесь делаешь? – кричу я.

Мейсен, наш новенький, сидит на моем рабочем кресле, облокотившись на спинку и заложив руки за голову. Я слышу музыку, поэтому смотрю на станцию айпода и вижу, что он включил *“Stupid Girl”* группы *Garbage*.

Усмехнувшись, он пристально смотрит на меня. У него такой беспечный вид, как будто не он вломился ко мне домой и расселся там, где его не должно быть.

– Алло! – ору я. – Что ты делаешь в моей комнате, придурок?

Медленно выдохнув, он поднимает голову.

– Сначала я пришел в спальню, как понял, твоей сестры. Эта показалась мне больше похожей на твою. А то там розово-принцессное дерьмо с постельным бельем под зебру.

Я быстро закрываю дверь, потому что не хочу, чтобы сестра, когда придет, увидела, что он здесь.

– Как ты сюда попал?

Он игнорирует мой вопрос и продолжает:

– Как бы то ни было, над изголовьем кровати фиолетовыми неоновыми лампами было написано не твое имя. – Он начинает хохотать, видимо, над недалекими декораторскими способностями моей сестры и встает. – Райен, верно? – спрашивает он, осматривая мою комнату. – Должен сказать, это совсем не то, что я ожидал увидеть.

Да я совсем не такая, как ты думаешь, кретин.

– Пошел вон.

– Попробуй меня выгнать.

Я сжимаю руки в кулаки.

– Как ты сюда попал?

– Через парадную дверь. – Он делает шаг мне навстречу. – Так

где они?

Я недоуменно свожу брови.

– Где что?

– Мои вещи.

Улыбка исчезла с его лица, остался только оскал.

Его вещи? О чем он говорит?

– Убирайся! – кричу я. – Понятия не имею, о чем ты говоришь!

– О, да ты нервничаешь.

– Думаешь?! – отвечаю я. – Я не люблю, когда ко мне в дом врываются странные парни, и совершенно не переношу, когда кто-то приходит ко мне в комнату.

– Мне плевать, – со скучающим видом отвечает он. – Ты забрала кое-что, принадлежащее мне. Две вещи, если точнее. Я хочу получить их обратно.

– Нет, я ничего не забирала. А теперь убирайся!

Он заводит руку за спину, достает что-то из заднего кармана джинсов и поднимает вверх. Я белею, желудок завязывается узлом.

Черт. Мой дневник.

Большая тетрадка с обложкой из белой кожи, полная мыслей и сожалений, которые я выплескивала на бумагу на протяжении последних трех лет. Вещь, которую никто не должен был видеть. Никогда. Любая гадость, которую я когда-либо думала о себе, семье, друзьях, каждая крамольная мысль, которую никогда бы не озвучила, записана в этой тетрадке.

Как он ее нашел?

– Идея с тайником под матрасом не так уж нова, понимаешь, – говорит он. – И да, я его немного почитал. И еще немного. А потом еще немного.

Пульс отдается в ушах, я сдерживаю крик, который так и рвется из горла.

Я набрасываюсь на него.

Хватаю дневник, но он отталкивает меня, и я падаю спиной на кровать. Он ложится сверху.

Я кричу и плачу, пытаясь вырвать у него тетрадку.

Он протягивает руку, и через мгновение ножницы со стола уже направлены мне в лицо. Я цепенею, глядя на кончик лезвия.

– Не бойся, – зловеще усмехается он. – Я побеспокоюсь о том, чтобы он не попал в руки твоей матери. Я вырву из него каждую страницу и расклею их по всей школе, так что слушай и запоминай, тупая шлюха. Я уже с тобой наговорился и достаточно на тебя насмотрелся. Я хочу вернуть медальон и клочок бумаги, что ты забрала в Бухте.

– В Бухте? – Под весом его тела мне тяжело дышать. – Что?..

О чем он говорит?

И тут меня осеняет. В Бухте. Вчера ночью. Клочок бумаги.

Я хочу их лизнуть, пока они пахнут тобой.

А сегодня…

Ты на вкус просто отвратная.

Я смотрю на него в недоумении.

– О боже.

Это была его комната?

Я тогда не ошиблась. Там, в туннеле, был кое-кто еще. Он видел нас.

И тут мои глаза расширяются. Это он вскрыл мой шкафчик! Именно поэтому оттуда ничего не пропало. Он не нашел то, что искал.

Он бросается ко мне и щелкает ножницами. Я вздрагиваю. Он отводит ножницы, и я вижу, как несколько моих светло-русых волос медленно падают на постель.

– Прекрати! – воплю я. – Я не… Я…

Его прищуренные темно-зеленые глаза угрожающе смотрят на меня, он прожигает меня взглядом.

Зарычав, я вытаскиваю из-под подушки сложенный потрепанный листок бумаги.

И прижимаю его к его груди.

Он забирает страницу.

– А теперь медальон.

– Я не брала никакой медальон! – кричу я. – Только страницу.

Он снова наводит ножницы на мои волосы, и я кричу.

– Проклятье! Я же тебе сказала! Я не брала его! Он…

Тен. Со мной был Тен. Это он его взял.

Черт.

– Что? – рычит на меня Мейсен, видимо, заметив по моему лицу, что я поняла, в чем дело.

Я жадно втягиваю воздух.

– Со мной был друг. Я верну твой медальон. Хорошо? Я заберу его. А теперь отвали от меня!

Он останавливается и пристально смотрит на меня. В конце концов он спрыгивает с кровати, швыряет ножницы на стол и убирает стихотворение в карман.

Я вскакиваю, собираю волосы в хвост и нахожу прядь, которую он отрезал. Всего-то пара сантиметров от нескольких волосков.

Я злобно смотрю на него.

– Козел.

– Завтра, – заявляет он, никак не реагируя на оскорбление. –

На парковке после уроков. – А потом он снова берет мой дневник. – Я оставлю его себе в качестве залога.

– Нет. Я тебе не доверяю.

– Да что ты понимаешь, куколка? – Он улыбается. – У нас есть кое-что общее. Я тоже тебе не доверяю. – Он сворачивает тетрадь в трубочку и сжимает в кулаке. – А теперь не трать больше мое время. До завтра.

Я скрежещу зубами, глядя, как он направляется к двери. Он останавливается в дверном проеме и разворачивается, бросая прощальный взгляд на мою комнату.

– Знаешь… а мне правда нравится твоя комната, – озвучивает он свои мысли. – Может быть, если бы в школе ты была такой же, как дома, люди меньше обсуждали бы тебя за твоей спиной.

Выходя, он захлопывает дверь. На мне нет лица.

Я смотрю на слово, написанное мелом на внутренней стороне двери большими буквами. Я этого не писала.

Притворство.

Следующим утром я отношу в приемную заявление о том, что мой шкафчик испортили, собираю все нужные подписи и отправляюсь к шкафчику Тена. Ученики заполоняют холл. Держа в подмышке книги, я поворачиваюсь лицом к стене, чтобы не привлекать внимания.

– Он у тебя? – спрашиваю я, не здороваясь.

Он выглядывает из-за дверцы шкафчика и вздыхает. Он немного смущен. Я написала ему вчера вечером, чтобы он сегодня принес медальон.

Запустив руку в карман длинных шорт, он вытаскивает за длинную цепочку круглую серебряную подвеску.

Я забираю ее у него и сразу испытываю облегчение: то, что нужно этому кретину, теперь у меня. И я точно смогу вернуть дневник.

– Зачем ты его взял? – резко спрашиваю я.

Он что, думал, медальон будет круто смотреться с футболками J. Crew?

Но Тен только пожимает плечами.

– Он выглядит как антикварный. Подумал, может, стоит больших денег.

Я убираю медальон в карман.

– Клептоман.

– А откуда ты, кстати, знаешь, что я его взял?

Откуда-откуда… Оттуда, что новенький, который, как выяснилось, ошивается в заброшенном парке развлечений, вломился ко мне в спальню, отрезал клок волос и грозился

выдать всем мои тайные мысли обо всех моих друзьях, если я его не верну.

Но не рассказывать же об этом Тену.

– Увидимся за обедом, – говорю я, пропуская мимо ушей его вопрос и направляясь в сторону кабинета искусства.

На ходу достав из кармана медальон, я переворачиваю его и внимательно рассматриваю старое витиеватое серебряное обрамление крупного лунного камня посередине. Тен прав. Он похож на антикварный. На нем есть несколько царапин, но металл более толстый и твердый, чем у обычных украшений из супермаркета.

Почему эта подвеска так много значит для Мейсена Лорана? Медленно поднимаясь по лестнице, я открываю медальон. Крики и смех вокруг превращаются в далекое эхо.

Как только я открываю крышку, брови невольно ползут вверх: передо мной не фотографии, как ожидала, а крошечный сложенный кусочек бумаги.

Я достаю его, разворачиваю и читаю:

Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Я иду медленно-медленно, почти останавливаюсь, глядя на записку и повторяя про себя ее текст.

Слова кажутся знакомыми, как будто я где-то уже их слышала. Или говорила… Не знаю.

Звучит второй звонок, предупреждение, что занятия начнутся через минуту. Так что я складываю бумажку, убираю ее в медальон и закрываю его.

Вокруг меня народ мечется вверх-вниз по лестнице. Я бегу к нужному кабинету, на ходу убирая кулон в карман джинсовых шорт.

Кому принадлежит этот медальон? Члену семьи? Подружке? Может, он украл его? Он живет в Бухте, в конце концов, и, судя по тому, в каком состоянии его руки и джинсы, родители не особо следят за тем, что происходит с сыном. Возможно, у него совсем нет денег, и раз уж он смог войти в мой дом, не оставив на двери ни единой царапины, уверена, он делал подобное раньше.

Мне очень хочется разыскать его прямо сейчас и вернуть свой дневник, но мои записи, скорее всего, у него в шкафчике или в машине. Кроме того, я ему не доверяю, и не факт, что у меня получится быстро и незаметно провернуть с ним обмен. Тогда на меня будут показывать пальцем из-за того, что я разговариваю с тем странным парнем, который вчера уронил меня прямо на задницу. Я не хочу, чтобы нас с ним снова видели вместе.

И, к счастью, сегодня на занятии по искусству я его не наблюдаю. Может, он забросил этот предмет.

Или – и тут мое сердце немного падает – его сегодня нет в школе. В глубине души зарождается беспокойство. Меня не радует перспектива снова возвращаться на ту свалку и искать его. Я получу назад свою тетрадку.

После искусства я иду на английский с текстом, тетрадью и копией *«Лолиты»* в руках. И, как только захожу в класс, вижу его: сидит в левом от меня ряду, на одну парту дальше.

Я ощущаю одновременно и облегчение, и легкое раздражение. Вчера его не было на этом предмете. Он собирается появляться время от времени и на остальных моих уроках?

Но он, кажется, меня не видит. Прямо как вчера на искусстве, просто сидит на месте и с хмурым видом пялится вперед, как будто ему неудобно здесь находиться.

Я сажусь на свое место и вдруг обращаю внимание, что его джинсы и футболка сегодня чистые.

Мистер Фостер включает проектор, и экран его ноутбука появляется перед всем классом на большой белой доске. Он ходит между рядами и раздает проверенные сочинения. Звенит последний звонок, разговоры в классе затихают, но народ продолжает шептаться, пока учитель ходит между рядами.

– Я рискну задать вам каверзный вопрос, – говорит мистер Фостер, останавливаясь у моей парты. В руках он держит мою работу и смотрит прямо на меня. – Вы саму книгу-то читали или только рецензии?

Я слышу, что кто-то усмехнулся у меня за спиной, и улыбаюсь: без сомнения, это Джей Ди.

– Вы просили проанализировать сюжет, так что я посмотрела фильм, – объясняю я, выдергивая у него из рук свою работу по *«Анне Карениной»*. – Осторожно, спойлер: там очень много обнаженки.

В классе раздаются смешки, я чувствую, как кровь вновь течет по венам, и наконец отхожу от легкого вчерашнего унижения.

Мы с мистером Фостером вечно сталкиваемся лбами, и если искусство – мой любимый предмет, то мистер Фостер – мой любимый учитель. Он заставляет нас высказывать собственное мнение. А еще это один из немногих взрослых, разговаривающих с учениками на равных.

– Я просил сделать анализ *романа*, Райен.

– И я попыталась, – говорю ему я. – Честно. Но он нагонял на меня какую-то бессмысленную тоску. Чему он должен меня научить? Тому, что, будучи женщиной в России девятнадцатого века, не нужно изменять мужу, иначе тебя изгонят из светского общества и доведут до того, что ты бросишься под поезд? – Я сажусь на свое место. – Я усвоила урок. Когда в следующий раз

окажусь в России девятнадцатого века, я об этом не забуду.

Я снова слышу хихиканье Джей Ди за спиной. В других концах класса тоже раздаются смешки.

Но мистер Фостер пристально смотрит мне в глаза и понижает голос до шепота.

– Я знаю, что ты можешь лучше, – говорит он.

Я читаю в его глазах мольбу. Понимаю, какого он высокого мнения о моих интеллектуальных способностях и как его злит, что я не использую их по максимуму.

Он отходит от меня и направляется к следующему ученику, но продолжает разговаривать со мной.

– Прочитай *«Джейн Эйр»* и напиши по ней эссе на ту же тему, – требует он.

Мне стоило бы молча принять наказание и быть благодарной, что он дает мне второй шанс, а не ставит в журнал тройку за сочинение по *«Анне Карениной»*. Но я не могу заставить себя перестать препираться.

– А можно я прочитаю что-нибудь, написанное хотя бы не больше века назад? – спрашиваю я. – Что-нибудь такое, где мужчина среднего возраста не превращает восемнадцатилетнюю девушку в наложницу?

Он поворачивает голову и строго смотрит на меня.

– Думаю, мисс Треверроу, вы уже достаточно побыли в центре внимания всего класса.

– А вообще, – продолжаю я, – я заметила тенденцию в этом семестре. *«Анна Каренина», «Лолита», «Девушка с жемчужной сережкой», «Джейн Эйр»*… Все это – истории любви мужчин в возрасте к молодым женщинам. Вы ничего не хотите рассказать нам, мистер Фостер? – Я дважды моргаю, посмеиваясь над пожилым учителем.

Класс разражается громким смехом, и я вижу, как поднимается грудь мистера Фостера, – он делает глубокий вдох.

– Я хочу, чтобы работа была готова к завтрашнему дню, – говорит он. – Вы меня поняли?

– Абсолютно, – отвечаю я, а потом бормочу себе под нос: – У *«Джейн Эйр»* куча экранизаций.

Ребята, сидящие ближе ко мне, тихонько смеются, потому что, разумеется, я не смогу прочитать целый роман и написать по нему работу до завтра, учитывая, что вечером у меня еще чирлидинг и плавание. Я закругляюсь с насмешками. Я довольна своей победой. По крайней мере, в их глазах это победа.

Мои легкие наполняет чистый, прохладный воздух.

– А как насчет *«Сумерек»*? – спрашивает кто-то.

Я замираю, услышав низкий голос из-за спины. Мистер

Фостер стоит перед своим столом и смотрит куда-то поверх моей головы.

– *«Сумерек»*? – переспрашивает он.

– Да, куколка? – подначивает меня Мейсен. – Тебе понравились *«Сумерки»*?

Сердце начинает биться сильнее. Что он делает?

Я поворачиваюсь и смотрю на него скучающим взглядом.

– Конечно. Мне было двенадцать, еще бы мне не понравилось. А тебе как?

Он улыбается уголками губ, и я снова обращаю внимание на пирсинг.

– Могу поспорить, ты просто влюбилась в эту книгу, – говорит он, и весь класс внимательно его слушает. – Бьюсь об заклад, именно благодаря ей ты полюбила чтение. Я даже готов поставить на то, что ты была в кино на премьере. А футболка с Эдвардом, кстати, у тебя есть?

Вокруг меня снова начинают хихикать, и все удовольствие от недавней победы испаряется без следа под пристальным взглядом его злорадных глаз. Откуда он все это знает?

Да, когда-то очень давно я купила томик *«Сумерек»*, потому что на обложке был Роберт Паттинсон, но, блин, мне же было всего двенадцать, так что…

Едва закончив читать первую книгу, я попросила маму купить мне все остальные и следующие две недели провела, читая их взахлеб в любую свободную минуту.

Поднимая бровь, я смотрю на учителя.

– Это, конечно, очаровательно, что у нас завязалась дискуссия, но я так и не поняла, что имеется в виду.

– Имею смелость напомнить, – отвечает Мейсен, – что Эдвард был старше Беллы лет так на сто.

На восемьдесят шесть.

– Видишь ли, – продолжает он, – ты считаешь истории о любви взрослых мужчин и юных девушек каким-то нездоровым, легкомысленным извращением со стороны первых. А на самом деле в то время это было довольно распространено. Прежде чем заводить жену, мужчина должен был завершить образование и построить карьеру, чтобы быть в состоянии обеспечивать женщину.

Он делает небольшую паузу, а затем продолжает.

– А жена почти всегда была намного моложе, потому что перед ней стояла задача выносить детей. Таковы устои общества. И твой любимый Эдвард Каллен, между прочим, в почти вековом возрасте все еще учился в старшей школе, жил с родителями и пытался мало-мальски встать на ноги, хотя на дворе был двадцать

первый век.

Весь класс разражается смехом, а у меня внутри что-то падает.

Краем глаза поглядывая на Мейсена, я наклоняюсь к следующей парте передо мной и шепчу:

– Но он же такой сексуальный, а значит, остальное не имеет значения, правда?

Я продолжаю смотреть вперед, а желудок все сильнее и сильнее завязывается узлом. Конечно, Эдвард был старше Беллы на несколько десятков лет. Но при этом выглядел-то он прекрасно. Да и что он мог поделать, если она в него влюбилась?

Мейсен продолжает идти в наступление.

– А теперь представь, что он выглядел бы как столетний дед, – восклицает Мейсен, поднимаясь с места. – История уже не казалась бы такой романтичной, правда? Тогда не было бы никаких Беллы и Эдварда. – Он подходит к доске, обходит учительский стол и жестом показывает на ноутбук. – Можно?

Учитель кивает. Он выглядит настороженно, но позволяет Мейсену закончить.

Мейсен наклоняется, и я специально не смотрю, что он забивает в поисковик. Но когда вокруг снова слышится смех, причем еще громче, чем в прошлый раз, я сдаюсь и поднимаю глаза.

То, что вижу на экране, приводит меня в такую ярость, что я сжимаю кулаки.

С экрана нам улыбается огромное изображение старика. Его лицо изъедено морщинами, у него не хватает зубов, а лысину окаймляют отдельные клочки седых волос, и такие же седые волосы торчат из носа. Я пристально смотрю на Мейсена. Его губы скривились в усмешке.

– Старикашка Эдвард – счастливый парень, – злорадствует он. – Перед ним вот-вот предстанет обнаженная Белла.

– О да! – вскрикивает Джей Ди, и класс погружается в полнейший хаос. Ребята вовсю хохочут, а я чувствую, что стены словно сжимаются вокруг меня. Пространство резко схлопывается, объем легких уменьшается вместе с ним, и сделать вдох становится куда сложнее.

Я крепко сжимаю зубы. *Вот урод.*

Мейсен скрещивает руки на груди и смотрит на меня как хищник, что уже загнал добычу и вот-вот приступит к трапезе.

– Мои поздравления, куколка, – говорит он. – Ты только что напомнила нам всем, что мы любим *исключительно* глазами.

На шее выступает холодный пот. Я выбегаю из класса так

быстро, как только могу, и бросаюсь в женскую раздевалку. Легкие сдавливает все сильнее. Проношусь мимо девочек, которые переодеваются на физкультуру, заскакиваю в одну из душевых, задергиваю занавеску и включаю воду.

И делаю шаг влево, чтобы не облиться. Звук текущей воды защищает меня от любопытных ушей. Я достаю из кармана ингалятор, нажимаю на него два раза подряд и прислоняюсь к стене душевой кабины, закрыв глаза.

Четыре года. У меня не было приступов из-за паники четыре года. Они всегда только от физических нагрузок. Объем легких постепенно приходит в норму. Я медленно дышу и пытаюсь успокоиться.

Да что, черт возьми, со мной не так? Этот парень не представляет никакой угрозы. Он не та проблема, с которой бы я не справилась. Значит, он бросает мне вызов. Ну и что? Я буду психовать каждый раз, когда он попытается довести меня? Рано или поздно я уеду из уютного и безопасного Фэлконс Уэлл, и больше не надо будет поддерживать имидж популярной девочки-лидера. Я веду себя как ребенок.

Но на одно мгновенье там, в классе, у меня в глазах все же потемнело. Мир стал съеживаться, словно я иду спиной вперед вглубь туннеля, а свет остается далеко впереди. Свет – Мейсен, мистер Фостер, одноклассники – непреклонно слабел, а темнота пожирала комнату. Я чувствовала себя совершенно одинокой.

Совсем как раньше.

– Итак, внимание! – восклицает мисс Уилкенс, моя учительница в четвертом классе. Мы все выстроились в линию у двери кабинета. – Если вы остаетесь здесь на время перерыва, никаких разговоров. Вы работаете. – Она поднимает на нас глаза. – Все остальные… могут идти.

Первый человек в шеренге толкает дверь, и все бросаются во двор, на детскую площадку.

Одни бегут играть в мяч, другие – на турники, несколько человек просто бродят вокруг асфальтовой площадки и пытаются придумать, чем себя занять.

Все проходят мимо меня. Я замедляю шаг и с тяжелым сердцем смотрю, как они сбиваются в группки и начинают играть. Ярко светит солнце. Я медленно прохожу в середину всеобщей кутерьмы и неуверенно осматриваюсь, не зная, куда пойти и с кем заговорить.

Так бывает каждый день.

Девочки весело подбегают к другим девочкам и принимаются болтать. Мальчики играют с другими мальчиками, перекидываются мячом, лазают по лестницам и турникам.

Некоторые ребята из класса сидят на траве и играют в игрушки, которые принесли с собой в школу. Все легко находят себе компанию.

Но на меня даже никто не смотрит.

Я плетусь по площадке, желудок завязывается узлом. Ненавижу перерыв. Лучше бы я осталась в классе, пораскрашивала раскраски, писала бы в дневник или поделала еще что-нибудь.

Но я хочу, чтобы они знали, что я тоже здесь, чтобы они меня увидели.

Мне не нравится, что обо мне все забыли.

Я поглядываю на Шеннон Белл и еще нескольких девочек из класса. У них всегда такая крутая, красивая одежда. Почему у меня никогда не получается так хорошо выглядеть? Я поправляю свою юбку до колена и рубашку поло. Выгляжу как хорошая девочка. Мама всегда собирает мне волосы в хвост, а я хочу завивать их, как они.

Облизав губы, я проглатываю огромный ком в горле и направляюсь к ним.

– Привет, – выдавливаю с огромным трудом.

Они замолкают и с непроницаемым видом смотрят на меня. Я показываю рукой на Шеннон.

– У тебя классный лак для ногтей.

На самом деле это не так. Он отвратительного желтого цвета, но мама говорит, что делать комплименты – хороший способ завести друзей, так что…

Шеннон негромко усмехается. Ей стыдно перед подругами, что я с ней заговорила. Она косится на них.

Я чувствую, как невидимая рука отталкивает меня от них. Они ведь хотят, чтобы я ушла, разве нет?

Но я давлю из себя улыбку и пробую снова.

– Эй, – говорю я другой девочке, глядя на ее туфельки. – У нас одинаковые туфли. – И перевожу взгляд на свои, как бы показывая ей.

Она смеется и закатывает глаза.

– Иу.

– Эй, девчонки, – одергивает подруг другая девочка, но они продолжают хихикать.

– А это что такое? – Шеннон показывает на оттопыренный карман моей юбки.

Мое сердце немного сжимается. Больше ни у кого в моем классе нет ингалятора, и, если они узнают, я буду выбиваться из общей массы еще сильнее.

– Это просто ингалятор, – негромко отвечаю я. – Я аллергик, и у меня астма. Ничего серьезного.

Я не поднимаю глаз, потому что боюсь увидеть, как они переглядываются, и поджимаю губы, чувствуя, что к глазам подступают слезы. Почему у меня не получается быть такой же крутой, как они?

– Как думаешь, Кори Шульц симпатичный? – вдруг спрашивает Шеннон.

Я моргаю и готовлюсь защищаться.

– Нет, – быстро отвечаю я.

Кори Шульц – наш одноклассник, и на самом деле он милый, но я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я так думаю.

– Ну а я думаю, симпатичный, – говорит она. – Мы все так считаем. Ты с ним поссорилась?

Я поднимаю взгляд и качаю головой.

– Нет. Я просто… да, думаю, он все-таки симпатичный.

Девочка, стоящая за Шеннон, начинает хохотать, а Шеннон вдруг убегает куда-то в сторону баскетбольной площадки.

Сердце начинает биться быстрее. Она подходит к Кори и что-то шепчет ему на ухо, а потом он оборачивается, чтобы взглянуть на меня, и его лицо искажает гримаса отвращения.

Только не это.

Все начинают хохотать. Я разворачиваюсь и убегаю. Мне в спину кричат:

– Райен любит Кори, Райен любит Кори!

Я начинаю плакать. Слезы стекают по лицу, меня сотрясают рыдания. Я забегаю за угол школы и прячусь, чтобы они не видели моей истерики.

– А теперь-то что с тобой не так? – спрашивает, подходя, моя сестра-пятиклассница. Должно быть, она увидела, как я убегала.

– Ничего, – реву я. – Просто уходи.

Она злобно шепчет:

– Подружись уже с кем-нибудь. Тогда мама перестанет заставлять меня играть с тобой, и я смогу наконец спокойно играть с друзьями. Это что, так сложно?

Я реву еще громче. Она убегает. Стесняется меня. А я сама не знаю, что со мной не так.

Я вытираю слезы и иду в класс. Уверена, лицо у меня красное, как помидор, но никогда не поздно расставить на парте папки и спрятаться за ними, положив голову на столешницу.

Я тихонько вхожу в класс. Несколько человек, оставшихся делать домашнее задание, сидят за партами, а мисс Уилкенс – за компьютером, спиной ко мне. Я проскальзываю на свое место, достаю две больших папки и ставлю их на парту. Это мой щит. Потом опускаю голову и прячусь.

– Хочешь мне помочь? – слышу я голос.

Я смотрю направо и вижу: Далила что-то делает с папиросной бумагой на полу. Она протягивает мне маркер. У нее грязь под ногтями, светлая челка свисает прямо на глаза. Она всегда остается в классе на время перерыва. В отличие от меня, она уже давно перестала пытаться с кем-то подружиться.

Я беру маркер, слезаю на пол и присоединяюсь к ней.

– Спасибо, – говорю я, глядя на нарисованную наполовину Эйфелеву башню высотой с меня.

Она улыбается, и мы вместе начинаем ее раскрашивать. Тяжесть в груди понемногу начинает уходить.

Она всегда вежливая и милая. Почему меня так заботит, что подумают другие девочки? Отчего я хочу дружить именно с ними?

Я пытаюсь вести себя мило, но этого всегда недостаточно.

А они противные, но их все равно все любят.

Почему?

Я наклоняюсь в душевой кабинке, опираюсь руками о колени и пытаюсь отогнать от себя воспоминания. Я уже давно не такая. *У меня все хорошо. Я это переживу.* Он всех повеселил, они посмеялись, у меня случился приступ удушья. Теперь я расслабилась и снова в норме. Просто в следующий раз нужно дать отпор. И я это умею.

Или просто его проигнорировать. В любом случае это не особо важно. Еще пару месяцев – и едва ли кто-то из этих людей будет для меня хоть что-то значить.

Чертовы *«Сумерки»*. Как ему удалось настолько попасть в точку? Я вдыхаю и выдыхаю воздух, мышцы наконец до конца расслабляются. Мейсен Лоран постоянно на шаг впереди.

Я убираю ингалятор обратно в карман, выключаю воду и выхожу из кабинки, а затем и из раздевалки. Я уже опоздала на математику, но зато успокоилась и готова вести себя так, будто случая на английском не было вовсе.

Никто о нем ничего не говорит и не пишет. Мейсен Лоран еще ни для кого ничего не значит, и никто не считает меня недалекой девочкой-инфантом, которую он пытается из меня сделать.

Вообще никто.

Уроки тянутся безумно медленно, я еле высиживаю обед и оставшиеся занятия в тревожном ожидании, что все может пойти не так в любой момент. Как только звенит звонок с последнего урока, я тут же сбрасываю книги в шкафчик, хватаю сумку со всем необходимым для чирлидинга и плавания, тороплюсь покинуть школу и устремляюсь на боковую парковку.

– Райен! – окликает меня Лайла.

Но я не останавливаюсь.

– Сейчас вернусь! – бросаю я через плечо.

Она знает, что у нас скоро тренировка, и, видимо, удивлена, что я ухожу из школы.

Пересекая парковку, вижу, как ученики садятся в машины и заводят их. Я разглядываю толпу в поисках новенького. Наконец вижу, как он выходит из черного пикапа. У него в руках ничего нет. Ни книг, ни папок, ничего.

Пока я иду к нему, замечаю, как его приветствует пара парней, а моя подруга Кейтлин подходит к нему, кокетливо проводя рукой по крылу его машины и строя из себя скромницу.

Мои надежды рушатся прямо на глазах. Он уже определенно влился в коллектив.

Замешкавшись, я наблюдаю, как она говорит с ним, прижимая к себе книги, смеется над какими-то его словами, а он смотрит на нее сверху вниз и кажется не более приветливым, чем со мной.

И почему мне это нравится?

Наверное, приятно осознавать, что он ведет себя так не только со мной. Он груб со всеми, кроме тех парней, что подошли к нему минуту назад.

Или, возможно, мне бы не понравилось, если бы он улыбнулся ей, а не мне, или…

Я делаю глубокий вдох, мое терпение на исходе. Не хочу, чтобы она видела, как мы с ним разговариваем, но мне нужно вернуть дневник.

Я подхожу к ним с гордо поднятым подбородком и на ходу киваю Кейтлин.

– Увидимся на тренировке.

Она замолкает, как будто ее застали врасплох. Я держусь за ручку сумки, висящей на плече, пристально смотрю на нее и жду, когда она уйдет.

Она едва заметно закатывает глаза и удаляется, оставляя нас одних.

Не сомневаюсь, она уже побежала рассказывать все Лайле.

Я залезаю в карман сумки, вытаскиваю медальон и протягиваю ему.

Он осторожно берет его у меня, на секунду задерживает на нем взгляд и убирает в карман. Потом поднимает глаза, и что-то происходит. На долю секунды я вижу в его глазах что-то странное.

Он как будто… расстроен или что-то типа того.

– А теперь верни мне тетрадку, – требую я.

– Извини, – говорит он, не опуская глаз. – У меня ее нет с

собой.

– Не зли меня, – глухо рычу на него я. – Я сделала то, что ты хотел.

– Что я хотел… – Он негромко усмехается себе под нос, будто я чего-то не понимаю.

Он открывает водительскую дверь и садится в машину. Но, прежде чем успевает ее закрыть, я подбегаю и удерживаю ее.

– У нас был уговор.

Он кивает.

– Был. Но сейчас я ничего не хочу так сильно, как побесить тебя.

Он с силой дергает дверь и захлопывает ее.

Потом заводит машину и нажимает на газ, а я поправляю волосы, и меня охватывает отчаяние. Но, посомневавшись всего секунду, я бросаю сумку на землю, бегу за ним и запрыгиваю на подножку машины.

– Вот ты урод, – огрызаюсь я. Он бьет по тормозам и глядит на меня.

Может быть, я привлекаю ненужное внимание, но больше не собираюсь это терпеть.

– Слезь с машины.

Я отрицательно качаю головой.

– Я не знаю, кто ты и откуда, – злобно шепчу я, – но я не позволю тебе мной помыкать. Если вдруг ты еще не понял.

Он вздергивает подбородок, показывая на что-то у меня за спиной, и улыбается.

– Вот и посмотрим.

Я оборачиваюсь и вижу Лайлу с Кейтлин. Они стоят на верхней ступеньке лестницы и наблюдают за нами. Прекрасно.

И как я объясню им это?

– Будь осторожна. Они уже готовы перемыть тебе все косточки, – издевается Мейсен. – Не оплошай.

Я слезаю с подножки, и он снова набирает скорость. Но, прежде чем успевает уехать, я кричу:

– Ты живешь в заброшенном парке развлечений.

Он снова останавливается и поднимает подбородок. Я медленно подхожу к его окну, чувствуя, как силы возвращаются ко мне, и одариваю его легкой улыбкой.

– Я сделаю это исключительно из добрых побуждений, – говорю я ему. – Поставлю ответственных взрослых в известность о том, что тебе негде жить.

Он замирает от моей угрозы, а я улыбаюсь, изображая сострадание.

– Социальные службы заинтересуются твоей ситуацией,

выяснят, откуда ты приехал и не ищет ли тебя кто… – продолжаю я, приложив палец к подбородку, якобы размышляя. – Интересно, не стоит ли Мейсен Лоран на учете в полиции? Может, он поэтому и прячется? Ты явно пытаешься лечь на дно. Готова поспорить.

Он хмурится и сжимает зубы. Да, возможно, ему уже восемнадцать, и тогда он имеет полное право ошиваться где его душе угодно, но это не гарантирует отсутствия всякого внимания к его персоне. Может, его ищут родители или приемная семья.

А возможно, и полиция.

Не так много детей меняет школу за шесть недель до выпуска, в конце концов. Он бежит от чего-то.

Мейсен снова нажимает на педаль и наконец говорит:

– Я привезу его вечером.

– Ты привезешь его сейчас.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

– Если будешь меня задерживать, то никогда его не получишь, – подмечает он. – У меня много дел. Увидимся вечером.

Глава Пятая
Миша

Дорогая Райен…

Я заношу ручку над бумагой и замираю, потому что стоит мне взять ее в руки, как сотни мыслей, которые крутились в голове, разом куда-то испаряются. Что она всегда говорит мне? *Главное – начни.* Не переживай о том, что я скажу. Просто начни, и дальше все само пойдет как по маслу.

До знакомства с Райен я не мог писать песни. И теперь, начиная с той ночи три месяца назад, не могу выдавить из себя ни строчки.

Я смотрю в пустое окно склада. Внутри остались горки сажи и пятна копоти от костров на стенах. Теплый ветерок свободно гуляет по разбитым окнам и обдувает мне спину.

Порывы ветра раскачивают цепь, висящую где-то очень высоко в огромном пространстве надо мной. Она бьется о потолочную балку, и по спине бегут мурашки.

Здесь все по-другому. По ночам это здание забито людьми, а днем здесь пустынно и тихо. Обожаю приезжать сюда, когда мне не хватает тишины и покоя.

Я смотрю вниз, на ее имя, и пытаюсь вспомнить, как просто было раньше открывать ей душу.

Меня все бесит, – пишу *я.* – *Любая мелочь причиняет невыносимую боль. Не надо было хоронить ее. Я должен был им помешать. Еще девочкой она увидела фильм о женщине, которую похоронили заживо, и с тех пор жутко этого боялась. Она не хотела оказаться под землей, но отец сказал, что ему нужно место, куда можно будет приходить навещать ее, как будто ее желание вообще ничего для него не значило.*

Я закрываю глаза. Мои ресницы мокрые от слез. Злость вскипает внутри и разливается по венам, пока я выцарапываю слова.

У меня не получается тебе писать. А когда все-таки удается, не могу заставить себя отправить чертовы письма. Я хочу сделать тебе больно. Не знаю, почему. Может быть, потому что ты – единственный человек, которому я до сих пор могу причинить боль. Каждое твое письмо, которое я оставляю без ответа, заставляет меня почувствовать себя чуточку лучше. Ты хочешь правду? Вот она. Мне приятно вот так играть твоими чувствами. Мне доставляет удовольствие знать, что ты думаешь обо мне и гадаешь, думаю ли я о тебе.

Не думаю. Никогда.

Я продолжаю писать, изливая на бумагу желчь, потому что она любит меня и хочет, чтобы я был счастлив. Хочет, чтобы я улыбался и занимался таким обыденным дерьмом, как болтовня о «Звездных войнах», музыке и поступлении в колледж. Кто она такая, чтобы осознать, что есть более важные вещи, чем ее переход к взрослой, самостоятельной жизни?

Каждое твое письмо, что я получал все эти годы, немедленно отправлялось в мусорную корзину сразу после прочтения. Разве сама не видишь, какая ты жалкая? Посылаешь по пять писем на одно мое? Бьюсь об заклад: ты тоже обманываешь себя. Ты что, мечтала о том, что я их храню? Может, даже аккуратно перевязываю стопку красной ленточкой каждый раз, добавив новое письмо, потому что мне ужасно нравится, что и как ты пишешь?

Нет. После того как я случайно на тебя наткнулся, ты показалась мне скучной и обычной. Вот и все.

Я втягиваю носом воздух, крепко сжимаю зубы и касаюсь бумаги карандашом. В душу закрадывается чувство вины.

Райен.

Лгунья. Выпендрежница. Легкомысленная сучка, которая ничем не отличается от всех остальных.

Но потом я опускаю глаза и вспоминаю…

Райен.

Девочка, которая вложила в письмо пять долларов в пятом классе, когда я рассказал ей, что отец отказался давать мне деньги.

Девушка, которая заставляет меня смеяться своими рассуждениями о том, как колбаса портит пиццу, потому что «перебивает ее вкус», а потом присылает мне кусок вегетарианского пирога на день рождения, чтобы доказать свою правоту. У нее так и не вышло. Мясной пирог все равно вкуснее.

Девушка, которая сходу улавливает все отсылки к фильмам, чувствует, когда что-то не так, и говорит мне все, что мне так нужно услышать. Девушка, которая приводит мысли в порядок, когда мой мир превращается в хаос.

Райен. Красивая, просто идеальная девушка, которая так разительно отличается от всех остальных.

Я протираю рукой лоб и поправляю волосы. Горло сжимается, слезы обжигают глаза.

Черт. Я касаюсь бумаги ручкой и вывожу то, что шепчет мне сердце.

Я скучаю по тебе. Каждый день, – пишу я. – *Ты спрашивала про мое любимое место. Так вот: оно там, где ты.*

А потом отбрасываю ручку, вырываю из тетради страницу и

достаю из кармана джинсов коробок спичек. Они нужны мне, чтобы зажигать лампу в моей комнате в Бухте. Чиркнув спичкой, смотрю, как ее кончик горит желто-оранжевым пламенем. Подношу его к письму и поджигаю уголок. Край быстро становится черным, а пламя распространяется по бумаге, съедая каждое слово. Синие строчки исчезают, остается только пепел.

Вздохнув, я закусываю сережку в губе. Девушка, которую я увидел вчера в классе, меня разочаровала. Моя Райен, та самая, которую, как я думал, я знаю, никогда бы не отнеслась ни к кому так, как она – к тому парню, Кортесу. Она не стала бы просто стоять в сторонке и смотреть, как тот ублюдок издевается над ним. Я ждал ее. Сидел и ждал, когда она поднимет задницу со стула, заговорит с ним, скажет что-нибудь, что-то сделает, но… ничего.

Теперь я все понимаю. Чирлидерша, которую она описывала в своих письмах, и все, что она так в ней ненавидела… Она писала о себе.

Я бросаю догорающую спичку на бетонный пол и встаю, пиная и растирая ботинком горстку пепла.

Смотрю на часы: уже семь. После школы я заехал домой до того, как отец вернулся, проверил почту и забрал кое-какие вещи, а потом купил немного еды и приехал сюда. Помню, как Райен писала, что ведет занятия по плаванию вечерами по вторникам и четвергам в школьном бассейне. Там я, пожалуй, и смогу ее найти.

Надо было просто вернуть ей дневник. Она нашла медальон Энни, и я не хочу идти с ней на конфликт, особенно когда я здесь не из-за нее и покину город сразу же, как только получу то, за чем приехал.

И наши с ней пути никогда больше не пересекутся.

Но я должен признать, что сегодняшняя перепалка с ней на уроке – первое, что за долгое время заставило меня улыбнуться.

Этому трудно сопротивляться.

Я выхожу со склада, иду к машине и сажусь в кабину, захлопывая за собой дверь.

А потом вижу, что пассажирская дверь открывается, и испуганно вздрагиваю.

Дейн запрыгивает в пикап и беззаботно мне улыбается, откидываясь на спинку сиденья. Ему легко.

– Посмотрим Netflix? Или просто посидим?

Усмехнувшись, я поворачиваю ключ в замке зажигания.

– Катись отсюда.

Двигатель возвращается к жизни с особым, мягким звуком, которого не так просто было добиться. Двоюродный брат отдал

мне машину, когда выпал из жизни на три года, но, вернувшись, не потребовал ее назад, так что, думаю, теперь она моя. Я благодарен, что несколько лет назад он передал мне ключи. Когда пришло время, я не хотел обращаться к отцу с просьбой о машине.

– Ну так вот, я вчера вечером был на свидании, – продолжает Дейн, никак не реагируя на мои слова. – Помнишь ту девушку из Сигма-Каппа… как его там? Она была на концерте вчера вечером, и все шло просто замечательно. Мы пялились друг на друга все гребаные четыре часа… – Он замолкает, поворачивается ко мне и взволнованно продолжает: – Мы приехали к ней, чувак, и я сижу такой в гостиной, пока она пошла в ванную, уже изнываю, потому что она та еще горячая штучка, понимаешь? И угадай, кто вдруг входит в комнату?

– Дейн. – Я закрываю глаза, мечтая, чтобы он заткнулся.

– Ее мама, чувак! – вскрикивает он. – Ее мать в тонюсенькой розовой ночнушке и с ногами от ушей. И позволь тебе признаться, мужик… “Stacy’s mom has got it going on!”[6]

Я больше не могу сдерживаться. Я ухохатываюсь над цитатой из песни и потираю переносицу, усталый, но наконец сумевший чуть-чуть расслабиться. И что уж там, спасибо ему за это.

Он такой идиот.

Дейну двадцать один, но он после школы так и не сделал со своей жизнью ничего путного. По-прежнему живет в доме у родителей, обожает писать музыку, у него нет никаких планов на будущее, и это его ничуть не напрягает. Хотел бы я быть таким же беззаботным, как он.

Я спокойно выдыхаю, смотрю на него и чувствую укол вины. Он по-прежнему хороший друг, а я в последнее время превратился в отвратительного.

– Прости меня насчет группы.

После смерти Энни я никого видеть не мог. Начал прогуливать школу, окончательно оставил попытки наладить отношения с отцом…

Потеря Энни его полностью разбила. Я хоть немного отошел от горя за пару месяцев, слонялся без дела, но оплакивать ее вместе мы все равно не могли. Я не мог смотреть на это. Он был так несчастен. А я – зол. Смерть Энни разрушила последнюю ниточку, которая связывала нас и заставляла держаться вместе.

А моя горе-матушка даже не приехала на похороны. Я думаю об этом каждый день, и каждый раз ярость вскипает с новой силой.

Дейн просто пожимает плечами.

– Мы пока убиваем время и ждем, когда ты будешь готов

вернуться, – говорит он мне. – Ты же знаешь, без тебя мы ни на что не годимся.

– Да, понимаю… Но я ничего не писал уже несколько месяцев. И, видимо, уже никогда не смогу, так что не нужно меня ждать.

После того как я покинул группу, ребята собрались и продолжили играть втроем. Они время от времени дают концерты и пока не отменили летний тур. Знаю, Дейн надеется, что к тому времени я вернусь и все станет по-прежнему, но у меня к этому нет ни малейшего интереса. Когда я потерял Энни, я потерял и Райен, и теперь мне не с кем разговаривать. Не знаю, будет ли мне теперь о чем писать и что сказать.

– А это что такое?

Я перевожу глаза на Дейна, который держит в руках белую тетрадку Райен и просматривает ее, быстро пролистывая страницы.

– Ты все-таки начал писать? – спрашивает он, останавливаясь на одной. – Не-а. Это девчачий почерк. – Он продолжает читать и негромко усмехается. – Очень плохой девчачий почерк. Кто она?

Я забираю у него дневник и бросаю на сиденье.

– Моя муза.

– Она не хочет его вернуть?

Я улыбаюсь про себя.

– Хочет больше всего на свете.

Он берет в руки ремень и пристегивается.

– Тогда поехали.

Заходя в школу, я слышу где-то вдалеке шум пылесоса, который, видимо, доносится из библиотеки, потому что это единственное помещение во всем здании, где я заметил ковер.

Я бросаю взгляд налево. Уборщица должна быть где-то там. Я точно не знаю, сколько их, но в школе такого размера, как эта, их должно быть несколько.

Моя школа в Тандер-Бей немного меньше, но она нравится мне больше во многих отношениях. В Фэлконс Уэлл гораздо слабее система охраны – я поднимаю глаза на уже установленные, но еще не включенные камеры – и со спортом тут все гораздо хуже.

В коридорах темно, двери в классные комнаты закрыты. И когда я приехал, парковка была почти пуста, значит, занятия по лакроссу, чирлидингу и бегу уже закончились.

Может, парочка учителей и засиделась на втором или третьем этаже, но вообще помимо уборщиц в школе осталась одна Райен, ведущая занятия в бассейне.

Я подхожу к дверям учительской, оглядываюсь, чтобы убедиться, что мы одни, и передаю дневник Дейну.

– Подержи.

– Что ты делаешь? – Он затягивает капюшон своей черной толстовки и нервно поглядывает наверх, на неработающие камеры.

Я незаметно достаю из кармана джинсов отмычку и тут же прячу ее обратно. Еще мне понадобится скрепка, снятая со страницы дневника Райен. Развернув скрепку, я выпрямляю ее и лишь чуть-чуть загибаю кончик.

Дейн наблюдает за тем, как я вставляю отмычку в замок, начинаю надавливать в разных направлениях и смотрю, где он поддастся. А потом особым образом вставляю в замочную скважину скрепку и поворачиваю до щелчка. Тогда я посильнее надавливаю на отмычку – и… *щелк.*

Замок поворачивается, дверь открыта.

– Где ты этому научился? – удивленно шепчет Дейн.

– На YouTube. Хватит болтать.

Мы пробираемся в темную учительскую, быстро осматриваемся и убеждаемся, что мы здесь одни. За столами у стойки никого нет. Я бросаю взгляд налево и вижу дверь с табличкой *«Миссис Берроуз»*. Подхожу, дергаю за ручку, но эта дверь тоже заперта. Засунув отмычку в замок, я быстро двигаю ею. Наконец замок поддается, и дверь открывается.

Я завороженно смотрю вглубь кабинета, поражаясь, что мой план действительно сработал. Я никогда не вскрывал замки до вчерашнего вечера, когда загуглил, как это делается, и попрактиковался на парочке старых ржавых дверей в Бухте.

– Кабинет директора. – Дейн делает шаг вперед, и теперь мы оба стоим в дверном проеме. – Я провел кучу времени в таком же. Думаю, они отдали мне аттестат, только чтобы поскорее от меня избавиться.

У него низкий смешливый голос. Я убираю инструменты на место, в пустой карман.

– Тсс.

Войдя в кабинет, тут же осматриваю шкафы и начинаю открывать ящики в поисках чего-нибудь, хоть отдаленно напоминающего то, что ищу.

И нахожу что угодно, только не это: личные дела учеников, сметы, чеки, планы уроков, записи о выговорах…

– Что ты пытаешься найти?

Я открываю ящики один за другим и вожу пальцем по файлам, которые просматриваю. Она должна быть здесь. Энни как-то мне сказала, что отправила ее сюда по почте.

– Чувак, нам нужно убраться отсюда, – увещевает Дейн нервным голосом.

И потом я вижу ее: толстую коричневую папку с надписью *«Личное»*, перетянутую резинкой.

Я хватаю ее, быстро открываю и заглядываю внутрь. Она полна розовых конвертов. А еще там лежит маленький фотоальбом. В груди начинает колоть, я проглатываю ком в горле.

Энни.

Я закрываю папку и надеваю на место резинку, потом задвигаю ящики и выхожу из кабинета. В здании еще есть люди, и я не хочу, чтобы нас поймали.

Дейн внимательно следит, как я разворачиваюсь и нажимаю на кнопку, блокируя только что закрывшуюся за нами дверь.

Увы, двойные двери, через которые мы вошли, запираются ключом, так что там замести следы не получится. Надеюсь, работники школы решат, что просто забыли закрыть их сегодня вечером.

Дейн косо смотрит на папку у меня в руках.

– И как же это связано с дневником?

Он все еще держит тетрадку Райен.

– Никак. – Забрав у него дневник, я иду по коридору в сторону раздевалок в дальнем конце школы. – Совершенно никак не связано.

Я приехал в Фэлконс Уэлл не из-за Райен, но знал, что наткнусь на нее здесь. Этого-то я и боялся.

Она не заслуживает моего внимания. Единственное, что имеет значение, – Энни. Но после нескольких месяцев добровольного заточения: без общения с семьей, друзьями, без музыки – знать, что Райен поблизости… Это отвлекает. В каком-то смысле это даже приятно.

Хотя, опять же, это все неважно. Папка у меня, и как только я заберу то, за чем еще приехал, я покину это место. Я сдал достаточно предметов, чтобы окончить школу, еще в январе, так что домой возвращаться не стану. Оставлю себе вымышленное имя, фальшивое удостоверение личности и попытаюсь все забыть.

Забыть, что в ту последнюю ночь я делал селфи с Райен, игнорируя инстинкты и ответственность, пока моя сестра умирала в одиночестве на холодной темной дороге.

Мы идем в раздевалку, зная, что через нее можно пройти в бассейн. Шагая мимо дверей и шкафчиков, я замечаю что-то краем глаза и мельком вижу в душе две фигуры.

Выйдя в коридор, останавливаюсь. Что я только что увидел?..

Рывком головы показываю Дейну: иди дальше.

– Так ты выйдешь к бассейну. Дай мне минутку.

Он лениво кивает и выходит из раздевалки. Я разворачиваюсь и, стараясь держаться как можно ближе к стене, заглядываю за угол.

Уголки моих губ моментально начинают ползти вверх. Вот потеха! Кажется, не все чирлидерши и игроки в лакросс разошлись по домам.

Трей Берроуз, тот парень, который считает, что Райен – его девушка, стоит в душе и прижимает ее лучшую подругу – вроде бы ее зовут Лайла – к стенке кабинки. Они голые и занимаются сексом прямо под струями воды.

Классика.

Темные мокрые волосы Лайлы собраны в хвост, руками и ногами она обнимает Трея и крепко держится, а он поддерживает ее за ягодицы и совершает поступательные движения. Оба тяжело дышат и почти беззвучно стонут.

Так, значит, этот парень хочет, чтобы Райен пошла с ним на выпускной бал? В выборе парней ей везет ничуть не больше, чем в выборе друзей. Интересно, давно они так развлекаются у нее за спиной?

Надеюсь, раз эта девчонка ему дает, он не станет этого требовать от Райен.

Я наслаждаюсь этой мыслью.

Развернувшись, снова выхожу в коридор, протискиваюсь в дверь раздевалки и вижу огромный крытый бассейн на десять дорожек.

На трибунах сидят родители, фотографируют своих детей, а Дейн стоит в сторонке, прислонившись к стене. Я подхожу и встаю рядом с ним, пытаясь понять, куда он смотрит.

Райен стоит в бассейне в компании четырех учеников. Они совсем еще дети, им нет и десяти. Она погружает лицо в воду и рисует руками большой круг.

Дети считают:

– Раз-два-три, дыши! – кричат они. Райен поворачивает голову, вдыхает и снова опускается под воду. Снова трижды рисует руками круг, притворяясь, что плывет под водой, а дети считают: – Раз-два-три, дыши!

Она поднимает голову, встает и убирает волосы со лба.

– Ладно, теперь ваша очередь!

Малыши начинают повторять за ней, а она считает.

Я же просто смотрю на нее. Ее лицо расплывается в улыбке, когда она замечает, что все они выполняют упражнение синхронно, делают все необходимые движения и дышат как нужно. Я с трудом заставляю себя не засмеяться, когда один

мальчик случайно обдает ее брызгами. Она изображает злобный рык и обрызгивает его в ответ.

– Окей, еще раз! – кричит она. – Раз-два… – и замолкает, заметив меня.

Ее глаза превращаются в узкие щелки. Я тоже смотрю ей в глаза, ощущая, как в ней вскипает ярость. Улыбка исчезает с ее лица.

– Еще раз! – резко бросает она детям. Ее взгляд падает на тетрадку у меня в руке.

– Вода выглядит холодной, – комментирует Дейн, и слабый смешок слетает с его губ. Я знаю, что он имеет в виду.

И тоже позволяю себе взглянуть на ее грудь. Сквозь черный закрытый купальный костюм с длинными рукавами просвечивают темные соски. Очень впечатляюще, учитывая, что влажная ткань прилипает к телу, и я вижу, что на ней надет еще и верх от купальника, а сверху все это покрывает футболка, добавляя многослойности.

И я благодарен ей за скромность. Смотрю на трибуны и вижу отцов, что наблюдают за детьми. Не хочу даже думать о том, что они *могут* смотреть на нее. Ей незачем устраивать для них шоу.

Я опять перевожу глаза на Райен и вижу, как она улыбается детям.

– Какие вы все молодцы! – Она идет вдоль дорожки, давая пять каждому, а потом останавливается напротив последней малышки и спрашивает: – Центрифуга или бомбочка?

– Центрифуга! – взвизгивает веснушчатая девочка.

Райен берет ее на руки, кружит и бросает в бассейн, а малышка зажмуривается и хохочет.

– Вж-ж-ж, вж-ж-ж, вж-ж-ж, – имитирует Райен звук стиральной машины.

Я делаю глубокий вдох, осознав вдруг, что на минуту перестал дышать.

– Я! Теперь я! – машет руками и кричит следующий ребенок. – Бомбочка!

Райен поднимает его над водой. Оказавшись в воздухе, малыш на секунду зависает в полуметре над водой и шлепается обратно, обрызгав всех вокруг.

Я отвожу глаза, напоминая себе, что мне наплевать. Стою тут с Дейном и жду, когда она закончит с детьми. Как только она передает их родителям, подхожу к скамейке, возле которой она вытирается.

– А я-то думал, что ты ешь детей, – улыбаюсь я, протягивая ей тетрадку.

Она сбрасывает полотенце, берет дневник, открывает его и

пролистывает.

– Ну, я люблю немного поиграть с едой, прежде чем съесть.

Она внимательно просматривает дневник, наверно, проверяя, все ли на месте.

– Я не вырывал страницы, – заверяю ее я.

– А откуда мне знать, что ты не сделал копию?

– Оттуда, что я *не* играю с едой, прежде чем ее съесть.

Стоящий в сторонке Дейн наигранно кашляет и говорит вполголоса:

– Я подожду на парковке. Не спеши.

Он выходит из зала через заднюю дверь, вслед за родителями и детьми. Райен убирает дневник в сумку, берет полотенце и продолжает вытирать ноги. Ее лифчик, в отличие от купального костюма, отнюдь не консервативен. У нее крепкие, гладкие загорелые ноги. Капли воды на бедрах заставляют мое сердце биться чаще.

Она понимает, что я не спешу уходить, и сердится.

– Ну? – бросает она. – Теперь можешь идти.

Я убираю руки в карманы.

– А с чего бы мне уходить, куколка? Здесь так жарко в твоем присутствии.

– Почему ты постоянно называешь меня «куколкой»?

Делая вид, что не услышал вопроса, я смотрю ей прямо в глаза. Но потом замечаю, что она дрожит, и, не задумавшись ни на секунду, опускаю взгляд и вижу, что ее соски тверже, чем когда-либо. Конечно, она замерзла. Голову заполоняют мысли о том, как она пойдет в горячий душ. Пар, тепло, нагота…

Подождите-ка…

Душ. Я кошусь на дверь мужской раздевалки. Ее подруга с этим ублюдком все еще могут быть там. Что если она что-нибудь услышит или увидит, как они вместе выходят оттуда?

Я снова поворачиваюсь к ней. Ну и что? Она должна узнать, что люди, о чьем мнении так печется, – мрази. Пусть поймет, какую ошибку совершила. Она все равно скоро это узнает.

Но я почему-то не хочу, чтобы она увидела все своими глазами. Нужно ее подготовить. Если она ни с того ни с сего увидит своего кавалера на выпускной со своей лучшей подругой, никто из них не встанет на ее сторону, и произойдет разрыв.

Поведение Лайлы, наверно, никого не удивит, а Трей еще больше почувствует себя мужчиной.

Сама же Райен в итоге окажется всего лишь глупой обманутой девочкой.

Не знаю, почему меня это волнует.

– Пойдем, – говорю я. – На улице темно. Я тебя провожу.

– Отвали.

Она натягивает какие-то шорты, завязывает веревочку и надевает бейсбольную кепку, продолжая смотреть на меня.

– По ночам кто-то вламывается в школу, – указываю я, и в моем голосе появляются сердитые нотки. – Тебе не стоит тут оставаться одной.

Смеясь, она наклоняется и застегивает сумку.

– Да, и, может быть, это ты, и тебе только и надо, чтобы я ушла и не мешала писать на стенах всякие глупости.

Я зависаю.

Ладно, да, я пару раз пробирался в школу. На этот счет она права. Но я не из тех, кто вламывался бы сюда по ночам и портил стены. Это определенно не по мне.

Я не для того так рисковал, приехав сюда, чтобы попасться на таком глупом дерьме.

Она выпрямляется и меряет меня взглядом.

– Ты назвал меня шлюхой, отрезал мне клок волос. Думаешь, я доверю тебе свою защиту? И не надо моргать с томным видом, куриные мозги. Растеряешь и без того редкие клетки мозга.

Я широко открываю глаза, и каждая мышца моего тела напрягается так, что начинает гореть. Что она, черт побери, сейчас сказала?

Сам не успев понять, что делаю, я хватаю ее на руки и тащу к краю бассейна.

– Бомбочка или центрифуга?

Теперь ее глаза расширяются.

– Что?!

– Значит, бомбочка! – восклицаю я и бросаю ее в бассейн. Слышится ее крик. Она с размаху падает в воду и полностью погружается.

Я вылетаю из зала, не оглядываясь. Надеюсь, преподавательница плавания умеет плавать.

Вынимая из кармана ключи, я направляюсь к машине. *Куриные мозги? Моргать с томным видом?*

Она не умеет замолчать, когда надо, и в этом корень всех ее проблем. Она вообще хоть когда-нибудь затыкается?

Я залезаю в машину и захлопываю за собой дверь.

– Проклятье! – бешусь я. – Что за чертова… – Но заставляю себя остановиться и делаю глубокий вдох. Я сейчас так зол, что уже почти мечтаю, чтобы сегодня вечером был концерт. Или тренировка. Хочу выплеснуть свои эмоции.

Но слышу, как рядом кто-то шмыгает, и вдруг вспоминаю, что со мной Дейн.

– Я же тебе говорил, – злорадствует он. – Мне показалось, она

замерзла. Готов поспорить, если ее согреть, ей станет гораздо лучше.

– Мне абсолютно наплевать.

Я вставляю ключ в зажигание, включаю первую передачу и нажимаю газ.

– Оно и видно, – сухо комментирует Дейн.

Глава Шестая
Райен

Дорогая Райен,

что ты думаешь о том, чтобы заменить последние строчки припева в «Титане» вот этими? Это та песня, что я присылал тебе в прошлый раз, помнишь?

Не обижайся, что не первая ты.
По протоптанной дороге проще идти.

Вчера вечером я был на складе, и они сами пришли мне в голову. Мне кажется, они гораздо лучше вписываются в песню и ложатся на нужный ритм. Я уже представляю, как это будет звучать, и мне нравится. Что скажешь?

И да. Прежде чем ты начнешь меня критиковать. Да, я был вчера вечером на вечеринке, сидел в сторонке и писал песню. Ну и что? Если честно, я считаю, что это хорошо поддерживает мой имидж. Знаешь… имидж молчаливого одиночки, загадочного, горячего бунтаря? Что-то подобное. Может такое быть?

Неважно. К черту все. Сама знаешь, что я не люблю людей.

В прошлом письме ты спрашивала о моем любимом месте. Так вот, заброшенный склад – одно из них. В светлое время суток, когда там никого нет, можно услышать, как голуби ходят по балкам и хлопают крыльями. Можно спокойно разглядывать граффити, и никто не маячит перед глазами. Некоторые из них просто невероятные.

Но все же думаю, что мое любимое место, если не считать нашего с тобой уютного мирка, – это, конечно, мой дом. Знаю, знаю. Там мой отец, так что с чего бы мне хотеть там находиться? Но на самом деле… После того как папа и сестра ложатся спать, когда на улице темно, я вылезаю на крышу через окно. Между двумя коньками крыши есть незаметная ложбинка. Я обожаю сидеть в ней, прислонившись к трубе. Порой делаю это часами: залипаю в телефоне, наслаждаюсь видом, иногда пишу тебе письма. Мне тут нравится. Я вижу верхушки деревьев, которые колышет ночной ветерок, улицу,

освещенную фонарями, и звезды. Слышу шорох падающих листьев… В такие моменты я верю, что все возможно.

Мир – это ведь не всегда только то, что у тебя перед глазами, понимаешь? Он и выше, и ниже, и еще где-то – неизвестно где. Каждый огонек в каждом доме, который я вижу, сидя на крыше, имеет свою историю. Иногда нужно просто взглянуть на вещи под другим углом.

И когда я смотрю на все сверху вниз, я вспоминаю, что жизнь не ограничивается тем, что происходит со мной: ссорами с отцом, школой, моим будущим. Я смотрю на все эти дома, в которых живут люди, и понимаю, что я – только капля в море. Нет, не спорю: каждый из нас особенный, и каждый важен – но это своего рода приятное ощущение, понимаешь? Перестаешь чувствовать себя таким одиноким.

Миша

У меня в руке его письмо, что я получила в феврале. Последнее перед тем, как он перестал мне писать. Я вглядываюсь в почерк, который, наверно, одна я в состоянии прочесть. Грубые линии, резкие палочки над «т», жирные черточки над «й». Он никогда не оставляет между словами достаточно места, поэтому его предложения похожи на огромные, длиннющие хештеги.

По мне бегут мурашки. Хотя мне никогда не было трудно разбирать его почерк. В конце концов, я выросла вместе с ним.

Так много раз я перечитывала это письмо. Искала указания – любые – на то, почему после него он не написал ни строчки. Но в нем нет ни малейшего намека на прощание, никаких предупреждений, что в ближайшее время он будет занят больше, чем обычно, или что он устал от меня, или я ему наскучила.

Дыра в душе становится все шире и глубже. Я сижу на кровати, слушаю на айподе *“Happy Song”* и разглядываю его слова, которые всегда так хорошо мне все объясняли.

Я не готова встать с постели и начать новый день.

Почему я не хочу подняться или найти в себе силы побеспокоиться о том, что сегодня надеть?

Он – единственное, чего я с нетерпением жду. Единственная причина бежать домой после школы – надежда, что могло прийти письмо.

Я поднимаю глаза и смотрю на слова, которые написала мелом на стене вчера вечером.

Одиночество
Пустота
Притворство

Теперь у меня в голове крутятся слова Мейсена. Не Миши.

– Райен! – зовет меня мама и стучится в дверь спальни. – Ты проснулась?

Я опускаю плечи и заставляю себя ответить.

– Да.

Теоретически я не вру. Я проснулась, сижу на кровати скрестив ноги и читаю.

Но когда ее шаги удаляются по коридору и доносятся уже с лестницы, я бросаю взгляд на часы и вижу, что чересчур долго тяну время. Сложив письмо, убираю его в белый конверт и прячу в ящик прикроватной тумбочки. Все остальные Мишины письма лежат там же, чтобы всегда быть под рукой.

Я встаю, застилаю кровать и собираю школьную сумку. Потом лезу в шкаф за белыми шортами и черной майкой. Может быть, я уже надевала их на этой неделе? Точно не помню. Мне вдруг стало все равно.

Одеваюсь и направляюсь в ванную причесываться и краситься: душ я принимала вчера вечером, после занятия в бассейне.

Поверить не могу, что этот придурок бросил меня в воду. Была моя очередь давать отпор, и у меня прекрасно получалось, но как типичный парень он прибегнул к физической силе, когда не смог победить честно.

Аплодисменты Мейсену.

У него была возможность оставить последнее слово за собой, но для этого надо было включиться в игру. Я горжусь собой и улыбаюсь, заходя в ванную.

Разобравшись с гнездом на голове и выпрямив волосы, начинаю краситься. Приходится замазывать огромные круги под глазами: вчера слишком засиделась за домашней работой. Наношу немного румян, чтобы выглядеть здоровой и счастливой.

Кто-то заходит в ванную комнату и бросает что-то прямо передо мной. Я опускаю глаза, вижу свой черный конверт, адресованный Мише, и поднимаю его.

Письмо, что я написала пару дней назад. Это точно, потому что на нем марки с планетами, которые я купила на почте только на прошлой неделе.

Перевожу глаза на сестру. Ее волосы собраны в небрежный пучок. На ней летнее платье и мои черные балетки, которые она взяла без разрешения.

Я хмурю брови.

– Как мое письмо оказалось у тебя?

– Я на днях достала его из почтового ящика по пути в колледж.

– Зачем?

– Потому что он тебе уже несколько месяцев не отвечает, – отрезает она. – Успокойся и отпусти его.

Я наблюдаю, как она крутится перед зеркалом и возится с прической, и во мне закипает гнев.

– Расскажи-ка мне, какое тебе до этого дело, – резко говорю я, не беспокоясь о том, что нас может услышать мама.

– Райен, ты ведешь себя жалко, – говорит она, глядя на меня как на ребенка. – Ты как будто его преследуешь. Когда он придет в себя, сам тебя найдет.

Я бросаю письмо и хватаю помаду, снова наклоняясь к зеркалу.

– Он не мой парень и не должен передо мной отчитываться, а я не обязана объяснять все это тебе. Больше не трогай мою почту.

– Ладно. – Она разворачивается и идет к двери, но останавливается на пороге и оглядывается. – Мама ждет тебя на кухне. Она увидела в электронном журнале твою оценку за эссе.

Она уходит, а я закрываю глаза, на секунду всерьез задумываясь о том, чтобы взять пример с Мейсена.

Бомбочка или центрифуга, Карсон? А может, отрезать тебе волосы?

Я выхожу из дома, обхожу свой джип и возвращаю в почтовый ящик письмо для Миши, придерживая за ремень школьную сумку, которая болтается на плече. Оставив конверт внутри, поднимаю флажок, означающий, что почтальону нужно забрать его содержимое.

Но потом мой взгляд падает на мусорные баки рядом с почтовым ящиком, и я замираю.

Ты как будто его преследуешь. Это жалко.

Жалко.

Мне становится горько и обидно.

Может, она и права. Возможно, у него появился кто-то гораздо важнее, он завел себе девушку, и она потребовала, чтобы он перестал мне писать. Или я ему наскучила. Последнюю пару лет он писал все реже и реже. Я не возражала, потому что тоже была очень занята в школе, и все же…

Миша *никогда* не писал мне так часто, как я ему. Раньше я как-то об этом не задумывалась.

Я вытаскиваю письмо из ящика, мну, сжимая в кулаке, и кидаю на верхушку горы мусора в контейнере. К черту его.

Возвращаюсь к джипу. Сердце начинает биться быстрее в предвкушении. На ногах босоножки, так что свежая роса на траве мочит ноги.

Но тут я останавливаюсь. Меня захлестывает ощущение, что я потеряла его. *Нет.* Это не жалко. Миша не хотел бы, чтобы я перестала ему писать. Он заставил меня пообещать, что я не перестану. *«Ты нужна мне. Ты ведь это и так знаешь, верно?* – писал он. – *Скажи мне, что так будет всегда. Пообещай, что ты не прекратишь мне писать».* Это было в одном из тех редких писем, где он туманно намекал на то, что творится в его душе. В том письме он показался мне напуганным и таким уязвимым, что я ему пообещала.

Да и зачем мне останавливаться? Я не хочу потерять его.

Мишу.

Я разворачиваюсь на месте, бегу к мусорке, вытаскиваю и разворачиваю смятый конверт. Разглаживаю его настолько, насколько могу, снова кладу в почтовый ящик и закрываю крышку.

Не давая себе времени передумать, запрыгиваю в машину и уезжаю в школу. Скоро май. На улице прохладно, но я все равно отдаю предпочтение шортам с блузкой, потому что знаю, что к обеду потеплеет. За десять минут до начала урока паркуюсь и вливаюсь в толпу школьников, идущих по тротуару.

Из телефонов играет музыка, ребята пишут сообщения. Я чувствую, как кто-то треплет меня за руку, и чую знакомый аромат. Тен каждый день пользуется одеколоном от Жан-Поля Готье, и мне это очень нравится. У меня от этого запаха в животе все переворачивается.

– Что это? – спрашивает он, поднимая мою правую руку.

Я опускаю глаза и вижу синюю краску на указательном пальце и чуть-чуть под ногтями.

Черт.

Я отдергиваю руку, и сердце начинает бешено колотиться.

– Ничего особенного. Мама красила стены в ванной, я ей помогала.

Сжав кулак, прячу палец за ремнем сумки. Вечером нужно все это отмыть.

– Смотри. – Он показывает направо.

Я поворачиваю голову и вижу, что люди окружили лужайку. Мы оба подходим к краю тротуара и читаем огромные серебристые буквы, написанные баллоном прямо на траве.

Лайла, Лайла, Лай-ла,
Ты кому вчера дала?
Кто-то в мужской раздевалке
Круто кинул ей палку.
Но кто это был, погоди?

Нет, не Джей Ди.

– Вот дерьмо, – шепчет Тен. Он неприятно удивлен.

Я смотрю на слова на лужайке, и во рту пересыхает от внезапного желания расхохотаться.

Ну хорошо. Кто, черт возьми?..

Ученики толпятся вокруг, задыхаясь от хохота, некоторые снимают написанное на телефоны. Мы с Теном отходим в сторону.

– Первый раз он перешел на личности, – говорит Тен.

– Кто?

– Панк, – отвечает он с таким видом, будто я должна была сразу понять. – Теперь понятно, это кто-то из нашей школы. Кто-то, знающий нас.

Я издаю беззвучный стон. *Все верно, но Панк всегда подписывает свои послания.* А это выбивается из общей картины.

Слышу какой-то шум и замечаю уборщика: он тащит пожарный шланг и пытается протиснуться с ним через толчею на крыльце.

– Пойдем, – говорю я Тену.

Мы заходим в школу и идем мимо кучек ребят, окруживших другие надписи на стенах: подписанные.

Ты поцеловал мои волосы и уже запал в душу.

А бросишь меня – самому будет хуже.

– Панк

Прямо передо мной две девочки достают ручки и делают приписки, унижающие бывших парней, типа *«Да, Джейк»*.

Я еле сдерживаю смех.

– Это меня просто убивает, – заявляет Тен, пока мы идем к шкафчикам. – Я хочу знать, кто такой этот Панк. И тоже хочу внести лепту.

Я недовольно фыркаю. Это его личное дело. Конечно, Лайла – наша подруга, но мы с Теном оба прекрасно понимаем, что на лужайке написана правда, и я уверена, он тоже с нетерпением ждет, когда это увидит Джей Ди.

– Я собираюсь выследить эту сучку и выяснить, с кем ее застукали в раздевалке. – Тен останавливается у своего шкафчика.

Я иду дальше, бросая через плечо:

– Увидимся за обедом.

Никто не узнает, с кем Лайла развлекалась вчера вечером. Она, скорее всего, даже не признается, что это правда.

Подойдя к своему новому шкафчику, я набираю код,

открываю дверцу и кошусь налево, заметив еще одного уборщика, оттирающего на стене другое послание. Он уже стер несколько слов, но я знаю, что там было написано.

Ты любила меня, мы крепко дружили, я одалживала тебе тени.

Но однажды ты сама станешь тенью на задворках моей памяти.

– Панк

А снизу коллаж – вырезки из прошлогодней стенгазеты: фотографии спортивных команд и просто групп учеников, они улыбаются друг другу и смеются на разных школьных мероприятиях.

Я вешаю сумку в шкафчик и достаю с полки походный флакончик жидкости для снятия лака. Оглядевшись и убедившись, что никто не смотрит, подхожу к мистеру Томпсону, уборщику, и протягиваю ему пузырек.

– Жидкостью для снятия лака можно отмыть все что угодно, – предлагаю я ему выход из ситуации. Пот стекает по его красному лицу, потому что он битый час драит стену.

Он сводит брови, наверное, удивленный моей дружелюбностью и внимательностью. Не то чтобы я когда-то с ним разговаривала, но могла пару раз промахнуться мимо мусорки, выбрасывая стаканчики из «Старбакса». Однако он берет флакон и благодарно кивает.

К счастью, на стенах еще не появлялось ни одной надписи, которую нельзя вывести, но работы уборщикам они порядком прибавляют. Не сказать, что меня это волновало, но…

Я отворачиваюсь и уже собираюсь идти обратно к шкафчику, но встречаюсь глазами с Мейсеном и останавливаюсь. Он стоит, прислонившись к шкафам, в противоположной стороне холла и с любопытством смотрит на меня, сложив руки на груди.

Он все это время там стоял?

Я заставляю себя не обращать на него внимания и лезу за книгами на первый урок.

– А, вот ты где.

Я оборачиваюсь и вижу Лайлу. Вид у нее чуть более замученный, чем обычно. На бровях блестят капли пота, а щеки краснее помидоров. Я слышу, как вибрирует ее телефон.

– А что случилось с твоим предыдущим шкафчиком?

Я поднимаю брови. Она серьезно собирается вести себя так, будто на лужайке напротив школы нет огромной позорной надписи?

О-о-окей.

– Кто-то его взломал, – отвечаю я, поворачиваясь к

шкафчику. – Может, ты, после того как я отказалась дать тебе майку «Бебе»?

Она злобно смотрит на меня.

– Я бы в ней утонула. Я по сложению похожа на софтболистку, а ты, детка, – на бейсболистку.

Сдерживая желание закатить глаза, я складываю вещи в сумку и проверяю, взяла ли с собой бутылку воды. Краем глаза взглянув назад, вижу, что Мейсена уже нет.

Телефон Лайлы продолжает вибрировать. Даже не знаю, то ли это уведомления «Фейсбука», то ли ей названивает возмущенный Джей Ди. Впрочем, какая разница?

Мимо проходит стайка девушек, прикрывая руками рты, и Лайла смотрит на них исподлобья.

– Давайте, сучки, издевайтесь, – злится она.

Они отворачиваются, стараясь не рассмеяться вслух, и продолжают свой путь.

За спиной у Лайлы появляется Мэнни Кортес и пытается открыть шкафчик, но она разворачивается и обращается к нам обоим.

– Ну-ну, может, это Мэнни влез в твой шкафчик. Тебе же так нужна помада, подходящая к подводке?

Его лицо напрягается. Он стоит спиной к Лайле и не отвечает.

– Нет, – вступаюсь за него я, захлопывая шкафчик. – Мы предпочитаем разные цветовые палитры. У меня «Закат в горах». А у Мэнни «Туманная ночь».

Лайла хохочет, но тут же затихает, потому что кто-то кричит:

– Пригнитесь!

Мы обе поднимаем глаза. Прямо в нашу сторону летит футбольный мяч. Мы отходим, но в этом нет необходимости. Мяч ударяет Мэнни в левое ухо, он отшатывается и тут же прикрывает рукой место удара.

– Вот дерьмо. – К нам подбегает хохочущий Трей. – Извини, чувак. Честно, я не хотел. По крайней мере, в этот раз.

Я наблюдаю за Мэнни. Он тяжело дышит и морщит лоб от боли. Когда он убирает ладонь от уха, я вижу кровь. Мои глаза расширяются, я делаю глубокий вдох.

О боже. Она идет изнутри или снаружи? Прежде чем я успеваю разобраться, Мэнни захлопывает дверцу шкафчика и исчезает в дверях туалета под звук звонка.

– Отлично сработано, козел, – ругаюсь я.

– Эй, это была случайность.

Я вижу, как он бросает взгляд на Лайлу, а потом, пока все ученики спешат на урок, у него за спиной появляется Джей Ди.

– Иди в класс, – говорит он Лайле, едва разжимая зубы.

– Извини, что?

– Ты меня слышала. Вернемся к этому разговору позже.

Она стоит злая как черт, но я не задерживаюсь, чтобы посмотреть, чем закончится эта история.

Я прихожу на искусство, но Мейсена нет на его месте. И к тому моменту, как звенит последний звонок, он так и не появляется.

Но я только что видела его в холле. Как ему удается просто приходить и уходить когда вздумается?

К счастью, Трей тоже не терроризирует класс, так что я могу всецело посвятить урок работе над обложкой альбома для Миши, и никто мне не помешает.

Даже Мэнни нет. Наверное, ушел к медсестре, чтобы она осмотрела его ухо. Надеюсь, с ним все в порядке. Со стороны казалось, что ему очень больно.

Когда урок подходит к концу, я продираюсь через толпу школьников в кабинет английского. Мейсен сидит на своем месте как ни в чем не бывало.

Господи. Что же он творит? Ходит на занятия как ему заблагорассудится!

У него снова с собой ни книг, ни ручки, и выглядит он так, будто пришел потому, что больше заняться нечем. Его совсем не тревожит, что он такими темпами ничего не сдаст?

– Итак, возьмите задание и уберите с парт все лишнее, – дает указания вошедший в класс мистер Фостер, раздавая бумажки. – И не забудьте оставить ручку. Когда я вас распределю, можете объединяться в пары, отправляться в библиотеку и начинать работать.

А, точно. Сегодня день самостоятельной работы.

Иногда Фостер отправляет нас в библиотеку, чтобы мы учились заниматься самостоятельно. Он делит нас на тройки и пары, раздает листочки с информацией, которую надо найти, и дальше мы на какое-то время предоставлены сами себе. Отличный повод не сидеть в душном кабинете. Меня все устраивает.

– Лейн, Родни и Купер, – зачитывает Фостер свой список.

Все трое встают, забирают вещи и выходят из класса.

– Джесс, Кармен и Рилли, – продолжает он. Группа за группой ученики собирают вещи и уходят. Класс постепенно пустеет. Я нервничаю: здесь уже осталось не так много людей, в том числе я и Мейсен.

Пожалуйста, только не с ним.

Фостер называет следующую группу.

– Райен, Джей Ди и Трей.

Я вздыхаю с облегчением.

– О да, – довольно восклицает Джей Ди, и я вижу, как сидящий рядом Трей дает ему пять. Я встаю и начинаю собирать вещи.

– И последняя пара… – объявляет Фостер. – Лайла и Мейсен.

Я на секунду замираю в нерешительности, а потом закидываю сумку на плечо и спешу выйти из класса.

Лайла и Мейсен. *Отлично*. Она точно не станет держать себя в руках.

Я выхожу в коридор, и мое лицо принимает озабоченное выражение. Почему меня это, вообще, волнует? Он мне не нравится. Мне до лампочки, если она будет с ним флиртовать. А это неизбежно, поэтому пусть так и будет. Ладно.

В любом случае это проблема Джей Ди.

А мне нет до этого дела. Мое сердце уже принадлежит одному человеку, и это не Мейсен Лоран. Ему никогда не заменить мне Мишу.

– Моих родителей пару недель не будет в городе. – Ко мне подбегает Трей и на ходу приобнимает за талию. – Я устраиваю вечеринку и хочу, чтобы ты пришла.

– Ага, вода в бассейне уже теплая, – добавляет идущий следом Джей Ди.

Оглянувшись, я вижу, что Лайла и Мейсен идут за нами и Мейсен не сводит с меня глаз.

– Да, кому об этом знать, как не мне, – говорит Джей Ди. – Я там уже был. Помнишь?

– Замечательно, – снова вклинивается Трей. – Так что возьми купальник. Или не бери. Выбор за тобой.

Спина начинает гореть, я понимаю, что меня зажали в угол. На секунду оглянувшись, вижу, что Лайла о чем-то болтает с Мейсеном, а он смотрит в сторону и явно не слушает. Наши глаза снова встречаются.

Трей замечает, куда я смотрю, и понимает, что мое внимание приковано не к нему. До того, как я успеваю осознать свою ошибку, он оборачивается, хватает Мейсена за воротник и прижимает к шкафчикам.

– Эй, – говорит он максимально дружелюбным голосом, – думаю, мы еще не встречались. Я Трей Берроуз. А тебя зовут Мейсен Лоран.

Джей Ди, Лайла и я останавливаемся и наблюдаем за происходящим. Мейсен никак не реагирует, только пристально смотрит на Трея.

– Теперь, когда мы это исправили, – продолжает Трей,

подходя все ближе к Мейсену и заглядывая ему в глаза, – нам нужно кое-что прояснить.

– Что вы творите? – я подхожу чуть ближе.

– Да, Трей, хватит, – одергивает его Джей Ди. – Он нормальный парень.

Но Трей и не думает опускать руки.

– Расслабьтесь. Мы просто поговорим. Обещаю.

Опустив глаза, я вижу, что Мейсен сжал руки в кулаки, но не предпринимает никаких попыток изменить положение дел. Они с Треем стоят лицом к лицу.

– Ты уже поразвлекся с моей девочкой на уроке, а еще я слышал, что вчера ты донимал ее на стоянке, – перечисляет Трей. – Что бы там ни было, прекращай. Оставь ее в покое.

Мейсен переводит глаза на меня, и мне вдруг сдавливает грудь. Сначала взгляд у него был злой и резкий, но потом выражение глаз изменилось. Теперь в них читается разочарование вперемежку с чем-то еще. Может, грустью?

Что происходит у него в голове? Почему он так на меня смотрит?

– И перестань на нее пялиться, – орет Трей прямо Мейсену в лицо. – Что такое? Говорить разучился?

– Что здесь происходит?

Мы все оборачиваемся на голос директора Берроуз. Она стоит посреди коридора в идеально отутюженном черном костюме и бордовой блузке.

Трей выпрямляется и отпускает Мейсена.

– Ничего особенного, Джиллиан, – с издевкой отвечает он приемной матери и поворачивается к Мейсену. – Никто не ссорится. Верно?

Глаза Мейсена опущены в пол, и он ничего не говорит.

– Где вы должны быть сейчас? – спрашивает Берроуз у Трея.

Но я отвечаю вместо него.

– Фостер отправил нас в библиотеку, заниматься самостоятельной работой.

– Тогда идите.

Я киваю, и мы быстрым шагом уходим в дальний конец коридора.

– И вы тоже, – слышу я ее голос за спиной. Скорее всего, она разговаривает с Мейсеном.

Почему он ничего не сделал? Не то чтобы Трей настолько хилый, чтоб он с ним без проблем справился, но у меня сложилось впечатление, что у Мейсена раньше никогда не было таких разборок. Он всегда действовал импульсивно и производил впечатление человека, которого несложно вывести из себя, так

почему он ничего не сделал?

Мы взбегаем вверх по лестнице и входим в библиотеку. Все наши одноклассники уже там: шепчутся, ходят туда-сюда, собирают нужные материалы. Одни сидят за компьютерами, другие – за стопками книг. Библиотека двухэтажная, и с балкона второго этажа открывается прекрасный вид. Я бросаю сумку на стол за спиной и вижу, как Лайла и Мейсен занимают места на два стола впереди.

Джей Ди и Трей плюхаются за наш стол. Трей закидывает на него ноги.

Ну уж нет.

– Вы двое идите к компьютерам и ищите «Аннотированные биографии», – говорю им. – Распечатайте несколько примеров, а я пойду поищу в других источниках. Я не собираюсь выполнять все задание сама.

Трей тяжело вздыхает, а Джей Ди смеется себе под нос. Но оба поднимают задницы со стульев.

Я поворачиваюсь и направляюсь к стеллажам с научной и документальной литературой.

Некоторые полки расположены слишком высоко для меня, так что я осматриваюсь в поисках раздвижной лестницы. Повернув налево, скрываюсь в дальней части книжного зала, подальше от учеников за столами и их приглушенного шепота.

Протянув руку, веду пальцами по корешкам книг, мимо которых прохожу. Маме наверняка будет интересно, почему я до сих пор не начала *«451 градус по Фаренгейту»*. Не то чтобы мне за это влетит, но она наверняка спросит, что меня отвлекло.

– Знаешь, тот парень… – Я слышу чей-то голос и оборачиваюсь, чтобы посмотреть на говорящего.

Ко мне подходит Мейсен, и сердце начинает биться быстрее.

– …тот, что пишет на стенах по ночам, – продолжает он. – У нас определенно есть что-то общее. Я тоже люблю писать на не предназначенных для этого поверхностях. – Он останавливается прямо передо мной и берет меня за руку. – Но ты ведь и так об этом знаешь, да? – Там, где он ко мне прикасается, кожа начинает гореть. Я пытаюсь выдернуть руку, но он крепко сжимает мою ладонь.

Он тоже любит писать на не предназначенных для этого поверхностях? Что? И тут мне вспоминается стена в Бухте, потом доска у меня в комнате, мой шкафчик в первый день…

Я изо всех сил стараюсь вырваться.

– Что? Трей показался тебе таким большим и страшным, что теперь ты решил испортить со мной отношения?

С дежурной улыбкой на лице он перехватывает мою руку, а

другой достает из кармана маркер.

– Отпусти.

Засунув маркер в рот, он зубами снимает колпачок и водит им в воздухе передо мной, а потом закрывает.

– Но я думал, ты хотела мой номер. Мы собирались в кино, не забыла?

Он смотрит на меня сверху вниз с таким невинным видом. А я не понимаю, что он делает, но не могу не признать, что побаиваюсь снова ввязываться в перепалку. То, что он бросил меня в воду, не так оскорбительно, потому что рядом никого не было. Но я сильно сомневаюсь, что, если он снова захочет поставить меня на место, его остановит то, что мы в библиотеке, полной людей. Не нужен мне его гребаный номер.

Он берет меня за левую руку и пишет что-то на внутренней стороне указательного пальца, а мне остается лишь наблюдать за этим стиснув зубы.

– Знаешь, я многое запомнил из того, что было в дневнике, – как бы невзначай замечает он, пока выводит символ за символом. – И могу рассказать всем, если захочу. Мне не нужны доказательства. Они и так всему поверят. – Он вздергивает подбородок, указывая, что все спокойно сидят за столами или где-то там, вне зоны нашей видимости.

Я снова пытаюсь вытянуть руку, но он только сжимает ее еще крепче.

– Не бойся. – Глядя на мой исписанный палец, он улыбается. Бархатистый кончик маркера щекочет кожу. – Мне нет никакого смысла тебя мучить. По крайней мере, таким примитивным способом. Просто у меня есть один вопрос. – Он перестает писать, поднимает глаза и пристально смотрит на меня. – Кто такая Далила?

Я замираю и гляжу на него, забыв, что он держит меня за руку. Мороз идет по коже.

– Что?

– У тебя полтетради исписано ее именем, – отвечает он. – Кто она такая? Твоя тайная подруга? Или секретная позорная страница в твоей жизни? – Он снова опускает взгляд и продолжает писать. – А может, невосполнимая потеря?

– Ты читал мой дневник. Так что должен и сам знать.

– Я читал не все, – отвечает он.

Я смотрю на него. Он его не прочитал? Но…

– Я пролистал страницы и увидел ее имя на внутренней стороне обложки, – объясняет Мейсен. – Думаешь, мне есть дело до того, что творится у тебя в голове? У меня и без того полно дел.

Но если у тебя и вправду много дел, тогда зачем спрашиваешь?

Я отдергиваю руку, беззвучно крича.

– Какой же ты козел!

Хоть поблизости никого нет, я стараюсь говорить тихо. Предосторожность не будет лишней.

Но, прежде чем я успеваю уйти, он упирается руками в книжные полки, перекрывая проход.

– Знаешь, я мог вырубить и его самого, и его друга одним легким движением руки. Это заняло бы не больше минуты. Чего я ждал? – Он смотрит мне в глаза с таким видом, будто хочет что-то в них прочитать. – Может, того же, чего ждал тот мальчишка по фамилии Кортес, когда твой парень над ним издевался. – Негромко продолжает он, наклоняясь все ближе ко мне. – Может, мы ждали, что кто-то с задорным коротким хвостиком, – он дотрагивается пальцем до моих волос, – в до неприличия открытых шортиках наконец отрастит яйца и попробует остановить этого придурка.

Я шлепаю его по руке. От злости туман перед глазами. Но он по-прежнему не дает мне пройти и зажимает в угол.

– Может, и Далила ждала того же? – Он продолжает давить. – Ждала тебя, но ты так и не появилась.

Он хватает меня за руку и разворачивает так, чтобы мне было видно, что он написал на пальце.

Я опускаю глаза и вижу жирные черные буквы на внутренней стороне пальца.

Стыд.

– Не волнуйся, – говорит он. – Я никому ничего не скажу. Это твои секреты, они принадлежат одной тебе. И только тебе придется с ними жить.

Затем он поднимает мой палец к своим губам, как делают, когда просят помолчать.

Я снова отдергиваю руку и бью его в грудь, чтобы оттолкнуть.

– В следующий раз, если он опять попробует поднять на меня руку, я его прикончу, – предупреждает он, и его губы искривляются в улыбке. – А потом заберу себе его партнершу на выпускной бал.

Глава Седьмая
Миша

– Я уже начала страдать от одиночества, – томным голосом заявляет Лайла, облокачиваясь на спинку стула, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу. – Тебя так долго не было.

От одиночества? Сильно сомневаюсь, что она имеет хотя бы отдаленное представление о том, что значит это слово. Не то чтобы я относился предвзято к девушке, которая водит за нос своего парня – если, конечно, этот парень не я, – но она мне не нравится по ряду других причин. Она похожа на извращенную версию Райен.

По крайней мере, в Райен еще видны некоторые черты моей Райен. Я заметил, как ей было неуютно, когда издевались над бедным Кортесом. Сегодня утром я видел, что она дала уборщику жидкость для снятия лака, чтобы помочь оттереть граффити.

А ее комната – просто воплощение моей Райен. Коллажи, стихи, тексты песен, что я присылал ей и просил сказать, что она думает, цитаты повсюду, яркие цвета… Это та Райен, которую я знал раньше.

Но лет через десять она могла бы стать Лайлой, эгоистичной, лживой, сметающей все на своем пути только ради того, чтобы забыть, как сильно себя ненавидит.

И все ее черты, которые я всегда считал невероятными, исчезли бы навсегда.

Я выдвигаю стул и сажусь, прекрасно понимая, что у меня нет ни малейшего желания выполнять задание. Миша Лейр уже сделал все необходимое, чтобы без проблем окончить школу, и я здесь не для этого.

– Вот. – Выпрямившись, она пододвигает ко мне книги. – Я нашла несколько основных источников, так что можем начинать искать ответы на вопросы.

Но, прежде чем я успеваю объяснить цыпочке, что она сама по себе, кто-то толкает меня в спину. Я падаю на стол, на спине виснет чье-то тело, и рука сжимает горло.

– Что за чертовщина? – Я выставляю руки вперед, чтобы не удариться головой о стол, и чувствую, как кто-то дышит мне в ухо.

– Райен! – я слышу, как кто-то вскрикивает. Думаю, Лайла.

– Не двигайся, – шепчет Райен мне на ухо, и я чувствую, как острый стержень впивается мне в шею. – Не хотелось бы, чтоб рука соскользнула.

Застигнутый врасплох, я сотрясаюсь от смеха. Ей не понравилось, что я с ней сделал в глубине книгохранилища, и она потеряла голову. Великолепно.

Я подчиняюсь ей, хоть мое сердце и колотится как сумасшедшее, а между ног разгорается жар.

Ручка медленно выводит у меня на шее длинные линии. Я заинтригован. Ясное дело, на нас смотрят. Все вдруг затихли, даже Лайла.

Стержень глубоко врезается в кожу. Я моргаю, чувствуя укол. Закончив, она слезает с меня и отбрасывает в сторону ручку. Я выпрямляю спину. Все смотрят на меня. Вижу, как Райен с сумкой через плечо проходит мимо моего стола и вылетает из библиотеки.

– Ты в порядке? – спрашивает Лайла.

– Да.

Кивнув, я оглядываюсь и вижу, что Джей Ди улыбается и качает головой, а Трей нагнулся над столом и пожирает меня глазами.

Она сделала это прямо у него под носом. Умница.

Я поворачиваюсь спиной к напарнице.

– Что она написала?

Лайла встает со стула и осматривает мою шею. Я слышу смешок.

– Хм, а ты уверен, что хочешь это знать?

Еще лучше.

Я киваю.

– Э-э-э… – начинает она читать по слогам, – при-ду-рок и козел с тон-ким чле-ном.

Я начинаю хохотать. Замечательно. Заносчивая Райен Треверроу учится играть грязно, и я чувствую, как меня охватывает легкое волнение.

– Хочешь, принесу тебе влажные салфетки? – Лайла кладет руку на бедро и замирает в ожидании. Но я только отмахиваюсь.

– Хрен с ним. Просто забей. Какое мне дело?

– Мейсен Лоран! – зовет меня кто-то.

Я на секунду подвисаю, потом моргаю и поднимаю голову, вспомнив, что это мое имя. Библиотекарша держит в руках телефонную трубку и оглядывается по сторонам.

– Да!

Она поворачивается на мой голос, видит меня и протягивает телефон.

– Директор хочет вас видеть. Возьмите с собой вещи на всякий случай.

Но я не двигаюсь с места. Директор? Горячая кровь

разливается по венам, и я не могу двинуться с места.

С какого перепугу ей понадобилось меня увидеть? Она что, знает?

Я начинаю дышать чаще. Встаю, ничего не беру с собой, потому что у меня ничего и не было, иду в сторону выхода. Проходя мимо ребят, не обращаю внимания на их любопытные взгляды. Они все стремятся увидеть воочию, что Райен написала у меня на шее.

Надо бы просто уйти, взять и выйти через главный вход прямо сейчас. Но когда я подхожу к учительской и открываю дверь, моя решимость довести дело до конца только усиливается. Я еще не получил все, за чем приехал.

Так что сбежать сейчас не выйдет, и придется послушать, что она хочет мне сказать.

Знает – значит, знает. А может, она знает другое. Например, что мое личное дело – фальшивка, ее помогли выправить знакомые двоюродного брата, чьи имена лучше не афишировать. И что Мейсен Лоран – имя, которое я выдумал сам, а живу я в ветхом заброшенном подвале и пробираюсь в школу вечерами, чтобы помыться. Ну что ж, если она узнала об этом, я разберусь.

В любом случае мне нельзя сейчас уезжать: рано.

Вхожу в приемную, киваю девушке за стойкой.

– Мейсен Лоран, – представляюсь я.

– Проходите. – Она указывает на дверь слева от меня, но я уже знаю, куда идти.

Я дважды стучу. Дверь не заперта, и я открываю ее.

– Здравствуйте, Мейсен, – приветствует меня директор. Она сидит за столом и дружелюбно улыбается.

Перед ней огромная гора папок. Она складывает их одну на другую, освобождая место на столе, встает и протягивает мне руку.

Я крепко сжимаю зубы и выпрямляю спину. Она тепло смотрит на меня, и у меня вдруг отпадает всякое желание здесь находиться.

Я с трудом заставляю себя ответить на рукопожатие и тут же отдергиваю руку.

И отвожу глаза в сторону.

С долю секунды она молчит. Уверен, она внимательно меня рассматривает.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – наконец прерывает она молчание.

Я сажусь на стул напротив нее и продолжаю по возможности отводить глаза, поглядывая на нее лишь изредка.

– Не волнуйтесь, – подбадривающим тоном говорит она. – Вы

здесь не потому, что у вас проблемы. Я люблю встречаться лично со всеми, кто переводится в мою школу, но момент вашего прихода я как-то пропустила.

Ладно. Наверное, это хорошая новость.

– И как вам Фэлконс Уэлл?

Разжав зубы, я коротко отвечаю:

– Неплохо.

– А ваши занятия? – продолжает она допрос. – Легко было адаптироваться в новом коллективе?

Она не сводит с меня глаз, а я ерзаю на стуле, кивая и продолжая пялиться на рамки с фотографиями у нее на столе. Я обратил на них внимание еще вчера вечером. Семейные фото.

– Хорошо, – продолжает она, начиная чувствовать себя неуютно. – От учебного года осталось совсем немного, но, судя по вашим оценкам и количеству предметов, с окончанием школы проблем быть не должно. – Не сомневаюсь, она сейчас просматривает выписки и табели из моего поддельного личного дела. – Вы уже присматриваете колледж?

Я отрицательно качаю головой.

– У нас в школе есть прекрасный центр профессиональной ориентации. Психолог поможет вам принять решение насчет того, чем вы хотите заниматься после школы, и вы еще успеете подать документы.

Я киваю. Мы оба молча сидим на своих местах, и молчание становится неловким. Конечно, она хочет показаться внимательной, но, видимо, никак не может понять, стоит ли тратить на меня силы и время, когда я точно не задержусь в ее школе дольше, чем на несчастные шесть недель. Вообще-то, и того меньше, но она об этом не знает.

Она делает глубокий вдох и мягко продолжает.

– Трей Берроуз – мой приемный сын, – подмечает она. – Иногда он сущее наказание, но… это мое наказание. Если у вас возникнут с ним проблемы, дайте мне знать, хорошо?

Он – мое наказание. Я сжимаю кулаки и наконец поднимаю на нее глаза. *Не волнуйтесь, леди. Я прекрасно знаю, как решать свои проблемы. Ваш сын будет держаться от меня подальше или я заставлю его держаться подальше.*

Она улыбается, а я встаю с места, не дожидаясь разрешения уйти. Выхожу из кабинета. Желудок расправляется, и я делаю несколько быстрых, неглубоких вдохов, потому что адреналин, уровень которого в крови зашкаливает, начинает распространяться по рукам и ногам. Оказавшись за дверьми учительской, я стою в пустом коридоре и улыбаюсь сам себе.

Она меня не раскрыла. Я не только могу уйти, когда

вздумается, теперь я могу еще и остаться, насколько пожелаю.

Никто ничего не знает.

Глава Восьмая
Миша

– Ты только размазываешь чернила, – раздается довольный голос у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу Райен. Она стоит, прислонившись спиной к открытому шкафчику, и усмехается. Я убираю руку от шеи и выбрасываю влажную салфетку в урну рядом с питьевым фонтанчиком. Думал, мне будет плевать на то, что все видят надпись *«придурок и козел с тонким членом»*, но здорово ошибался. Чувствую себя полным идиотом.

Райен разворачивается, лезет в шкафчик и достает длинный кусок ткани.

– Одолжить тебе шарф?

Она смеется, а вот мне не весело. Я поднимаю бровь. Заглянув в ее шкафчик, вижу на верхней полке флакон, который она одалживала уборщику сегодня утром, и подхожу ближе.

– Жидкость для снятия лака. Быстро.

Но она просто складывает руки на груди и стоит рядом со шкафчиком, не двигаясь с места.

– Не нужно играть со мной в игры. – Я протягиваю руку. – Пока нам более-менее удавалось держаться в рамках приличия. Но я могу и силу применить.

Она кривит губы и негромко вздыхает.

– Ладно. Думаю, не стоит тратить силы попусту.

Обернувшись, достает флакончик и бросает мне. Я ловлю его на лету, снимаю крышку и одним ловким движением вытягиваю шарф у нее из рук.

– Эй!

Но уже слишком поздно. Я выливаю ацетон на мягкую бежевую ткань и начинаю стирать с шеи чернила.

– Сволочь! – кричит она. – Это же кашемир!

Вся черная краска теперь не на моей шее, а на ее шарфе, почти вся.

– Да. – Я бросаю ей шарф и закрываю пузырек. – И он отлично оттирает чернила. Спасибо.

Со скорбным лицом она хватает шарф обеими руками и оценивает ущерб.

Я возвращаю флакон на ее полочку и ухожу, пока мы снова не сцепились. Слышу недовольный возглас за спиной, потом как хлопает дверца шкафчика, но я уже на полпути к выходу из школы.

Надо перестать провоцировать ее. Хотя руки чешутся. Ее так просто вывести из себя. Почему стоит только мне войти в здание школы, как все мысли сразу только о ней, а не о том, для чего я приехал?

Если бы она не оказалась в моей комнате в Бухте и не украла мои вещи, я бы мог никогда здесь с ней не пересечься. Может, мы иногда оказывались бы на одних и тех же уроках, но я бы сидел незаметно и занимался делом, а не…

Нет, это не так. Я знал, что так будет. Заранее чувствовал, что это случится. Знал, что придется бороться с искушением, что Райен будет здесь. Предполагал, что буду видеть и слышать ее. Понимал, что мое внимание будет приковано к ней, потому что я не в силах сдержать любопытство, что бы там ни было еще у меня на уме.

А потом, когда узнал, что она популярна, а не изгой, и не живая девушка, а картонная кукла, я не на шутку разозлился. Я верил всему, что она пишет, а тут вдруг моя муза оказалась фальшивкой.

Так мне казалось до вчерашнего вечера, пока я не уколол ее. И она уколола меня в ответ.

Вот это моя Райен.

И я хочу еще.

Достав ключи, я оглядываюсь, проверяя, что все окна в доме закрыты. Машины отца нет на обычном месте, но она может оказаться и в гараже. Он торгует антиквариатом и произведениями искусства, его магазины разбросаны по всему побережью, так что рабочий график у него очень нестабильный. Его может весь день не быть, а иногда он приезжает домой посреди дня.

Отпираю дверь гостевого домика и плотно закрываю ее за собой. Еще даже не полдень, так что на улице светло, но я завесил почти все окна, когда переехал сюда после смерти Энни. Я достаю и включаю крохотный фонарик. Не хочу зажигать верхний свет: отец может его заметить.

Здесь пока еще очень много моей одежды и остальных вещей. Дейн каждый раз готов меня убить, когда я выпрашиваю у него разрешение воспользоваться стиральной машиной и сушилкой, так что я решил возвращаться сюда и забирать вещи по мере необходимости, а не будить в нем зверя.

После той истории с шарфом Райен я ушел из школы, оставил машину на парковке и сел на паром до Тандер-Бей. Не хотел, чтобы отец или какой-нибудь знакомый видел мою машину.

Он не знает, где я, и меня это полностью устраивает. Хотя он, похоже, даже не звонил мне.

Достав из шкафа спортивную сумку, опустошаю ящики и складываю в нее одежду, предварительно нюхая футболки. От их запаха сжимается горло.

Кондиционер Энни. Она занималась стиркой, потому что отец всегда был занят, а я вечно что-то делал не так. И отлично справлялась. Я всегда жаловался, что после ее кондиционера моя одежда пахнет цветами. А теперь от этого аромата закрываю глаза и чувствую, что дома. После того как ее не стало, я пообещал себе продолжать им пользоваться. Ничего не должно измениться.

Мы все будем делать так, как делала она.

Энни. На глаза наворачиваются слезы, я моргаю. Закончив складывать нужную одежду и докинув лишнюю пару обуви, я кладу в сумку нашу с Энни фотографию, которая раньше висела у меня над столом.

Прохожу мимо скучающей на подставке гитары и парочки так и не пригодившихся плакатов нашей группы.

Три месяца назад у меня были три любимых вещи. Моя музыка, моя сестра и…

Я выдыхаю из легких весь воздух и отворачиваюсь от гитары, не в силах выносить собственные мысли. Неважно, что у меня было. Энни больше нет. Я больше не пишу песен, а Райен… Я не знаю, что с ней случилось.

И тут до меня доходит. Я получил письмо от нее на прошлой неделе. Сейчас, по идее, должно было прийти еще одно, потому что она пишет немногим реже, чем я дышу. Хотя меня это никогда не смущало. Ее письма – чуть ли не единственное, почему меня тянуло домой.

Я выхожу из гостевого домика с сумкой через плечо и запираю за собой дверь. Потом замечаю, что на улице потемнело. Поднимаю глаза и вижу низкие тучи над головой. *Черт.* А закрыл ли я окна в машине? По идее, надо бы вернуться в школу. Дождь может и не дойти до Фэлконс Уэлл, но мало ли что.

Я спешу к задней двери дома, отпираю ее и влетаю внутрь. В кухне темно, значит, отца нет. На столе я нахожу пачку писем. Все адресованы мне. Просматриваю их в поисках матового черного конверта с печатью в виде черепа.

Но его нет. Только буклеты колледжей и счета по кредитке.

Она что, перестала мне писать?

Чувак, расслабься. На прошлой неделе ты заезжал домой и забрал письмо. Прошло всего шесть дней.

Но мне интересно посмотреть, напишет ли она о Мейсене. Что она о нем расскажет?

Райен крайне редко упоминает в письмах других парней. С тех пор как она рассказала мне об одном в шестнадцать – он не оправдал ее ожиданий, – она старается держать мужчин на расстоянии. На самом деле, мне кажется, она потеряла интерес. Однажды она мне писала о том, что в современном обществе слишком много внимания уделяется прелюдии.

Я сказал ей, что могу принять это за вызов. В конце концов, семь лет переписки – это уже очень серьезная прелюдия, и у нее уже выработалась зависимость.

Шесть дней. Последнее письмо от нее пришло шесть дней назад. А последнее письмо от меня она получила три месяца назад. Я заставил ее пообещать, что она никогда не перестанет мне писать, и она держит слово. Не изменяет ему даже сейчас, когда ее вера в меня пошатнулась и она не знает, напишу ли я ей снова вообще когда-нибудь.

Я опускаю плечи, задумавшись о том, что она всегда была готова меня выслушать. Ее мелкие недостатки выводят меня из себя, но для Миши она всегда была настоящим другом, хорошим другом.

Энни во мне разочаровалась бы, если бы я начал играть чувствами единственного оставшегося у меня человека, который меня любит и принимает таким, какой я есть.

Черт побери. Блин.

Я тяжело вздыхаю, выхожу в коридор, огибаю перила и поднимаюсь по лестнице наверх. Добравшись до комнаты сестры, медленно поворачиваю ручку и вхожу. В нос резко ударяет ее запах вперемежку с ароматом кондиционера для ковров.

Сердце сжимается оттого, что здесь все так, как она оставила. Все аккуратно сложено и подготовлено к возвращению домой с ночной пробежки. Кровать, в которой она больше никогда не поспит, косметика, к которой не притронется, незаконченная домашняя работа на столе…

От боли сводит горло, хочется кричать. *Энни, о чем ты думала?* Но я злюсь и на себя, и на отца. Как он мог не заметить? Почему мы не заботились о ней еще тщательнее?

Я медленно подхожу к ее комоду, аккуратно и тихо открываю ящики, как будто она в любой момент может вбежать в комнату и наорать на меня за то, что я здесь. В верхнем ящике в две стопки аккуратно сложены шарфы. От аромата ее духов мою грудь сотрясают рыдания. Я стараюсь их подавить. Щупая шарфы, натыкаюсь на такой же по качеству, как у Райен. Он не бежевый, но кашемировый. На секунду ощущаю укол вины, но сестре было бы приятнее, если бы я отдал его Райен, а не оставил лежать забытым в ее опустевшей комнате.

Достаю светло-голубой шарф, убираю его в сумку и закрываю ящик.

– Эй! – слышу приглушенный голос из коридора.

Поворачиваю голову к двери. Голос мне знаком.

Это отец.

– Черт.

Я оглядываюсь, зная, что у комнаты есть только один выход: через дверь. Я проскальзываю за ширму, которую сестра поставила у стены как элемент декора, сжимаю зубы и стараюсь дышать как можно тише.

Тень скользит по коридору, потом появляется в дверном проеме и падает на ковер.

– Миша, – нерешительно спрашивает отец, – ты здесь?

Он знает, что я здесь. Должен знать. Я оставил дверь в комнату Энни открытой, когда вошел.

Но я не двигаюсь с места. Не могу с ним говорить.

Заглядывая в отверстия в ширме, пытаюсь его увидеть, но тщетно.

Он больше ничего не говорит, но его тень проникает глубже в комнату, и пульс отдается у меня в ушах.

Наконец он появляется в поле зрения и садится на край кровати. На нем обычная рубашка, галстук и вязаный жилет. Когда я был маленький, он одевал меня так же. До тех пор пока мне не исполнилось девять и у меня не появилось собственное мнение.

Тогда-то мы и начали ссориться.

– Ты всегда был так непохож на меня, – говорит он, глядя в сторону.

Я едва дышу.

– Приходил на семейные торжества в футболках и джинсах, предпочитал уроки гитары скрипке и пианино, тебя всегда было так сложно увлечь чем-то кроме того, что ты сам хотел делать… Всегда одни сложности, и точка.

Слезы выступают на глазах, но я сижу не шелохнувшись. Он прав. С его точки зрения, я всегда со всем спорил, находил поводы для ссор там, где их не было.

А если посмотреть с моей стороны, то я всего лишь хотел, чтобы он принимал меня таким, какой я есть. Именно поэтому я так долго и так крепко держался за Райен.

– Я уже давно не могу нормально поговорить с тобой, – он почти переходит на шепот, потом опускает глаза и исправляется: – Отчаялся найти к тебе подход.

Отец берется за краешек одеяла Энни, медленно подносит его к лицу, и все его тело содрогается. Он тоже плачет.

Я зажимаю кольцо в губе между зубов и тяну, пока не начинаю чувствовать боль. Теперь все приносит одну только боль, и я так ненавижу ее. Меня убивает, что комната Энни опустела. Убивает, что окна нашего дома теперь всегда темные. Убивает, что я не знаю, куда деваться: везде плохо. И я ненавижу себя за то, что мне больно видеть отца таким одиноким. Он не пытался утешать меня после смерти Энни. Так с чего бы мне теперь заботиться о нем?

И откуда у меня это внезапное желание обо всем рассказать Райен? Просто чтобы она узнала то, о чем я ей не говорил, и сказала мне правильные слова. Она всегда пишет правильные слова. Я хочу забыть навсегда о том, зачем приезжал в Фэлконс Уэлл.

И вернуться туда только потому, что там живет она.

Я возвращаюсь в школу ровно в тот момент, когда звенит звонок с последнего урока. Дождь в Тандер-Бей начался, как только я сел на паром, но досюда до сих пор не дошел. Облака мрачно висят над головой, вниз не падает ни капли.

Отец, разрыдавшись, ушел из комнаты Энни, и как только в его кабинете зазвучали первые ноты *Брамса*, я понял, что можно безопасно выбраться из дома. Он не выйдет оттуда до самого утра: будет пить скотч и работать над моделью какого-нибудь сражения Второй мировой.

Я вижу, что справа от меня на улице тренируется команда по американскому футболу, и надеваю сумку через голову. Достав из нее шарф, подхожу к джипу Райен и кладу его на водительское сиденье. Потом достаю из кармана маркер и вытаскиваю из подстаканника маленький кусок бумаги, который очень кстати там оказался. Это чек, и на обратной его стороне я пишу записку.

Тебе пойдет голубой. (И нет, я его не украл.)

Я кладу ее сверху на шарф. Ученики уже начинают заполнять парковку и потихоньку садиться в машины. На дворе вечер пятницы, так что вряд ли у Райен есть тренировки. Но всю дорогу до своей машины я не свожу глаз с ее джипа, чтобы убедиться, что никто не вытащит шарф через открытое окно.

Закинув сумку на заднее сиденье, поднимаю глаза и вижу, что народ столпился вокруг капота, перед моей машиной. Они на что-то увлеченно смотрят, и в мою душу закрадывается беспокойство. Что на этот раз?

Вздохи и шепот заполняют воздух, толпа растет, те, кто сзади, силятся встать на носочки и посмотреть поверх голов. Я наклоняюсь к лобовому стеклу и замираю, увидев, что сделали с капотом.

На нем огромные разводы белой краски, размазанной во все

стороны, как будто кто-то взял пейнтбольную винтовку и расстрелял машину. Часть краски уже высохла, значит, это сделали уже давно, может, сразу после того, как я уехал.

И прямо посередине на крышке капота красуются большие яркие белые буквы, составляющие слово *«педик»*, которое очень трудно не заметить.

От ярости сводит каждую мышцу. *Вот урод.*

Я поднимаю глаза. Во мне вскипает злость. Я готов к мести и медленно сканирую парковку пристальным взглядом. Трей стоит рядом с тем, что, по идее, должно быть его машиной, – голубым «камаро», который ему, наверно, купила обожаемая мачеха. Не обращая внимания на людей, собравшихся вокруг, я прищуриваюсь, наблюдая, как он самоуверенно расхаживает по парковке, покусывая соломинку и бросая похотливые взгляды на Лайлу, пока ее лучшая подруга не видит.

Время пришло. Подойдя к нему сзади, я принимаю устойчивую позу, уже готовый схватить его за голову и ударить лицом о капот *его* гребаной машины. Я почти рад, что он довел до этого. Мне весь день хотелось кого-нибудь ударить.

Слышу, как кто-то кричит «Мейсен», но у меня нет времени разбираться, кто это. Я бросаюсь за ним, хватаю за воротник и начинаю бить о машину.

Он ревет, схватив меня за подбородок и пытаясь заставить отцепиться, но я уворачиваюсь, освобождаю руку и с размаху бью его кулаком в живот.

Он орет на меня благим матом, и толпа понемногу окружает нас. Я снова хватаю его и швыряю на капот.

– Пошел ты, педик, – выкрикивает он и бьет мне кулаком в лицо.

Во рту появляется металлический привкус крови, она сочится из внутренней стороны щеки, но я не ослабляю хватку.

– Не понимаешь шуток? – орет он.

Я поднимаю колено и с размаху попадаю ему в живот. Он сгибается пополам, а я высоко заношу кулак и дважды бью его в затылок.

– Мейсен, остановись! – кричит кто-то, похоже, что Райен.

Я снова хватаю его за шиворот и бросаю на землю. У меня вся спина мокрая, а легким невыносимо нужен воздух. Прежде чем успеваю подскочить и нанести еще один удар, кто-то хватает меня за плечи и тащит назад. Я пытаюсь разорвать хватку, и парень, что держит меня, немного подается вперед под моим напором, но не выпускает. А я все еще не отрываю глаз от Трея.

– Что происходит? – спрашивает грозный женский голос.

– Что-то ты долго! – огрызается Трей на парня у меня за

спиной, и я понимаю, что это, должно быть, Джей Ди, его друг, меня схватил.

Директор встает прямо между нами и смотрит на меня, пока Трей силится подняться с земли.

– Успокойтесь! – приказывает мне она.

Я тяжело дышу, стараясь втягивать воздух носом. Каждая мышца напряжена до предела, я не свожу взгляда с Трея, а железная хватка наконец ослабевает.

– Что случилось? – выспрашивает Берроуз, глядя то на меня, то на Трея.

– Я ничего не сделал! – кричит Трей. – Этот козел появился из ниоткуда и набросился на меня!

Она вопросительно смотрит на меня, но я не произношу ни слова. Вокруг нас собралась толпа, все внимание приковано к нам. Несколько человек, завидев директора, спешно прячут телефоны. Я улыбаюсь уголками губ, потому что не могу сдержаться, завидев кровь у Трея в уголке рта.

– Чей это автомобиль? – спрашивает директор, указывая на мою машину в правом конце парковки.

Но мы с Треем, глядя друг другу в глаза, оба отказываемся отвечать на вопрос.

Хотя директор, кажется, сама делает выводы, потому что смотрит на Трея и начинает строгим голосом:

– Вы возьмете ведро и шланг и отмоете каждый сантиметр этого капота. Оба! Вам повезло, если краска еще не засохла.

– Но…

– Сейчас же! – прерывает она Трея. – И предупреждаю: если вы еще что-нибудь такое выкинете…

– Миссис Берроуз, он тут ни при чем.

Я моргаю, услышав голос Райен. Директор замолкает и поворачивается к ней.

– Трей просто меня прикрывает, – говорит Райен. Я слышу ее голос откуда-то со стороны, но отказываюсь смотреть на нее.

Какого черта она делает? Я мог бы поверить, что она разрисовала мою машину, но как же тогда надпись *«педик»* на капоте? Без вариантов, это была не она.

– Извините, что? – переспрашивает Берроуз.

– Да, – продолжает гнуть свое Райен. – Это был глупый розыгрыш. Прошу прощения.

Вокруг начинают шептаться, гул нарастает. Я медленно закрываю глаза и снова открываю. У ее кавалера появились проблемы, а она не может этого допустить, поэтому так себя ведет? Прийти на выпускной в одиночестве – это же так унизительно.

Глупая девчонка.

– Ты это сделала с его машиной?

– Это была шутка. – Голос у Райен спокойный и убедительный. – Я все исправлю. Я отгоню ее на мойку и оплачу ее. Прямо сейчас.

– Черта с два, – встревает Трей.

– Ой, да заткнись ты, – огрызается Райен и добавляет тише: – Я скоро вернусь.

Я не хочу, чтобы меня исключили. Я бросаю на Трея последний недовольный взгляд и ухожу к машине, сливаясь с толпой учеников. Потом достаю из кармана ключи, распахиваю дверь и залезаю внутрь.

Это еще не конец.

Райен садится на пассажирское сиденье и кладет сумку на пол. Я ощущаю на себе ее взгляд.

Я прикусываю язык: слишком зол, чтобы разбираться с ней сейчас.

Завожу машину, кладу руку на рычаг и жду, пока маленькие детали закрутятся, издадут знакомый звук и я наконец смогу нажать на газ. Школьники визжат и разбегаются с дороги, а я уже на скорости вылетаю с парковки, надеясь уехать от них всех как можно дальше.

От всех, кроме Райен.

Выезжаю на дорогу. Капли дождя поблескивают на лобовом стекле, я смотрю на пятна краски на капоте и крепко сжимаю руль. Убью его.

– Насчет этого, – говорит Райен. – Он мне не нужен.

Я смотрю вперед, но краем глаза замечаю, что она держит в руках голубой шарф Энни. Должно быть, она нашла его в джипе до того, как началась драка.

– Просто возьми его, – настаиваю я. – Я поступил как сволочь, испортив твой. И должен был все исправить.

– Он мне не нужен, – настаивает Райен и бросает мне шарф. – Он пахнет духами другой девушки, так что лучше просто скажи своей шлюхе, что она забыла его на заднем сиденье.

Я отрицательно качаю головой.

Вот сука.

Хватаю шарф и кидаю на середину панели.

– Ладно, – сквозь зубы отвечаю я.

Еле сдерживаюсь, чтобы не рассказать ей все. Объяснить, что он принадлежал моей сестре, что мне в каком-то смысле приятна мысль о том, что у Райен будет ее частичка, и что это идиотская идея, потому что с чего бы мне хотеть, чтобы такая подлая, инфантильная дрянь, как она, прикасалась к тому, что

принадлежало Энни.

Но я никогда не покажу ей своей слабости. Мне не нужна ее жалость.

Я сворачиваю налево, на Уитни, и еду прямо по дороге, рядом с которой есть разве что несколько заправок и деревья. Потом сворачиваю на автомойку самообслуживания и паркуюсь в одном из свободных отсеков.

Конечно, они все пусты: на улице льет. Дождь усиливается, небо затягивают черные тучи, наплывая одна на другую и поливая землю. Мне нравится шум дождя. Пульс и дыхание замедляются, я опускаю стекло и выключаю двигатель, но оставляю включенным радио. Играет песня группы „*Mudshovel*“.

Она сидит на месте и молчит, я тоже не двигаюсь.

Смотрю на Райен.

– Итак?

– Что «итак»?

Я откидываюсь на спинку сиденья, закладываю руки за голову и расслабляюсь.

– Ты изуродовала мою машину.

Она хмурит брови.

– Ты знаешь, что это сделала не я.

– Да, знаю, – отвечаю я, предвкушая веселье. – И это очень мило и трогательно с твоей стороны: взять на себя вину своего мужчины, но оттирать краску все равно тебе.

Она кривит губы и едва не рычит от злости. Открывает дверь, спрыгивает на землю и захлопывает ее за собой, направляясь к терминалу и запуская руку в карман. Я закрываю глаза, устраиваясь поудобнее, и стараюсь успокоить свои мысли.

Вдруг чувствую себя таким усталым.

Сколько себя помню, у меня в голове всегда были голоса: они говорили, что делать. Я боролся с ними, пытался постоять за себя и даже гордился тем, что сам принимаю решения, но это не значит, что меня не терзали разные мысли. Например, об отце: почему он не может любить меня так же сильно, как сестру? О парнях в школе, которые почему-то считали крутым заниматься спортом и трахать по пять девчонок за одни выходные. О матери, о том, как она бросила нас, когда мне было два, а Энни – всего год, и, может, о тех причинах, по каким она это сделала. Вероятно, мы просто были ей не нужны.

Я рад, что никогда не прислушивался к голосам у себя в голове. Они все еще звучат, но я продолжаю идти против ветра.

Не изменяй себе, – написала Райен в одном из писем. – *Таких, как ты, больше нет, и я не смогу больше любить тебя, если ты перестанешь быть собой. Думаю, мне не стоит говорить об этом,*

но я сейчас немного пьяна: только что вернулась с вечеринки и увидела твое письмо. Но какого черта? Мне плевать. Ты и так знал, что я люблю тебя, правда ведь? Ты – мой лучший друг.

Так что никогда не меняйся. Весь этот мир – одна большая задница, но мы сможем найти в нем своих людей, когда уедем из этих богом забытых маленьких городков. Если мы будем врать самим себе, то как тогда они нас узнают? (Нас обоих, потому что мы с тобой одной крови, понимаешь?)

И даже если нас только двое, так только лучше.

Боже, как же я любил ее. Когда страхи и злость вытягивали из меня все силы, она всегда говорила именно то, что мне нужно было услышать, и могла посмотреть на ситуацию с высоты птичьего полета. Пока я взрослел, случались периоды, когда мне было тяжело читать ее письма, они буквально мучили меня. Особенно когда она болтала о *«Сумерках»* и о том, что Мэтт Уолтс в качестве лидера Three Days Grace[7] ничем не хуже Адама Гонтье (ну правда, что за бред?). Но когда я прочитывал ее письмо, мне всегда становилось лучше. Всегда.

Я слышу, как струя воды ударяет в машину, и открываю глаза. Она стоит перед пикапом, и ее фигура размыта из-за потока, который бьет прямо в лобовое стекло.

Почему она сама никогда не следует совету, который так часто давала мне?

Я лежу, заложив руки за голову, и наблюдаю, как она ходит вокруг капота и поливает его водой, наводя шланг на каждый сантиметр краски. Вода смывает разводы, и Райен старается убрать их как можно тщательнее.

Потом она опускает одну руку, выключает воду и бросает шланг на землю. Затем берется за нижний край черной футболки и стягивает ее через голову, и моему взору предстает тоненький белый топик, через который просвечивает темно-розовый лифчик. Между ног вспыхивает пламя, и член начинает твердеть.

Черт.

Она подходит к двери со стороны пассажира, открывает ее, едва взглянув на меня, бросает футболку в машину и снова захлопывает дверь. Сняв со стены щетку с длинной ручкой, она сбрасывает сандалии, босая залезает на бампер и склоняется над капотом.

Об этом я и не подумал. Ей, похоже, не хватает роста, чтобы дотянуться до середины крыши, стоя на земле. Может, надо ей помочь.

Но я смотрю через лобовое стекло, по которому еще стекают струйки воды, и вижу, как ее прекрасное тело изогнулось над капотом, а руки движутся туда-сюда, силясь оттереть разводы и

заставляя грудь покачиваться в такт.

Это была плохая идея.

Я не могу оторвать от нее глаз. Загорелые бедра ходят вверх-вниз у решетки радиатора, майка задирается, и я вижу загорелую полоску живота. Ее волосы покачиваются туда-сюда, и мне открывается идеальный вид на грудь. Член продолжает твердеть, и я хочу, чтобы она была в машине, а не на ней. Хочу держать ее у себя на коленях, рядом, в объятиях.

Он спрыгивает, обходит машину и заходит с моей стороны, снова залезая повыше, но на этот раз на шину. Наклонившись над капотом прямо передо мной, она оттирает краску, и мышцы ее рук напрягаются тем сильнее, чем усерднее она трет. Я снова перевожу взгляд на ее живот. Руки чешутся прикоснуться к ее коже.

И хочется, и колется. Разве я не злюсь на нее за то, что она ненастоящая, слабовольная, мелочная обманщица? Злюсь. Но разве я не счастлив, оттого что у нее тело как у порнозвезды? Да, черт возьми. Чтобы я мог на нее смотреть, ей совсем необязательно разговаривать.

Вдруг вижу, что она поворачивает голову, и наши взгляды встречаются. Она смотрит так, будто хочет врезать мне по яйцам. Заметив, что я за ней наблюдаю, Райен показывает мне средний палец, а я тихо смеюсь про себя.

Трей уже почти забыт. На какое-то время.

Она спрыгивает и вешает щетку на место, а потом поднимает с земли шланг. Обливая водой машину, смывает остатки краски. Вода с белыми разводами стекает с капота. Я снова закрываю глаза, наслаждаясь звуками дождя и текущей воды.

Но вдруг в лицо летит что-то холодное и мокрое. Я вздрагиваю и открываю глаза. Райен стоит с противоположной стороны и поливает крыло машины. Ее окно чуть-чуть приоткрыто, осталась щель в пару сантиметров шириной.

Вот проклятье.

Она машет шлангом, продолжая поливать машину, и я реву от злости, потому что вода уже разбрызгана по всему салону и скапливается на кожаной обивке сидений.

– Черт! – кричу я, открывая дверь и выскакивая из машины. – Прекрати!

Моя черная футболка вся мокрая. Я обхожу пикап, пристально глядя на нее. Она якобы случайно направляет шланг на капот и делает вид, что насвистывает.

– Что? Что я такого сделала?

– Дай мне шланг. – Я протягиваю руку.

Она с невинным видом пожимает плечами.

– Я не знала, что окно не до конца закрыто. А вода высохнет. Расслабься.

Я следую за ней, потому что оружие все еще у нее в руках.

– Дай мне… шланг.

Она сжимает губы, стараясь скрыть улыбку.

– Подойди и возьми.

Я делаю шаг в ее сторону, зная, что она собирается меня облить, но если все сделать быстро, то, может…

Она вдруг направляет шланг на меня и включает воду. Холодный поток обдает руки и плечи. Футболка прилипает к груди.

Рыча, я бросаюсь за ней, а она визжит, кидает мне шланг и распахивает заднюю дверь. Я поднимаю его с земли, обхожу дверь и вижу, что она лежит на заднем сиденье, приподняв голову, тяжело дыша и выставив руки для защиты.

Облизнув губы, она вздыхает, и на ее лице появляется намек на улыбку.

– Пожалуйста, не надо, – просит она. – Извини.

Ее тело содрогается от беззвучного смеха, и я не могу сдвинуться с места. Мое тело лихорадит от одного только ее вида: она полулежит на заднем сиденье, грудь поднимается и опускается в такт дыханию, бедра слегка раздвинуты, потому что одна нога стоит на полу, а другая полусогнута…

Господи.

Капли пота – или воды, точно не знаю – сверкают у нее на груди, а щеки заливает румянец.

Подхожу и кладу шланг на крышу, не выключая воду. Вода сплошным потоком стекает по лобовому стеклу.

Смотрю ей в глаза.

– Из-за тебя я весь мокрый, – говорю. – Теперь твоя очередь.

У нее перехватывает дух, и она замирает, глядя на меня. Не сбежит ли она?

Я наклоняю голову, ныряю в салон и склоняюсь над ней, опираясь на руки. Она бросает взгляд на лобовое стекло: наверно, переживает, что нас могут увидеть. Но поток воды работает как завеса, размывая картинку.

Она приподнимается на локтях, приближаясь ко мне, и я чувствую губами ее горячее прерывистое дыхание.

Она смотрит на мои губы.

– На что похож пирсинг в губе на ощупь? – тихо спрашивает она и робко касается кольца пальцем.

Я хмыкаю, бросая ей вызов.

– Это ты мне расскажи.

Она немного испуганно смотрит мне в глаза, потом снова

переводит взгляд на колечко. Слегка приоткрыв рот, она высовывает кончик языка и облизывает колечко.

Едва сдерживая стон, я прикрываю глаза. Влажное тепло от точки, которой она коснулась языком, растекается по всему лицу, потом вниз по шее, опускается в живот и заставляет пальцы впиться в кожаную обивку сиденья.

Ее дыхание снова обжигает мне кожу. Я открываю глаза и вижу, что она отстраняется и пристально смотрит на меня в ожидании. Медленно обводит языком колечко в губе, а потом вдруг закусывает и губу вокруг него, обхватив пирсинг.

Все мое тело напряжено, оно горит, и я едва держу себя в руках. Ее глаза открыты. Она внимательно наблюдает за тем, как я задыхаюсь. Она посасывает, кусает, облизывает мои губы, а я нависаю над ней, не двигаясь и не отвечая на поцелуй. Даю ей возможность изучить меня.

Раздается гудок, но я его еле слышу.

– Мейсен, – шепчет она, снова и снова обхватывая губами кольцо и приобняв меня рукой за шею.

Мейсен.

Я протягиваю руку и кладу ладонь ей на живот. Наконец-то она у меня в руках. Черт, как же хочется, чтобы она назвала меня по имени. Хочу услышать, как мое имя слетает с ее губ прямо сейчас.

– Эй, придурок! – Снова раздается автомобильный гудок, и, моргнув, я осознаю, что здесь кто-то еще. – Где моя девочка?

Вот дерьмо.

Райен отстраняется, тоже услышав голос Трея, и умоляюще смотрит на меня глазами, полными ужаса.

Выглянув в окно, я замечаю размытый силуэт его голубого «камаро» напротив нашего отсека. Не вижу его, значит, и он не видит нас через водную завесу. Если бы он нас видел, я бы это почувствовал.

Опускаю глаза на Райен и вижу, что она по-прежнему сгорает от желания.

– Она прямо здесь, Берроуз. – Я говорю это так тихо, что только Райен может меня слышать, и провожу рукой по ее животу. – И ей очень хорошо.

Она прикусывает нижнюю губу и качает головой, умоляя прекратить.

– Алло! Проснись, засранец! – кричит Трей.

Я смотрю вниз на Райен.

– Ну, теперь и ты мокрая, верно? – Я слезаю с нее и выхожу из машины, улыбаясь ей напоследок. – Лежи здесь.

Захлопнув дверь, вижу Трея, сидящего в своей машине с

опущенным стеклом. Дождь все еще льет, а небо и не думает светлеть.

Я выключаю воду, поднимаю шланг и вешаю его на место.

– Она сбежала, – недовольно восклицаю я. – Ушла домой. А теперь отвали.

Он смеется и качает головой.

– Не переживай, мужик. Вот пройдет игра в бейсбол против Тандер-Бей на следующей неделе, и можешь делать с ней все что пожелаешь. Я люблю после победы получать заслуженный трофей, так что подожди своей очереди.

Какого хрена он только что сказал? Трей отъезжает и исчезает в противоположном конце улицы, а я наблюдаю за ним, сжав кулаки.

Я не буду ждать своей очереди.

Он ее не получит.

Глава Девятая
Райен

Я облизываю губы, чувствуя языком прикосновение теплого металла.

Миша.

Но когда я окончательно просыпаюсь, туман в голове медленно рассеивается и перед глазами предстает моя комната.

Миша? Во сне я целовала Мейсена. Почему я называла его Мишей?

Черт. Достаю из-под головы подушку и накрываю ею лицо. Я запуталась. Я фантазировала о Мише и раньше. В одной из моих извращенных альтернативных реальностей он пишет мне грязные письма, а потом прокрадывается ко мне в спальню, я впервые вижу его вживую, и мы занимаемся любовью.

Но у него никогда нет лица. У меня всегда было ощущение, что он высокий и смуглый, хотя я не знала наверняка. Видимо, после прошлого вечера и того, как плотно этот новенький засел у меня в голове, мой мозг решил слить их в одну личность.

И в моих фантазиях Миша наконец обрел реальные черты.

Убираю с лица подушку и отбрасываю ее в сторону, продолжая обдумывать вчерашние события. Я поднимаю руку и изгибаю так, чтобы увидеть остатки его маркера на пальце. Смотрю на стену с доской и вижу слово *«стыд»*, которое я дописала внизу списка.

Одиночество
Пустота
Притворство
Стыд

Эти слова ранят, но вчера вечером я кое-что поняла. Есть многое, чего я не замечала. Первое слово, *«одиночество»*, написано у него над кроватью в Бухте. Так что оно не обо мне. Оно связано с чем-то другим. Это слово означает нечто иное.

А потом машина, затем драка… Выйдя на парковку после уроков, я заметила, как Мейсен подкладывает что-то мне в джип. Я бросилась вниз по лестнице, движимая желанием сказать, чтобы он проваливал, особенно после того, что он сделал с моим шарфом, но остановилась, когда увидела, что лежит на сиденье.

Конечно, было не очень порядочно отдавать мне шарф другой женщины, но меня слегка выбило из колеи то, что он почувствовал себя виноватым и попытался исправиться. Шарф был красивый и мягкий, я хотела его оставить.

А потом мойка машины. В каком я была восторге, когда он преследовал меня, как хищник – добычу. Какой гладкой была сережка, когда я просунула кончик языка в кольцо. Как терпеливо он ждал, пока я полностью прочувствую новое ощущение: ни жадности, ни эгоизма.

И как его властная рука оказалась у меня под майкой, заставляя сердце биться чаще.

Я подношу руку к губам и облизываю кончик пальца. Немного щекотно, но заводит. Интересно, ему понравилось, когда я так делала? Я хотела, чтобы ему понравилось, хотя признаться в этом могу только себе.

Я провожу рукой по щеке, потом глажу шею, мечтая, чтобы это были его руки. Мечтаю вернуться во вчерашний вечер и не прерывать его просьбой отвезти меня обратно в школу, чтобы я могла пересесть к себе в машину и сбежать.

На самом деле правда в том, что… я начала думать о нем. Часто, не знаю, почему. Особенно когда он все время перед глазами и постоянно указывает мне на то, что я делаю не так.

Я никогда не боялась потерять голову от таких парней, как Трей, но Мейсен… Думаю, он и вправду завладел моим вниманием. Я не забываю о нем ни на минуту.

Чем сильнее сближаюсь с ним, тем больше отдаляюсь от Миши, я это чувствую. У меня почти появилось ощущение, что я предаю Мишу. Не то чтобы у нас был роман, но мое сердце принадлежало ему, и я не хочу отдавать его кому-то другому. А Мейсен – реальная угроза.

Я решила, что дам Мише еще несколько дней, но мне нужно все знать наверняка. Все ли с ним в порядке? Жив ли он? Или просто решил оставить нашу переписку в прошлом?

Сбросив одеяло, сажусь и свешиваю ноги с кровати. Потом смотрю на часы и вижу, что уже девять с небольшим.

Сегодня суббота. Весь день свободен. Могу просто поехать к нему в город и проехать мимо дома.

Не как одержимая девчонка, которая преследует парня и не понимает намеков. Нет, могу просто проехать мимо. Убедиться, что его дом не сгорел и не опустел, потому что его отец совершил какое-то ужасное убийство и уехал из города: сбежал посреди ночи вместе с Мишей и его сестрой.

Как знать, может, увижу молодого парня, паркующегося у дома и заходящего внутрь, пойму, что это он, и буду уверена, что он жив и с ним все хорошо. Мне ведь больше этого и не нужно, верно?

Встав, надеваю спортивные шорты, футболку и флисовую кофту. А потом собираю волосы в небрежный хвост. Неважно, как

я выгляжу. Если схожу в душ, уложу волосы и сделаю макияж, будет гораздо сложнее сдержаться и не постучать в дверь. А если буду выглядеть ужасно, мне и в голову не придет выйти из машины.

Почистив зубы, спускаюсь на первый этаж, огибаю перила и направляюсь на кухню.

– Доброе утро, – говорит мама.

Поднимаю глаза. Они с Карсон сидят за столом и вместе листают журнал. Наверно, хотят еще что-то в доме переделать, потому что мама говорила, что собирается расширять гараж. Я открываю холодильник и достаю бутылку воды.

– Доброе утро, – отвечаю я.

– Вчера вечером звонила директор школы, – раздается голос сестры.

Вздрогнув, я медленно закрываю холодильник, но не оборачиваюсь. *Черт*. Все верно.

Она им рассказала о том, что я сделала с машиной Мейсена? Точнее, о том, что я якобы сделала?

Проклятье!

Но нет. В таком случае мама закатила бы мне скандал еще вчера, когда я вернулась домой. Она бы не стала откладывать это на утро.

Плюс я сильно сомневаюсь, что директриса мне поверила… Но есть еще кое-что, о чем она могла рассказать маме.

– Она сказала, ты собираешься идти на выпускной с Треем, – мама подходит ко мне. Она в халате, волосы собраны в пучок. Потом она выливает остатки кофе в раковину. – Хотела узнать твой любимый цвет, чтобы заказать бутоньерку. Почему ты нам не сказала, что он тебя пригласил?

– Забыла, – пожимаю плечами я и немного расслабляюсь. – Вас не было дома, а у меня много дел.

На самом деле мне это не показалось настолько важным, чтобы рассказывать семье. Популярная девочка идет на выпускной с популярным мальчиком.

Лучшее место в школьном фотоальбоме обеспечено.

Но меня это так мало волнует. Интересно, почему?

Она кивает, улыбается мне своими голубыми глазами и посылает воздушный поцелуй.

– У тебя всегда *так* много дел. А скоро уедешь в колледж. Я хочу чаще видеться с тобой.

Я целую ее в щеку и беру яблоко с блюда посреди стола.

– Буду дома вечером.

– А куда собираешься сейчас?

– Встретиться с другом. – Разворачиваюсь и выхожу в холл. –

Скоро вернусь.

– Райен! – в голосе мамы звучит неудовольствие.

– Ой, да пусть идет, – ворчит сестра, встает и относит в раковину тарелку. – Райен теперь так занята своими важными делами. Мы должны быть благодарны, что она почтила нас своим присутствием.

Я хватаю кошелек и ключи со столика в прихожей и сжимаю зубы. Уже и припомнить сложно, когда сестра говорила мне что-то приятное. Впрочем, как и я – ей.

– Карсон, – осаждает ее мама.

– Что? – отвечает сестра. – Я рада за нее. По крайней мере, она больше не в начальной школе, где у нее не было друзей, и приходилось везде таскать ее с собой.

Я проглатываю комок в горле, не оглядываясь на сестру. Она всегда знает, что нужно сказать, чтобы я снова почувствовала себя никчемным ребенком. Улыбка, которую я обычно из себя выдавливаю, чтобы не расстраивать мать, похоронена где-то глубоко в животе, под грудой кирпичей, и подходящие слова на этот раз где-то затерялись. Как же я от всего устала.

Не произнеся ни слова больше, выхожу на улицу и сажусь в джип. Это просто его город и его дом. Ничего особенного. Плевать. Мне нужно увидеть что-то, что принадлежащее Мише.

Я еду по тихим, безлюдным дорогам Тандер-Бей, ветер задувает в салон через открытые окна джипа и треплет мне волосы. Солнце играет на листьях деревьев, а с моря веет соленый бриз, наполняя легкие свежим ароматом.

По радио играет *„Sk8er Boi“* Аврил Лавин, но я не подпеваю, как обычно. По обеим сторонам дороги появляются дома, и в груди начинает тихонько покалывать.

Твою мать. Это же явно не мой уровень.

Двух– и трехэтажные дома с коваными воротами, огромными участками и подъездными аллеями, которые сами по себе шире моего дома. А машины, проезжающие мимо, стоят целое состояние.

Господи, Миша.

Не то чтобы мой дом был убогим. Нам его хватает с лихвой, мама прекрасно его отделала и украсила. Но эти дома совершенно другого уровня. Я очень рада, что еду на джипе, а значит, не привлекаю особого внимания. Единственная машина, которая ничего не говорит о доходе ее владельца. Фанатов джипов хватает и среди богатых, и среди бедных.

Еду дальше, сверяясь с картой в навигаторе, и поворачиваю направо, на Бирч, а потом налево, на Жирар.

Жирар, дом 248. Я знаю его адрес наизусть с тех пор, как мне

было двенадцать. Сначала думала: раз уж мы живем в получасе езды друг от друга, будем время от времени видеться – в один прекрасный день оба получим права и станем гораздо свободнее.

Но когда этот день настал, у каждого уже были своя жизнь, друзья, обязательства, и нам казалось достаточно того, что *можем* увидеться, когда захотим.

И *если* захотим.

Проезжаю мимо домов и читаю номера на колоннах, стенах и въездных воротах: 212, 224, 236, а потом…

Я вижу его. Вот он, слева, за живой изгородью и парой каменных колонн, обрамляющих въезд и открытую калитку для пешеходов. Трехэтажный дом в стиле Тюдор: в отделке сочетаются дерево и камень, уравновешивая друг друга. Останавливаюсь на противоположной стороне улицы и с минуту его разглядываю.

Он живописный и чуть старомодный, не массивный и не вычурный, как многие дома, мимо которых я проехала.

И еще у входа есть фонтан.

Миша здесь вырос. Сюда приходили мои письма.

Неудивительно, что он так много жалуется, смеюсь я про себя. Это прекрасный дом, но с Мишей он не имеет ничего общего. Миша, которого дважды пытались исключить за драки, который играет на гитаре, считает, что вяленая говядина и энергетический напиток «монстер» представляют собой здоровый завтрак, и живет в доме, выглядящем так, будто там есть дворецкий.

Легкие сдавливает, и я достаю запасной ингалятор, что хранится в секретном отсеке приборной доски. Весна вступила в свои права, а с ней – и аллергия.

Дважды пшикаю в рот. Легкие начинают работать в обычном режиме.

Смотрю на телефон. На часах почти десять. Не могу же я просидеть здесь целый день? Подняв глаза, замечаю двух девушек, бегущих по тротуару в мою сторону. Слышится детский крик где-то по соседству. Ставлю ногу на педаль, но замираю.

Я зареклась, что не буду выходить из машины, но… Находясь так близко, всего в паре шагов от него, чувствую, как сильно по нему скучаю. Мне нужно узнать, что происходит.

Если подойду к двери, наши старые отношения закончатся, это я знаю точно. Может, они продолжатся в каком-то новом ключе, когда я пойму, что ошибалась на его счет, но они никогда не будут такими, как прежде, когда я еще не видела его лица. Все изменится, и я сама разрушу то, что у нас есть. Это неудобно, и он наверняка не готов к тому, что я просто так приеду и позвоню

в дверь без предупреждения. Что если мы оба будем сидеть друг против друга сложа руки и молчать, потому что я сумасшедшая маньячка, которая выследила его и теперь чувствует себя странно?

– К черту, – огрызаюсь я. Разговариваю сама с собой, но мне наплевать.

Но я верю в него. У меня есть на это право. Нашей привязанности уже целых семь лет. Если он не хочет, чтобы я приехала, мог бы давно ответить на мое письмо и написать, что все кончено. Я имею право знать, что происходит.

Открыв дверь, выпрыгиваю из джипа. На ватных ногах едва дыша перебегаю улицу, отгоняя от себя страх.

Не думай. Просто иди. Он сводит меня с ума, и я должна положить этому конец. Мне просто нужно знать.

Шагая по дорожке, все время оглядываюсь по сторонам и посматриваю на окна: вдруг кто-нибудь меня увидит? Откидываю волосы назад, приглаживаю, переделываю хвостик и подхожу к двери.

Все-таки стоило одеться поприличнее и накраситься. Что если он дома и рассмеется, увидев меня? Я ведь ужасно выгляжу.

Нет, Миша меня знает. Он единственный, кто знает меня настоящую. И не станет судить по одежке.

Я оттягиваю воротник рубашки и прячу в нем нос, принюхиваясь. Обычно я принимаю душ дважды в день: вечером, потому что всегда потная после чирлидинга и плавания, и утром, после тренировок. Но сегодня я не мылась ни разу.

Думаю, все нормально. Хотя сестра однажды мне сказала, что невозможно почувствовать собственный запах.

Поднимаю руку и несколько раз стучу в дверь. А потом замечаю справа звонок. Черт, нужно было позвонить.

Неважно. Складываю руки на груди, обнимая себя, переминаюсь с ноги на ногу, наклоняю голову и закрываю глаза.

Миша, Миша, Миша, где же ты?

Слышу, как открывается дверь, и сердце уходит в пятки.

– Да, – говорит голос.

Моргнув, стараюсь расслабиться и делаю вдох. Передо мной мужчина, намного старше, чем должен быть Миша, с седеющими темными волосами и зелеными глазами. Его отец?

На нем темно-синий халат поверх пижамы, и мои щеки начинают гореть от смущения. На дворе субботнее утро. Может, он только что проснулся.

– Э-э-э, здравствуйте, – наконец говорю, опуская руки и снова складывая их. – А… э-э-э… Миша здесь?

Вижу, как его плечи немного расправляются, будто он

пытается быть начеку.

– Прошу прощения, но его нет дома, – тихо отвечает он.

Его нет дома. Значит, он здесь живет. Это его дом. Не знаю, почему, но подтверждение этой информации наполняет меня одновременно и страхом, и приятным волнением.

А этот мужчина – должно быть, его отец.

– Не подскажете, когда он вернется? – спрашиваю я как можно вежливее. – Я его подруга.

Из его груди вырывается тяжелый вздох, и он опускает глаза. Я замечаю, что у него впалые щеки и мешки под глазами, как будто он болен или очень устал.

– Если вы его подруга, уверен, вы можете позвонить и выяснить это у него самого, – отвечает он.

Я запинаюсь. Да, будь я его подругой, почему бы мне просто не позвонить ему на мобильный?

Может, он знает, кто такая Райен и стоит сказать ему, что это я.

– Может быть, ему что-нибудь передать? – предлагает он, уже собираясь закрыть дверь.

– Нет, – спешно отвечаю я. – Большое спасибо, сэр.

Он кивает и тянет дверь на себя.

Но я выставляю вперед руку, останавливая его.

– Сэр…

Он останавливается и поднимает на меня глаза.

– С ним все нормально? – спрашиваю я. – Я просто… очень давно не получала от него вестей.

Его отец секунду молчит, внимательно глядя на меня, а потом уверенно отвечает:

– Он в порядке.

А затем закрывает дверь, и я остаюсь стоять на верхней ступеньке, замерев от смущения.

Что это значит?

Наверное, я должна быть счастлива, так? Ведь он в порядке.

Он здесь живет. Отец говорит, что сейчас его нет, значит, иногда он бывает дома, следовательно он не переехал, не умер и не ушел в армию.

Но я не чувствую себя счастливой.

Он в порядке. Он здесь живет. Сейчас его нет дома. Все нормально. Ничего не изменилось.

Но если он не переехал, не умер и не ушел в армию, тогда какого черта он больше не пишет?

Я разворачиваюсь и иду к своему джипу, зная, что сделает Райен, подруга Миши. Она никогда не сдастся, будет писать ему с неубиваемой преданностью, продолжая верить, что у него есть

серьезные причины ей не отвечать.

Но та Райен, которую Миша не знает, пытается сейчас удержать себя в руках, потому что не любит, когда к ней относятся как к игрушке.

Ты знаешь мой адрес, засранец. Воспользуешься ты им или нет, тебе решать.

Я больше не буду затаив дыхание ждать твоих писем.

– Как тебе этот Мейсен Лоран? – иронизирует Лайла, стоя рядом с моим шкафчиком, пока Тен у нее за спиной что-то пишет в телефоне. Она смотрит через плечо на Мейсена и группу парней в другой стороне коридора. – Наверно, его выгнали из предыдущей школы за мордобой. Трей после той драки получает тонны дерьма в «Фейсбуке». – Прищурившись, она опять смотрит на Мейсена. – Он определенно горяч, но какая же он тварь. Его должны арестовать.

После той драки Трей получает тонны дерьма? Я еле сдерживаю ухмылку. *Ты имеешь в виду, после того как Трею надрали задницу?*

Я бросаю взгляд на Мейсена. Он стоит в окружении четырех парней, и все они шутят и смеются, как будто всегда были лучшими друзьями. Мейсен улыбается одному из них и качает головой, мусоля соломинку, торчащую из стаканчика «севн-илевн».

Мои щеки покрываются румянцем. Эти губы. В пятницу вечером я не могла от них оторваться, а он так и не поцеловал меня.

А если Лайла и Тен прямо сейчас узнают, что я лежала на заднем сиденье его машины и не хотела останавливаться?

Кажется, он чувствует, что я на него смотрю, потому что поворачивает ко мне голову, и мы смотрим друг другу в глаза через переполненный холл. Взгляд его зеленых глаз меня обескураживает. В них сверкает что-то горячее, и я вдруг чувствую, что меня пригвоздили к месту. Ни шагу не могу ступить. Я разворачиваюсь и складываю книги в шкафчик.

– Ну да, – отвечаю нарочито скучающим тоном. – Похоже, он нашел себе друзей.

– Ага, на самом дне, – шутливо добавляет Лайла, глядя на парней, в окружении которых стоит Мейсен. – Все эти ребята через годик-другой окажутся за решеткой.

Они все похожи друг на друга. Мейсен здесь еще и неделю не проучился, а уже нашел компанию в своем стиле. Немного пирсинга, татуировки, и, наверно, все они неплохо разбираются в процессе освобождения под залог.

– Я слышал, ты бросила его на автомойке? – Тен выбрасывает жвачку в серую урну у стены между моим шкафчиком и классом. – Дрянная девчонка.

– О да. – Я достаю телефон, чтобы взять его с собой на обед. – Мое время слишком дорого. А ему в любом случае не помешает привыкнуть к ручному труду.

Лайла и Тен усмехаются, и все мы весело разглядываем шайку хулиганов.

Еще в пятницу у Мейсена совсем не было друзей, а теперь… И могу поспорить, они сами к нему тянутся, а не наоборот.

Теперь все его знают.

– Он глаз с тебя не сводит, – замечает Тен.

Притворяясь безразличной, я незаметно скольжу взглядом по Мейсену.

Пульс начинает зашкаливать.

Он стоит, прислонившись спиной к шкафчику, и его взгляд направлен на меня. Манящий, задорный, горящий… как будто он не забыл, на чем мы остановились.

– Пусть смотрит куда угодно, – говорю я, захлопываю шкафчик и встречаюсь с Мейсеном глазами, но не прекращаю разговаривать с другом. – Он никогда меня не добьется.

На другом конце холла Мейсен улыбается уголками губ, словно понимая, что я сейчас навру про него с три короба.

– Но если вдруг это произойдет, – вклинивается Тен, – не забудь рассказать мне об этом первому, окей? Хочу знать все подробности.

– Я иду на выпускной с Треем. – Я прикрываю глаза. – А Мейсен Лоран может постоять в сторонке и посмотреть.

Лайла и Тен начинают хохотать, тут вдруг что-то прилетает в урну, и поток прозрачной жидкости бьет прямо в нас. Газировка разливается по полу, я охаю, потому что мне обливает колени, а Лайла и Тен отскакивают: липкая жидкость залила им ноги и обувь.

– Козел! – кричит Лайла через весь коридор.

Мейсен отходит от шкафчиков, по-прежнему держа в зубах соломинку и ухмыляясь. Новые друзья следуют за ним и все как один хохочут.

Должно быть, он швырнул банку газировки в мусорку прямо оттуда.

Вот сволочь.

– Извини, куколка. – Мейсен достает изо рта соломинку и с самодовольным видом пялится на меня. – Я и не думал превращать тебя в грязную девчонку.

Эти слова двусмысленны, и его новые дружки заливаются

хохотом. Я крепко сжимаю зубы, умирая от желания залепить ему пощечину и стереть эту дурацкую улыбку. Но они с друзьями уже идут в дальний конец коридора, в сторону столовой.

Он всегда умеет произвести впечатление, правда?

– Придурок, – резюмирует Лайла. – Пойду в туалет отмываться.

Она пробирается мимо меня, Тен следует за ней, качая головой и весело улыбаясь.

– Увидимся в столовой, – говорит он, проходя мимо меня.

Я разворачиваюсь, снова открываю шкафчик и достаю испорченный Мейсеном кашемировый шарф. Он уже грязный, так что какая разница? Вытираю им ноги и закидываю обратно в шкаф, мысленно отмечая, что надо вечером забрать его домой и постирать.

Звенит звонок, и я направляюсь в столовую. Я такая голодная, что действительно собираюсь поесть, а не делать домашку, как обычно. Поэтому оставляю книги в шкафчике.

Проходя мимо кабинета физики, замечаю, как слева ко мне приближается что-то темное. Я едва успеваю понять, что это Мейсен, как он затаскивает меня в класс. Обескураженная, стою в пустом кабинете и жадно вдыхаю воздух. Он закрывает дверь, подходит ко мне и прижимает к стене.

Сердце в груди бешено колотится, а в животе что-то сжимается. Но я давлю в себе это чувство. Гляжу на него, гордо задрав подбородок и уперев руки в бедра. Заставляю себя хотя бы выглядеть спокойной.

Он смотрит на меня сверху вниз и ничего не говорит, но его грудь уже касается моей. Тусклый свет пробивается из окна, в комнате почти совсем темно, отдаленные разговоры и смех доносятся из столовой.

Он так близко.

Все тело начинает гореть. Я чувствую на губах его дыхание.

– Чирлидерский костюмчик – полный отстой, – говорит он.

Я наклоняю голову набок.

– Забавно, потому что минуту назад ты глаз от меня оторвать не мог.

Он опускает взгляд на мои губы, наклоняется, мы оба начинаем дышать чаще, и я уже почти вновь ощущаю его вкус.

Я облизываю губы.

И он теряет контроль.

Наклонившись, хватает меня за ягодицы, приподнимает, и я со стоном обхватываю его руками и ногами. *Да.*

Приоткрываю рот и провожу губами по сережке, наслаждаясь ощущениями, а он сдавленно стонет и крепче вцепляется

пальцами мне в бедра. Я сильнее прижимаюсь к нему ногами.

– Сучка, – шепчет он.

– Кретин.

Потом касаюсь сережки самым кончиком языка, и его терпению приходит конец.

Мейсен впивается губами в мои губы и начинает страстно целовать, двигаясь резко, то и дело касаясь языка. Он такой теплый и вкусный, что я теряю рассудок, перестаю дышать. Мне наплевать. Я просто хочу еще, больше и больше…

Он кусает меня за губу, перехватывает руками ягодицы и крепко их сжимает. Я слегка вскрикиваю. Он сводит меня с ума. Не хочу, чтобы люди нас услышали, но прямо сейчас меня ничто не волнует.

Я закрываю глаза, а он перемещает губы и зубы к шее, и по спине ползут мурашки. Чем сильнее я сжимаю ноги, тем сильнее разгорается пожар внизу живота.

Я хочу быть еще ближе.

Он прижимается ко мне животом, я прикасаюсь к его губам и запускаю язык как можно глубже, дразня его каждый раз тем, что не даю поцеловать себя в ответ.

– Не останавливайся, – шепчет он.

Услышав смех за дверью, я спрыгиваю и хочу повернуться ко входу в класс.

Но он не выпускает меня. Протягивает руку к двери, щелкает замком, несет меня к стулу рядом с учительским столом, садится и сажает меня на колени лицом к себе. Обхватив за бедра, притягивает еще ближе.

– Ты думала обо мне в выходные? – Мейсен кусает меня за губу и замирает. – А?

Я чувствую его зубы на своей губе. В животе все переворачивается, но я отвечаю:

– Мечтай, мечтай.

Я льну к нему всем телом, впиваюсь в его губы, прижимаюсь к нему бедрами.

– Ты рассказывала своим друзьям какие-то глупости про меня, так ведь? – спрашивает он, тяжело дыша, продолжая целовать и покусывать меня. – Я никогда не хотел никого проучить так сильно, как тебя сейчас. – Он опять притягивает меня к себе, и мой клитор оказывается прямо напротив выпуклости на его джинсах. – Мне стоило подойти к тебе, задрать юбку и залезть на тебя прямо там, чтобы все они узнали, что тебе на самом деле нравится.

Я начинаю качать бедрами, медленно, дразня его, но, когда он в следующий раз пытается поймать губами мои губы, я

отворачиваюсь.

– Ты не знаешь, что мне нравится.

– Вряд ли я тебя разочарую.

Его слова повисают в воздухе. Я опускаю глаза и вижу край татуировки, которая начинается на плече и лишь на пару сантиметров заходит на шею. Не могу определить, что это, но наклоняюсь и целую рисунок, медленно поднимаясь вверх по шее, к уху.

– Извини, что подгоняю, – шепчу я, – но меня ждут друзья.

Не хочу уходить, но придется.

Пытаюсь встать, но он притягивает меня к себе.

– Принцесса, так не пойдет.

Его глаза бросают мне вызов, а пальцы гуляют по моим бедрам. Сердце бьется еще быстрее.

– Кто-нибудь может войти, – предупреждаю я.

– И что? Боишься, что кто-то узнает твой маленький грязный секрет?

– Мейс…

Он наклоняется и закрывает мне рот поцелуем. И целует так глубоко, что мне снова хочется обвить его руками.

– Не называй меня так, когда мы заняты делом, – шепчет он, оторвавшись от моих губ.

Не называть его Мейсеном?

– Почему? – спрашиваю я.

– Просто не надо. – Он приподнимает меня за плечи и встает, вынуждая меня слезть с его коленей. – А теперь сделай мне одолжение. Иди в столовую и посиди у Трея на коленях, если тебе не трудно. Хочу посмотреть на твоего гребаного кавалера. Он ведь не будет знать, что эта аппетитная попка терлась о мой член всего пару минут назад.

Он улыбается, а на лице печать жестокости. Я делаю глубокий вдох, поднимаю голову и стараюсь выглядеть равнодушной.

Но сердце колотится с частотой отбойного молотка. Что за сволочь.

Прежде чем успеваю придумать остроумный, саркастичный или, наоборот, по-детски невинный ответ, он обходит меня, подходит к двери и растворяется в коридоре, впуская в комнату звуки из столовой.

Горло чуть сжимается, но я сдерживаю слезы. Развернувшись, смотрю в окно на свое отражение. Моргаю, глотая слезы, и внимательно осматриваю лицо, проверяя, не размазались ли тушь и помада, не растрепались ли гладко уложенные волосы.

Убеждаюсь, что девушка, которая выбралась наружу

несколько минут назад, снова надежно спрятана внутри.

Делаю глубокий вдох, выхожу в коридор и иду в столовую, к друзьям.

Глава Десятая
Миша

Сидя в пустой кабинке колеса обозрения, я запрокидываю голову и закрываю глаза, подставляя лицо ночному ветру.

Вдалеке шумит океан, волны обрушиваются на берег, заполняя темноту своим незримым присутствием где-то далеко за спиной. Эта кабинка еще поскрипывает на ветру. Остальные давно заржавели.

Походная лампа, которой я обычно пользуюсь в комнате в подземелье, закреплена у меня над коленями, на которых лежит тетрадка. Я сжимаю ручку.

Пятьдесят семь раз я не звонил,
Пятьдесят семь писем не послал,
Пятьдесят семь швов, чтоб вновь дышать,
А не притворяться, что дышу.

Открываю глаза и записываю две последних строчки. Тьма почти кромешная, и я с трудом могу разглядеть, что пишу. Хотя ничего страшного: можно записать слова сегодня, а перечитать завтра, на свежую голову.

Я пишу эту песню уже два года, с тех пор как Райен начала рассказывать в письмах про «чирлидершу». Застрял на полпути, потому что не был уверен, чем закончится история, которую мне так нужно рассказать. Я знал, какое впечатление она производит, только со слов Райен, и не имел возможности зайти дальше.

Но, уходя из школы два дня назад, после того как она наконец побывала у меня в руках в классе физики, я ощутил уже почти забытое желание писать и снова начал чувствовать.

Она знает, как сводить меня с ума, на публике делая вид, что я грязь у нее под ногами, но не в силах насытиться мной наедине. Ее язык, губы, одержимость моей сережкой, то, как она ко мне прижималась… Если бы не пара лишних слоев одежды, я бы уже побывал внутри…

Да, не стоит превращать это жалкое подобие секса в привычку. Она так меня заводит, что я хочу снять с нее все, *кроме* юбочки, едва прикрывающей попу, и ощутить каждый ее сантиметр. Если бы вся ее шайка знала, как сильно их принцесса хочет меня… Но я поднимаю глаза на ночной парк и осознаю.

Нет. Не *меня*.

Мейсена.

Черт, я не могу это так оставить. Нужно либо все прекратить и исчезнуть, либо все ей рассказать. Она никогда не простит меня за такое предательство, за то, что крутился прямо у нее под носом и едва не затащил ее в постель.

– Как же я сразу не догадался, что ты здесь! – слышится чей-то голос. Вздрогнув, я смотрю вниз.

Там стоит Дейн с фонариком в руках.

Наблюдаю, как он карабкается по балкам к тому месту, где сижу я (это примерно на пять кабинок выше земли), и тяжело вздыхаю. Я занят. Впервые за долгие месяцы пишу, такая удача.

– Вы с кузеном в детстве очень любили это место, – кричит он. – Я должен был догадаться, что ты прячешься здесь.

Он лезет наверх, мимо пустых кабинок, и забирается на балку, на которой висит. От лишней нагрузки колесо поскрипывает, но не двигается с места. Годы дождей и влажного морского ветра сделали свое дело.

Он садится рядом, и я замечаю, что на нем черная футболка с логотипом нашей группы. Наше название, Cipher Core[8], и какой-то «арт» авторства Дейна на левой стороне груди. Дома у меня осталось несколько таких футболок. Даже у Энни они были, она обычно в них спала.

Взгляд Дейна падает на тетрадку, а потом он поднимает глаза, и шестеренки в его голове начинают крутиться.

– У тебя есть что-то для меня? – он спрашивает про текст.

Я усмехаюсь про себя и протягиваю ему тетрадку. Какого черта? Пусть скажет мне, что это отстой, и я смогу наконец забросить это дело. Тогда мы сможем просто пойти в «Палочки» и напиться.

Но он только бегло проглядывает текст. А потом нерешительно поднимает глаза на меня, будто подбирает слова.

– Мужик, твой отец в последнее время выглядит неважно, – говорит он, стараясь не выдать голосом беспокойства. – Магазины закрыты, он больше нигде не появляется, никто его не видит. Он скучает по тебе.

– Он скучает по Энни.

– После того, что случилось с Энни, он продолжал ходить на работу, – подмечает Дейн. – Перестал только после твоего отъезда.

Я кладу руку на спинку сиденья и чешу лоб. Он больше не ездит по своим магазинам? Не открывает их и вообще ничего не делает?

Дейн прав. Отец очень тяжело переживал смерть Энни, но не отказался от своих обязательств. От всех, кроме меня, конечно.

Дал мне ту свободу, которой мне так не хватало.

Однако он продолжал следить за домом, управлять магазинами, заниматься документами и бегать по утрам.

Хоть мне так ни разу и не позвонил.

Если ему так тяжело, если я ему так нужен, почему бы не сказать об этом?

Я уже давно не могу поговорить с тобой. Я отчаялся найти к тебе подход.

Чувство вины вновь начинает проявлять свои смутные очертания через пелену гнева, застилающую глаза. Энни любила его. Она бы не хотела, чтобы он остался один.

Я смотрю на Дейна и вижу, что он читает мой текст, подсвечивая тетрадь фонарем. Его глаза медленно, внимательно двигаются по бумаге, он не пропускает ни единого слова.

А потом поднимает взгляд, мы встречаемся глазами, и он кивает.

– Мы готовы начать работать. Ты возвращаешься домой?

Не знаю. Были причины, по которым я уехал, но теперь, боюсь, у меня появились причины остаться. Они другого рода. И это проблема.

Нельзя было так сильно сближаться с Райен. Теперь все слишком сложно. Уехать и сохранить друга или остаться и потерять ее навсегда.

– Мне осталось доделать одно дело, – говорю ему я. – А потом вернусь домой.

Подходя к дому, сбавляю темп и на ходу смотрю на часы. Уже за полночь, на улице тихо, все дома стоят темные.

Кроме одного.

Я смотрю на двухэтажный кирпичный дом, где в одном окне горит свет. Это кабинет, и внутри движется фигура. Все машины стоят на дорожке возле дома, «камаро» Трея – посередине.

То, что мне нужно, находится в этом доме.

Кое-что – мое, принадлежащее моей семье. И я заберу это. У этого урода в пятницу вечером игра по бейсболу, и вся семья будет там. Тогда я смогу пробраться в дом и покинуть его незамеченным.

Тень снова проплывает мимо большого окна кабинета. Я слежу за ней. Теплый свет внутри создает ощущение уюта, и от этого щемит в груди. Как приятно думать, что твои дети в безопасности, под крышей твоего дома, спят в теплых кроватках, окружены любовью, что их мир идеален.

Это скоро изменится.

Включаю передачу, нажимаю на газ и сворачиваю за угол, в

сторону школы. Дом Райен как раз по пути, и мне вдруг хочется сейчас же ее увидеть.

Я последнюю пару дней все хотел с ней поговорить, но… сделал все только хуже, потому что это, похоже, единственное, что мне хорошо удается. Хочу пробраться через окно к ней в комнату, просто прикоснуться к ней, поговорить и посмотреть, к чему это может привести. Может, она даст мне подсказку, как отмотать все назад и начать заново, с того момента, как я перестал отвечать на ее письма, хотя должен был, наоборот, цепляться за нее и рассказать, как сильно она мне нужна.

Но если бы я мог вернуться в прошлое, в тот момент, когда еще не встретился с ней лично, захотел бы этого?

Нет, ни на что на свете не променяю те минуты в кабинете физики и то время, что мы провели на заднем сиденье моего пикапа.

Иногда нам приходится выбирать, чего мы хотим больше: вернуть то, что имели, или получить что-то новое, оставаться на месте или рисковать всем, чтобы двигаться вперед. Я проезжаю мимо ее дома. У нее сложный характер, а я и так сегодня очень устал.

Кроме того, мне нужно принять душ, прежде чем забираться к ней в постель.

Паркуюсь у школы, на противоположной стороне улицы, хватаю сумку со сменной одеждой и перебегаю дорогу, следя, чтобы никому не попасться на глаза. Не то чтобы в это время здесь не было тихо, как на кладбище, но кто знает.

Перебегая школьную парковку, где нет ни единой машины, продолжаю на всякий случай озираться. Я слышал, собирались нанять охрану, которая будет делать обходы, чтобы поймать малолетнего вандала, рисующего на стенах, но их машин тоже нет. И камеры пока не запущены, так что здесь безопасно.

Перепрыгнув через забор тренировочного поля, залезаю на гору старой формы для американского футбола и легко поднимаю шторку окна мужской раздевалки. Распахнув его, подтягиваюсь, сажусь на подоконник и перекидываю ноги внутрь. Бросаю сумку на пол, оборачиваюсь и закрываю окно.

За последнюю пару недель я только несколько раз так рисковал, но устал напрягать Дейна постоянными походами в его душ. Кроме того, здесь я могу провести всю ночь, если захочу. Даже диваны в библиотеке и те мягче и удобнее кровати в Бухте.

Достаю полотенце, раздеваюсь, захожу в кабинку и включаю воду. Теплые струи воды приятно ласкают тело, я едва не издаю стон удовольствия. Это определенно преимущество жизни не в Бухте. Я так скучаю по своему домашнему душу с маркером,

которым можно писать на стенах, когда захочешь, и который смывается водой.

Мою голову и тело, наслаждаясь горячей водой, возможно, немного дольше, чем следовало бы. Закончив, вытираюсь, надеваю чистые джинсы и черную термуху и складываю грязную одежду в сумку.

Но вдруг слышу писк и пару секунд шума рации. Я замираю и весь превращаюсь в слух.

– Окей, – говорит мужской голос. – Я обойду первый этаж и поднимусь к тебе.

– Черт! – шепчу я. Засунув остатки одежды в сумку, запрыгиваю за ряд шкафчиков в тот момент, когда дверь раздевалки открывается.

Блин. Ладно, моя машина не на школьной парковке, я закрыл окно, когда залез сюда, все свои вещи убрал и… В глаза бросается пар – он все еще идет из кабинки, откуда я только что вышел.

Вашу ж мать.

Выглядываю из-за угла и вижу, как охранник светит туда фонарем. Сердце начинает бешено колотиться, я кошусь на окно и понимаю, что через него мне не выбраться. Снова взглянув на охранника, вижу, что он замечает пар и моментально разворачивается, освещая все помещение. Он ищет меня. Он знает, что здесь кто-то есть.

Пора уносить ноги. Развернувшись на каблуках, пулей пробегаю мимо ряда шкафчиков и с размаху открываю дверь. Тишину разрезает громкий треск.

– Эй! – кричит охранник. А потом я слышу, как он докладывает обо мне по рации второму.

Пробегаю мимо ближней лестницы и устремляюсь на следующую, взлетаю, прыгая через ступеньки, и оказываюсь на первом этаже с сумкой наперевес. Затем вхожу в холл и поглядываю направо и налево. Выбрав лево, бросаюсь в ближайший коридор, чутко прислушиваясь и вглядываясь во тьму.

Пробегаю мимо череды запертых выходов и продолжаю поиски.

Но потом на моем пути оказывается столовая, и я вижу надпись на внутренней стороне окна. Притормаживаю и оглядываюсь, убеждаясь, что охраны нет поблизости.

И только тогда читаю послание.

Ты фото на полке, круги на воде,

И время ушло, и мы уж не те.

– Панк

Я улыбаюсь про себя. Кажется, маленький Панк снова взялся

за свое.

Послание написано темно-синей краской из баллончика в две строчки поперек четырех панорамных окон. Может, он пробирается сюда тем же способом, что и я? И другой вопрос, посложнее: как он выходит отсюда, обходя сигнализацию?

Осматриваюсь в поисках окна, через которое можно выскользнуть, но меня прерывает звук открывающейся двери. Бегу по коридору, дергая за ручки каждой двери, надеясь, что найдется открытый класс.

Кабинет физики, где мы были с Райен пару дней назад, оказывается открытым. Забегаю внутрь, замечая пятно света, прыгающее по полу соседнего коридора.

Аккуратно закрыв дверь, осматриваю комнату и замечаю вход в лаборантскую. Подойдя к нему, открываю створку и проскальзываю внутрь.

И слышу тихий вздох.

Прямо позади меня.

Мороз идет по коже, я оборачиваюсь, во рту вдруг пересыхает…

Я здесь не один.

Уже тянусь к выключателю, но чья-то рука мягко отводит мою.

– Нет, – шепчет женский голос. – Они заметят свет.

Райен?

Я моргаю, пытаясь заставить глаза побыстрее привыкнуть к темноте, но она тянет меня назад и заводит за стеллаж, к окну. Из него льется лунный свет, и я вижу, что она в черных шортах и спортивном топе. Должно быть, вела сегодня плавание. Ее распущенные волосы распушились после сушки, и она держит за лямку рюкзак.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю ее.

Она стоит рядом со мной и нервно дышит.

– Ничего.

– Райен…

– Тсс! – Она хватает меня за запястья и тянет вниз. Мы оба садимся на корточки, и я замечаю, что из кабинета доносится тихий голос.

– Нет, я слышал, как хлопнула дверь, – говорит один из охранников.

– Это была единственная открытая дверь, – отвечает ему другой. – Посмотри здесь. А я обыщу столовую.

Я слышу сбивчивое дыхание Райен. Мы оба смотрим на щель под дверью – там виднеется свет фонарика. *Черт.*

Поворачиваюсь к Райен, опускаю глаза и замираю. Ее руки

чем-то перепачканы.

Поднимаю на нее глаза и снова опускаю, потом беру ее руку и переворачиваю.

Синяя краска.

Синяя краска… из баллончика.

Я рассматриваю пятна у нее на пальцах и ладони, и вдруг до меня доходит.

Твою мать.

Снова поднимаю взгляд и пристально смотрю ей в глаза. Так-так…

– Ты только что стала интересовать меня гораздо больше.

В ее глазах мелькает страх, она выдергивает руку и дышит так, будто сейчас заплачет.

Я усмехаюсь, кошусь на дверь и снова возвращаюсь к ней.

– Пожалуйста, не говори никому, – шепотом умоляет она.

Почему я должен кому-то говорить? Забавно. Райен Треверроу, идеальная девочка, королева школы, вламывается в нее по ночам, нарушая явно не один закон, и пешет анонимные послания, выставляя напоказ грязные секреты учеников прямо под носом у администрации.

Великолепно.

Пиликает рация охранника, и из нее снова раздается неразборчивая болтовня. Я продолжаю слушать. Он что-то отвечает, его голос перемещается в сторону двери.

Беру сумку и делаю шаг в ту же сторону, прислушиваясь.

Теперь его голос отдаляется, я чуть-чуть приоткрываю дверь и заглядываю в класс. Если мы останемся здесь, нас поймают. Я не раз убегал от копов и знаю, что нельзя прятаться в укрытии с одним-единственным выходом.

– Что ты делаешь? – спрашивает Райен.

Я выглядываю и вижу луч фонаря в коридоре. Охранник вышел и разговаривает по рации. Оглядев класс, замечаю за учительским столом дверь в соседний кабинет. Схватив Райен за руку, быстро тащу ее в другой конец комнаты, слышу, как она делает глубокий вдох, и мы на цыпочках перебегаем в соседнее помещение.

Втянув ее в дверной проем, бегло осматриваю кучу шкафов и толкаю ее в темный угол, присаживаясь рядом на корточки.

Мы слышим, как охранник возвращается в соседний класс. Сначала дверь скрипит, открываясь, а потом он ее захлопывает, бормочет: «Вот же пакостник» – и снова принимается переговариваться по рации с напарником.

Я смотрю на Райен.

Панк – это она.

О боже. Она делала это прямо под носом у всех и умудрялась держать свою ночную жизнь в тайне. А по утрам наблюдала за реакцией: как все снуют туда-сюда в попытках выяснить, кто это, и подозревают кого угодно, только не ее.

Да и с чего бы им ее подозревать? Никому и в голову не придет, что у нее не только ветер в голове.

Идеальное прикрытие.

Как долго она этим занимается?

– Прекрати на меня смотреть, – шепчет Райен, и в ее голосе снова появляются воинственные нотки.

– Я собираюсь вниз, – говорит второй охранник.

– А я тогда закончу здесь. Встретимся внизу, – отвечает первый.

Я не двигаюсь и смотрю на нее сверху вниз. Мы сидим так близко друг к другу.

– Зачем ты это делаешь?

Она поднимает на меня глаза. Ее рот слегка приоткрыт. Она чуть отклоняется назад.

– Ты не можешь никому рассказать. Никто не поймет.

– Да кому какая разница? – возражаю я. – Твои друзья – уроды.

– Как и твои.

– Мне, по крайней мере, не нужно никого из себя строить перед ними, – продолжаю сквозь зубы. Но потом вдруг понимаю, какую глупость сморозил. Парни, с которыми я общаюсь в школе, даже моего настоящего имени не знают…

Но я продолжаю напирать.

– Райен, почему в тебе уживаются два разных человека?

– А тебе какое дело? Ты меня не знаешь.

– Эй, кто там? – кричит охранник.

Черт! Я хватаю Райен за руку, и мы убегаем через класс в коридор.

– Эй! – кричит он нам вслед.

Райен тоже что-то кричит, стараясь не отставать. Мы влетаем в холл и поворачиваем направо.

– Остановитесь! – раздается голос охранника, и он светит на нас фонариком.

Его рация начинает трещать, я слышу, как он отвечает, но мы успеваем скрыться за углом. Пробегая мимо одного из выходов, замечаю, что он не закрыт цепью, и толкаю дверь, чтобы сработала сигнализация. Но мы не покидаем школу. Я тащу Райен в противоположную сторону, и мы поднимаемся по лестнице.

– Мейсен, – она тяжело дышит.

Думаю, сейчас мы легко могли бы выбежать из здания, но

мой пикап припаркован прямо напротив школы, и я понятия не имею, где стоит джип Райен. Едва ли нам удалось бы уйти незамеченными и неузнанными. Хотя надеюсь, раз сработала сигнализация, они решат, что мы сбежали.

Я веду Райен в библиотеку и тихонько прикрываю за нами дверь. После чего бросаюсь по лестнице на второй этаж, слыша за спиной ее дыхание. Мы спешим спрятаться в самых дальних рядах, за высокими стеллажами с книгами, рядом с диванами и креслами. В библиотеке темно, ее освещает только слабый лунный свет, льющийся через окна прямо под потолком. Благодаря ковровому покрытию на полу наши шаги неслышны. Я тяну ее за стеллаж и веду как можно дальше от входных дверей.

Мы здесь одни.

Сигнализация все еще визжит, но уже не так громко.

Райен поворачивается ко мне.

– Мейсен…

Что за черт?

Какого лешего?

Меня охватывает беспокойство. Я беру в руки ее лицо, а она продолжает ловить ртом воздух. Ее глаза закрыты. Она выглядит так, будто мучается от боли.

– У меня в сумке… – с трудом выдыхает она.

Что? И тут мои глаза расширяются, потому что я вспоминаю… Да, точно. У нее же астма. Все верно.

Я бросаюсь к ее рюкзаку, что валяется рядом на полу, залезаю во внешний карман и достаю красный ингалятор.

Потом снова встаю, обнимая ее и не давая упасть.

– Вот, держи.

Она прислоняется ко мне, кладет голову на грудь, делает впрыск, на секунду замирает и делает еще один.

Ее грудь быстро поднимается и опускается. Я прижимаю ее к себе.

Она так ослабла, что как будто тонет во мне, но ее дыхание постепенно замедляется, и она начинает дышать глубже.

Проклятье. Она пыталась предупредить меня, пока мы бежали по коридорам, но я не слушал.

Что бы я делал, если бы она где-нибудь забыла или выронила сумку и лекарство было бы не достать?

Я крепко ее обнимаю и впервые чувствую, какая она маленькая в моих руках. Мне всегда казалось, она высокая. Может, потому, что она никогда не отступает, а самомнение у нее выше Эйфелевой башни.

Я прижимаю ее голову к груди и зарываюсь носом в волосы.

– Все хорошо, – говорю нежно. – Я тебя держу.

– Мое сердце не перестанет биться, – отвечает она. Ее голос все еще слаб, но видно, что она понемногу приходит в себя.

– Знаю, – улыбаюсь я. – Я это чувствую.

Я правда чувствую грудью, как бьется ее сердце, тело наполняется силами, а дыхание успокаивается.

Ну и что мне теперь делать с этой девушкой? Только я подумал, что пора бы ее отпустить, как она еще сильнее прижалась ко мне.

И так всегда. Как только понимаю, что не могу больше выносить ее, собираюсь уйти в закат и никогда не оборачиваться, приходится обернуться, чтобы проверить, все ли с ней в порядке.

Ее руки, прижатые к телу в моих объятиях, вздрагивают, и она отстраняется.

А потом поднимает глаза. Немного сконфуженная, молча опускается на колени и берет рюкзак.

Встает, сжимает губы и осматривается.

Сигнализация замолкает, но у меня нет ни малейшего представления, что происходит за пределами библиотеки. Может, они подумали, что мы сбежали из школы, а может, и нет. В любом случае сейчас Райен нельзя отсюда выбираться.

– Ты никому не расскажешь о том, что случилось сегодня вечером. Тогда я буду молчать о том, что ты был здесь, – говорит она. – Понятно?

Она отворачивается и уже собирается уходить, но я ловлю ее за руку.

– Думаю, людям понравится эта версия тебя.

– Друзья меня возненавидят.

– Они и так тебя ненавидят. И не они одни.

На долю секунды ее лицо становится сердитым, но это тут же проходит. Она смотрит на меня, вызывающе приподняв светло-русую бровь.

– Зачем им притворяться?

Я продолжаю напирать.

– А зачем люди соревнуются друг с другом и играют в игры?

Она делает шаг в сторону, пытаясь уйти, но я не даю ей этого сделать.

– Не уходи.

– Это все не твое дело! – громким шепотом заявляет Райен, вырывая руку и недовольно глядя на меня. – Ты меня совсем не знаешь.

– А кто знает?

Она отводит глаза. В них блестят слезы. Через секунду она добавляет вполголоса:

– Я не хочу остаться одна, – признается Райен. – Может, они

меня и ненавидят, но все-таки. А я не выдержу, если меня перестанут замечать, будут высмеивать или… – она осекается, потом продолжает: – Не знаю, почему. Просто мне никогда не хватало смелости быть одиночкой. Я всегда хотела вписаться в компанию.

Райен, каждый хочет, чтобы общество его принимало. Она что, думает, никто и никогда не сталкивался с этой проблемой?

– Почему ты пишешь на стенах?

Она стоит на месте, смотрит в сторону и как будто подбирает слова.

– Миша… – говорит она и снова осекается.

Я напрягаюсь. Пульс набирает темп.

Но она качает головой и выкидывает эту мысль из головы.

– Неважно. Просто раньше у меня был способ выплеснуть эмоции, возможность сделать так, чтобы меня услышали, а теперь ее нет. Я начала всего пару месяцев назад.

Пару месяцев назад. Вскоре после того, как я перестал писать ей.

Я на мгновение закрываю глаза.

Фальшивые друзья, назойливая мама, тревога из-за того, что общество тебя не принимает, как и у большинства ребят, отчаянные попытки вписаться… Я помогал ей удержаться на ногах.

Но я был так занят своей утратой, так зол, что неустанно думал о том, как больно ей будет потерять меня после семи лет переписки. Нет, я не в ответе за ее поступки, но должен отвечать за свои. Я был ее опорой.

– А что ты здесь делаешь? – спрашивает она, переводя стрелки на меня.

Я смотрю на спортивную сумку у себя в руках. Нет, я не стесняюсь того, что пришел сюда принять душ, но такой ответ вызовет только новые вопросы. Почему я живу в Бухте? Где мои родители?

– Ясно, – злорадствует она, и ее милое лицо озаряет деланая улыбка. – То есть другие должны перед

тобой отчитываться, а как доходит до тебя, ты сразу не при делах, так? – Она поглядывает в сторону лестницы. – Моя мама на расстоянии одного телефонного звонка. Меня крепко схватят за руку и отведут домой. А ты, надеюсь, насладишься долгой и нудной ночью в холодном обезьяннике, – усмехается она и восклицает, обернувшись через плечо: – Эй, охранник! Помогите!

Она разворачивается на месте, я подбегаю, хватаю ее и прижимаю спиной к себе.

– Заткнись! – рычу я, зажимая ей рот рукой.

Но она тут же бьет меня локтем в живот, пытаясь сбежать, а я начинаю заваливаться назад и тяну ее за собой. Земля уходит у нее из-под ног, она падает на меня, и мы оба летим на пол.

Хмыкнув, я вытягиваюсь на ковровом покрытии, не выпуская из рук ее отчаянно сопротивляющегося тела. Она лежит на мне, спиной прямо на груди.

И продолжает извиваться в попытках освободиться, то и дело прижимаясь ягодицами к моему паху. Я напрягаюсь. Меня накрывает волной тепла.

Блин.

Стиснув зубы она убирает одну мою руку.

– Отпусти меня.

– Тогда перестань дергаться.

– Не тебе меня судить, – продолжает Райен, поворачивая ко мне лицо. Я чувствую на щеке ее дыхание. – Не тебе меня допрашивать и выдвигать требования. Какое тебе, вообще, до меня дело?

Ее тело напрягается под моей рукой, она снова пытается высвободиться и трется о меня, вызывая сдавленный стон.

Но затем я что-то слышу.

Поэтому зажимаю ей рот так, чтобы она не могла двигаться, и шепчу на ухо:

– Тсс.

Она резко замирает. Мы оба задерживаем дыхание. В библиотеку входит охрана.

Через полки с книгами я вижу свет фонаря и слышу звон ключей. Они разговаривают, но я не могу разобрать слов.

Райен тревожно переводит глаза на меня, я отвечаю тем же.

– И что ты собираешься делать? – шепчу я едва слышно, чтобы никто, кроме нас, не услышал, и ищу взглядом ее глаза. – Попробуешь меня сдать?

Она лежит на месте, дышит, но не шевелится. Я крепче прижимаю ее рукой и не могу удержаться, чтобы не провести большим пальцем по ее подбородку.

Ее небесно-голубые глаза способны выражать множество чувств разом. Она может говорить какие угодно гадости, но если я увижу в ее глазах страх или разочарование, с меня хватит.

Когда она пыталась вырваться, ее спортивная майка задралась, и открылась полоска обнаженной кожи. Я медленно скольжу пальцами по ее животу и наблюдаю, как она опускает веки.

– Да, друг, я же тебе сказал, – говорит один охранник другому. – Они сбежали через ту дверь. Пойдем поищем во дворе.

Я прижимаюсь губами к ее щеке. Она все больше и больше

выгибает шею, пока ее губы не оказываются от моих в какой-то паре миллиметров. Я ощущаю ее дыхание.

– Подними майку.

Она открывает глаза и испуганно мотает головой.

Я наклоняюсь ближе и шепчу ей прямо в лицо:

– Ну давай же. Я думал, ты любишь риск.

Моя рука лежит у нее на шее. Я прикусываю ее нижнюю губу и нежно тяну на себя, чувствуя, как ускоряется под моей рукой ее пульс. Она прижимается ко мне, и я сдерживаю стон, наблюдая, как свет фонарей меняет направление и наконец скрывается за пределами библиотеки.

Как только вижу, что две пары ботинок исчезли за дверью и она закрылась, я проскальзываю рукой ей в шорты, одновременно касаясь губами ее губ, и выпускаю на волю стон, который так долго сдерживал.

Внизу она такая мягкая и гладкая. И очень теплая. Я проникаю пальцем внутрь и вздрагиваю: как же там узко!

– Какое мне до тебя дело, да? – говорю с вызовом. – Видишь, какая ты мокрая сейчас от моего пальца? Вот мое дело.

И ввожу в нее второй палец.

– О боже, – скулит Райен. – Мейсен, нет.

– Почему нет? – Взяв ее за подбородок, покрываю поцелуями щеку, продолжая ласкать пальцами. – Думаешь, друзья возненавидят тебя, когда узнают, что ты сучка, которой нравится, когда ее трахают пальцами на полу?

Я проскальзываю пальцами как можно глубже и каждый раз выхожу почти полностью, медленно и плавно, потом вынимаю пальцы и начинаю поглаживать клитор.

Она стонет и выгибает спину, а мой член уже упирается в джинсы, умоляя дать ему больше пространства.

– Да. – Она облизывает мою сережку и трется о меня попкой. – Боюсь, они узнают, что мне это нравится.

Да. Я целую ее страстно и глубоко, как будто испытываю голод и утолить его может только она.

– Не переживай за свой секрет. Я тебя не выдам, – говорю я. – Я слишком долго этого ждал.

– Чего ты ждал?

Я снова проникаю в нее пальцами, не замечая вопроса. Целую шею, подбородок, покусываю и тяну за мочку уха. Наслаждаюсь вкусом каждого сантиметра ее кожи, до которого дотягиваюсь, но не замедляю движений руки. Конечно, она не поняла моей фразы, и я не буду объяснять. Она и подумать не может, что сидит у меня в голове уже долгие годы, а не считаные дни.

Я продолжаю работать пальцами ритмично и глубоко, иногда

прерываюсь, чтобы погладить клитор. Она вся дрожит в моих объятиях и шире раздвигает ноги, а я вынимаю руку и накрываю ладонью ее между ног целиком. Теперь она вся в моих руках.

– Мейсен, – ее дыхание прерывисто, она сгорает от желания.

Мейсен. Хочу, чтобы она называла меня моим именем, а не чьим-то еще.

– Я чувствую, какой он сейчас твердый, – шепчет она, целуя меня в подбородок. – Это же из-за меня? И что теперь будет?

Я не знаю, но не смогу остановиться, пока этого не сделаешь ты.

– Задери майку, – прошу снова.

Но она качает головой.

– Сейчас же, – требую я, прислоняясь к ее щеке. – Хочу на тебя посмотреть.

Ее шепот щекочет мне шею:

– Но ты ведь не будешь просто смотреть. Ты будешь трогать.

Черт, да, конечно, буду.

– Тебя это смущает? – спрашиваю. – Потому что, как бы это сказать… я тебя уже трогаю.

Она мягко и нежно целует меня, кусает и дразнит.

– Но если я сниму верх, – продолжает она, – ты ведь захочешь, чтобы я сняла и низ?

Я издаю стон. Член так набух, что становится больно. От одной только мысли о совершенно обнаженной Райен кружится голова.

Пожалуйста.

Она сильнее прижимает к себе мою руку у нее в трусиках и приникает ко мне всем телом.

– И тогда тебе покажется мало одних только рук, и ты захочешь настоящего секса. – Она стонет и трется о меня. – А моему кавалеру на выпускной бал это не понравится.

Я крепко обнимаю ее за талию и улыбаюсь во весь рот. Боже, она знает, как меня завести.

– Ему совершенно необязательно знать, – говорю я ей. – По крайней мере, пока ты меня слушаешься.

Я медленно подношу руку к ее шее. Она немного волнуется и все же с улыбкой берется за край майки. Я на секунду отпускаю ее, она снимает верх через голову, и перед глазами предстает персикового цвета бикини. У нее большая, мягко очерченная грудь. Холмы, покрытые смуглой кожей, возвышаются прямо передо мной, затвердевшие соски выступают, натягивая ткань. Во рту все пересыхает. Хочу попробовать ее на вкус. Везде.

– Хорошая девочка, – шепчу. – А теперь снимай верх купальника.

Она делает вдох, чуть застенчиво тянется руками к шее и развязывает длинную лямочку одним ловким движением, глядя прямо мне в глаза.

Завязки падают на пол, я медленно отгибаю треугольник ткани, обнажая нежную плоть.

Боже. Да они даже в ладонь не поместятся.

Она убирает второй треугольник, и я смотрю на эту девчонку в восторге. Просто сногсшибательная. И даже не столько из-за внешности, сколько из-за того, как умело она включилась в игру. Говорит именно то, что сводит меня с ума, злит, заводит, вызывает желание командовать…

Она вдруг поднимает руки и прикрывается.

– Разве я просил тебя так делать?

Райен медленно опускает руки, обнажая шелковистую кожу.

– И долго ты будешь на них смотреть? – робко спрашивает она.

Снова проскальзываю рукой ей в трусики и глубоко ввожу два пальца.

– Пока не кончишь, – отвечаю, продолжая ее ласкать. Ее тело покачивается, грудь подскакивает при каждом движении.

Она зажмуривается и стонет.

– Тебе нравится? – дразню ее.

– Да.

– Тогда скажи мне это.

– Мне нравится! – кричит она.

Ее соски уже твердые, как камень, и я глаз не могу оторвать от них. Целую ее и продолжаю ласкать.

– Давай, куколка. Купи мое молчание, – рычу. Она начинает крутить попкой и тереться о мой член. – Раздвинь шире ноги и кончи от моих рук, и я никому не расскажу, что ты – маленькая хулиганка, которая расписывает стены.

Она кладет голову мне на плечо, обхватывает меня за шею и начинает сама насаживаться на мою руку. Внизу живота начинает тянуть. Каждое ее движение пускает по моему телу волну желания, а она тем временем приближается к пику. Ее грудь часто и резко подпрыгивает, а я смотрю на нее и представляю, как медленно вхожу в нее и мы занимаемся любовью.

– Не рассказывай никому, пожалуйста, – умоляет она, не останавливаясь.

Кровь приливает к члену, и я чувствую, как начинает сочиться смазка. *Черт, как же сильно хочется быть внутри.*

– Еще немного, детка, – твержу. – Что ты готова сделать, чтобы я держал рот на замке, а?

– О, – вздыхает она, – все, чего пожелаешь.

– Все, чего пожелаю?

Она судорожно кивает и кричит:

– Да!

Двигаясь все быстрее и быстрее, она приближается к оргазму. Потом наконец запрокидывает голову, замирает и протяжно стонет. По ее телу пробегает дрожь.

– О боже!

Я засовываю пальцы в нее как можно глубже и ощущаю легкие спазмы: ее накрывает оргазм.

Она часто и тяжело дышит, тело вытягивается в струнку. Мой член окаменел и упирается в джинсы. Я не хотел бы, чтобы наш первый раз случился в библиотеке, но не ожидал, что она так сильно меня заведет.

Райен потихоньку успокаивается. Грудь начинает подниматься и опускаться медленнее. Я окидываю взглядом ее тело, смотрю на ее прекрасное лицо и вспоминаю о том, с чем теперь не знаю, что делать.

Чувство вины, потому что она до сих пор не знает, кто я такой, а я только что очень сильно все усугубил.

Тоска, потому что скучаю по ней. Скучаю по ее разговорам с Ми, а не с Мейсеном.

Всеобъемлющая страсть, какой я не знал прежде. В такие минуты, как сейчас, она меняется, становится мягкой, податливой, дает подойти к себе еще ближе, и я желаю ее не только телом, но и душой. Она не отпускает меня.

И еще какое-то нарастающее чувство, которое меня тревожит. Что-то, из-за чего будет очень сложно ее оставить.

И невозможно забыть.

Я смотрю на нее. Она лежит, опустив глаза, и меня внезапно охватывает беспокойство.

Она не смотрит на меня.

Через пару минут она слезает с меня, встает и собирает с пола одежду. Я долю секунды мешкаю, а потом тоже сажусь и настороженно наблюдаю за ней. Она одевается, заправляет волосы за уши и смотрит при этом куда угодно, только не на меня.

Волшебство закончилось.

Но я все равно наблюдаю за ней, не даю ей расслабиться.

Она поднимает рюкзак и наконец переводит на меня взгляд.

– Это ты все начал, – резко говорит она, снова пытаясь защищаться. – Так что если рассчитываешь на минет, то…

– То знаю, где мне без проблем его получить, – отрезаю я. – Ты не первая, кто на мне скакал.

У меня по спине бегут мурашки. Вот теперь я зол по-

настоящему. Она сжимает зубы и поднимает бровь.

Как же быстро она охладела.

Райен надевает рюкзак, разворачивается и шагает вниз по лестнице. Я встаю, подхожу к перилам и смотрю ей вслед.

Хорошо. Она хочет пойти на выпускной с кавалером-мужланом, чтобы пустить всем пыль в глаза и остаться на высоте? Я могу это понять.

Но это не значит, что я позволю ей побеждать в каждом раунде.

У Трея в субботу бейсбол, осталось убить пару дней. Если она хочет поиграть, поиграем.

Глава Одиннадцатая
Райен

Я не разговаривала с Мейсеном почти два дня, с вечера среды, что мы провели вместе в библиотеке. А сейчас уже середина дня пятницы, и сегодня его опять не было на первом уроке. Как ему удается столько прогуливать и совершенно не напрягаться по этому поводу? Он, вообще, хоть одну работу сдал? Ни разу не видела его с книгами в руках. И я борюсь с искушением поехать в Бухту его проведать. Интересно, он еще там?

Не знаю, почему для меня это так важно. Он постоянно попадается мне на глаза, а я почти ничего о нем не знаю. Он представляет для меня угрозу. Учебный год почти окончен, и я не собираюсь ломать шаблоны. Я и так далеко зашла, и мне совсем не нужен скандал. Он *должен* держаться подальше от меня.

Но я ловлю себя на мысли, что все время ищу его глазами: в классе, в столовой, на парковке. Даже когда иду домой, в душе теплится надежда, что он подкараулит меня в комнате, как на прошлой неделе, когда только появился.

Хочу снова остаться с ним наедине. Те немногие минуты, что мы провели вместе: в машине, в кабинете физики, в библиотеке – чем-то похожи на Мишины письма. Я их с нетерпением жду.

Вчера вечером после плавания я не оставила никаких граффити. Отчасти потому, что ночью меня чуть не поймали в компании Мейсена и переждать несколько дней – хорошая идея, но не только: мне вдруг расхотелось расписывать стены.

Теперь Мейсен стал моей отдушиной.

И меня это жутко раздражает.

Когда Миша исчез и я не знала, получает ли он мои письма, я начала писать на стенах школы. Там меня точно будут читать. Это глупо и по-детски, но в один прекрасный день, через пару месяцев после его пропажи, на меня столько всего навалилось, и я все время боялась, что вот сейчас закричу. В ту ночь, перед тем как запереть бассейн, я поддалась минутному порыву и достала маркер. Тогда я оставила надпись на шкафчике – личное послание конкретному человеку.

Это была случайность. Такого больше не повторялось и не повторится.

Но следующим утром, когда увидела, как он раз за разом перечитывает мои слова, а потом записывает в блокнот и убирает его в шкафчик, прежде чем уборщики все отмоют, я поняла, что

хочу сделать это снова. Надписи стали появляться чаще, увеличились в размерах, но больше никогда не предназначались кому-то лично. В них никогда не упоминались имена учеников.

До прошлой недели, когда о развлечениях Лайлы написали на лужайке перед школой. Это сделала не я, и это еще одна весомая причина остановиться. У меня появились последователи, и я не хочу, чтобы это вышло из-под контроля. В школе наняли охрану, скоро должны включить камеры, так что поимка вандала – просто вопрос времени.

Я писала только смываемой краской из баллончика или маркером на таких поверхностях, которые легко отмыть жидкостью для снятия лака, не испортив. А лужайку пришлось подстричь, потому что, кто бы это ни был, он писал краской из баллона, которая не смывается водой. Возможно, скоро все это перерастет в настоящий вандализм.

Но я, по крайней мере, буду не при делах. Я ничего не написала вчера вечером и сегодня тоже не собираюсь. Мы все едем в автокинотеатр, и мама ждет меня домой к десяти.

Что если Мейсена больше не будет рядом? А я решу, что тайком лазить в школу слишком рискованно? Я что, в один прекрасный день просто закачу истерику?

Нет. Такое водится за слабыми людьми. Не нужны мне ни Миша, ни Мейсен, ни кто-то другой, чтобы спокойно прожить день.

Но когда после уроков выхожу на парковку, очень сложно удержаться и не начать искать его глазами. Его высокую фигуру, темно-каштановые волосы, зеленые глаза, что всегда находят меня в толпе и посылают электрические импульсы по всему телу…

Прошлой ночью я повела себя отвратительно. Опять.

На полу библиотеки, после откровенных слов, обращений по имени, прикосновений, поцелуев… он вдруг стал таким нежным. Довел меня до оргазма, а потом буквально пожирал глазами, но не заставил пойти на большее. Не пытался полностью раздеть или залезть сверху и подтолкнуть к тому, к чему я еще не готова. Он просто лежал и обнимал меня.

А я его оттолкнула и сбежала.

Меня тянет к Мейсену, он вскружил мне голову, заинтриговал, но это не навсегда. Не хочу идти на выпускной с Треем, но не собираюсь пропускать бал, а Мейсен меня не пригласил. Да я даже не знаю, будет ли он здесь через неделю.

Поэтому не собираюсь рисковать расположением Трея и своих друзей ради того, кто никогда не показывал, что я ему на самом деле дорога.

И неважно, что он нравится мне все сильнее.

Лайла и Тен уже ждут в моем джипе: мы договорились после школы поехать поесть. Лайла стоит на заднем левом колесе, придерживаясь за машину, и что-то кричит кому-то на парковке. Тен – на заднем сиденье.

Я бросаю сумку рядом с ним.

– Где ты была? – спрашивает меня кто-то сзади.

Я оборачиваюсь и вижу прямо перед собой Трея. Мне всегда казалось, что в темно-синей футболке и белой бейсбольной кепке он выглядит привлекательно, но теперь вижу только голые руки без татуировок, скучные блеклые глаза и унылые губы без пирсинга.

Мой преступник куда привлекательнее.

Любопытная Лайла спрыгивает с шины и встает рядом со мной.

– Я звонил и писал тебе. Не люблю, когда меня игнорируют, – угрожающе заявляет Трей.

Я задираю руки и ощупываю шею.

– Ой, извини. Кажется, забыла дома ошейник, – говорю ему. – Знаю, некоторые считают, что я твоя собственность и должна перед тобой отчитываться.

Слышу сбоку тихий смешок Тена. Глаза Трея превращаются в узкие щелки.

– Знаешь, – начинает он, – не помешало бы немного взаимности с твоей стороны. Особенно когда вы с Лораном ходите вокруг друг друга на глазах у всей школы.

Я пристально смотрю на него с каменным лицом. Уверена, в школе уже сделали некоторые выводы насчет нас с Мейсеном исходя из наших перепалок и того факта, что я якобы разрисовала его машину. Но мы с Треем не встречаемся, и я ни на секунду не сомневаюсь, что он ни в чем себя не ограничивает. Я ничего ему не должна, кроме красивого наряда на выпускной и парочки парадных фотографий.

На выпускной, на который я согласилась пойти с ним, когда Мейсена еще не было на горизонте.

– Тебе не о чем переживать, – говорю, пытаясь от него отвязаться. – Ты Трей Берроуз, и наступит день, когда Мейсен Лоран будет выгуливать твоих собак.

Он с секунду смотрит на меня, потом ухмыляется и явно расслабляется. Лайла смеется про себя, а я вздыхаю с облегчением.

– Ты уже купила платье? – спрашивает он.

Но Лайла толкает меня и отвечает сама:

– Собираемся пройтись по магазинам в эти выходные.

– Хорошо.

Трей подходит, берет меня за бедра и притягивает к себе.

Не хочу, чтобы он целовал меня, поэтому быстро отворачиваю голову, но его губы все равно касаются моего лба.

Поднимаю глаза и вижу Мейсена.

Он стоит спиной ко мне и болтает с Джей Ди, но при этом смотрит через плечо прямо на меня. Потом прожигает взглядом Трея и снова глядит на меня прищурившись. Мое дыхание замедляется. Он только что пришел?

Или все это время был здесь, а я просто его не заметила?

– Увидимся вечером в кино. – Трей тыкает пальцем мне в живот, бросает прощальный взгляд и уходит.

Я чувствую себя прижатой к стенке. Трею вечно от меня что-то надо, Лайла сует нос не в свое дело, а Мейсен… Он везде. Я ощущаю его присутствие на парковке так же сильно, как раскаленные лучи солнца в жаркий летний день.

– Да что с тобой такое? – недовольно спрашивает Лайла. – Если не будешь с ним поласковей, он найдет себе другую.

Я смотрю поверх ее головы, потому что готова испепелить ее взглядом.

– Так же ласкова, как ты? – спрашиваю. – Что-то мне не кажется, что такое поведение тебе на руку.

И я указываю в сторону Джей Ди, который над чем-то хохочет с Мейсеном.

Ее парень два последних дня почти с ней не разговаривает. Наверное, потому, что знает: слова, написанные в прошлую пятницу на лужайке, – чистая правда. Мы все это знаем. И неважно, что Лайла с пеной у рта это отрицает.

Но когда я так явно намекаю, она наконец замечает, что Джей Ди разговаривает с Мейсеном. Когда они успели подружиться?

– Я сама разберусь со своим парнем, – говорит Лайла. – А ты разберись с Треем.

Я разворачиваюсь, открываю дверь и сажусь в джип. Лайла обходит машину спереди и проскальзывает на пассажирское сиденье, но осадок от нашей маленькой размолвки все-таки остается. Как бы я хотела, чтобы она просто ушла. Каждый день меня все сильнее и сильнее тянет сказать ей пару ласковых, потому что знаю, что она меня ненавидит. Хочу вывести ее на чистую воду, сама не знаю, почему. Я с трудом выношу ее. Так что у нее не меньше поводов хотеть сорвать с меня маску. А Мейсен указывает мне на мое истинное лицо с самого своего появления здесь. Мы с Лайлой обе лицемерки.

– Эй, посмотрите на Кейтлин, – говорит Тен, приподнимаясь и показывая куда-то через лобовое стекло.

Я вставляю ключ в замок зажигания, поднимаю глаза и замираю. Кейтлин снова разговаривает с Мейсеном.

Джей Ди куда-то делся, а она стоит прямо рядом с ним, улыбается и что-то набирает на его телефоне. Потом отдает ему мобильник, и он убирает его в карман, глядя на нее сверху вниз.

Что это значит?

Сердце в груди колотится, я сжимаю руль, подавляя желание схватить ее за волосы и оттащить от него подальше. Отчего у него такой вид, будто ему нравится происходящее? Почему он дал ей в руки свой телефон?

– О боже, – кряхтит Лайла. – Что она делает?

– Похоже, она и вправду глупая кукла. – Тен хихикает. – Лет через пять у нее будет четверо детей от разных отцов. Вы только посмотрите.

Они хохочут, а у меня удары сердца отдаются в ушах. Я моргаю и опускаю глаза.

Куколка.

Кукла.

Глупая кукла.

Я поднимаю глаза и смотрю на Мейсена. *Сукин сын!* Он называл «куколкой» меня!

Я отворачиваюсь, чтобы они не заметили моего бешенства. *Козел.*

Кейтлин с довольным видом отходит от Мейсена и направляется к нам.

– Ты что, дала ему свой телефон? – спрашивает ее Лайла, залезая коленками на сиденье и опираясь одной рукой на изголовье, а другой – на лобовое стекло.

Кейтлин закусывает нижнюю губу и строит из себя скромницу, потом берется за мою дверь и игриво отклоняется назад.

– Ну, я подумала, что после сегодняшней ночи он будет не против получить мой номер.

– Сегодняшней ночи? – с нажимом переспрашивает Тен.

– Да, мы с ним вчера столкнулись на парковке после чирлидинга, – признается она тихим голосом и краснеет. – И всю ночь глаз не сомкнули.

Она так сильно выделяет последнюю фразу, как будто ей есть что скрывать. У меня сводит желудок.

– И какой он? – шепотом интересуется Лайла.

– Настоящий зверь, – улыбается Кейтлин. – Я даже удивилась, что на мне не осталось следов от укусов.

– М-м-м.

Слышу, как Лайла едва слышно присвистнула.

Господи Иисусе.

Кейтлин уходит, улыбаясь, а я старательно делаю вид, что их разговор меня не добил. Хотелось бы верить, что она врет. Он бы на нее не позарился. Мейсен вроде бы не сторонник мимолетных увлечений, так ведь? Когда мы были в библиотеке, он хотел меня. *Меня*. И это не могло пройти. По крайней мере, не так быстро.

Но… он сказал, что знает, где получить то, чего хочет.

Настоящий зверь. Укусы, суровость, то, с каким видом он берет то, чего хочет, никого не спрашивая… Она отлично его описала.

У меня снова комок в горле. И начинает подташнивать.

– Значит, у плохишей тоже есть положительные стороны, – мурлычет себе под нос Лайла, глядя, как Мейсен садится в свою машину. – А этот пирсинг – держу пари: он приятно холодит кожу, даже самую нежную.

Тен кладет руку мне на плечо. Я отвлекаюсь от своих мыслей и расслабляю руки на руле. Костяшки пальцев уже белые, как снег.

– Поехали, поедим и ограбим мини-бар моей мамы до кино, – говорит он. – Вечером за рулем Лайла, так что я собираюсь напиться в сопли.

Вряд ли сейчас я смогу поесть.

Но, наблюдая за тем, как Мейсен выезжает с парковки и едет неизвестно к кому, я понимаю, что мне не помешает что-нибудь горячительное.

Поездка в автокинотеатр в пятницу вечером для каждого подростка с машиной в Фэлконс Уэлл – лишь повод потусить с народом, особенно учитывая, что кинотеатр открылся после зимнего перерыва всего-то пару недель назад. Стоит прекрасная погода, там есть палатка с едой, музыка орет из магнитол, и я сомневаюсь, что хотя бы четверть приехавших действительно собирается сегодня смотреть кино.

Один из этих глупых модерновых ужастиков с кучей злоключений и непонятной концовкой.

После обеда я заехала домой, переоделась в джинсовые шорты и майку и подождала, пока Лайла и Тен за мной заскочат.

Трей с Джей Ди приехали сразу после нас, и мы все припарковались в первом ряду. Они тут же начали слоняться по парковке, болтать со всеми подряд и веселиться, а я тем временем отправилась к палатке. Мама не позволяет нам пить калорийные напитки, поэтому поездка в кино – редкая возможность выпить колы.

Я подхожу к киоску, встаю в очередь, беру стаканчик и насыпаю в него лед.

– Ты выронила его прошлой ночью, – слышу приятный голос.

Резко поднимаю голову – справа от меня стоит Мейсен. У бабочек в животе начинается праздник.

Опустив глаза, вижу, что у него в руках мой ингалятор, и нервно оглядываюсь, чтобы убедиться, что за нами никто не наблюдает. Я выхватываю лекарство у него из рук и засовываю в карман. *Черт.* Должно быть, забыла его на полу в библиотеке после того, как…

Опять поворачиваюсь к автомату с газировкой, молча наливаю колу в стакан и закрываю его крышкой.

– Как дела? Что нового? – спрашивает он.

Но я отказываюсь разговаривать. Забрав напиток, продвигаюсь вперед вместе с очередью, беру соломинку и недовольно поджимаю губы. В уме всплывает картинка: полуобнаженная Кейтлин обхватила его ногами на заднем сиденье машины. Я нажимаю соломинкой на прилавок, пытаясь снять упаковку, но она соскальзывает и ломается.

Выкидываю ее в мусор и беру новую. Как он мог так на нее смотреть? Как он мог предпочесть ее мне? Как он мог целовать ее или еще кого-то, кроме меня? Я думала, он другой.

– А, так ты все слышала, – говорит он, пока я выбираю конфеты. – Я доволен. Так и было задумано.

Я наклоняюсь и беру пакетик мармелада.

– Никому нет дела до того, чем ты занят, придурок.

Он подходит еще на шаг ближе.

– У тебя же есть парень, – говорит он и пожимает плечами. – А у Кейтлин чертовски классная фигура, да и в постели она хороша…

Я так сильно сжимаю в руке стаканчик, что с него слетает крышка, кола выплескивается и течет по моей руке.

Проклятье.

Он усмехается, а я хватаю салфетки и бросаюсь судорожно вытирать руку.

Хороша в постели? От одной только мысли о том, что он с ней был, что прикасался к ней, мне хочется засунуть резиновый член ему в нос.

Козел.

И у меня нет парня. Только кавалер на выпускной бал.

Он наклоняется ближе и самодовольно заявляет:

– Ты ревнуешь.

Я снова надеваю крышку на стаканчик, выкидываю грязные салфетки и поворачиваюсь к нему, сверкая глазами.

– Куколка, значит? – возмущенно спрашиваю я, резко меняя тему, чтобы не продолжать этого разговора. – Или глупая кукла?

Ты издеваешься?

Он начинает хохотать.

– Я думал, ты быстрее догадаешься.

– Не смей меня больше так называть!

А потом я бросаю взгляд в сторону и замечаю пару девчонок из школы, которые любопытно косятся на нас. Я понижаю голос.

– И я не ревную. Просто не хочу, чтобы ты втягивал меня в свою грязную возню.

Он приближается еще на шаг и кладет руки на прилавок, лишая меня возможности уйти. Теперь мы стоим уже лицом к лицу.

– Мне не нравится, что он тебя трогает, – Мейсен смотрит на меня сверху вниз.

Скорее всего, он говорит о сегодняшней ситуации на парковке. Он увидел, как Трей поцеловал меня в лоб.

Я протягиваю руку, беру ведерко для попкорна и трясу его в руках, демонстрируя, что оно пустое.

– На, держи. – Прижимаю ведерко к его груди. – Вот настолько меня волнует, что тебе нравится, а что – нет. – Я пихаю его Мейсену в руки, поворачиваюсь и ухожу.

– Эй, все нормально? – спрашивает кто-то.

Я поднимаю глаза и вижу Тена. Мы уже почти у кассы. Я замираю, заметив, что он поглядывает то на меня, то на Мейсена. У него в руках серебристая бутылка для воды. И я точно знаю, что там внутри: ром с колой.

Игнорируя его вопрос, бросаю взгляд на Мейсена. Он ставит ведерко для попкорна на прилавок и направляется в мою сторону, не отводя глаз. Я чувствую жар, исходящий от его тела, но держу себя в руках и вызывающе вздергиваю подбородок. Он подонок, и единственная цель в его жизни – сделать меня несчастной.

Однако он ничего не говорит и направляется к дверям.

Когда он уходит, Тен громко выдыхает и снова поворачивается ко мне.

– Если ты еще не обратила внимания, – говорит он, – он тебя безумно хочет.

Я отворачиваюсь, пытаясь побороть желание ввязаться в очередной спор. Он меня безумно хочет? Он явно не выглядит как человек, умирающий от похоти. Отнюдь.

Я плачу за газировку и мармелад и вместе с Теном выхожу из палатки. Он направляется к ребятам в кабриолете, а я иду мимо машин к БМВ Лайлы, стоящему далеко впереди, и пытаюсь не искать глазами Мейсена. Уже темнеет, но экран отлично освещает площадку. Сверчки стрекочут в траве. Вижу Трея. Он стоит у своей машины и флиртует с какой-то девушкой.

Великолепно.

Иду дальше и замедляю шаг у большого черного пикапа. *Машина Мейсена.*

Оглядевшись, вижу, что он стоит неподалеку, в окружении новоиспеченных друзей, среди которых Джей Ди, болтает с ними и смеется. Люди слоняются туда-сюда, беседуют, и никто не смотрит на меня. Я ощущаю внезапный прилив вдохновения.

Сдерживая улыбку, ставлю колу на землю, рядом с колесом, кладу рядом пакетик с мармеладом, открываю левую заднюю дверь и залезаю в машину. Закрыв дверь, сразу замечаю, как темно в салоне. В тот раз на автомойке я не обратила на это внимания. Окна, похоже, сильно затонированы.

Черный кожаный салон просто сияет, как и краска снаружи, и меня окутывает богатый, насыщенный аромат кожи, такой же пьянящий, как запах Мейсена. Я облизываю губы, наклоняюсь и открываю ящик между передними сиденьями в поисках чего-нибудь, чем можно писать.

Мне попадаются мелкие деньги, несколько чеков, какие-то инструменты. Потом вижу ручку, достаю ее, нажимаю на кнопку сверху и пробую на руке.

Черная.

Да здесь абсолютно все, блин, черное. Если я что-то напишу, не будет видно. Снова залезаю в ящик и нащупываю что-то длинное. Вытаскиваю этот предмет – нечто типа карманного ножа.

Сердце начинает биться быстрее. Он урод, конечно, но я совсем не уверена, что готова дойти до такой степени вандализма. В голове начинает играть *Before He Cheat* Кэрри Андервуд.

Беру нож и нажимаю на кнопку, подскочив от громкого щелчка. Обнажается лезвие, его изгиб резкий и пугающий. Держу нож острием вверх, внимательно его рассматриваю и думаю, стоит ли оставлять такое послание, потому что оно обойдется ему очень дорого.

А потом представляю, как он оседлал Кейтлин на этом самом сиденье, и уже готова сделать гораздо больше, чем просто испортить кожу.

Но вдруг дверь открывается, и я снова подскакиваю: это Мейсен. Он захлопывает за собой дверь машины.

Охнув, выставляю нож перед собой и разворачиваюсь, чтобы сбежать через противоположную дверь.

Она поддается, но он дотягивается до нее и запирает.

В пикапе снова темно.

И тогда Мейсен обнимает меня руками. Дыхание

перехватывает. Он притягивает меня спиной к себе и держит, хоть я и сопротивляюсь.

– Отпусти! – визжу я, пытаясь освободиться.

– Так ты ревнуешь? – рычит он мне прямо в ухо, и я слышу в его голосе улыбку. – Тебя взбесило, что мне ничего не стоит тебя кем-то заменить? Поэтому ты здесь и собиралась испоганить мою машину?

Я дергаюсь, пытаясь избавиться от железной хватки.

– Смирись, – говорит он. – У всех женщин между ног одно и то же, и если я не получу то, что мне нужно, от тебя, то всегда могу найти кого-нибудь, с кем не придется так заморачиваться.

Кретин. Конечно, я для него никто. Я даже не удивлена.

Я стараюсь высвободиться, но он еще крепче сжимает меня и издевательски заявляет:

– Если тебя это совсем не напрягает, тогда что ж ты так вырываешься?

Мне тяжело дышать, и на шее выступает холодный пот. Я перестаю брыкаться, успокаиваю дыхание и пытаюсь говорить спокойно.

– А теперь отпусти меня.

Он ослабляет хватку, я выскальзываю и берусь за ручку двери.

Но он протягивает руку и держит дверь, мешая мне ее открыть.

– Я совершенно не думал о тебе в постели с той девчонкой вчера ночью, – говорит он. – Она просто огонь, так завела меня… Ей нравилось, как я ее трогаю, а мне нравилось, что ей нравится… – Он говорит жестокие, непростительные слова прямо над моим ухом, его дыхание колышет мне волосы. – Она необычная, нескучная и незаносчивая. *Она* восхитительна.

У меня начинает дрожать нижняя губа, а глаза наполняются слезами. Но я напрягаю каждый мускул, стараясь это скрыть. *Заносчивая. Ничем не примечательная.*

Скучная.

– Скажи мне, что ты ревнуешь, – требует он.

– С чего бы мне ревновать, если мне нет до этого дела?

Он наклоняется еще ниже. Я чувствую спиной его тело, а не шее – его дыхание.

– Скажи мне, что ты сейчас стараешься не думать о том, как сильно мне понравилось ее трахать. Хоть раз скажи мне правду – и я отпущу тебя.

Хоть раз сказать ему правду? Что ему сказать? Что он хочет услышать? Что это больно? Что мне понравилось с ним целоваться, когда мы в прошлый раз здесь оказались, да и потом

– тоже? Что я не хочу, чтобы к нему прикасался кто-то еще? Да пошел он. Ничего я ему не скажу.

– Что, не можешь? – У него тихий и почти расстроенный голос. – Не можешь поговорить со мной честно?

А потом вижу через пелену слез, как он наклоняется к окну, дышит на стекло прямо передо мной и пишет пальцем.

СТРАХ.

Я качаю головой.

Одиночество, пустота, притворство, стыд, страх… Что он делает? Что это значит? Слезы все норовят выплеснуться из глаз, я громко выдыхаю и стираю с окна буквы.

– Ты козел. Просто держись от меня подальше.

Снова пытаюсь открыть дверь, но он хватает меня за руку.

– Я с ней не спал.

Я замираю и чуть-чуть поворачиваю голову. Что?

– Я соврал, – говорит он. – Вчера пригласил ее поужинать, чтобы заставить тебя ревновать, а сегодня, когда она стала намекать всем подряд на то, чего не было, не стал ей мешать. Но я к ней не притронулся.

Его горячее дыхание обжигает мне шею. Кажется, он наклонился к моим волосам.

– Не хочу причинять тебе боль, – шепчет он, и по тону слышно, что его переполняют чувства. – Мне никто больше не нужен. Я думаю только о тебе. – Он замолкает. У него дрожит голос. – Все время о тебе думаю, Райен.

Обо мне.

– Извини, – продолжает он. – Просто нужно было как-то тебя расшевелить. Я хотел знать правду.

Я поворачиваюсь и смотрю на него сквозь слезы.

– Не притронулся к ней, говоришь?

Он кивает.

Я замахиваюсь, чтобы ударить его, но он перехватывает руку, сажает меня к себе на колени и гладит по лицу.

– А ведь у меня было полное право, – пытается он меня уколоть, – особенно когда ты позволяешь этому уроду тебя лапать, хотя знаешь, что у меня от тебя стояк на неделю.

Я закусываю нижнюю губу, стараясь не заплакать. Никогда не плачу перед парнями.

– *Ты* меня заводишь. – Он берет меня за щеки, убирает волосы с глаз и вытирает с лица слезинку. – Боже, как же ты меня заводишь. Ты сводишь меня с ума. И я хочу, чтобы тебе тоже нравились мои прикосновения. Тебе они нравятся?

Я смотрю ему в глаза и читаю в них мольбу. Даже не мольбу, а жгучую необходимость. Он так отчаянно хочет услышать, как я

это произношу.

И в этот самый момент понимаю, что хочу быть единственной девушкой, на которую он когда-либо так смотрел.

– Ты не скучная, – мягко говорит он. – И не обычная, и не заносчивая. Ты меня иногда бесишь, но в то же время восхищаешь. Только *ты*.

Лицо Мейсена скрыто в тени, но я чувствую его всем телом. Он прижимается ко мне лбом и говорит вполголоса, а у меня внутри словно ураган.

– Нас с тобой не заметят. Знаю, ты этого боишься. Ты – совершенство. А я не вписываюсь в их мир. Ты – красавица, а я – плохой парень, так ведь?

Его дыхание обжигает мне губы. Я кладу ладонь поверх его руки у меня на щеке, просовывая свои холодные пальцы между его горячими.

– Какое нам до них дело, Райен? Никто не узнает, что мы чувствуем.

Глаза уже болят оттого, что я сдерживаю слезы. Я тяжело вздыхаю и даю им волю. Потом перекидываю ногу через его колени и сажусь на него верхом. Сжимаю в кулаке его футболку, наши губы всего в паре сантиметров друг от друга.

– Если ты все-таки прикасался к ней, – говорю я, всхлипывая, – это будет очень подло с твоей стороны.

Он кивает.

– Знаю. На всякий случай специально для тебя оставлю в машине нож.

Я смеюсь и целую его. Он кладет руки мне на бедра, и я прижимаюсь к нему. Обнимаю его за шею и целую глубже. Тепло проходит через губы и растекается по телу, до самых кончиков пальцев ног.

Но я отстраняюсь и поворачиваю голову в сторону лобового стекла. Черт. Мимо ходят люди, я вижу двух парней в машине перед нами и еще нескольких – в соседней.

Мейсен целует и покусывает мою шею.

– Стекла затонированы, – бормочет он, не прерывая процесса, – гораздо сильнее, чем позволено законом.

Я снова поворачиваюсь к нему и не могу оторваться от его губ. Музыка и смех слышны всего-то в паре метров от нас. Мы окружены звуками, но нам плевать. Кто-то, проходящий мимо пикапа, мельком заглядывает внутрь, и я испускаю стон.

Мейсен снова переходит от губ к шее. Я чувствую, что его желание растет, закрываю глаза и прижимаюсь к нему.

Он поднимает голову, берет мое лицо в ладони и вытирает слезы большим пальцем.

– Хоть раз скажи мне правду.

Я облизываю губы, сгорая от желания снова поцеловать его, но он упорно смотрит мне в глаза. Нет, этот парень не даст соскочить с крючка.

Я наклоняюсь и прислоняюсь к нему лбом.

– Мне не нравятся бутерброды с сыром, – признаюсь я, закусывая губу. – *«Мост в Терабитию»*[9] – моя любимая книга. Нам читала ее учительница в пятом классе, и я потом еще долго была под впечатлением. Я готовлю бублики с перцем халапеньо, потому что однажды мама сказала, что это любимое блюдо отца. – Поднимаю глаза и вижу, что он смотрит на меня все так же пристально. – Он бросил нас, когда мне было четыре, и с тех пор я его не видела. Если мама дома, я их не пеку.

Я прикусываю губу сильнее, но он прижимает ее большим пальцем. Понимает, как сильно я волнуюсь.

– Я не лажу с сестрой, – продолжаю раскрывать душу. – Да и отношения с мамой в последнее время испортились. Знаю, что по большей части это моя вина. Я сплела вокруг себя огромный кокон и перестала пускать в него людей. – Я замолкаю, а потом добавляю: – Большинство из них.

К глазам приливают слезы, и у меня вырывается всхлип. Он притягивает меня к себе ровно настолько, чтобы дотянуться до губ и поцеловать.

– Никак не могу насытиться тобой, – говорит он.

Я улыбаюсь сквозь слезы.

– А иногда… – продолжаю я, насладившись очередным поцелуем, – иногда, когда я вижу Лайлу, мне хочется наблевать прямо на нее.

Он вдруг хмыкает, а потом и вовсе начинает хохотать. Его лицо расплывается в улыбке, а тело содрогается от смеха. Я снова целую его. Наши губы сливаются воедино.

– А в прошлую пятницу, – шепчу я, играя языком с его нижней губой, – после мойки авто…

– Да-да? – Он опускает руки мне на бедра и слегка кряхтит, когда я прижимаюсь вплотную.

– Я думала о тебе, – шепчу я ему на ухо. – Думала, когда легла в постель.

Его пальцы впиваются мне в бедра, он тихонько рычит, покрывая меня поцелуями и тяжело дыша. Губы спускаются вниз по шее, и я едва замечаю, что одна из лямочек майки соскальзывает с плеча, которое мгновенно согревается от тепла его губ.

Приобняв, он не дает мне сдвинуться с места и снова зарывается в шею, с наслаждением вдыхая мой запах.

– Чувствуешь меня? – шепчет он, прижимаясь ко мне бедрами. Все еще всхлипывая, я начинаю тереться о бугор у него между ног.

– Да.

И вдруг замечаю: что-то изменилось. Воздух ласкает мою кожу там, куда раньше не проникал.

Лифчик. Он расстегнул лифчик.

Бретельки спадают с плеч, и с той стороны, где сползла майка, видна обнаженная грудь. Я быстро поднимаю руки и прикрываюсь.

– Мейсен, нет.

И он не останавливается. Целует меня, крепче прижимает к себе.

– Я не могу остановиться.

– Но нас же увидят.

Он смотрит прямо мне в глаза, не отрываясь от губ.

– Никто больше тебя не увидит, детка. Только я. И я хочу поцеловать тебя.

– Ты уже меня целуешь.

Он кусает меня за губу и шепчет:

– Я хочу поцеловать тебя в другом месте.

О боже.

Дыхание учащается, низ живота наливается теплом, заставляя клитор пульсировать, а тело – жаждать его прикосновений. Никогда я не была так возбуждена.

Пристально глядя на меня, он убирает мои руки, снимает с плеча вторую лямку и спускает свободную майку вместе с лифчиком вниз, под грудь.

– Мейсен, – нервничаю я, пытаясь прикрыться, и смотрю по сторонам. Два парня стоят прямо у машины.

Но Мейсен берет меня за руки, разводит их в стороны и качает головой, едва заметно улыбаясь.

Меня охватывает страх. Сердце колотится сильнее, но я жду продолжения.

– Боже, да ты только посмотри на себя, – выдыхает он, пожирая глазами мою обнаженную грудь. – У тебя потрясающее тело.

По рукам ползут мурашки, от одного его взгляда мои соски твердеют.

– Увези меня отсюда, – шепчу я, прильнув к нему, – и я позволю поцеловать меня, где только захочешь.

– Звучит заманчиво, – отвечает он. – Может, в следующий раз.

Обхватив меня за талию, притягивает к себе и сдвигается немного вниз, так, чтобы его рот оказался прямо напротив моей

груди.

– Мейсен, – вздыхаю я. Он нежно обхватывает зубами левый сосок, пуская по всему телу электричество, которое скапливается между ног. – Боже мой, но мы не можем…

Он полностью берет сосок в рот, я хватаюсь за его плечи, зажмуриваюсь и наконец забываю, что снаружи собралась добрая половина моего класса.

– Да, – шепчу я, начиная дышать чаще, приобнимаю его за шею и притягиваю к себе.

Его язык, влажный и горячий, играет с моим соском, возбуждая. На минуту он отрывается, чтобы поласкать всю грудь целиком.

Снаружи доносится смех. Я пытаюсь повернуть голову, но Мейсен низко наклоняется надо мной, заставляет лечь обратно и переходит ко второй груди.

Я со стоном закрываю глаза и запрокидываю голову.

– Мейсен, нас же заметят.

Но это жалкая попытка, и он об этом знает. Он обхватывает мой сосок губами и с силой втягивает в рот, я умираю от желания скорее обхватить его ногами, почувствовать его мужскую силу, но пока что это невозможно.

Его губы и зубы продолжают исследовать мое тело, тянут и посасывают, пока я не заливаюсь жаркой краской. Потом откидываюсь на спину, давая ему возможность расцеловать шею и добраться до губ. Прижимаюсь к нему бедрами и начинаю тереться, а он целует и ласкает мою шею. Хочу ощутить через джинсы каждый сантиметр. Я такая мокрая.

Вдруг он резко отстраняется от меня. Я открываю глаза и вижу, что он снимает футболку. Скольжу взглядом по татуировкам: на руке, на плече и нескольким на груди и животе.

Он снова тянет меня к себе, прижимаясь грудью к моей груди.

– Хочу почувствовать тепло твоей кожи.

Одну ладонь он кладет на мою грудь, а второй залезает в шорты сзади и крепко сжимает ягодицы.

Я смотрю в его изумрудные глаза. Мы оба тяжело дышим, но я вижу, что он задерживает дыхание, как будто в чем-то сомневается.

А я вдруг понимаю: мне больше не страшно, что нас заметят. Гораздо больше меня пугает то, что он может остановиться.

Не останавливайся.

Слезы обжигают глаза. Как же я устала. Устала держать в себе свои чувства, молчать о них. Устала быть кем-то другим и совершать ошибки, которые не хочу совершать.

Я хочу все почувствовать до конца. Хочу раствориться в нем и не хочу, чтобы это заканчивалось.

– Мейсен. – Я глажу его по лицу и прижимаюсь головой, тихо продолжая: – Можно я скажу тебе еще кое-что настоящее?

Он кивает.

Я проскальзываю рукой между нами и прижимаю ладонь к его члену.

– Я хочу, чтобы ты взял меня.

Его глаза округляются, а я кусаю его за губу.

Да, такого он явно не ожидал.

Он выдыхает. Конечно, он потрясен, но просить дважды его не приходится. Обхватив за талию, он переворачивает меня на спину, и я ахаю, сама не знаю, от волнения или от возбуждения. Он привстает, насколько это возможно, и нависает надо мной, разглядывая мое тело. Я закусываю губу, стараясь не улыбаться слишком широко.

Подтянувшись к нему ближе, смотрю ему в глаза и расстегиваю ремень, но он меня останавливает.

– Я сказал, что хочу поцеловать тебя везде, – напоминает он, не сводя глаз с моих шортов. – Снимай их.

Нервно взглянув в окно, я вижу, что кто-то проходит мимо. И от этого теку еще сильнее. По всему телу разливается тепло.

Господи, что же мы творим.

Проглотив комок в горле, расстегиваю пуговицу на шортах и приспускаю их.

Мейсен смотрит на мои красные кружевные трусики, медленно проводит пальцем по внутренней стороне бедра и оттягивает их в сторону.

От одного его взгляда мне хочется стонать. *Пожалуйста, прикоснись ко мне.*

– Ты там всегда такая гладенькая? – спрашивает он, не отрывая от меня глаз.

– Ты тоже меня хочешь?

Он улыбается, и наши взгляды встречаются.

Я провожу рукой по его груди, а потом обнимаю за шею. Такое странное ощущение. Иногда мне кажется, что я его знаю. Знаю давно и очень хорошо. Нам так легко вместе, и даже когда мы злимся друг на друга, это чувство кажется знакомым. И тут до меня доходит, что на самом деле я ничего о нем не знаю.

– Мейсен, откуда ты приехал? – спрашиваю я, глядя на него испытующе. – Где твои родители? От чего ты прячешься?

Он настороженно смотрит на меня, потом убирает руку и нежно гладит меня по лицу.

– Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Что?

Вдруг чувствую, как его язык дотрагивается до меня внизу, и напрягаюсь всем телом.

– О боже.

Он медленно водит языком вверх-вниз, ласкает клитор, а затем нащупывает дырочку и накрывает ее губами.

Я выгибаю шею и наблюдаю за ним, тяжело дыша. Он постанывает, лаская меня языком, а потом обхватывает губами клитор и продолжает лизать его, посасывать и играть с ним.

Между ног у меня все пульсирует, я чувствую его горячее дыхание и теку, все больше и больше возбуждаясь.

Он сгибает мою ногу в колене и отодвигает в сторону, высвобождая больше места. А потом еще более жадно впивается в меня. Его язык бегает по моим складкам, он покусывает клитор, потом обхватывает губами, посасывает и доводит до того, что я вскрикиваю.

– Пожалуйста, – шепчу я. – Ах…

Он закрывает мне рот рукой, продолжая ласкать, а я поднимаю глаза и вижу Трея прямо за стеклом.

Дыхание перехватывает. Мои глаза расширяются. Он стоит прямо у правой задней двери и кого-то зовет.

Вот дерьмо.

– Блин, Трей, – говорит Мейсен, усмехаясь и снова проводя языком вверх-вниз, – у твоей девочки там так узенько.

Я поворачиваю голову, пытаясь высвободить рот.

– Молчи! – шепчу я.

Он продолжает меня лизать и посасывать.

– Спасибо, что одолжил мне ее на сегодня.

А потом он снова зарывается мне между ног и наконец проникает языком внутрь.

Я делаю вдох и ахаю, а он снова закрывает мне рот и двигает языком внутри, другой рукой лаская клитор.

Я начинаю покачивать бедрами, помогая ему проникнуть глубже. Моя грудь колышется. Обняв, прижимаю его к себе и чувствую, как движется его язык внутри меня, пока все мои мышцы не сводит так, что они начинают гореть.

– Да! – вскрикиваю я, несмотря на то что он закрывает мне рот.

Меня накрывает волной оргазма. Она расходится кругами, доходит до живота и бедер. И я запрокидываю голову, в ужасе глядя на Трея и другого парня. Они стоят за окном, прямо передо мной. Я обеими руками прижимаю руку Мейсена, закрывающую мне рот, заглушаю стоны и молюсь, чтобы никто не услышал меня через дверь.

Грудь поднимается и опускается, невероятное ощущение охватывает все тело, с головы до пят.

Мейсен опускает руку, кладет ладонь мне на грудь, а потом отпускает. Приподнимается и наклоняется надо мной, опираясь на дверь, чтобы не упасть, пока расстегивает джинсы. Ритм сердца снова начинает зашкаливать.

Он смотрит на меня сверху вниз, и его глаза полны желания.

– Снимай трусики, а то я порву их в клочья.

Я нервно поглядываю наверх, боясь, что нас заметят. Что если машина будет качаться?

Он залезает в карман на спинке переднего сиденья, достает презерватив и разрывает зубами упаковку. Он хранит презервативы прямо здесь?

Щурясь, я пристально смотрю на него.

Он видит мой взгляд и смеется.

– Не переживай. Ты единственная, с кем я здесь этим занимаюсь.

Тогда почему ты хранишь презервативы на заднем сиденье машины? На всякий случай?

Он запускает руку в джинсы и достает член, уже твердый и готовый. Я наблюдаю, как он надевает презерватив, и у меня захватывает дух.

Я кладу руки ему на грудь, сама не знаю, почему: потому что хочу прикоснуться или потому что мне страшно.

Я занималась этим только раз, два года назад. Это была ошибка.

Так что для меня это второй первый раз, и я волнуюсь.

Он останавливается и смотрит на меня.

– Снимай же, – шепчет он. В его глазах читается мольба.

Я облизываю губы, тяжело дыша. Пульс зашкаливает.

Медленно опускаю руки, дрожа всем телом, стягиваю трусики и сбрасываю их на пол. Я хочу его. Ведь нет же ничего плохого в том, чтобы дать ему прочувствовать меня немного лучше? Скоро попрошу его остановиться и увезти меня куда-нибудь.

– Только одну минуту, ладно? – умоляю я, привстав и проводя рукой по его груди. – А потом нам нужно будет остановиться.

Он улыбается уголком губ, приподнимает мое колено и прижимается членом к внутренней стороне бедра.

– Только минуту, – обещает он. – А потом я остановлюсь.

Медленно и размеренно придвигая бедра, он опускается ко мне и проникает внутрь. Чувствую, как он с трудом продвигается вперед, входит все глубже и наконец оказывается целиком во мне. Я не могу сдержать стона.

– О черт, – вздыхает он и замирает. Его лицо искажается, словно от боли. – Райен…

Тяжело дыша, он ложится на меня, и его грудь касается моих сосков. Я вся дрожу, наслаждаясь прикосновениями его пальцев, сильнее сгибаю колени и раздвигаю ноги.

Только минуту.

Он целует меня. Едва успеваю привыкнуть к нему, как он выходит и снова входит до конца, растягивая меня изнутри.

– О боже.

Откуда-то издалека доносится музыка с экрана. Еще я слышу неразборчивые голоса людей поблизости.

Но вижу только его одного. Он касается губами моих губ, обжигая дыханием кожу. Его движения становятся быстрыми и резкими.

Подняв глаза, замечаю что он по-прежнему держится за дверь, а мышцы его рук вздулись и напряжены.

– Посмотри на меня, – шепчет он.

Я опускаю глаза, облизываю его сережку и слышу тихий стон.

Пикап трясется от наших движений, я поскуливаю, впиваясь пальцами в его бедра.

– Машина трясется, – встревоженно говорю я. – Мы должны остановиться.

Но он только стонет и, наоборот, продолжает с новой силой. Моя грудь покачивается, я задыхаюсь от удовольствия. Какое наслаждение – ощущать его внутри себя. С каждым толчком я сильнее прижимаю его к себе, двигая бедра навстречу, чтобы он мог войти еще глубже.

– Мейсен, – продолжаю облизывать и покусывать его шею и чувствую приближение второго оргазма, – мне так хорошо.

Он берет меня за ягодицы и притягивает еще ближе, начиная действовать еще жестче. Его дыхание сбивчиво. Я слышу, как под нами скрипит пикап, и бросаю нервный взгляд на окно.

– Притормози! – умоляю я. – Машина…

Но он только рычит и наклоняется, чтобы снова меня поцеловать и укусить за губу. Я опускаю руки, обхватываю его попку и не даю ему выйти. А он продолжает раз за разом проникать в меня.

– Да, да, – скулю я, ощущая себя на пике второго оргазма и покрывая его шею быстрыми, легкими поцелуями. – Мейсен, минута еще не закончилась?

– Уже почти, детка, – насмешливо отвечает он.

Его член упирается во что-то в глубине, и у меня вырывается стон. Внутренние мышцы сжимаются и обхватывают его еще плотнее.

– О черт, – стонет он, закрывая мне рот рукой и двигаясь еще быстрее.

Входит последний раз и останавливается. Я чувствую, как по его телу пробегает дрожь. Он тяжело дышит прямо мне в ухо.

Я провожу рукой вверх по его влажной от пота спине и закрываю глаза. Картинка как в тумане. Все вокруг вращается.

Оргазм прокатывается волной по всему телу, и я ощущаю одновременно счастье, грусть и усталость. Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Но, черт побери, нам не стоило делать это здесь.

Он расслабленно лежит на мне, все еще не отрывая рук от двери. Его голова у меня на плече. И я лежу спокойно и тихо.

Не хочу даже пытаться выяснить, заметили ли нас. Неужели я и правда думала, что, начав, мы сможем остановиться?

Он поднимает голову и смотрит на меня. Я слегка улыбаюсь, мечтая, чтобы мы сейчас были где-нибудь в дремучем лесу, а не на переполненной парковке, там, где можно безнаказанно простоять всю ночь и повторить.

Он сводит брови, как будто подбирает слова.

– Райен, я…

– Что?

Но он молчит.

Я касаюсь его щеки, но он только мотает головой и отводит глаза.

– Ничего. Все нормально.

Нормально? По коже пробегает холодок.

Что нормально?

Глава Двенадцатая
Райен

Он перебрался на переднее сиденье и увез нас из кинотеатра. Я все это время пряталась сзади, приводя себя в порядок, а сейчас сижу рядом с ним и пытаюсь распутать волосы.

Закусываю щеку изнутри, потому что начинаю волноваться. Пикап определенно шатался.

Кто угодно мог увидеть, как я залезала в машину, и все знают, чья она. К тому же Мейсен сидит молча и смотрит на дорогу. Ни разу даже не взглянул на меня.

Типичный парень. Говорит все что угодно, лишь бы залезть девушке в трусики, но все сильные чувства и красивые слова словно испаряются, когда он получает то, чего хотел.

Неважно.

Я пристегиваюсь. Парковка кинотеатра далеко позади. Впереди пустая темная дорога.

– Я оставила сумочку в машине у Лайлы, – говорю я скорее себе, чем ему. – Надо придумать легенду, почему я ушла и как добралась домой.

– Ничего страшного, ты ведь прекрасно умеешь врать.

Я бросаю в его сторону суровый взгляд. Вижу, что он весело улыбается в ответ, и сразу же расслабляюсь.

Может, мне вообще не нужно будет врать. Просто скажу, что меня подвозил Мейсен Лоран. Что тогда может случиться?

Взгляд падает на дисплей радио, и я вижу название песни, которая играет с айпода. Улыбаясь во весь рот, прибавляю громкость.

Мейсен поглядывает на меня, похоже, не понимая, чему я так радуюсь.

– Ты что?

Я показываю на дисплей, где написано: «Eminem – Without Me».

– У меня есть один друг. Его бесит мой музыкальный вкус, – говорю я. – Однажды я отправила ему эту песню. И это привело к длиннющему спору, который до сих пор не закончился.

– Друг-парень?

Я откидываюсь на спинку сиденья.

– В начальной школе наши учителя сделали нас друзьями по переписке, – объясняю я. – А когда учебный год закончился, мы продолжили писать друг другу и продолжаем до сих пор. Он живет в Тандер-Бей, но мы никогда не встречались.

Мейсен смотрит вперед, на дорогу, его грудь размеренно поднимается и опускается. Он же не ревнует?

У нас с Мишей ничего не было.

– Ты все ему рассказываешь? – интересуется Мейсен, по-прежнему не глядя на меня.

Я смотрю на него, прищурившись. Может, он догадался, что Миша важен для меня.

И теперь раздумывает, почему друг по переписке мне ближе, чем он.

Миша и правда незаменим. Но даже ему я не рассказываю все. Я поворачиваю голову и принимаюсь смотреть в окно.

– Я рассказываю ему больше, чем кому-либо другому.

– А ему ты врешь?

– Да, – честно отвечаю я. – Он знает ту меня, какой я хочу быть.

Почему-то мне не стыдно признаваться в этом Мейсену. Мама, сестра, учителя, друзья – все пытаются меня судить. Как будто есть какие-то правила, по которым я должна жить.

Даже перед Мишей я испытываю чувство вины за то, что много говорю, но мало делаю, и надеюсь, что он никогда не узнает, какой я бываю ужасной. Хочется, чтобы он думал, что я лучше, чем есть.

А с Мейсеном у меня такое чувство, будто, что бы я ни сделала, он не станет от этого меньше меня хотеть. Как будто его смешат мои недостатки, а вкупе с его недостатками – минус на минус дают плюс, и всех все устраивает.

– Собираешься писать ему о сегодняшнем вечере?

Я поворачиваюсь к нему, улыбаясь уголками губ.

– Наверно. А тебя это напрягает?

Он качает головой, не отрывая глаз от дороги.

– И ты не будешь ревновать?

– Друзья тебе еще пригодятся, – отвечает он.

Я веду бровью. Что он, блин, имеет в виду?

Он заезжает на дорожку у моего дома, подъезжает к парадной двери и останавливается. Я отстегиваю ремень и кошусь на его правую руку. Сейчас она лежит на коленях, а полчаса назад ласкала меня.

Никто не знает, что это за ощущение.

Я закрываю глаза и чувствую укол одиночества. Почему он отстраняется? Я не настолько глупа, чтобы подумать, что мы теперь пара. У меня никогда не было привычки ждать от людей слишком многого. Но теперь мне становится неловко. Тучи сгущаются, и мне уже начинает казаться, что сегодняшний вечер был большой ошибкой. Это неприятно.

Не то чтобы я могла признаться в этом ему, но…

– Ладно, – вздыхаю я, открывая дверь. – Еще увидимся.

Вылезаю из машины, закрываю за собой дверь и иду в дом. Потом слышу, как хлопает водительская дверь. Оборачиваюсь и вижу, что Мейсен бежит за мной.

Останавливаюсь.

Он берет меня за лицо, подходит близко-близко и смотрит мне в глаза.

– Как его зовут?

– Кого?

Он наклоняется ко мне, и его губы уже в каких-то жалких миллиметрах от моих.

– Твоего друга по переписке.

Я ощущаю губами его дыхание. Потом чуть приоткрываю рот и на секунду замираю. Боже, как он приятно пахнет.

– Миша, – шепчу я.

Он целует меня, и мои губы тонут в его губах. Мои глаза закрыты.

– Как-как? – дразнится он. – Я не расслышал.

– Миша, – выдыхаю я и снова впиваюсь в его губы, проводя по его языку своим. Прижимаюсь к нему всем телом и ощущаю выпуклость на его штанах.

Он наконец от меня отрывается, вновь возбужденный, прямо как на парковке.

– Спасибо.

Он еще раз целует меня в губы на прощание, разворачивается и идет к машине.

Что это было?

Окончательно запутанная, наблюдаю, как он заводит двигатель и уезжает. Задние фары еще долго видны в темноте ночной улицы.

Я и так мало о нем знаю, но после каждого разговора мне кажется, что знаю все меньше и меньше.

Я не видела Мейсена все выходные. Суббота пролетела незаметно. Мы с друзьями провели весь день на футбольном поле, набирая из новичков потенциальных чирлидерш на следующий учебный год. А все воскресенье я просидела в комнате, слушая музыку, делая домашку и сочиняя письма Мише.

Три письма.

Два почти целиком состоят из всякой скучной, глупой фигни, а третье – о Мейсене – я порвала и выбросила. Не знаю, почему. Даже не знаю, зачем вообще его написала.

Иду по коридору школы утром в понедельник,

останавливаюсь у своего шкафчика и начинаю набирать код, но вдруг замечаю черную надпись на дверце и останавливаюсь.

Что угодно, чтобы не хотеть тебя.
Что угодно, чтобы не любить тебя.
Что угодно, чтобы замечать других.
Но ты заменяешь весь мир, детка.

Я улыбаюсь. *Мейсен.*

Надеюсь, по крайней мере, что это его творчество. Мои щеки заливает краска, выдавая внезапный прилив радости. Почему так приятно знать, что он думал обо мне в выходные, а потом залез в школу, чтобы написать это?

Стараюсь подавить улыбку, но, как только отвлекаюсь и лезу в шкафчик, она снова появляется на лице. Беру вещи для утренних уроков и кладу их в сумку.

Потом иду на искусство. Вхожу в класс, сразу смотрю на его парту и с облегчением вижу, что он на месте. Не знаю, почему, но я все время боялась, что мы больше не встретимся.

Он болтает с Мэнни и, как обычно, даже не замечает меня или делает вид, что не замечает.

Подхожу к своей парте и уже собираюсь раскладывать вещи, как вдруг кто-то сзади налетает на меня, и я врезаюсь в стол.

– Извини, – слышу я низкий голос и чувствую, как чья-то рука засовывает мне в ладонь свернутую записку.

Я выпрямляюсь, поворачиваю голову: Мейсен. Но он уже идет в переднюю часть класса, улыбается мне через плечо и выбрасывает жвачку в мусорку.

Сжимая в руках клочок бумаги, сажусь и делаю вид, что ничего не произошло.

Он возвращается, садится и продолжает разговаривать с Мэнни.

Я кладу записку на колени, опускаю глаза, разворачиваю ее и читаю.

С нетерпением жду, когда можно будет снова тебя поцеловать.

Приятные мурашки бегут по коже. Убираю записку в карман, делая вид, что меня нисколько не волнует вся эта романтическая чепуха. Совсем не волнует. И что люди в ней находят?

И, разумеется, я не прокручивала в голове события в автокинотеатре тысячу раз за выходные, вспоминая, как великолепны его поцелуи.

Но тут я поднимаю глаза и вижу, что в класс входит Трей.

Внутри что-то обрывается. Я так хотела, чтобы рядом был

только Мейсен, но Трей снова портит праздник. Надо просто отшить его.

– Похоже, тебе и правда нравится искусство, – говорю я, когда он ставит стул рядом со мной. – Вот же все повеселятся!

– Все меня поймут, ведь я здесь только ради того, чтобы заглядывать тебе под юбку. – Он кладет руку на спинку моего стула и начинает пялиться на мою футболку. Она свободная и непрозрачная, но коротковата: над поясом джинсов видна тонкая полоска обнаженной кожи. – На тебя приятно посмотреть.

– Ах вот как…

Я замолкаю, услышав какой-то скрежет. Повернув голову, вижу, что Мейсен поворачивает циркуль: острая игла входит в деревянную столешницу и медленно, с характерным звуком чертит круг. Я поднимаю глаза – он кажется спокойным. Но, опустив глаза, замечаю, что черная поверхность парты испорчена: игла процарапала покрытие, виднеется дерево.

Мои губы невольно изгибаются в легкой улыбке. Он явно расстроен.

Это хорошо. Если он хочет, чтобы я поменяла кавалера на выпускной, может собраться с духом и пригласить меня.

– Рада, что тебе нравится, – продолжаю я громко, специально чтобы Мейсен услышал, и поглядываю на Трея. – Ты бы только видел мое платье. Будешь в восторге.

– Жду не дождусь. – Он улыбается мне в ответ.

Я открываю альбом с эскизами и начинаю работать над своим проектом. Мисс Тилл ходит между партами и смотрит, как идут дела у учеников.

– Эй, Мэнни, – слышу я шепот Трея, – сегодня на физкультуре твоего защитничка не будет рядом.

Я настораживаюсь и щурю глаза. Мэнни не шевелится, за огромной фигурой Мейсена его почти не видно.

– Эй, Лоран! – кричит Трей Мейсену через мою голову. – Ты ведь не можешь присматривать за ним все время!

Я опять слышу скрежет иглы, которая царапает парту, поднимаю глаза и обвожу взглядом класс. По идее, Тилл должна выгнать Трея из класса. Если Мейсен снова набросится на него, ему уже так просто не отделаться.

– Думаешь, твоя выходка сойдет тебе с рук? – угрожает Трей. – Лучше не поворачивайся ко мне спиной. В следующий раз я буду не один.

– Боже, скукота-то какая, – бормочу я в расчете, что Трей услышит. – Ты идешь на химию?

Он поднимает бровь.

– Увидимся в обеденный перерыв, – говорю я, надеясь, что

так он поймет намек. – А пока у меня много работы.

Он ухмыляется, не понимая, какая еще работа может быть на искусстве. Потом наконец закатывает глаза, целует меня в щеку, встает и выходит из класса.

Я наклоняюсь, притворяясь, что лезу за чем-то в сумку, и шепчу Мейсену:

– Скажи мне, что ты ревнуешь.

Говорю ему те же слова, что он говорил мне в кино. Я не хочу идти на выпускной с Треем. Не хочу с ним даже разговаривать.

Но Мейсен ничего не предлагает, а я не могу ждать его до скончания веков.

– Скажи, что я твоя, – шепчу я.

Он роняет циркуль на парту, опускает глаза и ничего не говорит.

Я стискиваю зубы, слезы подступают к глазам.

– У меня такое чувство, будто ты можешь исчезнуть в любую минуту. Как будто ты не настоящий.

– Я все тебе расскажу, – отвечает он мне шепотом. – Обещаю. Просто еще рано.

Я вытираю слезинку в уголке глаза и делаю вид, что закашливаюсь. Мне нравится Мейсен. Очень. Но у него здесь никого нет, и как только закончится учебный год, ничто не удержит его на месте. Это меня тревожит.

Вдруг слышу глухое урчание. Поворачиваю голову и понимаю: оно доносится из живота Мейсена. Он смущенно ерзает на стуле.

– Ты что-нибудь ел сегодня?

– Все в порядке, – говорит он. – Просто меня уже тошнит от еды, которую продают на заправках.

Я смотрю на него, и до меня доходит весь ужас его нынешнего положения. После уроков он уезжает в Бухту? И сидит там один все время? Сколько у него осталось денег на еду, бензин и прачечную?

Меня охватывает грусть. О нем никто не заботится.

Должно быть, он чувствует на себе мой взгляд, потому что поворачивается к моему рисунку и меняет тему.

– Что это?

Я опускаю глаза на свою третью попытку сделать набросок углем, которая больше напоминает пятна из теста Роршаха.

Отстой.

– Это обложка для альбома, – говорю. – Помнишь, я тебе рассказывала о своем друге, Мише? Он пишет музыку. Хочу сделать сюрприз к окончанию школы.

Он смотрит прищурившись на мой рисунок, и его дыхание

учащается.

– Что?

Он отворачивается и начинает быстро моргать.

– Ничего.

Я вздыхаю и возвращаюсь к работе. *Ничего, ничего, ничего.* Может, я немало вру, но хотя бы что-то говорю.

Лезу в сумку, достаю батончик мюсли и кидаю на парту перед ним, а потом прошусь выйти.

Еще только восемь утра, и думаю, что парней с меня на сегодня хватит.

Выдавив в контейнер содержимое пакетика, закрываю крышку и трясу салат. Соус «цезарь» перемешивается с остальными ингредиентами. Стоя в очереди к кассе в столовой, беру пластиковую вилку и бутылку воды.

– Поесть решила? – Ко мне подходит Лайла и тянется за фруктовым салатом.

– Да. – Я протягиваю кассиру карточку, он проводит ею по терминалу. – Весна, недостаток витаминов. Нужно нормально питаться.

Мне стало сложнее концентрироваться на уроках.

А может, не только на уроках. На уме один Мейсен. Он здесь? Где-то рядом? Может, он опять затащит меня в класс и будет трогать и целовать, заставляя забыться?

Ради бога, пусть будет так.

– Знаешь, подруга, хочу тебе кое-что сказать. – Лайла протягивает деньги кассиру. – Уезжать из кинотеатра с Мейсеном в пятницу было очень подло.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней. Сердце замирает. Она знает, что я с ним уехала, – ну и ладно. Но известно ли ей, чем мы занимались там, на парковке?

Она саркастично улыбается.

– Он уехал из кино прямо посреди фильма. Тебя тоже нигде не было. Нетрудно догадаться, куда ты делась. Думаю, Трей тоже догадался.

Я пожимаю плечами и немного расслабляюсь. Хорошо, значит, ничего лишнего она не знает.

– Знаешь что? – говорю я. – Не надо мне говорить такие вещи. Ты не видела, как я уезжала с ним, и понятия не имеешь, что происходит между нами. Если бы даже что-то и было, *ты* катаешься на парнях чаще, чем на автобусе. Будь ты идеальной, имела бы право поучать меня. Но это не так. Поняла?

У нее загораются глаза, она злобно смотрит на меня и открывает рот, чтобы снова заговорить.

Но я ее опережаю.

– Ты уже все сказала, – говорю ей я. – Я голодная. Идем есть.

Я разворачиваюсь и собираюсь пойти за стол, но к нам подходят Трей и Джей Ди.

Вашу ж ма…

– Хотите посмеяться? – начинает Трей, приобнимая меня за бедра.

Что? Я усмехаюсь, но происходящее меня раздражает. Не хочу больше участвовать ни в каких интригах.

Но я моргаю, пытаясь сосредоточиться и придумать, что делать дальше.

– Конечно, – сдаюсь я. – Я все время ждала, когда ты наконец расскажешь что-нибудь интересное.

Джей Ди хохочет, а Трей поднимает бровь, одновременно заинтригованный и исполненный желания научить меня держать рот на замке.

– Лоран глаз от тебя не отрывает, – говорит Трей.

Он оглядывается через плечо. Проследив за его взглядом, я нахожу Мейсена. Он сидит за одним столом с самыми отъявленными хулиганами школы. Отклонившись на спинку, он вытянул ноги, скрестил руки на груди и смеется над чем-то с соседом по столу.

– И что? – Я снова поворачиваюсь к Трею.

– Он явно тебя хочет, – отвечает Трей. – А я хочу, чтобы ты использовала это в моих интересах.

Он наклоняется, берет меня за лицо и шепчет на ухо:

– Сделай так, чтобы он пришел ко мне на вечеринку на следующей неделе.

Я хмурю брови и с трудом припоминаю: Трей говорил, что скоро его родители уедут из города. Значит, он хочет, чтобы я привела Мейсена. Думаешь, ты сможешь это сделать? Избить его, после того как я заманю его в ловушку, как в плохих фильмах восьмидесятых годов?

Ну уж нет.

Трей отходит от меня, а я отвечаю спокойным голосом:

– Не вижу в этом ничего забавного.

Трей прикрывает глаза, явно разочарованный моим отказом. Он поворачивается к Лайле, игриво улыбаясь.

Лайла жеманно улыбается ему в ответ, а я качаю головой.

Если я не выполню его просьбу, это сделает Лайла. Джей Ди смотрит то на Трея, то на Лайлу, потом на меня и отводит взгляд.

Я вздыхаю.

– Трей, Мейсен не идиот. Он сразу поймет, что она его разводит.

Я отдаю Лайле салат и обхожу мальчиков, направляясь к столу Мейсена.

Подхожу к нему и останавливаюсь. Все его приятели прекращают разговоры и смотрят на меня, но Мейсен и глазом не ведет.

– Привет.

Я кладу руку на бедро, зная, что он не мог меня не заметить.

Губы Мейсена изгибаются в улыбке, а вопросительные взгляды его друзей мечутся между нами.

– Принцесса, – говорит он. – Что я могу сделать для тебя?

Ой, я вас умоляю… Я пролезаю между ним и столом, берусь руками за столешницу по бокам и сажусь на нее. Потом немного отклоняюсь назад, прекрасно зная, что майка приподнимется и обнажит кусочек живота.

Его друзья усмехаются, а я дразню его глазами.

– Твой кавалер наблюдает за нами, – говорит он.

– Он сам отправил меня к тебе, – отвечаю я. – Наивно надеется, что ты позволишь мне привести тебя на одну его вечеринку.

За столом начинают шептаться, а Мейсен выглядит заинтригованным. Мы оба знаем, что у Трея на уме. Все мои друзья тоже смотрят на нас.

– Ты же не хочешь, чтобы твои дружки сочли тебя трусом? – игриво спрашиваю я.

Мейсен улыбается еще шире. Он бросает взгляд в сторону, видимо, убеждаясь, что внимание Трея приковано к нему.

Не то чтобы нам с Мейсеном было дело до Трея. Просто мне нравится играть в игры. Никто не поверит, что между нами что-то есть. Так что мы можем развлекаться сколько угодно, пока играем на одной стороне.

Он поднимает на меня глаза, приобнимает мои ноги, стягивает меня со стола и медленно опускает к себе на колени. Я сажусь на него. За столом тихонько посмеиваются, а я вдруг понимаю, что начинаю возбуждаться.

Наклоняюсь, прижимаюсь к нему грудью и шепчу на ухо:

– Не хочу, чтобы ты туда шел. Он будет не один.

– А тебе какая разница? – спокойно отвечает Мейсен. – Ты ведь все еще собираешься на выпускной с этим шовинистским отродьем?

– А разве меня пригласил кто-то еще?

– А если пригласит, согласишься?

Я касаюсь носом его уха.

– Пригласи и узнаешь.

– Треверроу!

Я вздрагиваю, услышав свою фамилию. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, что это директор. Прекрасно. Я пытаюсь слезть с его колен, но он прижимает меня к себе и не дает двинуться с места.

– Мейсен, – упрашиваю я.

У меня будут из-за него проблемы. Мы же на людях.

– Слезь с него, – приказывает директор Берроуз. – Сейчас же.

Я кладу руки Мейсену на плечи и привстаю, но он не выпускает мои бедра.

– Она слезет с моего члена, только когда я ей разрешу, – говорит он директрисе.

Я открываю рот от удивления. *Какого черта?*

На лице Берроуз появляется гримаса ярости, вокруг слышны смешки, переходящие в хохот.

– Простите, что вы сказали? – восклицает она.

Но Мейсен только наклоняется к моему уху.

– Увидимся позже.

Он встает, аккуратно ставя меня на ноги.

А потом, не глядя ни на кого, выходит из столовой. Берроуз цокает каблуками следом.

Хотя что-то я сомневаюсь, что она сможет его остановить.

Глава Тринадцатая
Миша

Я направляюсь прямо в ад. Хотя уверен, что она сама меня туда затащила бы.

У Райен мерзкий характер, я не знал этого раньше, но рад был это обнаружить.

Она меня интригует.

Я наклоняю цветочный горшок и поднимаю ключ, который спрятан под ним. Отперев входную дверь ее дома, возвращаю его на место и вхожу ровно в тот момент, когда старые часы бьют пять. Надеюсь, все еще спят.

Завтра все ей расскажу. Отвезу ее в дом отца – мой дом – и покажу ей… Нет, лучше будет написать ей письмо. Так я точно смогу подобрать правильные слова.

Нет.

Черт! Она не примет такое. Не сможет пережить это. Возненавидит меня, оборвет контакты, и моя жизнь опустеет без нее. Я должен либо все ей объяснить, либо уехать.

И только потому, что не исключаю такой возможности, что просто возьму и сбегу, я не имею на нее никаких притязаний. Это единственная причина, почему я не отрываю от нее поганые руки Трея и не превращаю его в котлету.

Я не могу отнять у нее выпускной и друзей, когда знаю, что никак потом не смогу все исправить. Так что либо я уйду сам, либо она заставит меня уйти.

Как сказать другу, *лучшему* другу, что ты все это время был рядом, под носом, и играл с ее чувствами? Когда она понятия не имеет, что тот, с кем она занималась сексом в пятницу вечером, – это парень, с которым она вместе выросла?

Все вышло из-под контроля.

Я закрываю дверь, мягко опуская ручку, чтобы никого не разбудить.

Осмотревшись на первом этаже, никого не вижу и не слышу, так что поднимаюсь наверх, стараясь идти быстро и бесшумно. Свернув направо, поворачиваю ручку спальни Райен и открываю дверь.

И вдруг слышу вздох. Я поднимаю глаза и вижу, как она крутится в кровати, прикрывая грудь простыней, и садится.

Закрывая дверь и задвигая защелку, я щурюсь, удивленный тем, что она уже проснулась. Я собирался просто прилечь рядом и насладиться ею еще немного.

Потому что наши дни сочтены.

– Что ты делаешь? – громким шепотом спрашивает она. – Как ты сюда попал?

– Так же, как и в прошлый раз, – отвечаю я, подходя к ее кровати. – У вас на улице под цветочным горшком хранится запасной ключ.

Она закатывает глаза, недовольная, видимо, глупостью своей мамы.

Я опускаю взгляд на нее, замечаю, что торчащая из-под одеяла нога согнута в колене. Ползу взглядом выше, вижу, что изгиб бедра ничем не прикрыт, а ночная рубашка прикрывает лишь часть ее тела.

В чем дело?

Я наклоняюсь, приподнимаю простыню и вижу, что ниже пояса она совершенно голая. Ни пижамных шортиков, ни белья…

Она выхватывает простыню и прикрывается, а ее щеки краснеют.

– Почему ты голая?

Я расправляю плечи. Есть у меня одна версия…

Не дожидаясь ответа, подхожу к шкафу и раскрываю створки, пытаясь выяснить, кто с ней. Она определенно не спала и испугалась, когда я открыл дверь.

– Никого нет, – говорит она. – Я одна.

Я осматриваю комнату и понимаю, что больше здесь негде спрятаться. Кроме… Я опускаюсь на колени и приподнимаю край простыни, заглядывая под кровать.

Там тоже никого.

Тогда с какого перепугу она голая?

Я встаю и пристально смотрю на нее, а она нервно ерзает.

И тут до меня доходит.

Я срываю с нее простыню. До моих ушей доносится тихий стон – я замечаю маленький черный вибратор.

Пульс ускоряется, и я чувствую, как член увеличивается в размерах прямо на глазах.

Она приподнимается, опираясь на локти. Ее ноги согнуты в коленях. Она закусывает нижнюю губу, стыдливо пряча глаза.

Не могу сдержать улыбку. Наклоняюсь, беру его за шнур и поднимаю: черное яйцо виснет в воздухе.

– Ты думала обо мне, да?

Ее свежее утреннее личико так и пышет яростью.

– Мечтай, мечтай, неудачник.

Я начинаю хохотать. Отбросив секс-игрушку, я проскальзываю рукой ей между ног. Все сомнения и страхи исчезают – кончик пальца погружается в нежную влагу.

– Ты еще не кончила?

Она продолжает хмуриться, глядя в сторону.

Наклонившись к ее уху, я шепчу:

– Ты хоть представляешь себе, какая ты прелесть?

Она на секунду перестает дышать, а потом наконец поворачивается ко мне лицом. Я провожу рукой между ее ног, глажу мягкий, гладкий живот, залезаю под короткую маечку, чтобы нащупать грудь.

– Покажи мне, как ты с ним развлекаешься, – прошу я.

Она переводит глаза на меня. Она нервничает, ей страшно, это написано у нее на лице. Я ласкаю ее твердые соски.

– Что бы ты ни сделала, мне это понравится, обещаю.

Она мотает головой.

Я сильнее сжимаю грудь, и в ее горле замирает стон.

– Делай, что говорю, – властно требую я.

Она запрокидывает голову и немного выгибается. Она явно сильно возбуждена. У меня вырывается стон, а мой член уже тверже камня.

Она берет вибратор и пульт от него, а я встаю и отхожу подальше, чтобы удобнее было смотреть. Я думал, что она ляжет на спину и положит его между ног, но у нее, похоже, другие планы.

Медленно переворачиваясь на живот, Райен кладет яйцо на простыню и ложится на него.

Я сажусь на кресло рядом с прикроватной тумбочкой и не моргая наблюдаю за ней. Не хочу пропустить ни секунды.

Сгибая ноги в коленях, чтобы пошире их раздвинуть, она располагает яйцо так, как ей нужно. Я изучаю ее тело. Сексуальная коротенькая белая маечка заканчивается ровно посередине спины. Идеальная попка, загорелые ноги… Я слышу жужжание и не могу сдержать стон: оставаться в джинсах очень тяжело.

Она поворачивается ко мне, опираясь на локти, и прижимается бедрами к кровати, продолжая тереться о маленький твердый вибрирующий шарик. Я так очарован происходящим, что едва могу дышать.

Ее попка движется, рисуя в воздухе круг, а она доводит себя до экстаза и дышит все громче. Мы встречаемся взглядами, хотя ее глаза скрыты под волосами.

Она так смотрит на меня, будто воображает, что это я занимаюсь с ней сексом.

– И часто ты развлекаешься с этим шариком? – хрипло спрашиваю я.

Она медленно кивает.

– Мне понравилось наблюдать, как двигается твоя попка, малыш.

– Я так и подумала.

Ее похотливый взгляд прикован к моему паху. Она заметила, как сильно я возбужден.

Она снова запрокидывает голову, проводит рукой по бедру, со стоном поглаживает свою ягодицу и начинает тереться быстрее и сильнее прижиматься. *О да.* Она так сексуально двигает бедрами, а то, как приподнимается и опускается ее попка, – самое возбуждающее, что я когда-либо видел.

Взгляд ее горящих глаз так и манит.

– Я очень много раз ублажала себя в этой кровати. Но никогда не была здесь с кем-то еще.

Что ж, пора испробовать что-то новое.

– О, – стонет она, и ее лицо искажается от удовольствия. Она двигается еще быстрее, зарываясь в постель и пытаясь довести себя до оргазма.

Я наклоняюсь вперед, опираясь локтями на колени, и сижу словно загипнотизированный.

– Я такая мокрая, – шепчет она, – вся теку.

Я сжимаю кулаки.

– Мне нравится, когда ты смотришь, – шепчет она. – Хочу сделать тебе минет.

Мои глаза расширяются. Я встаю и подхожу к ней. Взяв за подбородок, наклоняю ее голову назад и заставляю посмотреть мне в лицо.

– Ах ты, похотливая девчонка, – рычу я. – Но ты такая только для меня, поняла?

Я обхватываю ее грудь, сжимаю пальцами и заставляю ее стонать. Это мое.

Она высовывает язык и теребит мою сережку.

– Уже представляю, как ты проникнешь мне в горло.

Я едва дышу, кровь приливает к члену. Вот и все.

Залезаю рукой под нее, вытаскиваю вибратор и бросаю его на пол.

– Что… – пытается возразить она, но я встаю на колени на кровати, беру ее за бедра и заставляю встать на четвереньки, а потом шлепаю по ягодице.

Она взвизгивает, но визг быстро превращается в страстные стоны. Она чуть сильнее раздвигает ноги и выгибает спину в ожидании меня. Я снимаю через голову футболку и швыряю ее на пол. Потом запускаю руку в карман, вынимаю презерватив, расстегиваю джинсы, достаю член и зачехляю его.

Боже, что бы только я не отдал, чтобы прижаться к ее голому

телу прямо сейчас.

Расправив презерватив, направляю член прямо в нее и вхожу одним резким движением на всю длину.

– О-о-о, – стонет она.

Я закрываю глаза. Она такая теплая и узенькая. Ее тепло передается мне и разливается по всему телу.

Взяв ее за бедра, вхожу и выхожу, быстро и резко прижимая ее к себе.

– Черт, как же мне хорошо с тобой.

Она привстает на руках. Длинные волосы разбросаны по спине, пряди висят в воздухе и покачиваются в такт моим движениям.

Я провожу рукой по ее спине. Она всем телом насаживается на меня, встречая мой член на полпути.

Глажу ее шею и запускаю пальцы ей в волосы, сжимая их в кулак. Потом тяну назад, разворачиваю ей голову и целую. Она дразнит меня языком, пытаясь отстраниться, а потом снова льнет ко мне.

Я вхожу в нее еще резче, и изголовье кровати начинает биться о стену.

– Придется притормозить. – Она наклоняет голову назад, закрывая глаза от удовольствия. – Мама и сестра услышат.

– Черт с ними, – рычу я ей прямо в ухо. – Больше ни перед чем не остановлюсь.

Вечер прошлой пятницы был настоящей пыткой: получая наслаждение, приходилось мучить себя и двигаться медленнее, чтобы машина не тряслась, и закрывать ей рот, чтобы никто не услышал стоны.

Я резко вхожу в нее, и звук шлепков кожи о кожу наполняет комнату. Напряжен каждый проклятый мускул. Знаю, что вхожу достаточно резко и глубоко, потому что ее стоны становятся чаще и громче.

– Сегодня ночью собираюсь сделать кое-что незаконное, – говорю, теребя зубами мочку уха. – Ты со мной?

– Что именно? – выдыхает она.

– Это сюрприз. Ты мне не доверяешь?

Она усмехается.

– С чего бы мне доверять тебе? Единственное, что я о тебе знаю, – это что ты обладатель прекрасного тела и можешь довести меня до оргазма.

Глупо радоваться таким фразам, но я все равно ликую где-то в глубине души. Не хочу быть ей интересным только в сексуальном плане, но рад, что дарю ей удовольствие. И мое тело, и моя душа принадлежат ей. Когда она узнает, кто я такой,

вспомнит ли, как хорошо нам было вместе?

– Ты знаешь гораздо больше, – шепчу. – Я никогда не дам тебя в обиду. Мы с тобой одной крови, Райен.

Она замирает и смотрит мне в глаза.

– Что ты сказал?

Все мои мышцы напрягаются.

Блин. *Одной крови*. Она писала это в одном из писем.

Зачем я это сказал?

Стараюсь отвлечь ее как можно быстрее. Наклоняюсь, ложусь на нее, прижимая к матрасу, проникаю в нее все глубже и двигаюсь быстрее.

– Я сказал, что не дам тебя в обиду. – Поворачиваю к себе ее лицо и целую. – Когда вечером все будут на игре, пойдем со мной.

Она стонет, ее веки смыкаются, я чувствую, как она крепче обхватывает мой член.

– Пойдем, вместе поищем проблем на свою голову, – говорю я.

– И тогда я узнаю, кто ты на самом деле? – отвечает она, тяжело дыша.

– Может быть.

Кивнув, она сводит брови. Взгляд у нее такой, как будто она вот-вот кончит.

– Ладно.

Я прижимаюсь к ней еще сильнее, двигаюсь еще быстрее и яростнее, по моему телу пробегают горячие электрические импульсы.

– Да, да, – стонет она, отвечая мне встречными движениями.

Я впиваюсь в ее губы, и мы стонем, кончая одновременно. Ее внутренние мышцы сжимаются вокруг меня как тиски. Вот бы сейчас на мне не было презерватива и я мог кончить прямо в нее… Наслаждение разливается по всему телу, и я замираю.

Проклятье, она просто создана для меня.

Осторожно и нежно покусываю ее соски. Мне нравятся ее губы, солоноватый вкус ее пота.

Из холла доносится скрип двери: кажется, семейство начинает просыпаться. Веки резко тяжелеют, я стараюсь успокоить дыхание.

Пора отсюда выбираться.

Смотрю вниз, на нее. Она лежит с закрытыми глазами, вид у нее блаженный. Просовываю руку между ней и простыней, нежно сжимаю грудь, потом целую ее в щеку на прощание.

– Спасибо, помпончик. Увидимся в школе.

Она что-то бормочет в ответ, не открывая глаз, а я,

посмеиваясь про себя, вытираюсь и одеваюсь.

Глава Четырнадцатая
Райен

–Думаешь, кто-нибудь догадается, что мы купили это дерьмо в пекарне? – спрашивает Лайла. В руках у нее коробка печенья.

Я забираю у нее пакет, перевязанный красной ленточкой, и ставлю его на длинный пластиковый стол.

– Это не дерьмо. Именно потому, что они *из пекарни*.

Уроки закончились четыре часа назад, но на парковке до сих пор полно машин, а мы стоим за столом и встречаем людей у входа на стадион. Солнце уже село, горят фонарики, остатки толпы просачиваются в ворота.

Тренер попросила нас с Лайлой испечь печенье и продавать гостям, причем обязательно в чирлидерской форме. Сбор средств – одна из наших многочисленных обязанностей, и раз уж мы не заняты танцами в перерывах бейсбольного матча, который вот-вот начнется, то пытаемся заработать немного денег для команды и сагитировать новых девочек присоединиться к чирлидершам в следующем году.

Технически мы должны были сами испечь то, что продаем, – естественно, не без помощи наших мам, – но мы, как всегда, ничего не распланировали заранее и не успели. На дворе весна, учеба почти закончилась, и дел у меня уже невпроворот. Так что во время занятий мы заехали в «Либерз бейкери» и прогуляли последний урок, перекладывая печенье в собственные коробки, раскрашенные в цвета школы.

– Новички, налетайте! – Лайла хлопает в ладоши. – Улыбнитесь. Вам понравится. Я обещаю.

Я смеюсь про себя. О, как же я им не завидую. Желание натянуть на лицо улыбку пропало примерно тогда, когда мы вышли из школы.

Я расставляю новые коробки с печеньями и кексами на места тех, что мы уже распродали. Подняв глаза, вижу Мейсена. Он стоит рядом со своей машиной, вокруг него парни из школы. Сердце замирает.

Он с улыбкой смотрит на меня. Я рассказала ему о ярмарке во время урока искусства, так что мы договорились встретиться потом и сделать то, что он запланировал, спаси меня, Господи.

После того как он пробрался ко мне в комнату, застукал меня с вибратором и едва не перебудил весь дом – только потому, что ему захотелось секса, – остаток дня прошел относительно спокойно. По сравнению с этим пережить все остальное было

проще простого.

Я борюсь с желанием сорвать с головы огромный черный бант, который мы обязаны носить как часть униформы. Даже на расстоянии чувствую, что он еле сдерживает смех.

Они с друзьями подходят ближе.

– Боже, как будто Диснея стошнило прямо на этот стол, – усмехается он, глядя на кучу пакетов в горошек и скатерть с цветочками.

Я ставлю руки на пояс.

– Милый бант. – Он рассматривает кошмар у меня на голове. – А если я за него потяну? Там нет такой специальной веревочки, чтобы ты начала двигаться и разговаривать?

Смешок перерастает в хохот, я перевожу глаза на Тена, стоящего за спиной Лайлы. Он согнулся пополам и трясется от смеха. Поднимает глаза на меня, замечает, что я на него смотрю, и пытается сдержаться.

– Извини, ладно? Но это действительно смешно.

Я поднимаю бровь и снова перевожу глаза на Мейсена. Он самодовольно кивает.

Я хватаю его за капюшон черной толстовки и притягиваю к себе, наклоняюсь к уху и шепчу, прикрывая рот рукой, чтобы никто больше не услышал:

– Ты утром оставил кучу синяков у меня на груди. Если не будешь хорошо себя вести, в следующий раз не дам тебе ее трогать.

Он втягивает воздух.

– А теперь купи печенье, – приказываю я, отталкивая его.

Его рот расплывается в улыбке, но я гордо поднимаю подбородок, наблюдая, как он достает бумажник.

Он дает Лайле стодолларовую купюру. Я моргаю, стараясь сделать вид, что это не застало меня врасплох.

Ладно. Получается, проблем с деньгами у него нет.

Но где он взял столько наличных? У меня появляется какое-то нехорошее предчувствие.

– Сколько печенья дадите за эти деньги? – спрашивает он у Лайлы, не сводя с меня глаз.

Она берет купюру и пристально смотрит на нее. Потом поднимает упаковку из десяти печений и сует ему в руки.

– Пожалуйста.

Я еле сдерживаю смех. Эта коробочка стоит пять долларов, но меня не расстраивает, что она его одурачила. Он это заслужил.

Он смотрит на упаковку, прекрасно понимая, что его обманывают, но молча забирает ее и передает приятелю. Убирая бумажник в карман, он еще некоторое время смотрит мне в глаза,

а потом уходит, и его дружки – за ним.

– Мило. – Лайла машет сотней долларов у меня перед глазами. – Что ты ему сказала?

– Не помню.

Я не боюсь, что Лайла может догадаться обо мне и Мейсене. Мне даже хочется, чтобы народ увидел, как он ко мне прикасается. Но для большинства учеников нашей школы Мейсен по-прежнему остается интриганом, и я не хочу им ничего объяснять. Я сама еще не до конца разобралась, кто он такой.

В глубине души мне нравится скрывать от всех наши отношения. Приятно, когда то, что делает тебя счастливым, не нужно ни с кем делить.

Как Мишу, например.

Миша. Почему мне кажется, что я предаю его? Он же бросил меня.

После гимна США и первой подачи мы с Лайлой и Теном решили, что уже поздно, отправили других девочек по домам и стали собирать вещи. Лайла забирает оставшиеся сладости, сказав, что мы просто отдадим их бейсбольной команде, когда они доиграют, а Тен идет на трибуны, наверно, искать Джей Ди и остальных ребят.

Я вешаю сумку на плечо, беру бутылку с водой и вместо ярмарки иду на парковку.

– Куда собралась? – спрашивает Лайла, оборачиваясь с коробкой печенья в руках.

Я показываю на сумку.

– Отнести это в машину.

Я ухожу, не дожидаясь ответа, и направляюсь прямо к своему джипу, отметив, что черный «раптор» Мейсена стоит на противоположной стороне островка.

Мейсен стоит, облокотившись на дверь и глядя на меня, а напротив – два его товарища. Они тоже повернули головы в мою сторону и наблюдают.

Закинув сумку в машину, я поднимаю руки, открепляю бант и снимаю резинку, что держала волосы, чтобы они не падали на лицо. Расчесываю пряди пальцами и распушаю их, а потом закидываю за спину. Развернувшись, прислоняюсь к джипу и кладу локти на дверцу, глядя прямо на него.

– Не знаю, мужик, – смеется Финн Дамарис. – Она выглядит так, будто чего-то хочет.

А сам как думаешь?

– Да. – Парень с ирокезом, чьего имени я не знаю, кивает и закусывает нижнюю губу, внимательно рассматривая мою

фигуру. – Она явно чего-то хочет.

Мейсен смотрит за их спины, довольный предстоящим развлечением.

– Она такая чистенькая, – комментирует Финн, поворачиваясь к другу. – Хотя могу поспорить, она любит грязный секс.

Ирокез смеется.

– О да.

Я закатываю глаза и жду. Уверена, они наслаждаются ситуацией. Заносчивая девочка заигралась с одним из них…

– Даже не думайте, – говорит Мейсен. – Я забираю ее себе.

Я подхожу и нежно прислоняюсь к его груди, а его друзья удаляются, хихикая.

– Итак, куда мы едем?

Мои глаза прямо напротив его губ.

Он делает глубокий вдох, целует меня в щеку и выпрямляется.

– Давай уже, залезай.

Я скрещиваю руки на груди, чтобы не думать, чем их занять.

– Мне нужно было переодеться.

Мейсен проезжает мой район насквозь, и мы выезжаем из города.

– Зачем?

– Потому что, если мы будем делать то, что будем делать, – объясняю я, – будет проще простого узнать меня в чирлидерской форме Фэлконс Уэлл.

Он улыбается сам себе и продолжает смотреть на дорогу.

– Никто нас не увидит.

Я делаю глубокий вдох, потом протягиваю руку и включаю радио, пытаясь перестать волноваться. Играет *„So Cold“* группы Breaking Benjamin.

Я пытаюсь вести себя как плохая девочка, но, если честно, мне безумно страшно.

Нужно было еще утром сказать ему «нет». Я перестала писать на стенах и не собираюсь делать что-то еще более незаконное, уж слишком это рискованно. Меня уже приняли в Нью-Йоркский, Корнеллский и Дартмутский университеты. А теперь я собираюсь поставить свое будущее под угрозу только потому, что втюрилась в Мейсена и использую любой предлог, чтобы быть к нему поближе.

На самом деле ему невозможно в чем-то отказать, когда он во мне. Я бы сказала ему, что набью на шее татуировку с его именем, если бы он того захотел.

Хотя эта идея наверняка ему понравилась бы. Я поглядываю

на него и смеюсь про себя. Его каштановые волосы, пушистые и немного растрепанные, падают на лицо. Я смотрю на его губы, вспоминая тепло гладкого металлического кольца, когда оно касалось тех мест, куда он целовал меня.

Мне вдруг хочется узнать о нем все. Каким он был в детстве. Какую музыку любит. Куда идет, когда хочет тишины и покоя, и к кому идет, когда хочет поговорить.

Кого он любит? Кто готов подставить ему плечо? Кто знает его лучше всех?

Кто знает его лучше меня? От одной этой мысли я уже начинаю немного ревновать. У него своя жизнь и своя история, связанная с другими людьми. А я в ней появилась не так давно.

Я закусываю щеку, потому что меня переполняют чувства, а рассказать о них не могу, но хочу.

– Ты мне нравишься, – говорю вполголоса, опустив глаза в пол.

Вижу, что он поворачивает голову ко мне, но ничего не говорит.

– Ты сказал много всего приятного в прошлую пятницу, – продолжаю, – и я хочу, чтобы ты знал – если, конечно, еще не знаешь, – что ты мне на самом деле очень нравишься. – Он смотрит на меня, и я не понимаю выражения его глаз. – Знаю, что могу быть… собой. Не хочу быть сентиментальной, но и не собираюсь молчать о том, что творится у меня в голове. Мне нелегко говорить сейчас, но… – Делаю паузу и начинаю чувствовать себя чуть более уверенно. Хочу, чтобы он об этом знал. – Но да, ты мне нравишься.

Знаю, что это такая малость, но для меня даже это трудно, и надеюсь, он меня понимает. Признавшись, что он мне нравится, подставляю себя под удар. Обычно я так себя не веду. Но теперь все по-другому.

Потому что, если начистоту, то он мне не просто нравится. Это нечто большее. Я думаю о нем.

Скучаю по нему, когда его нет рядом.

И если он исчезнет так же внезапно, как появился, это причинит мне боль.

Он продолжает молчать, а я сгораю от стыда. Великолепно. *Молодец, Райен. Может быть, все, что ему в тебе нравилось, – это то, что ты не была навязчивой, а теперь ты ведешь себя, как будто влюблена в него.*

– Нам еще долго ехать? – спрашиваю чуть более резким тоном, чем следовало, пытаясь сменить тему.

Он сбавляет скорость, выезжает на обочину и паркуется у стены деревьев.

– Мы на месте, – отвечает он.

Я пытаюсь заглянуть за живую изгородь, а потом смотрю по сторонам. Мы в тихом, богатом районе.

– Это дом Трея, – замечаю я и тут же начинаю тревожиться.

Он кивает и отстегивает ремень безопасности.

– Там есть кое-что, принадлежащее мне. Семейная реликвия. – Он указывает жестом на дом Трея по правую руку от дороги. – Нужно ее вернуть.

– О чем ты говоришь? Как у Трея могла оказаться твоя вещь?

Он качает головой.

– Не у Трея.

– Что?

Он берет у меня из рук телефон и нажимает несколько кнопок на экране, пока я пытаюсь понять, что за чертовщина происходит. Здесь есть что-то, принадлежащее ему? То, что он хочет вернуть? Трей и вся его семья сейчас на бейсбольном матче, значит, дома никого нет.

Мы собираемся залезть в чужой дом?

– Мейсен, я не буду вламываться к нему домой.

– А тебе и не нужно. – Он возвращает мне телефон. – Я забил в память свой номер. Наверное, и так пришло время дать его тебе. Звони, если кто-нибудь вернется домой или заметишь что-то странное.

Что?

Я потрясенно смотрю на него. Он выходит из машины и бежит к дому.

Прошу прощения?

Я открываю дверь, спрыгиваю на асфальт, захлопываю ее за собой и гонюсь за ним.

– Я не могу доверять тебе! – громким шепотом говорю я, догоняя его посреди лужайки Трея. – Ты не хочешь мне ничего рассказывать, а теперь собрался залезть в чужой дом и втягиваешь в это меня? У меня могут быть проблемы, и да, не хочу показаться лицемерной, учитывая, что Панк и все остальное, но я не хочу в этом участвовать.

Он останавливается. Я крепко сжимаю в руке телефон и уже почти готова швырнуть его в Мейсена. Откуда он, черт возьми, взялся? У него есть друзья. Почему бы не попросить их?

– Почему ты просишь меня это делать? – с напором спрашиваю я.

– Потому что это важно.

Он смотрит на меня, но мне не кажется, что он зол.

Он вздыхает, и выражение его лица смягчается. Он подходит ко мне.

– Потому что мне действительно нужно то, что лежит здесь, и потому что… ты единственная, кому я доверяю. И ты та, кого я хочу видеть здесь.

– О, спасибо.

– Я серьезно, Райен. Поверь мне, пожалуйста.

– Я доверяю людям, которые не втягивают меня намеренно в опасные истории, – отвечаю я. – Я думала, мы будем делать что-то в Бухте, или залезем на водонапорную башню, или еще что-нибудь, а не вломимся в дом директора.

– Ты уже вламывалась в школу директора, – напоминает Мейсен.

Я поджимаю губы и складываю руки на груди. *Придурок.*

Он смотрит на меня, а потом опускает глаза в пол. Взяв меня за руку, кладет мне в ладонь ключи.

– Ты права. Садись в машину и поезжай домой. Там и увидимся, – говорит он, смягчившись. – Это всего пара километров. Я могу дойти пешком.

Что? Нет…

Он разворачивается и направляется к дому Трея, не давая мне шанса возразить. А я не хочу нарваться на проблемы сама, но и ему не желаю неприятностей.

В этом доме какая-то его вещь. Значит, мы не возьмем ничего, что принадлежит его хозяевам.

Ладно.

Вздохнув, я бегу за ним.

Просто беги. Не думай.

Интересно, сколько людей, приговоренных к тюремному заключению, говорили то же самое, когда совершали свои преступления?

Я вижу его у передней двери. Он достает что-то из кармана, но я замечаю собачью дверцу в гараже и оглядываюсь. Кто угодно может проехать мимо или сосед может заметить Мейсена у двери, когда он будет ее вскрывать.

– Идея с собачьей дверцей лучше, – говорю ему я, зная, что родители Трея, скорее всего, взяли хаски с собой на игру.

Он поворачивает голову и разглядывает прямоугольную дыру в двери.

– Я туда не пролезу.

Конечно, нет. Собака большая, но не настолько.

Я качаю головой, на секунду засомневавшись. Но потом вздыхаю и подхожу к двери.

Пытаюсь убедить себя, что просто помогаю ему, ведь я знаю этот дом, бывала здесь раньше, могу провести его и помочь найти то, что нужно, гораздо быстрее, чем он сделал бы это сам. Но

дело не только в этом. Мне нужно знать, что он ищет и почему. Все это время он был как призрак, и мне любопытно.

Присев на корточки, просовываю голову в собачью дверцу, прислушиваюсь, не бегает ли кто по дому, не ходит или не лает. Но все, что я слышу, – ветер в кронах деревьев.

Мейсен подходит ко мне. Я кручу головой и вижу только темный гараж изнутри. Потом просовываю руку через дверцу, поворачиваюсь так, чтобы плечи прошли через маленькое окошко, ставлю руки на холодный бетонный пол и пролезаю внутрь всем телом.

Внутри душно. Я делаю вдох и замечаю маленький зеленый огонек рядом с дверью кухни. Должно быть, это кнопка открывает ворота.

Выставив руки вперед и осторожно ступая в темноте, я двигаюсь к двери. Стараюсь не задеть бильярдный стол, диван и всю остальную мебель. Я знаю, что где стоит в этой мужской берлоге.

– Не включай свет, – говорит мне вслед Мейсен.

– Угу.

Ударяюсь ногой о ступеньку, протягиваю руку и нажимаю на кнопку. Мотор начинает крутиться, и дверь гаража ползет вверх. Мейсен наклоняется и пролезает под ней, а я снова нажимаю на кнопку, опуская ее на место.

Поворачиваю ручку и открываю дверь на кухню, сразу обращая внимание на лунный свет, проникающий внутрь через огромное окно. Мейсен входит туда вслед за мной и закрывает дверь. Я чувствую запах Трея. Забавно. Люди пахнут так же, как их дома. Или наоборот.

Сочетание ароматов кожаной и деревянной мебели, освежителя воздуха, мыла, разных одеколонов и духов родителей, братьев и сестер, запах домашней еды… Они все сливаются и образуют единый и неповторимый запах дома.

А вот у Мейсена такого нет. Он пахнет кожей из машины и еще немного мылом. Вот и все.

– Пошли.

Он проводит меня через дом, осматриваясь и прикидывая, куда идти. Я могла бы ему это и так сказать, если бы знала, что мы ищем. Но, обойдя лестницу, он начинает подниматься, и я следую за ним.

– Ты идешь в комнату Трея? – спрашиваю я.

– Сам найду ее, – огрызается он. – Не хочу даже думать, что ты знаешь, где она.

Я улыбаюсь про себя.

– Я не знаю. Просто спросила.

Он открывает дверь, я вглядываюсь в темноту и вижу розовые стены и воздушные шарики с гелием, висящие под потолком.

Наверное, это комната Эммы, сводной сестры Трея. Я знаю, что директор Берроуз вышла замуж за отца Трея, когда ему было около четырех. Но, несмотря на то что он называет ее Джиллиан и не относится к ней как к матери, она его вырастила и только потом родила дочь. Сестра младше Трея лет на десять.

Я смотрю на Мейсена, задаваясь вопросом, почему он не закрыл дверь. То, что ему нужно, не может быть здесь. Эмме всего шесть. Она ничего у него не крала.

Но он просто стоит на месте и внимательно изучает комнату. И дышит часто и неровно.

– Мейсен… – хочу спросить я.

Но он не отвечает.

Я трогаю его за руку.

– Мейсен! – говорю уже громче. – Что мы ищем? Я хочу поскорее выбраться отсюда.

Он моргает и резко разворачивается.

– Ладно, пойдем.

Он выходит из комнаты, и я закрываю за ним дверь, улучив удобный момент. Тени листьев за окном холла пляшут на полу. Сердце уходит в пятки.

Подойдя к следующей двери, Мейсен проходит внутрь и на секунду останавливается, осматриваясь. Потом идет к шкафу, открывает ящик и достает из кармана маленький фонарик. Включает его и проверяет шкатулку с драгоценностями.

– Ты серьезно? – недовольным шепотом спрашиваю я, подходя к нему. – Директриса украла твою любимую нитку жемчуга?

– Малыш, это долгая история.

Он открывает ящик за ящиком, быстро просматривая содержимое и перебирая вещи в поисках… чего? Я не знаю.

– Я заинтригована, – отвечаю я. – Но если ты что-нибудь украдешь, я порежу тебя на части.

– Подержи. – Он дает мне в руки фонарик. – Я не возьму ничего, что мне не принадлежит.

– А что тебе принадлежит? Что мы ищем?

– Часы.

Часы?

– Откуда у Берроузов твои часы? – спрашиваю я, окончательно запутавшись.

– Позже, – говорит он. – А пока держи фонарь.

Я закусываю губу, сгорая от нетерпения. Но продолжаю стоять и держать фонарик, освещая ящики, в которых он копается.

Он переходит к комоду, и я следую за ним. Он перебирает свитера и майки, ощупывая каждую вещь.

– Не хочешь принять вместе душ сегодня вечером? – он поднимает глаза на меня.

Я хмурюсь. Он флиртует? Серьезно?

Мейсен усмехается.

– Не то чтобы я давно не мылся, но я бы с удовольствием смыл эту сердитую гримасу с твоего лица, и могу поспорить, ты стала бы очень мокрой.

Я качаю головой, показывая, что мне не нравится время, которое он выбрал для грязных разговоров.

Хотя идея с горячим душем в его компании с прикосновениями и поцелуями звучит неплохо.

– Просто поторопись, – шепчу я. Мне так страшно, что у меня дрожат колени.

Он обыскивает оставшуюся часть комнаты: несколько коробок на шкафу и прикроватные тумбочки. Все это время я держу фонарик и жду, когда он сдастся и мы сможем наконец уйти отсюда. Но он ненадолго замирает, стоя у изножья кровати, и задумывается.

А потом, прежде чем я успеваю в очередной раз ему напомнить, что нам пора сваливать, он разворачивается, выходит из комнаты и идет в противоположную сторону холла.

К комнате Трея. *Наконец-то.* Я ожидала, что он начнет поиски с нее. Не знаю, откуда у Трея могло взяться что-то, принадлежащее Мейсену, но если уж кто-то украл эту вещь, то скорее Трей, чем его родители.

Оглядев спальню директора, убеждаюсь, что он все вернул на место: коробки и ящики закрыты, – потом плотно закрываю дверь, пересекаю холл и иду за ним в комнату Трея.

И смело осматриваюсь. По идее, мне должно быть стыдно, что я тайком пробралась в комнату парня, с которым иду на выпускной, но мой взгляд падает на огромную кровать и темно-синее одеяло с такими же синими простынями, и у меня по рукам бегут мурашки.

Не хочу оказаться в ней вместе с ним. Никогда.

Мейсен открывает ящик прикроватной тумбочки и достает коробку презервативов, показывая мне ее через плечо.

– Что думаешь? – издевательски спрашивает он. – Это он так к выпускному готовится?

Ой, да какая разница.

– Знаешь, ты слишком зациклился на выпускном, – шепчу ему на ухо, подойдя сзади. – Если тебя так сильно волнует судьба этих презервативов, может, тебе стоит об этом задуматься?

Его тело сотрясается от беззвучного смеха. Он ставит коробку обратно в ящик.

– Пригласи меня, – шепчу, обхватив губами мочку его уха. – Пригласи меня, и я скажу «да».

Он поворачивается и смотрит мне в глаза.

– Может быть, завтра.

Я недовольно отвожу взгляд.

– Дурак.

Он хихикает у меня за спиной. Я освещаю фонариком комнату, Мейсен переходит к шкафу, открывает левый ящик и принимается перебирать носки.

Но я замечаю кое-что в темноте и свожу брови, потом подхожу, заглядываю внутрь и трогаю его за руку.

– Этот ящик должен быть глубже, – говорю ему, барабаня пальцами по дну. Я заметила, что он смог просунуть туда только кисть и запястье, хотя со стороны казалось, что рука войдет по локоть.

Мы оба щупаем дно ящика. Мейсен прищуривается, что-то находит и тянет на себя.

Достает деревянную доску, отодвигает одежду, и я вижу внизу потайной отсек.

Мейсен залезает в него и достает нечто похожее на колоду карт. Он переворачивает их и смотрит, но потом быстро убирает руку обратно в ящик, пряча карты в секретное отделение.

– Что там такое? – спрашиваю, залезая в ящик и пытаясь нащупать колоду.

– Ничего особенного. – Он пытается вернуть на место доску. – Не то, что я ищу.

Но я все-таки пролезаю рукой на двойное дно и выдергиваю у него из руки карты.

Задорно улыбаясь, я их переворачиваю и…

В груди что-то сжимается. *Боже мой.*

Это не карты. Это фотографии. На глазок десять на пятнадцать. Я разглядываю каждое фото, перелистывая их одно за другим, и живот завязывается узлом.

Линдси Бек, выпустилась в прошлом году.

Фара Корелли, моя одноклассница.

Эбигейл Данст, еще одна старшеклассница.

Сильвия Ланкуист, чуть младше нас.

Джорджия Йорк, старшая сестра Джей Ди. Он, скорее всего, понятия об этом не имеет.

Фотографии кучи голых девушек в разных позах. Некоторые – селфи, другие сделаны кем-то еще, а еще на одной девушка сидит прямо на Трее, а он похотливо улыбается.

Преодолевая отвращение, продолжаю листать фотографии.

Вот голая Бренди Мэттьюс стоит на четвереньках. Лицо снято в профиль, но Трей, похоже, присел, чтобы сделать эту фотографию.

Сердце почти выпрыгивает из груди. Я переворачиваю следующее фото и вижу Сильвию. Ее рот открыт и…

Я опускаю руки и отвожу глаза. *Как грубо.*

Боже мой. Да что с ним такое? Кто будет снимать кучу женщин – девушек – во время секса? Интересно, они знали, что он их всех снимает? Сильвия – чудесная девчонка. Как долго он вешал лапшу ей на уши, чтобы получить то, что хотел?

– Прости, малыш.

Усмехнувшись, бросаю фотографии обратно в комод.

– Думаешь, я не знаю, какой он гадкий?

– Ну, ты все еще собираешься идти с ним на выпускной?

Я бросаю на него недовольный взгляд. Меня бесит, что у него хватило наглости об этом напомнить.

Нет. Я не иду на выпускной с Треем. Все изменилось. Если он так относится к девушкам, которые перед ним разделись, то как он будет вести себя с той, кто ему откажет?

Но я не буду говорить об этом Мейсену. Он только позлорадствует.

Опустив глаза, замечаю еще одно фото у него в руках и тянусь за ним.

– Что это?

Он закрывает глаза и мотает головой, давая понять, что мне лучше не смотреть. Одним быстрым движением я вырываю у него фото и подношу к глазам.

На нем Лайла, мокрая и совершенно голая. Ее влажные волосы прилипают к щекам и шее, она позирует напротив кафельной стены (похоже, в душе), заложив руки за голову и выставив вперед грудь. Она игриво смотрит в камеру или на того, кто держит ее в руках.

Трей. Даже если за объективом не он, фотография-то у него.

Но не буду себя обманывать. Они трахались. И не так давно. На Лайле бронзовый браслет, который она купила во время нашего субботнего шопинга три недели назад.

Мне плевать на Трея, и мне плевать на нее, тогда почему к глазам подступают слезы и мне хочется кричать?

Я не ревную его. Он взял у Лайлы то, чего не смог добиться от меня. Пусть развлекаются, к чему ревновать? Но почему они решили, что могут сделать это у меня за спиной?

Я чувствую горячую руку у себя на щеке.

– Ты ведь знаешь, она такая же гадкая, как и он, – говорит

Мейсен. – Нечему тут удивляться.

Я мотаю головой, и с ресниц капают крупные слезы, которые я не в силах сдержать.

– Нет, – едва слышно шепчу я, глядя на фото.

Нет, я не удивлена. Просто чувствую себя дерьмом. Все это время я думала, что выигрываю, что на шаг впереди. Но эти люди расправлялись со мной у меня за спиной. И после всего этого они считают меня глупой. Им ничего не стоит меня унизить.

Прямо как раньше.

Я знала, что Трей долго за мной бегать не станет, так что плевать. Но я думала, что Лайла на моей стороне, что она уважает меня.

Как, наверное, она внутренне ликовала, когда стояла рядом со мной, зная, что она уже заполучила кусочек того, о чем я должна, по идее, мечтать.

Крупные слезы продолжают катиться по щекам, и как будто что-то тяжелое опускается на мои плечи. Не из-за Трея. Не из-за Лайлы. Из-за меня самой. Я не знаю, какой я должна быть.

– Знаешь, я стала такой, какая сейчас, – говорю Мейсену хрипло, – потому что ребенком всегда думала, что достойна лучшего. Я продавала друзей, которые казались недостаточно хорошими, ради общения с теми, кто на самом деле ничего не стоил.

Я закрываю глаза, и мокрые ресницы веером опускаются на щеки.

– Даже Миша меня бросил.

Мейсен нежно кладет руки мне на лицо.

– Уверен, у Миши есть на то серьезная причина, – грустно говорит он. – Дело явно не в тебе.

– Ничего не в порядке. – Я содрогаюсь от рыданий. – У меня совсем нет друзей, Мейсен…

Да, это на самом деле так. Я понимаю своих однокашников. Все это я заслужила. Выбрала красивую обложку, вела себя легкомысленно и получила жалкое подобие дружбы.

Не знаю, долго ли еще будет со мной общаться Тен, а теперь еще и Миша пропал. Не знаю, что я сделала не так, но, должно быть, что-то сделала, ведь, когда все тебя ненавидят, проблема в тебе, только в тебе.

– У тебя есть друг, – твердо и уверенно говорит Мейсен. – А все остальные – чертовы неудачники. Ты слышишь меня?

Он гладит меня большими пальцами по щекам, вытирая слезы.

– Ты красивая и умная, а внутри у тебя огонь, от которого у меня уже выработалась зависимость.

Тепло наполняет мою грудь, и я поднимаю на него глаза.

Он наклоняется ко мне и прислоняется лбом ко лбу.

– Ты невероятная заноза в заднице, но, Боже, как же я люблю те… – он осекается, а у меня перехватывает дух.

– …пло, – заканчивает он. – Тепло твоего тела. Я в нем тону. А еще я все время думаю о тебе.

Шмыгнув, я делаю несколько глубоких вдохов и вытираю слезы. Сердце екнуло. Это прозвучало так, будто он чуть не сказал кое-что другое.

– Давай просто выберемся отсюда, хорошо?

Я делаю шаг назад, возвращаю на место двойное дно и закрываю ящик. Знаю, он не нашел то, что искал, но мне пора уходить. После этих фотографий мне очень нужен душ, и я хочу сделать что-нибудь с Мейсеном, чтобы отвлечься от нашей авантюры.

Собрав фотографии, выхожу из комнаты, поворачиваю налево и иду вниз по лестнице. Но Мейсен хватает меня за локоть и останавливает.

– Что ты собираешься делать с этими фото?

– Сжечь, – отвечаю я. – Скорее всего, он их напечатал, чтобы родители не нашли их у него в телефоне, так что копий у него не будет. Сильно сомневаюсь, что он стал бы показывать их друзьям.

Но Мейсен лишь качает головой, потом забирает у меня стопку, разворачивается и открывает дверь в комнату его родителей.

– Что ты делаешь? – громким шепотом спрашиваю я.

А потом вижу, как он замахивается и швыряет фотографии. Они разлетаются по всей комнате, падают на пол и даже на кровать.

– О боже.

Я прикрываю рот рукой, потому что меня душит смех.

– Пусть родители с ним разберутся, – говорит Мейсен, берет меня за руку и закрывает дверь в комнату.

Я смеюсь, вполголоса, но смеюсь. И никак не могу остановиться. Берроузы точно поймут, что кто-то был в их доме сегодня вечером, но, обнаружив фотографии, они, вероятно, просто предположат, что это недовольная девушка, которая злится на Трея.

Мы покидаем дом тем же путем, которым пришли, быстро запрыгиваем в пикап и оглядываемся. Вокруг никого нет.

Улица темная и тихая. Мейсен заводит машину, и мы уезжаем.

– Извини, что не помогла достать то, что ты хотел.

Он легко улыбается.

– Поверь, я получил все, что мне нужно.

Бабочки начинают порхать в животе. Я протягиваю руку, провожу кончиками пальцев по его руке.

Через пару минут он подъезжает к двери моего дома, ставит нейтральную передачу и не глушит двигатель.

Я сижу в машине и понимаю, что не хочу прощаться.

Не хочу, чтобы он уезжал.

Наклоняюсь к нему, смотрю в глаза и говорю:

– На заднем дворе есть дом на дереве. Пойдем?

Он улыбается.

– Я бы с удовольствием. Но есть дела, которые не терпят отлагательства, – отвечает он шепотом мне на ухо.

Я расстроена, но стойко переношу отказ и надеваю ничего не выражающую маску.

– Хотя можешь сделать мне одолжение? – спрашивает он, нежно целуя меня в щеку. – Проверь, что ключ под горшком на месте. И не трогай себя сегодня ночью. Оставь это на утро, когда я смогу на тебя смотреть.

Я моментально согреваюсь от волнения и улыбаюсь. Если бы в машине не было так темно, уверена, он бы заметил румянец на моих щеках.

– Приезжай скорее, – прошу я. – Буду ждать с нетерпением.

Он целует меня, я еще с минуту сижу в машине, наслаждаясь моментом, и открываю дверь. Выпрыгнув из пикапа, еще раз бросаю взгляд на Мейсена, а потом открываю дверь и захожу в дом.

Как только дверь за мной закрывается, он уезжает.

С ним так легко забыть обо всем и расслабиться. Всего несколько минут назад я рыдала, а теперь все это совершенно не важно. Конечно, мне нужны друзья. Мне необходимо знать, что Тен останется на моей стороне, и я хочу, чтобы Миша вернулся, но…

Когда я с Мейсеном, мне кажется, что это все – сущие мелочи. Как будто у меня в жизни появилось что-то новое. Он завоевал место в моем сердце, и мне хорошо, когда он рядом.

Если он со мной, все страхи уходят.

Он сказал, что завтра все мне объяснит, но, если честно, в глубине души я не уверена, что хочу знать. Конечно, чем больше я о нем знаю, тем больше он мне кажется настоящим, и сейчас скорее я становлюсь частью его жизни, чем он – частью моей, но он мне нравится, очень.

Я поднимаюсь наверх и прохожу по коридору в свою комнату. Включаю лампу, сбрасываю обувь, падаю на кровать, приподнимаю голову и разглядываю рисунки и надписи на стене.

Глаза очень устали, но сама я полна сил.

Мои слова перемешаны со словами Миши, по всей поверхности стены одни плавно переходят в другие, и я уже не помню, где мои, а где его. Его мысли и тексты, мои мечты и размышления, его злость, моя запутанность в собственной жизни… Миша здесь повсюду, и я очень по нему скучаю. Он так долго был моим спасителем.

Но Мейсен тоже вселяет в меня храбрость.

Ему не заполнить пустоту в душе, образовавшуюся после пропажи Миши, но мне нравится, как он мотивирует меня двигаться вперед своими ожиданиями. Он каждый день напоминает мне о том, какой я хочу быть, неважно, осознанно или нет. Он объяснил мне, что быть такой, какая я с ним, слишком приятно, чтобы жертвовать этим ради одобрения окружающих. Во что я одеваюсь, с какими парнями общаюсь, в какие игры играю… Это все – мишура, а с ним я настоящая.

Взгляд падает на список слов, который я пополняю последние две недели.

Одиночество

Пустота

Притворство

Стыд

Страх

А снизу я дописала фразу, которую он сказал мне тогда, на заднем сиденье пикапа.

Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Мне понравилась идея. Словно все, что нам нужно знать, нельзя увидеть. Оно все внутри нас самих.

Моргнув, я вновь прокручиваю слова в голове.

Одиночество, пустота, притворство, стыд, страх…

Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Хм. Я снова повторяю про себя слова, на этот раз отчетливее.

Это похоже на слова из песни.

Одиночество, пустота, притворство, стыд, страх.

Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Я переворачиваюсь и снова смотрю на доску. Как-то странно, что они складываются как частички пазла.

Конечно, он писал эти слова по отдельности и наверняка не задумывался об их взаимосвязи, но я знала, что у них есть другое значение, отличное от того, что он изначально вкладывал. Первое слово, написанное в пещере, вообще мне не предназначалось. Но у меня было чувство, что все эти надписи появляются в моей жизни неслучайно.

Спрыгнув с кровати, я сажусь на кресло, пододвигаюсь к

столу и включаю ноутбук. Забиваю строчку в поисковик, нажимаю *Enter* и жду.

Видео с YouTube заполоняют экран. Я откидываюсь на спинку кресла и начинаю разбираться, не песня ли это. Один из роликов называется «Мысли». Кликаю на него.

Видео темное и плохого качества, но я вижу сцену и освещение небольшого бара и слышу крики толпы.

Потом присматриваюсь повнимательнее к парням на сцене. Сердце начинает биться вдвое быстрее. В группе барабанщик, два гитариста и… Мейсен?

Я начинаю дышать чаще. *Что это?*

Все на своих местах, ударник за барабанной установкой, двое с гитарами по бокам от Мейсена, а он выглядит как обычно: руки в карманах и никаких инструментов. У меня закипает кровь, а в груди начинает болеть. Что за чушь?

Песня начинается резко и громко, барабанщик отбивает ритм, толпа прыгает, а Мейсен трясет головой. Я ищу название группы в подписи к видео.

Cipher Core. У него есть группа?

Да это же они устраивали квест. *О боже.* Я думала, что он был там как обычный посетитель, просто какой-то случайный парень. Ан нет, это было мероприятие его группы.

Я качаю головой и навожу курсор на *«еще»*. Текста песни нет, но вижу, как Мейсен закрывает глаза, сжимает в руках микрофон и начинает петь низким, глубоким голосом слова, написанные у меня на стене.

Картина стоит тысячи слов,
Но мои слова ранят глубже ножа.
Что нас не убьет, то поможет нам, но
К черту. Я выбираю прятки.
Мы относимся к ним, как они – к нам,
Но что если я хочу сгореть к чертям?
Нам всем говорили: лучше быть в безопасности, чем стыдиться.
Сестренка лишь слушала, а я успел научиться.
Плоды пожиная, ты не узнаешь,
Что сеял лишь то, от чего сам страдаешь.
Страдай, принимай, умирай, воскресай,
Но не пропусти, когда встанешь на край.
Пятерки мало – нужен плюс.
Я скоро задохнусь, но не остановлюсь.
Ты мудрые слова вокруг шеи оберни,
Покрепче затяни и с гордостью умри.

Текст кажется мне знакомым. Я прокручиваю его в голове. *Плоды пожиная, ты не узнаешь…*

Мы с Мишей вместе его сочиняли. Вся чертова песня – Мишина. Я ее вспоминаю, и меня охватывает страшное, тяжелое чувство. Затаив дыхание я читаю информацию о группе.

Cipher Core – американская рок-группа из городка Тандер-Бей.

Группа из Тандер-Бей. *Нет…* Сглотнув, я читаю дальше.

Участники:

Дейн Льюис – гитара и бэк-вокал.

Лотус Мэйнард – бас-гитара.

Малкольм Вайнбург – ударные.

Миша Лейр – вокал, гитара.

– О боже.

Окончательно разбитая, я сползаю со стула на пол и заливаюсь слезами.

– Боже мой, – рыдаю я.

Провожу руками по волосам и придерживаю голову, которая внезапно стала тяжелой, как свинцовая гиря. Пытаюсь набрать воздух, но выходит лишь много коротких частых вдохов. Я не могу дышать.

Мейсен – это Миша.

– Что за бред? – кричу я.

Все это время! Все это время я скучала по нему, переживала за него, мучилась вопросом, куда он запропастился и почему больше мне не пишет! А он был здесь, прямо перед моим носом!

Я кричу, молочу руками по полу и сжимаю пальцами ковер.

Поверить не могу. Он не мог так со мной поступить. Он не стал бы делать из меня дуру и играть моими чувствами.

Вскочив на ноги, я вытираю нос тыльной стороной ладони и смотрю на его изображение на экране. Он допевает в микрофон последнюю ноту, длинную и томную, и даже из середины толпы, откуда снято видео, видно, как он опускает голову, оставаясь погруженным в песню, хоть она и закончилась. Толпа ликует, звучат последние аккорды гитары, и я слышу, как парочка девчонок кричит его имя.

Они кричат «Миша».

Вокруг все трясется, комната начинает кружиться, как и мысли в моей голове.

Мейсен. Таинственный, молчаливый Мейсен, о котором никто ничего не знает и который приехал из ниоткуда. Парень, который почему-то знает, что я любила *«Сумерки»*, и где я живу, и даже что достать из моего рюкзака, когда у меня приступ астмы, о

которой я рассказывала только Мише.

О господи, как же я раньше не догадалась? Я закрываю глаза. Слезы злости и обиды катятся по щекам.

Миша, мой лучший друг, обманом затащил меня в постель.

«У тебя есть друг», – сказал он мне.

– Нет, – шепчу я сама себе, и ярость нарастает. Я захлопываю ноутбук, выхожу из комнаты и иду искать ключи от машины сестры.

Нет у меня друзей.

Глава Пятнадцатая
Миша

Дом стоит темный, свет не горит ни в одном окне. Хотя отец должен был вернуться. Уже довольно поздно.

Я вставляю ключ в замок, как всегда, переживая, что в один прекрасный день он может не подойти. Конечно, у отца не было никаких поводов запираться: он никогда не выгонял меня – но на самом деле я не уверен, что он хочет, чтобы я был здесь.

Вхожу, закрываю за собой дверь и кладу ключи обратно в карман. Резкий запах ударяет в ноздри. Вздрогнув, я начинаю осматриваться.

И прихожу в ужас. В доме страшный бардак. Отец всегда был жутким чистюлей, а с нашей помощью с сестрой дом всегда оставался чистым и уютным.

А теперь я вижу письма и газеты на полу, грязное белье на лестнице, пахнет испорченными продуктами и нестираной одеждой.

Прохожу первую гостиную и замечаю, что во второй горит свет. Заглянув внутрь, вижу включенный телевизор. Звук очень тихий, отец лежит в кресле в пижаме и халате. Столик уставлен чашками из-под кофе и завален салфетками, а ближе к креслу стоит тарелка с остатками еды.

Я подхожу, смотрю на него, спящего, и в душу закрадывается чувство вины. Дейн прав. Мой отец – человек деятельный. Даже после смерти Энни он продолжал следить за домом и заботиться обо мне. А теперь его щеки приобрели желтоватый оттенок. Одежда на нем мятая, будто он в ней уже больше суток.

К глазам подступают слезы, и я вдруг понимаю, как мне дорога Райен.

Она мне нужна. Я напуган и не знаю, что мне теперь делать.

Я так и не нашел в Фэлконс Уэлл то, что искал. Но теперь мне кажется, что это не так уж важно.

Но уезжать я пока все равно не хочу. Я хочу быть с Райен, хотя понимаю, что если сейчас уеду и оставлю отца насовсем, то Энни окончательно исчезнет. Всякое подобие жизни, которую мы вели раньше, станет лишь воспоминанием.

Я опускаюсь на диван и смотрю на отца. Его голова повернута набок. Я замечаю на столе пузырек с лекарством.

Мне не нужно читать название, чтобы понять, что это ксанакс[10]. Отец долгие годы хранил его, изредка принимая, когда воспитание двоих детей в одиночку становилось совсем

невыносимым. Хотя, если честно, думаю, он начал принимать его, потому что мама нас бросила. Он любил ее, а она взяла и сбежала. Ни записки, ни звонка, ничего.

Она бросила на него детей и никогда больше не появлялась.

Я с этим смирился, отец с головой ушел в заботу о детях, в работу и хобби, а Энни ждала. Мне всегда казалось, что она верит: в один прекрасный день мама вернется или заедет повидать нас. А она будет к этому совершенно готова.

В доме все еще ощущается присутствие сестры. Как будто она в любой момент может войти в дверь, тяжело дыша, мокрая от пота после тренировки, и начать командовать: напомнить, что сегодня моя очередь готовить ужин, сказать папе закинуть вещи в сушилку…

– Я скучаю по ней, пап, – тихо говорю я, и меня охватывает отчаяние. – Она звонила мне той ночью.

Я поднимаю глаза на него. С одной стороны, мне грустно, что он спит, а с другой – я даже рад. Он знал, что она мне звонила, возможно, за минуту до того, как рухнуть на тротуар, но больше ничего не захотел слышать. Он бы пришел в ярость и стал винить во всем меня.

– Я не ответил, потому что был занят, – продолжаю. – Решил, что она опять звонит из-за какой-нибудь мелочи. Знаешь же, она всегда цеплялась к мелочам: то я посуду за собой не вымыл, то взял ее чипсы. – Вспоминаю это все и улыбаюсь. – Я думал, что она не скажет ничего важного, решил перезвонить ей через минуту, и это была ошибка.

Я выдыхаю и закрываю глаза. Если бы я тогда ответил… Может, успел бы приехать вовремя, вызвал бы скорую, и, возможно, ее спасли бы.

– Когда я перезвонил, она уже не брала трубку, – говорю, скорее, уже самому себе, вновь переживая события той ночи. К глазам подступают слезы. – Я все еще иногда думаю, что это ночной кошмар. Просыпаюсь с этими жуткими мыслями и хватаю телефон, напуганный, что пропустил звонок от нее. – Я обхватываю голову руками.

В первые недели после смерти Энни мы с отцом только ссорились и игнорировали друг друга.

Он винил меня в том, что я не помог ей, когда она так нуждалась в моей помощи. В конце концов, она звонила мне, а не ему.

А я в ответ обвинял его. Если бы он прекратил подстегивать ее и убедил, что мама никогда не вернется, она не стала бы доводить себя до истощения стараниями быть лучшей ученицей, лучшей спортсменкой – в общем, идеальным ребенком… И тогда

ее измученное тело не отказало бы на той пустынной темной дороге.

Если бы он не закидывался ксанаксом при каждом удобном случае, тогда, может быть, Энни не пришла бы в голову идея подсесть на амфетамины, чтобы хватило энергии прыгать выше головы и быть идеальной.

Энни многого добилась бы. Она боролась за то, чего хотела в этой жизни. И такой талант потерян навсегда.

– Иногда и мне тоже хочется, чтобы это был я, а не она.

Я вновь поднимаю глаза. Отец по-прежнему спит.

Он сказал мне это однажды вечером, когда мы в очередной раз скандалили. И хоть я этого не показывал, мне было больно. Знаю, он не то имел в виду, но прекрасно понимаю, что он был бы гораздо счастливее, останься у него из нас двоих та, с кем он в прекрасных отношениях.

А со мной что у него теперь?

Но я не могу отпустить его навсегда. В нем есть частичка Энни. Она продолжает жить в этом доме и в нашей семье. Так что нельзя ничего менять.

– У нас с тобой никогда не будет таких отношений, как были у вас. Но я здесь, с тобой.

Я встаю и молча начинаю убирать со стола, а потом иду на кухню, мыть посуду.

– Эй, – окликает меня Дейн. Я поднимаю глаза: он выходит из ворот Бухты и направляется ко мне.

– Я писал тебе, – говорит он.

– Да, я видел. – Захлопываю дверь, подхожу к кузову и достаю оттуда коробки.

После уборки на кухне я открыл окна, чтобы проветрилось, пока собираю одежду в стирку, разбираю почту, выношу мусор и убираюсь у себя в спальне. Вообще это впечатляет. Никогда этим не занимался.

Укрыл отца одеялом. Надеюсь, он не будет против моего присутствия, когда я вернусь завтра с пакетами из магазина.

Поживем – увидим.

– Мы с ребятами проработали ту песню, что ты дал мне в прошлый раз. До трех ночи не спали, – говорит он мне. – Думаю, кое-что получилось.

Я киваю, но на самом деле мне сейчас немного не до того, что он говорит. Мыслями я где угодно, но только не здесь. Все еще не имею ни малейшего представления, как признаться во всем Райен.

Боже, да она же убьет меня.

Иду через парковку к воротам парка, Дейн идет со мной.

– Что ты делаешь? – спрашивает он. – Переезжаешь обратно домой?

– Скоро я туда вернусь, – отвечаю. – Но для начала мне нужно кое-что доделать здесь.

– Тебе помочь?

Я оглядываюсь через плечо.

– Если хочешь, можешь пойти и взять еще коробки.

Он бежит к машине, забирает оставшиеся коробки, которые я привез из гаража, и мы идем через старый парк.

Когда я решил прятаться здесь, взял с собой не так много вещей, так что на то, чтобы их собрать, нужно не много времени. Но я не спешу.

На самом деле не хочу уезжать, но не могу больше оставаться здесь как Мейсен Лоран. Это имя я взял с потолка месяц назад, когда просил двоюродного брата помочь мне с подделкой водительских прав и школьных записей. Я просто сохранил свои инициалы.

Когда люди – точнее, два человека – узнают, что я Миша Лейр, игра закончится.

А я больше не могу ее обманывать. Все не должно было зайти так далеко.

У меня нет друзей. Вчера, когда услышал эти слова и увидел ее глаза, я себя возненавидел. Что она подумает завтра, когда узнает, что ее лучший друг воткнул ей нож в спину, глядя прямо в глаза?

Мы с Дейном спускаемся по лестнице внутри павильона. Я подхожу к противоположной стене и нажимаю на выключатели. Помещение озаряет свет, и мы направляемся в глубину длинного коридора, к комнате, где я соорудил себе жилище.

– Не знаю, как ты здесь спал, – бормочет Дейн. – Тут же как в фильме ужасов.

Я усмехаюсь. Да, здесь определенно жутковато, но…

– Честно говоря, я как-то об этом не задумывался.

Решил, что тут недалеко до Фэлконс Уэлл, что меня едва ли здесь найдут – то есть я так думал – и что у меня есть прекрасные воспоминания об этом месте: мы с Энни ходили сюда в детстве.

Я захожу в комнату, Дейн идет за мной. Сделав несколько шагов, зажигаю лампу на прикроватном столике.

– Ого, – говорит Дейн.

– Что?

Я поднимаю глаза, следую за его взглядом, тут же понимаю, что он имеет в виду, и на секунду у меня перехватывает дух.

Какого…

– Какого черта ты здесь такое натворил?

Я медленно разворачиваюсь, глядя на кучу рваной бумаги, разбросанной по всей комнате. Плакаты сорваны со стен, одежда разбросана по комнате, стол со свечами перевернут, а все вещи валяются на полу.

Пульс отдается в шее с такой силой, будто вены пытаются вырваться наружу через кожу.

– Это не я.

Я наклоняюсь, поднимаю горсть бумажек с пола и вижу свое имя внизу каждого письма. Некоторым из них уже год или два, еще одно я писал в средней школе. Точно знаю, потому что мое имя могут носить представители любого пола, а письма я подписывал *«Миш.»*, чтобы имя не звучало как девчачье.

Письма, которые я посылал Райен. Они были у нее. Как она…

Желудок сводит, и я вздрагиваю, понимая, что оказаться здесь они могли только по одной причине.

– Что это значит?

У меня начинает кружиться голова, но я поднимаю ее и смотрю туда, куда он показывает. Огромные буквы, написанные черной краской, смотрят со стены прямо на нас.

Ты обманул меня? Так берегись и жди.

– Вот дерьмо.

Не могу сдвинуться с места. Это кусочек текста из одной моей старой песни, которую Райен помогала мне писать.

Заглядываю на полку под столиком у кровати и вижу, что вещи, которые там хранились, вытащены. Достаю папку, где лежали некоторые письма – мои самые любимые, которые я перечитывал, – но даже не успев открыть ее, понимаю, что она слишком легкая.

– Нет, нет, нет, нет… – Открываю папку и заглядываю внутрь.

– Что это?

– Черт! – кричу. Не осталось ни одного письма. Я швыряю папку в дальний угол комнаты. – Черт!

– Что такое? Кто это сделал?

Господи Иисусе. Я встаю и тру руками лицо. Она знает, кто я, она нашла свои письма и вернула их мне.

Разворачиваюсь и выбегаю в коридор.

– Миша! – кричит Дейн.

Но я не останавливаюсь. Поднявшись по лестнице, пробегаю по первому этажу, выбегаю на улицу и несусь через парк.

Она меня выслушает. Она поймет. Этого не должно было произойти.

Лезу в карман джинсов за ключами, прыгаю в машину и выезжаю из парка на шоссе.

Письма. Проклятье! Зная характер Райен, я уверен, что они уже покоятся на дне мусорного ведра, изорванные на мелкие кусочки. *Черт!*

Одной рукой крепко сжимаю руль, а другой протираю глаза. Дорога как в тумане. Пытаюсь дышать ровно.

Эти письма для меня – все. В них мы с ней – дети, которые пытаются разобраться, кто они, и преодолевают первые трудности. В них я только еще начинаю влюбляться в нее и осознавать, как сильно она мне нужна. В них мои песни. Они – часть меня.

Вся история наших жизней в этих письмах. В них все те прекрасные слова, что она мне говорила, слова, которые перевернули мой мир с ног на голову.

Живот скручивает. Теперь их нет. Боже, помоги мне…

Если Райен не согласится меня выслушать, не знаю, что мне делать.

Десять минут спустя наконец паркуюсь на обочине напротив ее дома. Выключив зажигание, выпрыгиваю из машины и бегу к двери.

В доме темно и тихо, в час ночи это не удивительно. Но когда приподнимаю горшок с цветком, ключа там не оказывается. Я сжимаю руки в кулаки.

Затем обхожу дом, проверяя, не поднимаются ли окна, а потом замечаю лестницу на боковой стене дома и останавливаюсь. Глядя наверх, не вижу света в окне Райен.

К черту все. Если ее нет дома, подожду.

Начинаю подниматься.

Забравшись наверх, выхожу на крышу и иду к ее окну. В комнате кромешная тьма, но я слышу музыку. Играет песня *„True Friends“* группы Bring Me the Horizon. Времени сомневаться у меня нет.

Приподняв окно, просовываю в него ногу, ставлю ее на пол и проскальзываю внутрь.

И тут же чувствую ее присутствие.

Встав в полный рост, слышу вдох и разворачиваюсь, замечая ее темный силуэт. Она сидит поджав колени в углу комнаты.

Тут же вскакивает на ноги и заявляет:

– Пошел вон.

Глаза у нее красные, как и лицо, мятые розовые пижамные шорты и маечка в мокрых пятнах от слез, волосы спутаны. Она выглядит так, будто плачет давно.

Но, несмотря на это, ее характер дает о себе знать.

Я делаю шаг в ее сторону.

– Куда ты дела письма?

– Иди к черту! – истерит она. – Сожгла!

Я разворачиваюсь и со всей силы бью кулаком в стену.

– Прекрати! – шепчет она. – Тебя услышит моя мама.

– А мне плевать. – Поворачиваюсь к ней лицом. – Я знаю тебя лучше, чем они все вместе взятые. Ты принадлежишь мне.

Она качает головой, и ее глаза снова наполняются слезами.

– Как ты мог так поступить? Я думала, что могу доверять тебе, а ты все это время был рядом и наблюдал за мной. Ты все испортил!

– Я приехал в Фэлконс Уэлл не к тебе, – отвечаю, надвигаясь на нее. – Но, поверь мне, я не жалею. Сколько же времени я потерял, не видя тебя. Теперь я это знаю.

Она всхлипывает.

– Пошел вон.

Но я не могу уйти.

Никогда не думал, что заставлю Райен Треверроу плакать, но за последние две недели сделал это дважды.

Мы продолжали переписываться, потому что были нужны друг другу, потому что делали жизнь друг друга лучше. Но даже после всех тех лет, что мы друг друга знали, мне удалось в одночасье все разрушить.

Мы были друг для друга идеалом.

Пока не встретились.

За злостью, что вижу в ее глазах, скрывается боль, которую она пытается от меня спрятать. Я понимаю, что на самом деле значил для нее гораздо больше, чем она писала в письмах, что в ее письмах было множество вещей, которые она доверяла только мне одному. И я хочу вернуть эти письма.

– Какой же ты эгоист, – тихо всхлипывает она. – Ты только берешь, берешь, берешь и ничего не даешь взамен. Ты совсем не думаешь обо мне. Я никогда не была для тебя живой и настоящей.

В ее глазах появляется отчаяние, а меня накрывает волной ненависти. Меня бесит, что она смотрит на меня как на одного из них.

Я подхожу к ней, прижимаю ее к стене и снимаю с себя футболку.

Она смотрит на меня в замешательстве.

– Да что ты такое творишь?

– Смотри.

Я смотрю ей в глаза, давая понять, что она должна осмотреть мое тело. В автокинотеатре мы оба были сильно увлечены процессом, а сегодня утром в постели я лежал на ней, так что у нее не было возможности меня рассмотреть.

Я достаю телефон, снимаю блокировку, чтобы экран

загорелся, и подношу к себе, освещая кожу.

Она нерешительно опускает взгляд, но все-таки начинает медленно водить глазами, изучая меня. И я прекрасно знаю, куда она смотрит.

Ее взгляд падает на кассету с пленкой у меня на груди и вылетающие из нее ноты. На кассете написано *«Рука, которая правит миром»*. Это игра слов из стихотворения, которое цитировала Райен в письме, когда я хотел создать группу, но боялся, а она меня поддерживала.

Ее взгляд опускается к маленьким черным птичкам, парящим у меня на боку и бедре. В рисунок вплетены слова: *«Спи спокойным сном под ангельское пенье»*. Это из *«Гамлета»*, ее любимой пьесы Шекспира. Я сделал эту татуировку после смерти Энни.

Она берет в руки мой телефон и медленно разглядывает меня, подсвечивая экраном. Сначала изучает грудь, потом переходит к спине, читает афоризмы у меня на руке – очередную татуировку, связанную с родителями, рассматривает распадающееся сердце у меня на плече, потом опускается к локтю и читает слова: *«Мы с тобой одной крови…»*. Это ее фраза, которая потом переросла в целую песню. На мне еще множество маленьких цитат, изображений, сценок и других вещей, о которых мы говорили, мечтали и над которыми вместе смеялись.

Я никогда их не прятал и почти не носил толстовки с длинным рукавом, но, чтобы их рассмотреть, нужно время. И почти все татуировки имеют какое-то отношение к ней.

Она снова подходит ко мне спереди. Райен неровно дышит, а в ее глазах сверкают слезы.

– Ты – единственное настоящее в этом мире, – говорю ей я.

Она смотрит на меня так, будто совершенно не понимает, как на это реагировать. Нет, ну серьезно. А чего я ожидал?

Даже если бы она не узнала и я сам рассказал бы ей завтра. Но как бы я это сделал? Есть ли какой-нибудь способ объяснить ей все так, чтобы она поняла?

– Миша, – шепчет она и смотрит так, словно наконец видит меня настоящего.

Я забираю у нее телефон и прячу в карман. Подхожу ближе и глажу ее по щеке, но она вздрагивает.

Я моментально опускаю руку.

– Ты должна выслушать меня.

– Райен! – зовет ее кто-то и стучит в дверь.

Это женщина. Наверное, ее мама.

– Избавься от нее, – шепчу я.

Райен моргает, а потом вытирает слезы.

– Д-д… да! – отвечает она, заикаясь. – Я уже в постели.

– Хорошо, – говорит ее мама. – Мне показалось, что я слышала телевизор. Уже поздно. Тебе нужно поспать.

– Хорошо, спокойной ночи.

Я надеваю футболку. Услышав, что дверь спальни ее мамы захлопнулась, понижаю голос и продолжаю.

– Я никогда не собирался заходить так далеко, – объясняю. – У меня было здесь одно дело, и я хотел… – Я замолкаю, подбирая слова, потому что боюсь сморозить какую-нибудь глупость. – Часть меня не могла сопротивляться, когда я узнал, что ты где-то рядом. В глубине души ты была мне нужна. Я никогда не думал, что после квеста мы еще когда-нибудь заговорим вживую. И не хотел испортить то, что у нас было, но когда приехал сюда и…

Она вытирает руками лицо и снова начинает плакать. Я чувствую, что теряю ее.

– Когда ты украла мои вещи, – продолжаю, – и я увидел, как ты издеваешься над Кортесом… а потом пытаешься развести меня в столовой, одно за другим… Мы постоянно натыкались друг на друга. Это… подумай, даже если бы мы не были друзьями по переписке, то все равно нашли бы друг друга, понимаешь?

– Почему ты не рассказал мне? – всхлипывает она. – Ты ведь в любой момент мог сказать: «Привет, я Миша!». – Она пристально смотрит на меня и качает головой. – Я целовалась с тобой. Я спала с тобой! И все это время ты знал, что это я, а я и понятия не имела. Ты унизил меня! Ты все это время был прямо у меня под носом. Ты хоть понимаешь, насколько это ужасно?!

– У меня не было веской причины рассказывать тебе! – рычу я практически шепотом. – Я не понимал даже, хочу ли продолжать с тобой общаться, после первого дня здесь! И у меня определенно отпало всякое желание тебе доверять. Ты вела себя как маленькая сопливая девочка, ты и сама знаешь. Почему *ты* мне врала? – Я хмурю брови. – Я задался вопросом. Почему все семь лет я считал, что ты сильная и с тобой приятно иметь дело? Что ты не трусиха и можешь постоять за себя?

Ее плечи дрожат, и я слышу слабые вздохи. Ей трудно дышать. Я тут же чувствую себя сердитым и виноватым одновременно. Заметив на столе ингалятор, хватаю его и даю ей, но она отталкивает мою руку.

– Я врала о людях из моей жизни и тех качествах, что я изображаю для других, – объясняет она. – Все остальное было правдой. Фильмы и музыка, идеи и мечты – все это настоящее.

А остальное не имеет значения.

– Я тоже доверял тебе, – напоминаю. – Верил в тебя.

– Я такая, как тебе писала.

– Ты можешь *говорить* все что угодно, – возражаю я. – Это не сделает твои слова правдой.

Она роняет голову, несколько раз шмыгает, вдыхая воздух носом, пытается успокоиться и взять под контроль свое тело. Ингалятор лежит на полу. Лучше бы она просто подняла его и остановила приступ. Я начинаю тревожиться.

– Когда я писала письма, была собой, – тихо говорит она. – В них я могла быть такой, какой действительно хотела быть.

И я могу ее понять. Есть некоторые мелочи, о которых я ей не рассказывал, потому что хотел быть с ней свободным, потому что дома это невозможно. Но она должна понимать: несмотря на то что я сделал много чего сумасбродного и все вышло из-под контроля, мне тоже больно, когда меня обманывают. Больно понимать, что человек, которого считаешь чуть ли не кумиром, оказывается заносчивым и легкомысленным в глазах остального мира.

– И когда ты писала мне, – спрашиваю, – чтобы я не покорялся отцу, верил в себя и был верен себе, ни о чем не жалел, почему ты советовала мне все эти вещи, когда сама им не следовала?

Она отводит глаза, но я не отступаю. Я смотрю на нее и жду ответа. *Зачем проповедовать мне то, на что у тебя самой не хватает смелости?*

– М-м-м? – тороплю ее я, слегка опуская голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Потому что… – шепчет она, избегая моего взгляда. – Потому что мы все желаем лучшего людям, которых… – она очень часто дышит и шепчет едва слышно, – любим.

Я резко вдыхаю воздух. *Боже, что она со мной делает?*

Я бы все отдал – все – за то, чтобы обнять ее прямо сейчас.

Подхожу к ней и начинаю гладить по щеке. Мой рот прямо напротив ее губ.

– Райен, пожалуйста…

Слезы и тихие всхлипы начинаются снова. Я пытаюсь ее успокоить, но она отталкивает меня.

– О господи, убирайся, – плачет она, подняв руки, чтобы я ее не трогал. – Я на тебя сейчас даже смотреть не могу. У меня это все в голове не укладывается. Мне так плохо.

– Райен, пожалуйста, – умоляю я, чувствуя, как боль из груди распространяется по телу. – Я люблю тебя…

– Боже! – перебивает меня она. – Убирайся вон!

Я вздрагиваю. Слезы обжигают глаза. Мое сердце разрывается на части. Она закрывает голову руками и наклоняется, рыдая.

Я не могу вернуться в прошлое и все исправить. Может, с

другими она и вела себя мерзко, но по отношению ко мне всегда оставалась хорошим другом. А вот обо мне этого не скажешь. И хотя она часто вела себя раздражающе, это я все испортил. Поэтому мне и отвечать.

Я наклоняюсь, поднимаю ингалятор и кладу на стол на случай, если он ей понадобится.

А потом вылезаю через окно на крышу и возвращаюсь в Бухту. Я не поеду домой.

Никуда не поеду, пока она не будет моей.

Глава Шестнадцатая
Райен

– Где ты была утром? – спрашивает Тен. В его голосе слышны тревожные нотки. – Лайла сказала, что ты пропустила тренировку.

Я иду по школьному коридору, а он шагает за мной. У меня остается очень мало времени: только чтобы взять вещи и бежать наверх – пока урок искусства не начался.

– Я устала. – Надвигаю бейсбольную кепку еще чуть ниже на лоб, чтобы спрятать покрасневшие глаза.

– Ты проспала? – смущенно спрашивает Тен. – Тренер заставит тебя за это много лишних кругов пробежать.

Уверена, так оно и есть. Но сейчас мне совершенно не до этого.

Все утро, пока принимала душ, сушила волосы и красилась, мысли невольно возвращались к Мише, сердце снова разрывалось на части и я начинала рыдать. Я так и не смогла накрасить глаза, так что взяла с собой кепку.

Глаза горят, веки будто свинцовые. Закрываю их, и боль отдается в переносице. Сильнее сжимаю ручку сумки, тщетно надеясь, что его не будет на уроке. Если подумать о нем без слез не могу, то смотреть на него точно не стоит.

Поворачивая направо, к своему шкафчику, вижу впереди группу ребят. Они остановились и читают что-то на стене, некоторые даже фотографируют. Поднимаю глаза и тут же узнаю текст Эминема.

Needles prick my throat, and I look away.[11]

Он может идти к черту. Он не любит этого рэпера, и даже если мне он нравится, цитирование его песен Мише чести не делает.

– Так-так, – посмеивается Тен. – Я думал, его поймали или с ним еще что-то случилось. Он стал реже писать послания.

Я подхожу к шкафчику и набираю код. Тен идет за мной, забивая что-то в поисковик.

– *“Love the Way You Lie”*[12] Эминема, – говорит он. – Да, теперь он заговорил на твоем языке.

Я выжимаю из себя улыбку. Тен ее заслужил. Он единственный человек в моей жизни, с которым мне легко, и я не хочу, чтобы он подумал, будто что-то не так. Наша дружба простая.

Если совсем начистоту, он добр ко мне. Не могу знать

наверняка, куда уходит корнями его верность, но сейчас он рядом, и я благодарна ему за это.

Освобождаю сумку, убираю в шкафчик книги, которые брала домой на выходные, и достаю то, что понадобится сейчас. Я не видела Мишу, не говорила с ним с нашей ссоры и все еще нахожусь в шоковом состоянии. Злюсь, но в то же время расстроена. Я думала, что к этому моменту придет осознание того, что Мейсен – это Миша и мои чувства кристаллизуются в сухую ненависть.

Но этого не произошло. Мне по-прежнему больно.

– Ты в порядке? – спрашивает Тен, подходя ближе и заглядывая мне в лицо. – Выглядишь так, будто не спала всю ночь, а не проспала.

– Все нормально.

Я закрываю сумку, захлопываю шкафчик, и мы с Теном шагаем дальше по коридору. Но тут замечаю еще одну надпись на стене.

Все было по-настоящему.

Я делаю небольшой вдох и еле заметно всхлипываю. Надпись сделана большими черными буквами и окружена потеками синего (моего любимого) и фиолетового цветов. Останавливаюсь и смотрю на нее. Мне становится все тяжелее и тяжелее.

Он залез в школу в выходные и написал это.

– Что с тобой такое? – шепчет Тен, на этот раз еще более взволнованно. – Скажи мне правду.

Я вытираю слезинку, не давая ей шанса упасть.

– Ничего, – говорю я, стараясь сделать тон спокойным. – Просто сестра опять наорала на меня за то, что я постирала белое и цветное белье в одной машинке, так что сам понимаешь…

Он усмехается, но я вижу, что он не купился на мои слова.

Я резко сворачиваю на лестницу.

– Увидимся в обед, хорошо?

– Райен!

Но я, не останавливаясь, взбегаю на второй этаж и притормаживаю на секунду, только когда вижу еще одно сообщение на стене. Я читаю его на ходу.

Я не хотел врать, а вот целовать тебя хотел.

Пошел к черту. Я перехожу на бег.

Не стоило приходить сегодня в школу. Я надеялась, что он уже уехал обратно в Тандер-Бей, но он, похоже, написал все это сегодня ночью. В выходные в школе бывает куча людей, граффити бы заметили и смыли к сегодняшнему утру, если бы он нарисовал их раньше.

Нет. Этой ночью он еще был в Фэлконс Уэлл.

Хочу, чтобы он уехал. Не могу пойти наперекор своему сердцу, несмотря на боль, но я умею сдерживать свои чувства. Все, что я ему рассказывала: о Мише, о том, как ему не нравится моя любимая музыка, разговор в кино и ответы на все его вопросы, которые тоже были правдой, – все это он уже знал из моих гребаных писем. Какой тонкий ход: просто сидеть и смешить меня, чтобы уломать раздеться.

Я подхожу к двери и привстаю на цыпочках, заглядывая в окно. Он сидит на своем месте с наушниками в ушах, крутит в руках ручку и смотрит в тетрадь.

Я опускаюсь на пятки.

Отлично. Ты что, правда подумала, что он может отступить? Непохоже, чтобы ему нужно было быть в школе. Миша еще прошлой осенью мне писал, что уже сдал достаточно предметов, чтобы выпуститься досрочно, так что если он приехал не ради меня, то зачем строит из себя ученика, раз ему не нужны оценки?

Зачем он на самом деле здесь?

Я резко открываю дверь и бегу к своей парте, пытаясь не смотреть на него, но уже чувствуя на себе его взгляд.

Он единственный, кого мне стоит остерегаться. Воспоминания о нашей встрече в кабинете физики вдруг всплывают в голове, и я почти ощущаю, как обвиваю ногами его бедра, как губы обхватывают его сережку.

Он не должен быть здесь. Не должен так делать. Слезы наворачиваются на глаза.

И вдруг что-то оранжевое и мокрое летит в меня, прилипая к рукам и футболке.

– Тьфу! – восклицаю я, осматривая руки и одежду.

Мэнни Кортес убегает в конец класса, прихватив с собой только что раскрашенную глиняную миску.

– Мне жаль! – испуганно кричит он.

– Пока нет, но скоро ты пожалеешь, – угрожаю я и указываю ему за спину. – Печь вон там, болван. Тебе карту показать?

Он морщится, потупив глаза, а ребята вокруг хохочут. У меня скручивает живот, и я стиснув зубы пробираюсь мимо него к своему месту в конце класса.

Мэнни исчезает в подсобке.

Бросив на пол сумку, сажусь на стул, достаю тетрадь и карандаши. В присутствии Миши мне неуютно.

– Да знаю я, знаю, – огрызаюсь, не глядя на него. – Я мерзкая сука, верно?

– Нет, – тихо отвечает он, смотря вперед. – Просто слабая и глупая. Я бы опозорил тебя перед всей школой, если бы не был уверен, что ты и так в глубине души чувствуешь себя дрянью.

От злости у меня начинает дрожать подбородок.

– Что ж, начнем! – говорит мисс Тилл.

Но у меня в груди теснятся всхлипы, которым я не могу дать волю. Он прав. Все именно так.

И мы оба об этом знаем.

– Райен, вы готовы поговорить о вашем проекте и о том, на каком он этапе? – спрашивает Тилл.

Но я могу только бездумно пялиться на ногти больших пальцев, которые лежат на парте передо мной. Все, что на столе, кажется размытым.

Я набросилась на Мэнни, потому что он – легкая мишень. Потому что он слабее меня. Потому что он здесь *единственный* слабее меня. Всем остальным нет до меня дела, а у Миши я вызываю отвращение. Он меня ненавидит.

– Райен!

То, кем я стала, и то, что меня никто не любит, – не вина Миши. Это моих рук дело. Я глупая, слабая и ни на что не годная.

Слезы наворачиваются на глаза, и я едва сдерживаю всхлип. Наклонившись, беру сумку, вешаю ее на плечо и выхожу из класса, избегая провожающих меня взглядов и приглушенного шепота одноклассников.

– Райен!

В коридоре я даю волю слезам и бегу в туалет.

– Где ты была? – спрашивает Лайла. Мы встаем в очередь в столовой. – Утром не пришла на тренировку. Тен сказал, что встретился с тобой перед первым уроком, но с тех пор никто тебя не видел. И ходят слухи, что ты разревелась на искусстве.

Ее тон вызывает отвращение, и я рада, что могу не смотреть на нее, пока беру контейнер с салатом и пакетик с соусом. Не голодная, но руки и ноги болят от усталости. Я не могла больше прятаться в библиотеке. Мне кажется, что я теряю все и что мне надо остановиться и взять себя в руки.

– У Трея в выходные были крупные неприятности, – говорит она таким тоном, будто это моя вина.

Так оно и есть, но она-то об этом не знает.

– Мы все, включая его команду, – продолжает она, – пошли после пятничной игры к нему. Его мачеха поднялась наверх, а потом спустилась и всех выгнала.

Ее голос режет уши.

Но она продолжает наседать.

– И ты об этом уже знала бы, если бы не пропадала неизвестно где.

– Мне нет до этого дела, – сквозь зубы отвечаю я и поворачиваюсь к ней, не в силах больше сдерживаться. – Ты

поняла? И меня достали твои идеи на тему того, что и как должно быть. А теперь оставь меня одну.

Она отступает, непонимающе глядя на меня, а потом злобно щурится.

– Хочешь остаться одна? Я могу это устроить. Мы *все* можем об этом позаботиться, потому что уже сыты по горло твоими выходками. – Она смеряет меня взглядом, всем видом показывая, что я кусок дерьма. – Постоянно где-то пропадаешь, относишься к Трею как к ничтожеству… Не думаю, что кто-то еще не заметил, как вы исподтишка переглядываетесь с Мейсеном Лораном. Если хочешь поиграть с этим биомусором, делай это незаметно, потому что я не собираюсь изображать, что одобряю это.

Я сжимаю в руке пластиковый контейнер и делаю шаг в ее сторону. *Сука.*

Но тут между нами влезает Мишин приятель с ирокезом, вытаскивает из фруктового салата виноградину и отправляет ее в рот, глядя на Лайлу.

– Эй, детка. Потрахаться не хочешь?

Она кривит лицо, а я еле сдерживаю смех. Что за чертовщина?

Раскрыв рот гляжу на парня с ирокезом. Лайла разворачивается – видимо, потеряв нить разговора – и уносится прочь.

Парень с ирокезом поворачивается ко мне, подмигивает и уходит.

Что это было?

Я протираю глаза, поправляю кепку и чувствую дикое желание залезть в горячий душ и просидеть там всю оставшуюся жизнь.

Снова повернувшись к очереди, вижу Мишу с другой стороны от себя. Сердце екает.

– Мне нужно с тобой поговорить, – начинает он.

Я обхожу его и двигаюсь к кассе.

– Я не хочу, чтобы ты был здесь, Мейсен. – Я замолкаю и исправляюсь: – Миша. Просто поезжай домой. Возвращайся в Тандер-Бей.

– Не могу. – Он догоняет меня и кладет руки на прилавок, не давая пройти. – Я не смогу жить, если в моей жизни не будет тебя. Все хорошее, что я сделал, Райен, было с твоей помощью. Пожалуйста.

Очередь движется вперед. Люди огибают нас и проходят к кассе. Я хочу оттолкнуть его, но знаю, что за нами уже наблюдают, и не хочу устраивать сцену. Может, я параноик, но как никто знаю: Лайла не пропускает ни одного моего шага.

– Ты любишь музыку, – он понижает голос и говорит мне на ухо: – Ты сделала меня сильным. Если бы тебя не было, моя жизнь была бы совсем не такой, как сейчас. Прости меня. Я никогда не хотел…

– Ты разбил мне сердце, – обрываю его и поворачиваюсь к нему. – Смотрю на тебя и не вижу Мишу. – Слезы обиды обжигают глаза, и меня уже не волнует, что он их заметит. – Все эти годы, все наши письма теперь кажутся воспоминаниями из далекого прошлого. Даже вечер пятницы уже как в тумане.

Он прищуривается.

– Ты все испортил, – говорю я. – Всю нашу историю. И скоро я не вспомню ни тебя, ни то, как мы дружили.

Я оставляю на прилавке свою еду, отталкиваю его руку и направляюсь туда, где сидит Тен.

Сама не знаю, насколько правдиво то, что я сейчас наговорила Мише, но у меня все мысли затуманены. Как и чувства. Может, нужно просто выспаться, долго поплавать или съездить куда-нибудь на машине, чтобы проветрить голову.

Единственное, что знаю точно: видеть его не могу. Черт, да я и на себя-то смотреть не хочу.

Сев за стол, таскаю у Тена картошку фри, чтобы хоть чем-то себя занять.

– Как дела с родителями? – спрашивает Джей Ди у Трея, разумеется, якобы невзначай.

– Лучше просить прощения, чем разрешения.

– Ребят, о чем вы говорите? – спрашиваю я.

Трей смотрит на меня, и язык тела подсказывает, что он ко мне охладел.

– Помнишь, я говорил тебе про вечеринку? – вкрадчиво спрашивает Трей. – Родители вечером уезжают и не запрещают мне никого приводить. Но я уже и не надеюсь, что ты придешь.

Он говорит, как будто заранее знает мой ответ. Слышно, как Лайла и Кейтлин хихикают.

Вечеринка. Я оглядываюсь через плечо и вижу Мишу. Он садится за стол к друзьям, и от моего внимания не ускользает взгляд, брошенный в мою сторону.

– Там будет алкоголь? – спрашиваю я, поворачиваясь опять к своему столу.

– Конечно. Рекой. – Трей ухмыляется.

– Что ж, ладно. Может, это именно то, что мне нужно.

Трей расплывается в улыбке, а Тен в шутку хлопает по козырьку моей кепки.

– О да.

Мы с Теном пересекаем лужайку Берроузов, оставляя за спиной подъездную дорожку и улицу, сплошь уставленную машинами. От мыслей о том, при каких обстоятельствах я в последний раз была здесь, сердце начинает биться чаще. Подходя к дому, чувствую себя как-то странно.

Зачем позавчера ночью Мише понадобилось обыскивать этот дом? Что он делает в Фэлконс Уэлл? Все выходные я была так поглощена его разоблачением и своей истерикой, что даже не задумалась о том, зачем он здесь. Была слишком увлечена переживанием его предательства.

Что он там говорил? Что приехал сюда с какой-то целью, что мы постоянно натыкаемся друг на друга и что все вышло из-под контроля, одно за другим, бла-бла-бла…

Да уж. Мы с Теном стащили его вещи из Бухты, и это я подошла к нему в первый день и начала провоцировать, однако он все еще здесь, «прячется» от меня у всех на виду. И прекрасно понимает, что я тоже никуда не денусь. Он должен был во всем признаться, когда я поцеловала его на заднем сиденье пикапа на мойке.

– Блин, да ты только посмотри вон туда, – смеется Тен, когда мы входим в дом.

Импровизированный танцпол заполонили наши одноклассники, толпа плавно перетекает в гостиную, поднимается по лестнице… Я выглядываю во внутренний двор и вижу, что бассейн и терраса тоже забиты. Народ танцует и пьет, а музыка орет из колонок, расставленных по всему дому.

Очень много отвлекающих факторов.

На мне джинсовые шорты и футболка, а под ними – бикини. Вообще, я не собираюсь лезть в бассейн, но Тен сказал, что он не прочь, а я не могу не составить компанию, так что…

Стараюсь не думать о том, что Трей – гребаный извращенец и как счастлива будет Лайла увидеть мое падение с пьедестала. Но если я останусь с Теном, у меня будет шанс спокойно пропустить бокальчик, потанцевать, повеселиться и напиться до такого состояния, чтобы забыть о событиях последних двух недель хотя бы на пять минут. Мне это необходимо. Нужно сделать что-то, чтобы снова почувствовать себя нормально.

– Сомневаюсь, что он пойдет на выпускной, милая, – говорит мне Тен. – Если родители ему еще не запретили, то после этой вечеринки точно это сделают.

– Я не переживаю по этому поводу. Теперь точно не знаю, пойду ли туда. Но если соберусь, то точно не с Треем.

Мы выходим на улицу и цепляем пару стаканов пива из бочонка. Тен машет передо мной бутылкой текилы, но я

отталкиваю ее.

– Нет. – Я качаю головой.

– Почему?

– Я за рулем, – напоминаю ему я. – Ты можешь пить текилу. А я ограничусь пивом.

Он пожимает плечами и наливает немного в пластиковый стаканчик. От резкого запаха я вздрагиваю. Я пила текилу раньше, но не холодную. Как его не тошнит?

Он слизывает с руки соль, опрокидывает шот, немного морщится, а потом запихивает в рот ломтик лимона.

Я смеюсь. Я давно с ним знакома и знаю, что он предпочитает мешать алкоголь с колой или соком.

– Пошли! – Он тянет меня за собой. – Давай потанцуем.

Я улыбаюсь, беру стакан и уже чувствую, как пиво ударяет в голову. Он тащит меня туда, где громче музыка. Играет *„Dirty Little Secret“*. Приятное тепло разливается по телу, я делаю еще один глоток и присоединяюсь к всеобщему веселью, растворяясь в музыке.

Весь следующий час мы танцуем до упаду. Когда мое пиво заканчивается, он приносит мне бутылку воды, потом ее сменяет второе пиво, а я внимательно слежу за тем, чтобы он сам мне его наливал. В голове начинает шуметь, все сливается воедино, но я думаю, что в этом виноваты скорее музыка и энергия толпы, чем алкоголь.

Мы скачем, смеемся, танцуем. Тен наклоняется и говорит мне в ухо:

– Тебе лучше?

Я киваю и отвечаю, перекрикивая музыку:

– Да! Гораздо лучше.

Да, говорят, что алкоголь – не выход, но так приятно иногда ненадолго отключить мозги.

Я допиваю и выбрасываю стаканчик. Потом беру бутылку воды и обещаю себе, что больше не буду пить этой ночью. У бара ко мне подходит Тен.

– Еще один? – мило интересуюсь я, наливая ему шот.

Он улыбается и выпивает его без всякой соли и лимона.

Я наклоняюсь к нему и ощущаю аромат одеколона. Для разнообразия иногда приятно проводить с ним время.

Последнее время я сторонюсь всех: друзей, сестры, мамы, – потому что считаю, что они не в состоянии любить меня такой, какая я есть. Из-за них мне пришлось измениться. Когда члены семьи или Тен проявляют внимание, мне кажется, что это все притворство.

Именно поэтому мне так нравился Миша. Он не отвернулся

от меня, был рядом, и никто не притворялся, а это так приятно…

Но его больше нет. Да о чем это я? Меня и сейчас окружают хорошие люди, как бы я ни старалась держать их на расстоянии.

И они были со мной все это время.

Тен отходит, возвращается с бутылкой, берет шейкер и поворачивается ко мне. Рассматривает меня с головы до ног и поджимает губы.

– Что? – спрашиваю я.

Он поднимает голову, и на его губах играет улыбка.

– Раздвинь ноги.

Что?

– Ну давай же, – подначивает он меня с солонкой в руках. – Хочу попробовать тебя на вкус.

Я усмехаюсь, выкатывая глаза.

– Да ни за что.

– Ну пожа-а-алуйста!

– Нет! – вскрикиваю я, стараясь не рассмеяться ему в лицо.

Да ни за что на свете. Я *не* сделаю этого.

Без вариантов.

Глава Семнадцатая
Миша

Малкольм начинает со сбивки. Пол под ногами вибрирует от басов. Плавно вступает Дейн. Он играет переход, а я жду момента, когда придет черед гитары и присоединится Лотус.

Начиная петь, чувствую прилив энергии и закрываю глаза.

Чирлидер говорит, запомни этот миг,
Ведь мы с тобой к нему еще вернемся.
Но у меня дела. Ты подожди чуть-чуть, совсем недолго.
Мне не удержать ее, но я не отпущу ее.
И пока в этом сердце огонь, а не лед или дым,
Я запомню его таким.

Малкольм продолжает рубить, не давая расслабиться. Сладкие капли пота стекают по спине. Я наслаждаюсь тем, что снова в строю. «Палочки», наше любимое местечко в Тандер-Бей, больше месяца закрыто на реконструкцию, но хозяева согласились пускать нас туда репетировать без публики.

Гитара Дейна взвизгивает. Он обрывает ноту и останавливается.

– Так, стоп-стоп-стоп! – прерывает он всех. – Думаю, здесь стоит разорвать мелодию и вставить рифф. – Он показывает на Малкольма за ударными. – Поддержи меня, нужно что-нибудь необычное, а потом вернемся к вокалу.

– И постарайтесь сделать его помощнее, – добавляю я.

Но Дейн только насмешливо смотрит на меня.

– Да, я знаю, что тебе нравится.

– Окей, три, два… – говорит Лотус, но я поднимаю руку и снимаю с себя гитару.

– Мне надо попить.

Спускаюсь со сцены и иду к столу, чтобы сделать глоток воды.

За барной стойкой стоит девушка – думаю, одна из дочерей хозяина – и смотрит на меня, подперев голову руками. Она приблизительно моего возраста. Может, чуть младше.

Она похожа на Энни. Светлые волосы, острый нос, изящные плечи… А Энни ни разу не слышала, как я играю. Она не особо меня поддерживала. Была слишком занятой, чтобы проявлять интерес. Конечно, я могу сказать то же самое о себе и ее хобби. Я

почти не пропускал матчи женской волейбольной команды только потому, что Энни меня об этом просила. Ей было нужно, чтобы ею гордились, и я знал, почему.

Девушка мне улыбается. Я отвечаю на ее улыбку и быстро отвожу глаза.

Были времена, когда она подходила под мой тип. Милая, нежная, симпатичная. Но стоит только вспомнить нервное дыхание Райен на моих губах перед тем, как мы впервые поцеловались в пикапе, и мое тело оживает. Она сложная, темпераментная, и в голове у нее бардак, но она заводит меня как никто другой.

Я достаю телефон и проверяю сообщения. Не знаю, что хочу увидеть: гневную тираду, оскорбления, злобную эсэмэску с текстом «отвали»?

Но ничего нет. Наверное, лучше оставить ее в покое и дать побыть одной. Но еще столько всего, о чем она не знает, что нужно ей рассказать, и я должен сделать это до того, как она окончательно откажется со мной общаться.

Может быть, мы встретимся. Завтра у меня дома. И я смогу рассказать ей все. Не хочу устраивать западню, но, может, она даст мне шанс, если я открою ей душу и поставлю все на кон.

Открыв «Фейсбук», ввожу ее имя и загружаю профиль. Лучше просто напишу сообщение, и следующий ход будет за ней. Я должен попробовать. Если она не согласится, буду ждать столько, сколько потребуется.

Но когда ее профиль открывается, вижу видео, на котором она отмечена, и меняю мнение. Не думая ни секунды, я кликаю на ролик. Его выложили несколько минут назад.

Райен стоит у бассейна. Вокруг нее пьют и танцуют. Она отставила ногу в сторону, а какой-то парень стоит перед ней на коленях.

Что за хрень?

Я вижу, как он наклоняется и проводит языком ей по внутренней стороне бедра. Она хохочет, толпа ликует.

Недоумок стоит спиной к камере. Он опрокидывает шот, толпа его подначивает, а Райен, смеясь, сует в рот дольку лимона и предлагает ему достать ее.

Музыка гремит, Райен обнимает его за шею, они касаются друг друга губами, а через мгновение она уже продолжает танцевать.

– Сукин сын.

Сжимая телефон в руке, я листаю комментарии и понимаю, что вечеринка в доме Трея. Она у него дома?

А тем временем видео с тем, как ее лижет какой-то парень,

репостит все больше и больше людей.

– Что такое? – спрашивает Дейн.

Я хватаю со стола ключи и убираю мобильный в карман. Как, блин, она оказалась на вечеринке у этого козла, и кто, черт побери, там ее домогается?

– Поехали, – гаркаю я парням.

– Куда?

– Объясню по пути.

Я иду через бильярдную. Ребята собирают инструменты и бегут следом. Выйдя на улицу, запрыгиваю в машину. Дейн залезает на пассажирское сиденье, а Лотус и Малкольм устраиваются сзади.

Завожу машину, отъезжаю от «Палочек», вылетаю на шоссе и выжимаю газ в надежде проехать шестьдесят километров за десять минут. Неужели она пьет у него дома? Она должна понимать, насколько это глупо.

Хочешь на вечеринку? Хорошо. Хочешь отдохнуть от меня? Ладно. Но крутиться прямо под носом у этого урода и развлекать какого-то озабоченного засранца, который хочет ее облапать… Это приводит меня в бешенство. Она бы еще текилу из пупка ему предложила. Нет, Райен не такая. Она пытается меня спровоцировать, и у нее отлично получается.

Я вспоминаю об Энни и до чего она себя довела. А ведь все потому, что она тоже не умела трезво мыслить.

Когда мы подъезжаем к дому Трея Берроуза, мое бешенство достигает апогея. Но я понимаю, что нельзя туда идти не подготовившись. Тогда она просто отошьет меня, и придется уйти одному.

Мы вылезаем из машины, и сразу слышится музыка. Это *„Bad Girlfriend“*. Я смотрю по сторонам. Дома стоят на приличном расстоянии друг от друга, но наверняка соседи слышат шум. Руки чешутся самому вызвать полицию, если этого еще не сделали местные. Просто чтобы вечеринку свернули, а Райен пришлось уйти домой. Но нет. Я дам ей выбор.

Мы заходим в дом. Стайка пьяных девочек пробегает к лестнице мимо нас. Когда их ноги касаются ступеней, они замедляются и аккуратно поднимаются наверх, придерживаясь за стену.

– Миленько, – смеется Лотус, одержимый желанием пойти за ними.

Но я хватаю его за хвост из черных волос и возвращаю на место. Мы здесь не за этим.

– Привет, мужик. – Джей Ди подходит и жмет мне руку. – Рад видеть тебя здесь. Собираешься устроить фейерверк?

Я усмехаюсь про себя. Он знает, что я лучше удавлюсь, чем войду в этот дом.

– Не планировал. Ты не видел Райен?

Он качает головой.

– Не в последние пятнадцать минут. – Его глаза сужаются. – Может, все-таки расскажешь, что между вами происходит?

– Нет.

Он усмехается.

– Ладно. – И уходит в сторону столовой. – Я буду рядом, если вдруг понадобится помощь.

Кивнув, иду в гостиную и принимаюсь сканировать глазами толпу.

– Так-так-так, – говорит Трей, выходя мне навстречу. – Это что еще за фигня?

С ним рядом двое его дружков. Я выпрямляю спину и смотрю на него с серьезным видом.

– Нарываешься на проблемы? – говорит он. – Мы устроим тебе их.

Ребята из моей группы делают шаг вперед. Трей наконец замечает их, осознает, что я не один, и начинает нервничать.

– Но не в доме моих родителей, разумеется, – добавляет он.

Хватит.

– Где Райен? – требовательно спрашиваю я.

Он смеется.

– А ты в комнатах наверху не искал? Курочка сегодня немного выпила и стала слаба на передок. Жду не дождусь своей очереди.

Я подлетаю и хватаю его за ворот. И мои, и его друзья напрягаются.

Но вдруг я кое-что замечаю краем глаза. Опустив взгляд, вижу у Трея на правой руке ремешок.

А на нем – с обеих сторон зафиксированные ремешками поменьше старинные часы марки «Жежер-Лекультр».

Сердце колотится в ушах.

– Где ты взял эти часы?

Он морщится, а я трясу его и чувствую, как вскипает кровь. Они у него не от нее. Она бы не отдала их ему. *Нет.*

– Миша! – кричит кто-то. Но я не обращаю внимания.

Перед глазами один Трей.

– Миша? – доносится чье-то бормотание. – Кто такой Миша?

Музыка по-прежнему гремит, но, даже глядя на одного Трея, я чувствую, что вокруг собирается толпа зевак.

Я отталкиваю его и крепко сжимаю кулаки. Она отдала их *ему*?

– Уходи, – говорит вдруг появившаяся из ниоткуда Райен.

Я поворачиваюсь к ней, но опускаю глаза в пол.

– Молчи и стой на месте, – огрызаюсь, заметив, что она едва не сверкает грудью в бикини и маечке на одно плечо, висящей на ней как мятая туалетная бумага. – Весь «Фейсбук» уже видел, как ты крутишь задницей, раздвигаешь ноги и поишь всяких мужиков текилой. Мне это не нравится.

Ее глаза расширяются. Ее охватывает ярость.

– Прости, что? – выкрикивает она, а тем временем две девушки заливаются смехом.

Но я молча отворачиваюсь. Сначала надо разобраться с Треем.

– Где ты взял эти часы?

– Тебе какое дело? – огрызается он. – Иди к черту!

Я делаю шаг назад и бью его в лицо, отправляя в нокаут. Начинается суматоха, наши друзья кидаются друг на друга, а гости вечеринки кричат и разбегаются кто куда. Я достаю из кармана ключи, открываю нож на брелоке и нависаю над Треем. Все вокруг словно сходят с ума. Я хватаю Трея за запястье. Он морщится от боли.

– Слезь с меня! – Он пытается вырвать руку.

Но я просовываю тупой нож между ремешком и запястьем и тяну его на себя, в противоположную от руки сторону.

– Миша! – слышится голос Райен. Все вокруг замирают. Я встаю на ноги.

– Вечеринка окончена! – раздается низкий мужской голос. – Выключите музыку!

Оглянувшись, я вижу, что в дом входят полицейские в черной форме. Один из них кричит, сложив руки рупором.

Черт. Значит, кто-то все-таки пожаловался. Все суетятся и бегут на кухню через раздвижные стеклянные двери. Наверное, там задний вход, через который можно унести ноги.

Я сую часы и брелок с ключами в руки Дейну.

– Возьми мою машину. Забирай парней и уезжайте!

Он забирает у меня вещи и предупреждает Лотуса с Малкольмом, пока копы заняты попытками остановить убегающих. Ребята выпрыгивают в окно и исчезают, а я стою на месте и оглядываюсь. К моему удивлению, Райен все еще здесь.

У нее покраснели щеки, но она наблюдает за мной. Она не выглядит пьяной.

И почему я клюнул на уловку Трея? Напиться до беспамятства и отправиться наверх с первым встречным? Райен никогда не поступила бы так безрассудно. А я просто искал повод его ударить.

Потом я смотрю на парня, стоящего у нее за спиной, и понимаю, что это Тен. Картинка складывается воедино. Светлые волосы, синяя футболка… Это он с ней на видео.

Проклятье. Значит, я примчался сюда, чтобы избить парня, которому по вкусу скорее я, чем Райен. Отлично.

– Эй! – поднимаясь, кричит Трей. – Он спер мои часы!

Я не двигаюсь с места, но достаю телефон и пишу Дейну сообщение, что меня могут арестовать. Он знает, что в таких случаях делать.

Музыка затихает. Коп подходит к нам и встает между мной и Треем.

– Что ты здесь делаешь, сынок? – интересуется он у меня.

– Просто тусуюсь.

– У него мои часы, – пищит Трей.

Но я только пожимаю плечами.

– Можете меня обыскать. У меня ничего нет.

Трей подходит ко мне вплотную и пытается заглянуть в глаза, но полицейский его останавливает.

– У тебя и без этого полно проблем, – говорит он ему. – Отойди.

Но Трей стоит как стена. Он не подходит ближе, но и назад не отходит.

– Его не приглашали, он ввалился, устроил драку и украл мои часы, – повторяет он.

На моих губах играет улыбка. Коп смотрит на меня.

– Как тебя зовут?

– Не знаю.

– Где ты живешь?

– Я забыл, – отвечаю я, продолжая смотреть на Трея.

Я вижу, что коп начинает выходить из себя. Не хочу чинить ему препятствия, но этот козел не должен знать, кто я такой. Пока что в этом городе никому не надо знать, что я Миша Лейр. Еще рано.

– Руки за спину, – приказывает полицейский.

Я подчиняюсь, а он подходит сзади и защелкивает наручники.

– Подождите, нет! – вступается за меня Райен.

Но я спокойно смотрю на нее.

– Все нормально. Ничего не говори.

Не говори им, кто я.

– Ладно, этого я забираю, – говорит офицер второму копу, который общается по рации.

– Заканчивай здесь и звони мистеру и миссис Берроуз.

Второй офицер кивает и говорит что-то в рацию.

Коп выводит меня из дома. Я смотрю на Райен. Мне столько

всего хочется ей сказать.

Я все сделал. Я уезжаю домой.

Я сделаю все, чего ты хочешь. Даже исчезну из твоей жизни, если ты захочешь этого.

Я люблю тебя.

Но я только поднимаю глаза на Тена и говорю ему:

– Проследи, чтобы она добралась домой целой и невредимой.

Час спустя я в полицейском участке, уже без наручников. Сижу у стены, развалившись на стуле, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Женщина-полицейский за столом разговаривает по телефону. Я постукиваю пальцем по руке, отбивая ритм песни, что мы репетировали сегодня в «Палочках».

Ну, по крайней мере, я вернул часы и сделал оба дела, ради которых приезжал. Так что надо бы радоваться.

Но, к сожалению, вещи, которые казались такими важными три недели назад, теперь отошли на второй план.

– Почему твои часы были у него? – спрашивает кто-то.

Вздрогнув, я поднимаю глаза и вижу Райен. Она стоит в ближнем углу комнаты. Видимо, только что вошла.

– Это же были те часы, которые ты искал, да? – продолжает выпытывать она.

– Как ты сюда попала? – Я выпрямляю спину и сажусь ровно. – Ты ведь не садилась за руль?

– Я не пила, – говорит она. – А теперь отвечай на мои вопросы. Что ты делаешь? Что происходит?

Я отвожу глаза и снова разваливаюсь на стуле.

Знаю, давно пора остановиться, и нет причин больше скрывать от нее правду, но с чего начать? Я хочу, чтобы она все поняла. Хочу знать, сможем ли мы вернуться к тем отношениям, что были у нас, когда мы только переписывались, и к тем, когда я был Мейсеном. Хочу, чтобы она сделала это без сожалений.

– Ты хочешь, чтобы я доверяла тебе, – говорит она, – но так много от меня скрываешь.

Я поворачиваюсь к ней и открываю рот, чтобы начать говорить, как вдруг из коридора появляются трое парней, входят в комнату и останавливаются, увидев меня.

Я пытаюсь встать, но двоюродный брат не дает мне подняться.

– Извини, мужик, – начинаю оправдываться я. Ненавижу себя за то, что пришлось тащить его в такую даль.

Уилл только улыбается в ответ.

– Попасть в участок в Тандер-Бей – это обряд посвящения, – шутит он, сияя от гордости.

Я закатываю глаза. За спиной у Уилла стоят два его друга, Майкл Крайст и Кай Мори, и довольно улыбаются.

Они знают, о чем он говорит. Несколько лет назад они были королями нашего городка, героями школьной команды по баскетболу. С тех пор мало что изменилось. Только слава стала позорной.

Уилл скрещивает руки на груди и снисходительно смотрит на меня.

– Ты должен сам уметь выпутываться из таких историй, понимаешь? – отчитывает меня он. – Смотри и учись.

Он разворачивается, и все трое подходят к столу, несомненно, улыбаясь во все зубы.

Райен двигается к моему левому плечу, но мы оба молчим.

– Здравствуйте, я Уильям Грейсон третий, – говорит Уилл женщине-полицейскому. – Офицер Уэббер, верно?

Она настороженно меряет взглядом его и двоих других.

– А мой дедушка – сенатор Грейсон, – продолжает он, – и я надеюсь, что вы очень-очень его любите. Он всегда помогал полиции.

Я смеюсь про себя над его сладким голоском, который, похоже, отлично на нее действует. Кай опирается на ее стол и молча улыбается, а тем временем Майкл, первый номер футбольной команды «Шторм-Меридиан», выпрямляется во весь рост и нависает над ней.

Он протягивает руку.

– А я Майкл Крайст.

– Ах да. – Она широко улыбается. – Мой муж – ваш большой поклонник.

– Только ваш муж? – интересуется Майкл.

Ее щеки начинают гореть. Меня сейчас вырвет.

Она пожимает руки Уиллу и Каю, выдыхает и становится вдруг довольной и расслабленной.

– Джентльмены, чем могу вам помочь?

Уилл опирается на столик и наклоняется к ней.

– Миша Лейр Грейсон – тоже внук сенатора Грейсона, и наш дедушка счел бы за личное одолжение, если бы вы позволили нам разобраться с Мишей, не вынося сора из избы.

Я чувствую, что Райен напряглась, и морщу лоб. *Черт.* Да, забыл рассказать ей еще об одной маленькой детали.

Уилл продолжает представление. Он поворачивается ко мне, женщина-полицейский делает то же самое.

– Он у нас немного паршивая овечка. В семье не без урода, знаете ли, – объясняет он, пока она рассматривает мои татуировки. – Мы заберем его в Тандер-Бей, и он больше не

вернется в Фэлконс Уэлл. Даем вам слово. Мы отвезем этого маленького засранца домой прямо сейчас.

Я сжимаю зубы. Глаза Уилла смеются.

Коп смотрит на меня.

– Другой молодой человек заявляет, что ваш брат украл часы, – объясняет она. – Однако при нем их нет. И свидетелей нет. Мы в любом случае собирались отпустить его, но он не хотел говорить, где живет и как зовут его родителей.

Уилл кивает и расправляет плечи.

– Поверьте нам. Мы отвезем его домой.

Она смотрит на этих троих. Все как на подбор: в идеально выглаженных черных костюмах, с чистыми руками, ни одной татуировки не видно – конечно, они порядочные джентльмены.

– Ладно, – наконец соглашается она. – Забирайте его домой, и пусть постарается больше не нарываться на неприятности.

Они пожимают ей руки, отходят от столика и с самодовольным видом идут ко мне.

Я вскакиваю со стула и встаю перед Уиллом, глядя ему прямо в глаза и стараясь говорить спокойно.

– В семье не без урода, говоришь? – с вызовом спрашиваю я. – Это я паршивая овечка? Разве это я два с половиной года в тюрьме отмотал? Как она могла не понять, кто ты такой? Почему ты не закатал рукава и не показал татуировки?

Уилл поправляет воротник и манжеты: прихорашивается.

– Я же советовал тебе: никогда не выкладывай сразу все карты на стол. Разве нет? Я волк в овечьей шкуре. Они не представляют, на что я способен, пока не становится слишком поздно.

Его друг Кай смеется себе под нос.

– Я говорил тебе не делать тату на шее, – журит меня Уилл. – Говорил? Видел, как мы ее обработали? Если бы у тебя были мозги, ты спокойно справился бы сам.

– Она не на шее, – защищаюсь я. – Она просто, – я показываю на шею, – заходит чуть выше, чем…

– Привет, – слышу я спокойный низкий голос Кая. Он смотрит на Райен.

Майкл тоже подходит к ней и здоровается.

– А это, значит, та самая девушка, что пила текилу на вечеринке без тебя, да?

Райен смущается, а я отвечаю:

– Дейну не помешало бы болтать поменьше.

Но Майкл только улыбается Райен.

– Будь она моей девушкой, я бы ее как следует отшлепал.

– Так, я не поднимаю руку на свою девушку, понятно?

– И посмотри, чем это обернулось.

Уилл толкает Майкла в спину.

– Не слушай его, – успокаивает он Райен. – Он не бьет свою девушку. Она знает, как его задобрить.

Кай смеется в кулак, а на лице Райен появляется гримаса отвращения. Она смотрит на меня.

– Кто эти свиньи?

Я иду к выходу, зная, что остальные последуют за мной.

– Уилл – мой двоюродный брат. А это его друзья. Я позвонил ему, потому что не хотел звонить отцу.

– Как поживает моя малышка? – спрашивает идущий позади Уилл. Он имеет в виду машину. Он дал мне ее несколько лет назад, когда его арестовали. Все время, что он сидел, я на ней ездил. Его выпустили, но он не попросил ее вернуть, и я все это время искренне надеялся, что он про нее забыл.

– Надеюсь, ты пока не хочешь ее обратно, – говорю ему я. – У меня с этим пикапом связаны приятные воспоминания.

Я перевожу глаза на Райен – ее щеки залились румянцем.

– Да, у меня тоже, – отвечает Уилл. – Думаю, оставлю его тебе еще на какое-то время.

Райен смотрит прямо перед собой и зевает.

– Я поеду.

Она выходит на улицу, и я ее окликаю.

– Нет. Мне нужно с тобой поговорить!

Но она бежит к джипу, стоящему сбоку от здания, в левой части парковки. Я бросаюсь ее догонять, забыв об Уилле и о его друзьях.

– Постой! – Я хватаю ее за руки и останавливаю прямо у дверцы машины. – Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что я облажался? Да, облажался. Прости меня.

Мне надоели ее выходки, и что она не подпускает к себе ни на шаг, тоже надоело. *Просто скажи, что ты по мне скучаешь.*

Я беру в ладони ее лицо.

– Посмотри на меня.

Но она отталкивает мои руки.

– Я тебя ненавижу. Отпусти.

– Да зачем? – Вырывается у меня. – Чтобы ты могла вернуться на вечеринку? К своему дружку на выпускной? И потрахаться с ним?

– Может, и так! – кричит на меня она. – Может, я паду так же низко, как и ты, и тогда у нас будет хоть что-то общее. Может, тогда я буду меньше тебя ненавидеть.

Я смотрю на нее и улыбаюсь.

– Ты не ненавидишь меня. Ты меня любишь. А я люблю тебя.

Она бьет меня по лицу так сильно, что голова отклоняется в сторону, а кожа начинает гореть.

– Не говори так, – тихо и яростно произносит она. – Я хочу вернуть Мейсена. Он меня не любит. Мне просто хорошо с ним, очень хорошо, – издевательски сексуальным тоном добавляет она.

Я понимаю, что она имеет в виду. Ей нужен был от меня только секс, а не что-то большее. Я нравился ей в качестве развлечения на ночь.

Когда я не был Мишей.

– Да? – я смотрю на нее, включаясь в игру. – Ты этого хочешь? – Подхожу, хватаю ее за ягодицы и поднимаю в воздух. – Чтобы я был твоим маленьким секретом, который имеет тебя на заднем сиденье пикапа и прячет от всех, чтобы твои тупые и заносчивые друзья не узнали, как тебе хорошо?

Она задерживает дыхание, на секунду замирает в нерешительности, но потом кладет руки мне на плечи. Я опускаю голову и принимаюсь целовать ее шею, наслаждаясь тем, что она откидывает голову назад и подставляет ее мне.

Но тут краем глаза кое-что замечаю, поднимаю глаза и понимаю, что ребята все еще здесь.

Майкл и Кай сидят на передних сиденьях внедорожника. Майкл наклоняется с водительского, чтобы удобнее было пялиться на нас через окно Кая, а Уилл замер у открытой задней двери и тоже заинтригованно смотрит на нас.

– Что уставились? – огрызаюсь я.

Майкл и Кай вмиг отворачиваются, а Уилл прочищает горло.

– Хорошо, мы поехали. – Он садится в машину. – Постарайся больше не ввязываться в истории и не забывай предохраняться. Адская фурия – ничто по сравнению с бабушкой Грейсон, узнавшей о том, что ты кого-то обрюхатил.

Райен вонзается ногтями мне в кожу, а я закрываю глаза и впиваюсь ей в губы, как только внедорожник отъезжает.

Я целую ее, вдыхаю ее аромат, растворяюсь в ней целиком. Ее язык касается моего, она покусывает меня, играет, сводит с ума… Я совершенно не в состоянии ни о чем думать.

– Райен, – вздыхаю я, прижимаюсь к ней низом живота, – хочу быть еще ближе.

– Мы не должны этого делать, – тяжело дыша, говорит она. Я стягиваю с нее маечку и трогаю все, что не скрыто под бикини.

– Не делай вид, что собираешься отказать мне. – Я открываю пассажирскую дверь. – Знаю, что *эта* моя сторона тебе по вкусу.

Она нервно оглядывается, но парковка пуста: нас никто не увидит. Я снимаю и бросаю на землю футболку рядом с ее майкой. Потом расстегиваю ее шорты, закрывая рот поцелуем,

чтобы ей и в голову не пришло сопротивляться.

Шорты Райен тоже падают на землю. Она издает тихий стон.

– Залезай ко мне на колени. – Я сажусь в машину и тяну ее за собой.

Она садится на меня, и я захлопываю дверь, оставляя одежду лежать снаружи. Она убирает руки за спину и развязывает лямки купальника. Топ падает, я подхватываю его и швыряю назад, а потом делаю то же самое с трусиками, развязав ленточки по бокам.

– О боже, – шепчу я, приникая к ее губам. Одна моя рука лежит у нее на ягодице, другая ныряет между ног. Там так мягко и влажно.

Она опускает руки и расстегивает мне ремень. Я изо всех сил стараюсь сбросить джинсы и высвободить член, не прерывая поцелуя.

– Оставь его мне, – стонет она. – Я хочу его.

– Знаю.

Достаю из кармана презерватив, вскрываю упаковку, натягиваю его и держу член вертикально, чтобы ей удобнее было устроиться сверху. Потом легонько провожу членом ей между ног. Она стонет и непроизвольно начинает покачивать бедрами. Направив своего друга внутрь, я приподнимаю бедра и ввожу головку. Остальное она делает сама. Опустившись на меня полностью, она разводит ноги так широко, насколько это позволяет сиденье. Я прижимаю ее к себе, входя еще глубже.

– О да, – шепчет она.

Она быстро и часто вращает бедрами. Ее грудь трется о мою. Я ощущаю вкус ее губ, хоть и не касаюсь их.

– Назови меня по имени, – шепчу я. – Кто трахает тебя сейчас?

Она продолжает двигаться, и ее идеальная попка покачивается туда-сюда. В машине становится жарко.

– Это я тебя трахаю, – исправляет меня она. – И на самом деле мне плевать, чей это член.

– Ах ты сучка.

– В этом джипе мог оказаться кто угодно, – говорит она, кусая меня за губу. – Даже кто-нибудь с вечеринки. Если бы ты туда не приехал, я бы все равно оседлала кого-нибудь сегодня.

Я впиваюсь пальцами в ее ягодицы.

– Хочешь побыть плохой девочкой?

Она кивает, постанывая.

– Покажи мне, насколько плохой, детка. – Я беру ее за грудь. – Как ты собиралась соблазнить незнакомца?

Она увеличивает темп, отклоняется назад, а я наслаждаюсь

зрелищем: она скачет на мне, и с каждым движением ее грудь покачивается. Я закрываю глаза, запрокидываю голову и ласкаю большим пальцем клитор.

– Ты бы отлично его завела, – подначиваю я ее. – От такой сладкой узенькой киски грех не возбудиться.

Она стонет громче и чаще. Я открываю глаза и вижу, что она смотрит на меня, потом вдруг резко насаживается, обвивает руками шею и страстно целует, доводя нас обоих до пика наслаждения.

Райен обнимает меня руками и ногами, я чувствую вкус ее губ, нежную влажную кожу и кончаю. Она кричит, ее мышцы стискиваются вокруг меня в оргазме, она сжимает бедра, садится на меня снова и снова, пока не обмякает в моих руках, обессиленная.

Я обнимаю ее, и мы оба ложимся на сиденье, тесно и жарко прижимаясь друг к другу. Неизвестно, когда она в следующий раз меня к себе подпустит, поэтому я наслаждаюсь каждой секундой.

Иногда она бывает моим ночным кошмаром, и все же это лучшего любого прекрасного сна.

Ее дыхание приходит в норму, но она лежит, уткнувшись мне в шею, и дышит так ровно, будто спит.

– Жаль, мы не встретились в начальной школе, – тихонько говорю я, улыбаясь сам себе. – Мы бы отлично поиграли друг с другом. В песочнице, я имею в виду.

Она поднимает голову. Ее глаза полны боли.

Я глажу ее по щеке.

– Я знаю тебя, – говорю я. – Теперь я знаю тебя. Ты бы не захотела этого ни с кем другим. Потому что до меня у тебя был секс только раз, два года назад.

Она сводит брови, и я вижу, что у нее в глазах блестят слезы. *Да, малышка, я помню твое письмо. Ты запуталась, тебе было стыдно и больно, а я готов был убить того парня.*

– Все говорили тебе, что уже пора, вот ты и решилась, – шепчу я. – А он после этого ни разу не заговорил с тобой, и поэтому ты ждала меня.

– Я не ждала тебя.

– Ты ждала того, с кем все будет так, как надо, – отвечаю я, не обращая внимания на то, что она ершится. – Я ревновал, когда ты доверилась мне и рассказала про свой первый раз. Тогда я понял, что никому тебя не отдам. – Я смотрю ей прямо в глаза. Я ни в чем еще не был так уверен. – Я хочу, чтобы ты была моей, Райен. И знаю, что ты тоже этого хочешь.

Она слегка вздрагивает. Я наклоняюсь и целую ее в щеку:

– Но мне нравится, как ты врешь.

Глава Восемнадцатая
Райен

На следующий день на первый урок он не пришел.

Я знаю, где он живет, и мысленно возвращаюсь в тот момент несколько месяцев назад, когда поняла, что он перестал мне писать. *Если я буду переживать за него, всегда можно заехать проведать. Он тоже знает, где меня найти, если захочет увидеться.*

Но подождите… Это же я не хочу его видеть. Я сказала ему уезжать. А что если он послушался?

Знаю, он не собирался заходить так далеко, и верю, что ему жаль, но это все просто в голове не укладывается. Что может быть хуже, чем притвориться другим человеком? Он не придумал ничего умнее, чем прятаться прямо у меня под носом, – это же отвратительно.

Но спать со мной! Да как он мог?! Кем он был на заднем сиденье пикапа в автокинотеатре: Мейсеном или Мишей? И правда ли он собирался все мне рассказать?

Не нужно было вчера давать слабину. Эмоции зашкаливали, я соскучилась по нему, а когда он взял меня на руки, мне захотелось хоть на пять минут перестать ссориться. Я хотела просто насладиться им и забыться.

Но теперь, когда туман в голове рассеялся, а солнечный свет слепит глаза, хочется залезть под одеяло с головой. Как он отругал меня на вечеринке, слышали все. Он вел себя, будто я его собственность.

Им необязательно знать, что произошло между нами, но теперь они уверены: *что-то* произошло, поэтому он на меня разозлился. И знают, что я им врала.

Я проглатываю ком в горле и подхожу к шкафчику в раздевалке. Лайла и Кейтлин переодеваются на физкультуру неподалеку.

– Привет, – бодрым голосом говорю я.

Но Лайла не отвечает. Вместо этого она задирает нос, показушно принюхивается и жалуется стоящей рядом Кейтлин:

– Боже, уборщики что, ночью не прибирались? Здесь воняет шлюхой.

Кейтлин смеется, а я напрягаюсь.

– Представляешь, эта сука опять посмела прогулять утреннюю тренировку, – говорит ей Кейтлин достаточно громко, чтобы я услышала. – Думаю, это погоды не сделает. Ее жирную задницу и

так слишком тяжело поймать.

Кровь вскипает в венах, пульс отдается в ушах. Они продолжают переодеваться. Я поворачиваюсь к ним.

– Если хотите что-то мне сказать, говорите в лицо.

Но они обе не обращают на меня внимания, как будто я ничего не говорила.

– Джей Ди заказал лимузин? – спрашивает Кейтлин у Лайлы.

– О да. Большой, мы все в него влезем, – отвечает та. Они обе закрывают шкафчики и идут по проходу мимо меня. – Это будет грандиозная ночь, особенно учитывая, что в машине не будет вонять Райен.

Их восторженный хохот режет слух. Слезы наворачиваются на глаза. Я захлопываю шкафчик и принимаю твердое решение не сдаваться.

Всю физкультуру я стараюсь держаться от них подальше и чувствую, как вокруг них разрастается пузырь, отталкивая меня все дальше. Они – это они, а я – это я. Я здесь, отдельно от них, меня исключили из их общества. Я за пределами пузыря.

Опять.

Как я сюда попала? Что сделала не так?

После занятий я быстро принимаю душ, одеваюсь и иду к шкафчику, чтобы потом пойти обедать. Хотя на самом деле хочется уйти из школы.

Это путь наименьшего сопротивления: не натыкаться на каждом шагу на противных тебе людей и просто уйти оттуда, где тебе неуютно.

Со мной такое уже случалось. Неуверенность, ненависть к себе, бессилие… Такие знакомые чувства. Но тогда, в прошлом, я подавила их, заставив других ощущать то же.

В этот раз не стану отвечать тем же. Я выше этого.

Я стану лучше.

Стою в очереди за едой. Достаю из холодильника апельсиновый сок и двигаюсь к кассе, но вдруг кто-то прижимает меня к прилавку и не дает сдвинуться с места. Сердце замирает. Я думаю, что это Миша, но, когда оборачиваюсь, вижу за спиной Трея.

– Знаешь, если хочешь играть грязно, я могу и грязно, – усмехается он, глядя на меня сверху вниз. – Хотя, может, и хорошо, что Лоран заполучил тебя первым. Вы, мелкие сучки, очень быстро становитесь шлюхами, когда входите во вкус.

Мне трудно дышать. Что он только что сморозил?

Он смеется.

– Жаль, ты не видела, как на прошлой неделе мы пустили вон ту девочку по кругу. Парни в очередь выстроились. Это было

великолепно.

Я отталкиваю его руку, расплачиваюсь за сок, беру стакан и книги и иду к пустому столику в самом дальнем углу столовой. Нигде не скрыться от любопытных глаз. Все смеются надо мной. Я так давно не сидела за столом одна.

Открыв тетрадь и коробочку с соком, с головой погружаюсь в домашку по математике на завтра, обложившись книгами и спрятавшись от всех, чтобы не казаться жалкой.

– Никто не хочет видеть тебя здесь, – раздается у меня над ухом женский голос. Поднимаю голову и вижу Лайлу. – Я даже поесть нормально не могу, пока ты маячишь перед глазами.

Она берет мой пакетик с соком и выливает мне на колени. Охнув, я вскакиваю со стула. Холодная жидкость стекает по ногам. Пристально глядя в глаза, я отталкиваю ее обеими руками.

Она делает шаг назад и роняет пакетик. Потом подходит ко мне и толкает в живот.

– О! – кричит кто-то. – Драка!

Все в столовой начинают перешептываться, ребята скрипят стульями по линолеуму, устраиваясь поудобнее и добиваясь лучшего обзора.

Лайла хватает меня за волосы, но я вырываюсь и отталкиваю ее руки. Футболка и шорты прилипают к коже. Ярость переполняет каждую мышцу. Она снова налетает на меня, я готовлюсь наброситься на нее в ответ.

Но вдруг чувствую, что я за каменной стеной.

Стеной в белой футболке и с татуировками.

Миша.

Трей выходит вперед Лайлы, приближается к нам с Мишей. Он бросает вызов.

– Уйди с дороги, – требует он.

– Заставь меня.

Трей смеется. Он знает, что Миша не шутит, но на глазах у всей школы ему практически ничто не угрожает. И его устраивает такой расклад, учитывая, что в прошлый раз Миша надрал ему задницу.

– Если хочешь добраться до нее, тебе придется иметь дело со мной, – заявляет Миша. Я выхожу из-за его спины, потому что не хочу прятаться.

Сок медленно стекает по ногам и уже хлюпает в кедах. Я стараюсь не обращать внимания на то, что все шепчутся обо мне. Миша вступился за меня на глазах у всех против моей воли. Лед в моем сердце начинает таять.

– После уроков, – говорит Трей. – На парковке.

– Нет, у меня вечером дела, – отвечает Миша.

Заливаясь хохотом, Трей поворачивается к друзьям. Они все думают, что Миша испугался и боится приходить.

– Может, решим вопрос прямо сейчас? – спокойно говорит Миша и с размаху залепляет кулаком Трею по лицу, к всеобщему удивлению.

Из толпы слышатся возгласы. Трей валится на спину и проклинает все на свете.

– Черт!

Миша набрасывается на него, но Джей Ди подлетает сзади и пытается его оттащить. Из толпы появляется директор Берроуз.

– Прекратите! – гаркает она на обоих. – Прекратите сейчас же!

Миша пытается освободиться от рук уже красного от напряжения Джей Ди.

– Так, успокойся, мужик. Успокойся.

– Убери от меня этого кретина! – орет Трей на мачеху, указывая на Мишу.

– Еще раз к ней подъедешь, – ревет Миша, – то, что сейчас было, покажется тебе цветочками. – Он на секунду замолкает, а потом обращается к Лайле. – А что до тебя, не смей с ней больше разговаривать. Ты просто хочешь, чтобы она почувствовала себя такой же гадкой, как ты.

Лайла ведет бровью и скрещивает руки на груди. Она знает, что он прав, так же как был прав и насчет меня, но не удостаивает его ответом.

– Да не буду я к ней подъезжать, – усмехается Трей. – Ты вроде бы уже это сделал и даже внутрь зарулил.

Из толпы доносятся смешки. Миша вырывается из рук Джей Ди, пристально глядя на Трея. Вид у него такой, будто он порвет на части, если тот еще хоть раз скажет грубое слово в мой адрес. Все ждут продолжения. Но Миша разворачивается, берет меня за руку и уводит из столовой.

– Мистер Лоран! – окликает его директриса.

Но Миша не обращает на нее внимания. Он заводит меня в мужской туалет, смачивает водой бумажные полотенца, выжимает их.

Потом подводит меня к раковине, приседает, ставит мою ногу себе на колено и медленно вытирает с нее апельсиновый сок.

Сердце сжимается, когда я вижу, как спокойно и аккуратно он это делает.

Намочив еще несколько полотенец, он переходит ко второй ноге, а потом развязывает шнурки и снимает с меня мокрые кеды.

– Мы все еще друзья? – дрожащим голосом спрашиваю я. – Потому что мне очень нужен Миша, а не Мейсен.

Я была неправа вчера. Он всегда Миша. Мейсен и Миша неразделимы.

А мне сейчас без друга никуда.

Взяв в руку мои перепачканные кеды, он встает, берет меня за руку и молча выводит из туалета.

– Куда мы идем?

– Подальше отсюда.

Мы уходим не оглядываясь. Наверно, завтра у меня будут проблемы, но никто и ничто не заставит меня сегодня отпустить его руку. Я еще крепче сжимаю ее и понимаю, что пойду с ним куда угодно. По крайней мере, сегодня.

Мы садимся в машину и долго молча куда-то едем. Играет музыка, на улице пасмурно, и мои веки тяжелеют. Наверно, потому, что в последний раз я более-менее выспалась в прошлый четверг.

Не знаю, готова ли простить его, но я хочу быть с ним. Его запах, вид, его прикосновения… Да ему даже необязательно меня трогать. Мне становится спокойно уже оттого, что он рядом.

Может, я чересчур ранимая, но сейчас не хочу быть ни в каком другом месте.

Накрапывает дождь. Мы въезжаем на дорожку, ведущую к дому, скрытому от посторонних глаз за живой изгородью.

Сердце у меня замирает.

– Твой дом?

Мы в Тандер-Бей? Не думала, что я приходила в себя так долго.

Он заезжает в гараж и выключает двигатель.

– Ты когда-нибудь здесь бывала?

Я киваю.

– Пару недель назад. Ты так долго не писал, мне нужно было убедиться, что с тобой все в порядке…

– Не нужно ничего объяснять, – перебивает он меня. – Я должен был написать. У тебя было полное право волноваться.

– А почему ты перестал писать?

Улыбаясь, он открывает дверь и достает мои кеды.

– Я обязательно расскажу тебе. Но не сегодня. И ты ни в чем не виновата, – заверяет он.

– Твой папа сказал, что ты в порядке.

Я вылезаю из машины и иду за ним в дом.

– Отец не любит выносить сор из избы. Сказала ему, кто ты?

– А он обо мне знает?

– Конечно, – отвечает он, заходя в комнату, похожую на гладильню, и отправляя кеды в стиральную машину. – Он годами видел в почтовом ящике письма от тебя.

Да, конечно. Если бы сказала, кто я, он бы, наверно, пригласил меня в дом и показал Мишины фотографии. И я бы еще раньше узнала, кто он такой.

Миша подходит ко мне и тянет за подол футболки, но я прижимаю ее к себе и поднимаю на него глаза.

– Дома никого нет, – успокаивает он. – Давай постираем твою одежду. Ты можешь пока принять душ, а я поищу, во что тебе переодеться.

Я сомневаюсь всего секунду. Мне не нужно никуда ехать прямо сейчас, а все шмотки липкие, несмотря на Мишины попытки меня отмыть.

Я киваю, раздеваюсь и по одной отдаю ему вещи. Он кладет мои шорты, футболку и белье в стиральную машину, добавляет стиральный порошок и запускает стирку, а потом достает мне футболку из сушилки.

Надев ее, я беру его за руку, и он ведет меня в другую часть дома.

Мы проходим через огромную гостиную. Я смотрю по сторонам и разеваю рот.

– Ого, – бормочу я.

– Что?

Я качаю головой.

– Ничего.

Просто это очень смешно. В школе он общается с худшими из худших, выглядит как малолетний преступник, и все, включая Лайлу, Трея и поначалу даже меня, считают, что он бедный приемный ребенок, которому суждено стать бандитом.

Если Лайла узнает, что он живет в доме больше моего и ее вместе взятых, где на стене висит Гоген, то первой бросится лизать ему задницу.

В доме темно, но я все равно вижу, что он потрясающий. Мебель блестит деревянными панелями, повсюду произведения искусства и просто милые безделушки. Я чувствую запах мебельного лака. Что там Миша писал о том, чем занимается его папа? Торгует антиквариатом?

И раз его отец – сын сенатора, у него не должно быть финансовых проблем.

– Любишь арахисовое масло и джем? – спрашивает Миша, пока мы поднимаемся по лестнице. – Это единственное, что я умею готовить так, чтобы не воняло горелым на весь дом.

– Сойдет.

Он проводит меня в просторную ванную, темную и невероятно мужскую, открывает стеклянную дверь и включает мне душ.

– Чувствуй себя как дома. – Он нежно целует меня в лоб, берет с полки полотенце и кладет на столик. – А я пойду сделаю сэндвичи.

Он уходит, а я смотрю ему вслед и наконец вижу не только высоченную гору мышц, но и того мальчика, которого столько лет представляла, к которому привязалась, которого полюбила и считала нежным и заботливым.

Выйдя из душа, вытираюсь и надеваю футболку. Потом беру со стола расческу и привожу в порядок растрепанные волосы. К счастью, Лайла их не испачкала, так что голову мыть не пришлось.

Выхожу в коридор, слышу, что где-то внизу играет музыка, и иду на звук. Медленно и осторожно: вдруг это его отец.

Миша у себя в комнате. Он убирает разбросанную одежду. На кровати – тарелка с сэндвичами с джемом и арахисовым маслом и виноград, а рядом пакетики с соком.

Я сдерживаю смешок. В последний раз я так обедала в классе пятом.

Негромко играет Пинк. Как мило. Он знает, что она мне нравится.

Осмотревшись, замечаю четыре картонных коробки у стены, стоящих одна на другой, и подхожу к ним.

– А это что такое? – спрашиваю, приподнимая крышку.

– О…

Мои глаза расширяются. Я делаю шаг назад и роняю крышку на пол.

Коробки полны черных конвертов с серебряными чернилами.

– О боже.

Снова заглядываю внутрь и перебираю их. Каждый подписан моей рукой.

Он их сохранил.

Он их сохранил?

Не знаю, почему, но я всегда думала, что он выкидывает мои письма. С чего бы ему их хранить? Копаюсь в памяти и даже не могу вспомнить, о чем они. Наверно, ничего особо интересного.

Три остальных коробки, должно быть, тоже набиты письмами.

– Поверить не могу, что я столько написала, – говорю я, немного ужаснувшись. – Ты наверняка устал от меня.

– Я обожал тебя.

Я поднимаю глаза и вижу, что он смотрит в пол. Сердце начинает ныть.

– Я обожаю тебя, – быстро поправляется Миша. – Я прочитал каждое как минимум два раза. А свои любимые – гораздо больше.

Его любимые. И тут я вспоминаю те письма, что нашла

в Бухте. Он там жил, вдали от дома, и взял их с собой. Остальные остались здесь.

Теперь я чувствую себя виноватой.

– Они у меня в столе, – признаюсь. – Я соврала. Я их не сожгла.

Он коротко кивает.

– Да, я надеялся на это. Твои, которые ты разбросала по комнате в Бухте, тоже у меня. На случай, если захочешь их вернуть.

Я благодарно улыбаюсь. Да, я хочу их вернуть.

Я снимаю крышку с коробки. Любопытно было бы заглянуть в пару конвертов и вспомнить неловкие моменты, которыми я годами делилась только с Мишей. Первый поцелуй с языком, музыка, которая казалась мне классной, а потом оказывалась отстойной, все наши споры…

Ему было со мной непросто. В смысле, если он пользуется телефоном на системе андроид, это не делает его долбаным интровертом, который не найдет нормальной работы и никогда не получит прав, как я считала раньше. На самом деле я так не думала.

Уверена, он тоже не всерьез называл меня жертвой культа Стива Джобса, которая поклоняется ущербной технике только потому, что слишком много яйцеголовых нахваливает айфоны, а на самом деле не в состоянии увидеть разницу.

Мне нравится, что сегодня у нас перемирие. Письма могут подождать.

Я залезаю на кровать и сажусь по-турецки. Он сбрасывает обувь и ложится на бок, подперев голову рукой.

Я беру сэндвич и снимаю с него верхний кусок хлеба, а он закидывает в рот виноградину.

Смотрю на еду. Я голодна, но так устала, что мне уже наплевать. Один из нас должен начать говорить.

Он хочет правды? О чем-то, чего он не знает?

– В начальной школе у меня почти не было друзей, – говорю я, не поднимая глаз. – Только одна подруга.

Далила.

Он молчит, но я знаю, что он смотрит на меня.

– У нее были вечно взъерошенные светлые волосы, почти такие, какие носили в восьмидесятые, и ужасные вельветовые юбки, – продолжаю я. – Они выглядели так, будто им лет тридцать. Она не была крутой и неправильно одевалась. Она была такой же одинокой, как и я, и мы с ней играли на переменах, но…

Я щурюсь, пытаясь воссоздать в памяти ее портрет.

– Но мне надоело, что популярные дети меня не

принимают, – признаюсь. – Я видела, как они висят друг на друге, смеются, постоянно в центре внимания, и чувствовала… зависть. Что есть что-то лучшее, чего меня лишили. Мне казалось, надо мной все смеются. – Я облизываю сухие губы и по-прежнему стараюсь не встречаться с ним взглядом. – Они считали меня отвратительной? Почему я им не нравилась? Меня это не должно было волновать. Я не должна была думать, что дети, которые меня избегают, стоят внимания, но я так считала. – Наконец поднимаю голову и вижу, что он смотрит на меня своими зелеными глазами не моргая.

– И мне казалось, – продолжаю, – что это Далила тянет меня ко дну. Мне нужны были друзья получше. И в один прекрасный день я убежала. Когда наступил перерыв, спряталась за углом, чтобы она не нашла меня, и следила за ней. Ждала, пока она уйдет играть с кем-нибудь другим, чтобы я могла незаметно сделать то же самое.

В горле все пересохло. Я сглатываю.

– Но она не ушла, – шепчу я, и слезы наворачиваются на глаза. Она просто одиноко стояла у стены, не зная, что делать, и ждала меня. – Я содрогаюсь и начинаю плакать. – В тот день я стала такой, какой стала. Тогда я поверила, что показушное обожание толпы стоит искренней любви одного человека. И какое-то время меня все устраивало. – Слезы стекают по щекам. – Вокруг было столько нового, что я потерялась. Была мерзкой, разбрасывалась оскорблениями, высмеивала учителей… Чувствовала, что меня уважают, обожают. Жила в новой шкуре, и она мне отлично подходила.

В голове всплывают все новые картины, живые воспоминания тех времен.

– Но несколько месяцев спустя я увидела, как Далила играет одна. Над ней все смеялись, а она не знала, куда деваться… И я начала ненавидеть эту шкуру, в которой раньше было так комфортно: шкуру лживой и мелочной трусихи.

Я вытираю слезы и пытаюсь сделать глубокий вдох. Он смотрит на меня, и мои щеки заливаются краской. Я переживаю. Что он обо мне сейчас думает?

– А когда начала писать тебе письма, – продолжаю, – мне как раз очень нужен был такой человек, кто-то, с кем смогу быть такой, какой хочу. Я могла вернуться в прошлое, снова стать девочкой, которая дружила в Далилой, противопоставляла себя злым детям и не нуждалась в кумирах, потому что была собой.

Я закрываю глаза. Мне хочется спрятаться. Чувствую, как кровать подо мной пошатывается, и он берет мое лицо в ладони.

Я качаю головой и отстраняюсь.

– Не надо. Я ужасная.

– Ты была маленькая, четвероклассница, – говорит он, пытаясь меня успокоить. – Дети злые, а в этом возрасте всем нужно, чтобы их принимали. Думаешь, ты единственная, кто считает себя дерьмом, кто наделал ошибок? – Он гладит меня по лицу, заставляя открыть глаза и посмотреть на него. – Мы все ужасные, Райен. Разница только в том, что одни это скрывают, а другие признают.

Я отодвигаю тарелку с едой и подползаю к нему. Обнимаю его и утыкаюсь в шею, прижимаясь к нему всем телом. Он ложится на кровать и кладет меня на себя.

Почему он не сделал этого много лет назад? Почему я так боялась встретиться с ним? Боялась, что все изменится? Мы поддерживали друг друга, когда умерла его бабушка. Долгие месяцы, на которые нас отправляли в лагеря, мы не теряли связи, хоть это было почти невозможно. Мы пережили даже пару его девушек, к которым я его ревновала, хоть и никогда не говорила об этом.

Почему я решила, что все слова, письма, наша дружба могут исчезнуть в мгновение ока?

Он крепко прижимает меня к себе. Я кладу голову ему на грудь и слышу, как бьется его сердце и как падают капли дождя на подоконник. Для меня это совершенно новое ощущение. Я была во многих хороших местах, но сейчас впервые оказалась там, откуда не хочу уходить никогда. Я опускаю веки и проваливаюсь в сон.

– У меня один вопрос, – говорит он, пытаясь меня расшевелить.

– М-м-м?

– Когда ты писала на стенах школы, ты подписывалась «Панк». Почему?

Я не открываю глаз, но у меня вырывается слабый, еле слышный смешок.

– Помнишь письмо, где ты рассказывал про свою первую татуировку и про то, что твой отец сказал, что ты выглядишь как панк?

– Да.

– Это было в память о тебе, – говорю я. – Крик хулиганов и бунтовщиков.

– Но почему ты не воспользовалась собственным именем?

Я сдвигаю брови.

– Потому что не хотела, чтоб меня поймали. *Пф.*

– Хорошо… – говорит он. – Значит, ты прятала голову в песок, чтобы оставлять анонимные послания, потому что хотела,

чтоб тебя услышали, но не хотела, чтоб над тобой смеялись. Так получается?

Я открываю глаза, задумавшись. И правда получается, я делала именно это.

– Ты хотела, чтобы тебя любили, но не хотела отвечать за последствия, и тебе удалось заполучить внимание публики, но не брать на себя ответственность за свои слова.

Мне становится стыдно. Мне не нравится то, *что* он говорит, и то, что *он* это говорит, но я не могу отрицать, что он прав.

Я не хотела видеть реакцию людей на мои послания, потому что, если бы они знали, что их пишу я, мои слова не воспринимались бы всерьез. Однако бросаться в них словами и прятаться у них под носом – тоже нечестно.

– Одиночество, пустота, притворство, стыд, страх, – бормочет он, прижимая меня к себе. – Ты до сих пор не поняла? Не надо бояться, не надо стесняться. Никто не проживет твою жизнь лучше, чем ты сама. Тебя нельзя заменить. Не каждый это заметит, но ты нужна себе такой, какая ты есть на самом деле.

Он целует мои волосы, а я обнимаю его за спину. *Никто не проживет мою жизнь лучше, чем я сама.*

Я опять закрываю глаза, слушая, что еще он скажет. Я изменилась, потому что думала, что ничего собой не представляю. Позволила им заставить меня поверить в это, но кто они такие, чтобы судить? Да, меня больше не будут уважать, но я не буду несчастна.

Могу обедать одна, но это не такая уж неприятная компания, да?

Чувствую, что он подо мной зашевелился. А потом мои ноги и тело накрывает одеяло, и тепло наших тел оказывается запертым под ним. Я медленно погружаюсь в сон под звуки дождя и биение его сердца.

Мурашки бегут по коже. Я с трудом поднимаю веки. В комнате стало темнее, солнце уже село, но мягкий свет лампы с прикроватного столика падает на постель. Я смотрю в окно и вижу, что на улице стемнело. Дождь льет еще сильнее, стучит по крыше, раздается раскат грома.

Миша лежит на боку с голым торсом рядом со мной, головой в сторону моей попы.

Голой попы, потому что он задрал на мне футболку.

– Что ты делаешь?

– Тсс, не двигайся, – приказывает он, водя стержнем по моей коже. – Мне нужно было кое-что записать, а ближе всего оказалась ты.

Посмеиваясь, я снова закрываю глаза. Надеюсь, это не

маркер: его потом неделю не отмоешь.

Умиротворяющий шум дождя за окном заставляет расслабиться. Я кладу руки за голову, чувствуя, как быстро ползает по коже стержень, иногда останавливаясь, чтобы поставить штрих над «й» или многоточие.

– Жаль, что мы не можем остаться тут навсегда, – мурлычу я.

– Нет, ты в ближайшее время никуда не пойдешь. Мне очень нравится смотреть на твою попку.

Я скрещиваю ноги и дразню его:

– Это все, что парень из Тандер-Бей может сделать с девичьей попкой?

Он в шутку хлопает меня по щеке. Я заливаюсь смехом.

Но потом, после долгой паузы, его рука замирает.

– А у тебя когда-нибудь… – спрашивает он, но осекается.

За секунду все части пазла складываются у меня в голове в единую картинку, и я понимаю, что он хотел спросить.

– Ты имеешь в виду анальный секс? – уточняю я. – Ну, учитывая, что до тебя у меня был всего один мужчина, уверена, ты и сам знаешь ответ.

Разумеется, я не делала *этого* в первый раз, какой бы наивной дурочкой ни была. А раз мы с Мишей этим не занимались, значит, ответ отрицательный.

– Значит, мы оба в этом плане девственники, – говорит он таким тоном, словно ему понравилась идея.

– Да, девственники, – ворчу я. – И я планирую умереть старой девой, потому что ты ни за что не будешь засовывать *это туда*.

Он фыркает и начинает хохотать.

Закрыв ручку, он двигается ближе к изголовью и натягивает майку мне на голову. Я выгибаю шею, дотягиваюсь до его губ и целую. Он закусывает мне губы, и электрический импульс пробегает от них к низу живота, а потом между ног.

Думаю, отдых пошел мне на пользу. Он проскальзывает рукой подо мной и накрывает ладонью мою грудь. Я уже возбуждена.

– Все окей? – спрашивает он.

Я смотрю на его губы и жажду большего. *О да.*

Он целует меня в шею, и я со стоном закатываю глаза от удовольствия. Горячие, страстные поцелуи. Он прижимается ко мне бедром, и я чувствую, как между ног у него вырастает твердый бугорок.

– Поговори со мной, – шепчет он. – Мне нужны твои слова.

Поговорить? Сейчас?

Он проводит рукой по моей голой спине, гладит волосы и щекочет ими кожу. Потом сжимает ладонью ягодицу, и я не думая отодвигаю колено и раздвигаю ноги.

– До того как мы встретились, – говорю я, оторвавшись от его губ, – я фантазировала о тебе.

– Но ты не знала, как я выгляжу.

– Я знала, что ты Миша, – отвечаю я. – Этого было достаточно.

Он стонет, покусывая мочку уха, запуская руку глубже между ног и проскальзывая пальцами в меня.

Я закрываю глаза от удовольствия. От его пальцев я мокрее с каждой секундой.

– Той ночью была гроза, как сегодня, – рассказываю я. – Свет отключился, и весь вечер в доме было темно и тихо.

Он вынимает пальцы и гладит мой клитор. Я вся дрожу и часто дышу. Не в силах сдерживаться, начинаю тереться о кровать и его руку.

– В тот вечер я перечитала все твои письма, – продолжаю, едва не срываясь на стон. – Особенно мне понравились те, где ты рассказывал, как у тебя появилась первая машина и как вас с друзьями арестовали за вечеринку на какой-то ферме. Это звучало так дерзко и весело. – Я откидываюсь назад и снова тянусь к его губам. – Но больше всего я любила письмо, где ты писал о бывшей, когда вы расстались. Сначала я жутко разозлилась. У Миши была девушка, а он не сказал мне, но… Думаю, тогда я впервые осознала, что…

– Что? – с придыханием спрашивает он.

– Что я хочу тебя. Что ты мой.

– Я и был твой, – уверяет он. – Я очень скоро понял, что ни с кем не могу поговорить так, как с тобой.

Я чувствовала то же самое. Всегда. Ни с кем не могла встречаться, потому что беспрестанно сравнивала всех с Мишей. У него было полное право встречаться с девушками, и я была уверена, что, кем бы она ни была или они ни были, потому что их, наверно, было несколько, – они были хорошими людьми. Но чувство собственника меня не отпускало. *Я знаю его дольше. Никто не может знать его лучше, чем я.* Знаю, что у меня не было никакого морального права на такие чувства, поэтому я молчала о них. До этого момента.

– Я начала представлять тебя в ту дождливую ночь. Это был первый раз, когда я фантазировала о тебе.

– И что ты делала? – Он вводит в меня два пальца и прижимается ближе. – Ты хотела быть на ее месте?

Я мотаю головой.

– Я хотела, чтобы ты меня увидел. Увидел и очень сильно захотел. Не только душу, но и тело.

– Что ты делала? – шепчет он мне в ухо.

Я стону, ощущая, как волна удовольствия прокатывается по бедрам и киске, и прижимаюсь к нему сама, чтобы он заполнил меня внутри.

– Я легла в постель, – говорю я, – и никак не могла перестать думать о тебе. В комнате было темно, кондиционер не работал. И чем больше я о тебе думала, тем жарче мне становилось… пока…

– Пока что? – Он двигает пальцами все быстрее, а его член становится тверже с каждой минутой. – Что ты делала?

– Я задрала футболку…

– Да?

– И представила, что ты стоишь в углу комнаты. Прячешься в тени и наблюдаешь, как я себя ласкаю.

– Не останавливайся.

– Моя кожа была влажной от пота, потому что дома было жарко, – я поднимаю руку и обнимаю его за шею, – и я запустила руку в штанишки…

– И мне нравилось то, что я видел?

– Да. Мы всегда были просто друзьями. Это спокойно, непринужденно и мило, но я мечтала, чтобы ты захотел меня по-настоящему, увидел и пожелал оказаться внутри.

– Ты кончила? – рычит он мне прямо в ухо, пока я бьюсь о него с каждым движением его пальцев. – Ты кончила, мечтая о том, что я смотрю на тебя?

Я киваю, потерявшись в собственных мыслях и забывшись под действием его волшебных пальцев.

– Я сделала бы все, о чем бы ты меня ни попросил. Я бы позволила тебе все, чего бы ты ни пожелал.

– Это правда?

– Все что угодно.

Он вынимает из меня пальцы, и я слышу, что он расстегивает молнию на джинсах.

– И чего я хочу? – спрашивает он, поглаживая мою попку.

Я знаю, чего он хочет. Сердце бешено колотится, меня трясет от желания.

Я опять выгибаю шею и дышу в паре сантиметров от его губ.

– Я хочу тебя везде.

За секунду до поцелуя я вижу легкую улыбку на его губах. Он снова опускает руку мне между ног, гладит и заставляет течь.

– Везде? – шепчет он.

Я киваю. Я принадлежу ему. Целиком.

Хочу, чтобы он взял меня всю.

Чувствую губами его нервное дыхание.

– Не делай этого только потому, что думаешь, что *я* этого хочу, – просит он. – Я хочу только то, что ты готова мне дать. Мне

нужно знать, что ты снова мне доверяешь.

Его темные волосы свешиваются на лоб, а красивые глаза говорят мне все, что я хочу услышать, хотя он не произносит ни слова.

Он сделал больно мне, я сделала больно ему, но такое случается, и наша любовь все переживет. Он делает меня счастливее, сильнее, знает обо мне все и тем не менее хочет меня. Если даже при всех моих недостатках он может сказать обо мне что-то хорошее, мы должны быть вместе. Теперь все по-настоящему.

Мы вместе.

Мама сказала мне однажды: «Жизнь – это пятьдесят поворотов не туда по проселочной дороге. Все, на что ты можешь надеяться, – что она хорошо закончится».

– Я доверяю тебе, – говорю я, впиваясь в его губы. – И хочу тебя.

Он окунает пальцы в мою влагу и размазывает ее выше, а я просовываю руку между собой и кроватью и начинаю тереть клитор, пока он пристраивается сзади. Он вводит в меня головку. Все тело пульсирует, сердце бешено колотится в груди. Я выдыхаю, ощутив легкое жжение. Потом сжимаюсь вокруг него, тяжело дышу и продолжаю себя ласкать.

– Райен, – шепчет он, – хочешь, чтобы я остановился?

Я мотаю головой. Так приятно, когда он внутри. Он такого явно не ожидал.

– Нет, я хочу еще.

– О боже.

Он медленно входит в меня на всю длину, а я выгибаю спину, чтобы ему было удобнее.

– Боже мой, – тихонько рычит он. – Мне с тобой так хорошо. Мне нужно…

Я закрываю глаза. Каждый нерв раздражен до предела от желания. Он ложится мне на спину и целует, а тем временем выходит и снова входит в меня.

– А-а-а, – у меня вырывается стон.

– Ты в порядке?

– Нет, – шепчу я. – Давай быстрее.

Он улыбается. Одной рукой он опирается на кровать, а другой держит меня за колено.

– Уверена?

Я киваю. Меня накрывает волной наслаждения, я вцепляюсь руками в подушки, отклоняю голову назад и целую его.

– Я доверяю тебе, – говорю ему.

Он кусает меня за шею и набирает темп, больше не

сдерживая себя. Мы оба даем волю стонам.

До самого утра.

Глава Девятнадцатая
Райен

У меня такое чувство, будто меня избили. Мышцы ноют, шея болит, на бедрах синяки, а уж задница…

Вчера ночью это казалось весело, но, после того как проснулась и чуть не умерла от боли, я запретила ему делать это снова.

Он возразил, что мое тело просто не привыкло и, наоборот, нужно делать это чаще.

Чувак, наши учителя из начальной школы могут нами гордиться.

Заехав на школьную парковку, я очень осторожно, но все равно со стоном вылезаю из джипа. Мы не спали всю ночь. Я почти не устала, но жалею, что не вернулась вчера домой и упустила возможность полежать в ванне утром. Сегодня вечером мне вести плавание, а я забыла дома ибупрофен[13].

Лезу на заднее сиденье, достаю сумку с купальным костюмом и сменной одеждой. Когда я встала, Миша отвез меня к школе, чтобы я забрала джип, а сам направился в Бухту, собирать вещи. Я поехала домой помыться и привести себя в порядок.

Не уверена, что он придет сегодня в школу. Но вдруг чувствую, что кто-то обнимает меня за талию, и вздрагиваю, потому что ощущаю ухом его дыхание.

– Все еще злишься? – шутливо спрашивает он.

Я веду бровью, разворачиваюсь и вижу, что он усмехается, глядя на меня.

– Издеваешься?

– Впрочем, это было забавно.

Не могу сдержать улыбку, а щеки наливаются румянцем. *Да, забавно.*

Мы входим в школу и направляемся к моему шкафчику. Я замечаю, что он в открытую идет рядом со мной.

– Я в порядке, ты же знаешь, – говорю ему. Вчерашний день – Трей, Лайла и вся эта суматоха в столовой – кажется тусклым воспоминанием. Словно это было много лет назад. Мне не страшно.

– Знаю.

– Мейсен, – окликает его кто-то.

Обернувшись, я вижу мисс Тилл, учительницу искусства, с розовым бланком в руке. Она дает его Мише и сладким голосом говорит:

– Директор хотела видеть вас у себя в кабинете. Просила передать вам это на первом уроке, но я заметила вас только сейчас. Так что ступайте.

Он берет бланк, она треплет его за плечо и уходит по своим делам. Миша мнет в кулаке бумажку и бросает ее на пол, даже не прочитав.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я. – Если она не сможет дозвониться до твоих родителей и поговорить о драке, то вызовет полицию. Хочешь, чтобы тебя раскрыли?

– Думаю, мы оба знаем, что арест меня не страшит. – Он самодовольно улыбается.

Я закатываю глаза. Ну хорошо, папенькин сынок.

Достаю альбом, и взгляд падает на кашемировый шарф, по-прежнему висящий в шкафчике. В голове что-то щелкает. На той неделе он хотел отдать мне новый шарф, от которого пахло духами.

– Чей шарф ты пытался отдать мне тогда?

Он опускает глаза и мрачно смотрит в пол.

– Энни.

Энни? Своей сестры?

Мои глаза расширяются: я вспоминаю, что тогда сказала. Я поворачиваюсь к нему.

– О боже! – восклицаю я. – Энни. Прости, пожалуйста. Я тогда такие глупости наговорила.

Меня передергивает. Я назвала ее шлюхой, потому что думала, что это какая-то случайная девушка, забывшая шарф у него на заднем сиденье. *Черт.*

– Все нормально. – Он слегка улыбается. – Ты же не знала.

Тьфу. Я хуже всех на свете.

– В любом случае нельзя было мне его отдавать, – ругаю его я. – Она бы стала его искать.

Он молчит в ответ и отводит глаза.

В этом калейдоскопе событий я совсем забыла о его сестре. Она младшенькая. Где она была прошлой ночью? Его отец, видимо, вернулся, пока я спала, потому что Мише пришлось запереть дверь, чтобы он не вошел и не увидел нас, но об Энни не было сказано ни слова.

– Мистер Лоран.

Я поворачиваю голову и вижу, что по коридору идет директор Берроуз. Ученики обходят ее и спешат на первый урок.

– Ко мне в кабинет, – приказывает она. – Сейчас же.

Но Миша отворачивается от нее.

– Нет, спасибо.

Остолбенев, я наблюдаю за происходящим. *Просто иди,*

Миша. Она не даст ему так просто уйти, конфликт только усугубится.

– Сейчас же.

– Знаете, я предпочту не оставлять подругу одну, пока этот кусок дерьма – ваш сынок – бродит по коридорам, – отвечает он. – Разве закон не запрещает сексуальным маньякам подходить к школе на определенное расстояние?

Ее лицо искажает ярость.

– Если вы сейчас не пройдете со мной, я вызову полицию.

– Ми… Мейсен, – исправляюсь я. – Просто иди.

Берроуз кладет руку ему на спину и указывает рукой в сторону учительской.

Но он отмахивается от нее, насупившись.

– Идите на хер. – Он смотрит ей в глаза, а потом поворачивается ко мне. – Я ухожу. Я закончил свои дела здесь. После школы буду в Бухте.

– Что? – восклицаю я.

Он целует меня в лоб, напоследок бросает взгляд на Берроуз и направляется в сторону выхода. Я оглядываюсь: куча школьников наблюдает за их диалогом.

Мы с Берроуз на миг встречаемся глазами. Но она не идет за ним. Развернувшись, она сворачивает в коридор и исчезает в толпе учеников, спешащих на уроки.

Миша ушел, а я немного шокирована тем, что он предпочел покинуть школу, а не разобраться с ней и остаться здесь со мной. Если он вернется в Тандер-Бей, мы почти не будем видеться. По крайней мере, до конца учебы.

Что с ним творится?

Теперь, когда я наконец немного успокоилась, до меня доходит, что он так и не ответил ни на один мой вопрос.

Зачем он здесь? Почему у Трея были его часы? И почему он живет в Бухте?

Все спешат на уроки или в столовую, а я стою у питьевого фонтанчика и набираю воду в бутылку. Я не хочу сегодня идти обедать и привлекать всеобщее внимание, даже несмотря на то что немного голодна.

Знаю, что должна сесть за стол, не прикрываясь телефоном, домашкой или книгой, и просто сидеть там. Если народ будет шептаться, так тому и быть. Пусть болтают.

Но сегодня почему-то не хочу туда идти. Наверное, не хочу их видеть. Может, потому, что мне предстоит весь день провести в школе и в липкой от сока одежде это будет неудобно.

А может, хочу позволить себе дать слабину.

Ботинки шаркают по полу, шкафчики хлопают, коридор потихоньку пустеет. Грохот и болтовня перемещаются в холл. Слева открывается дверь. Подняв голову, вижу, что из туалета выходит Трей. В руках он держит черный шнур с подвеской. Подходит к мусорке, рвет его и выбрасывает.

Думаю, это вещь Мэнни, одна из его готских подвесок с названием группы.

Трей поднимает глаза и замечает меня. Мне надо в библиотеку. Я закрываю бутылку и прохожу мимо, стараясь держаться противоположной стороны коридора.

Но он срывается с места, догоняет меня и прижимает к стене.

Я тяжело вздыхаю. Он меня разозлил.

– Ну и где же твой телохранитель? – спрашивает он, прижимая руки к стене с обеих сторон от меня, не давая уйти. – А, точно. Я слышал, он бросил школу. Он вернется?

Я отталкиваю его руку и пытаюсь ускользнуть, но он не пускает. Бутылка падает у меня из рук.

– Твою мать, отстань от меня, – рычу я.

– Виновата, – отвечает он. – Тебе не стоило оставаться со мной наедине. Сама напросилась.

Я стреляю глазами по сторонам в поисках взрослых. Но коридор почти пуст.

– Знаешь, что я собираюсь сделать? – На его губах играет улыбка извращенца. – В один прекрасный вечер подкараулю тебя на парковке после плавания, заставлю раздвинуть длинные ножки и оттрахаю прямо на земле. Как тебе такое, детка?

– Я тебя не боюсь.

– Разве ты сможешь убежать от меня? – Он смотрит на меня с довольным видом. – Твой парень больше не сможет защитить тебя. Я буду ждать тебя за каждым углом, караулить ночами, когда ты спишь, пока не получу то, чего хочу.

Он опускает руки. Я сжимаю кулаки так сильно, что костяшки пальцев белеют.

– Ты ничем не лучше всех остальных сучек в школе. А они все этого хотели.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться. А он удаляется по коридору в сторону столовой.

Он считает, что ему все сойдет с рук, но из-за этого я не переживаю. Вечером поговорю с мамой, а она сообщит директору. Если и она не сможет его успокоить, придется обратиться в высшую инстанцию. Но он больше не будет мне угрожать. Уже подходя к лестнице, обращаю внимание на дверь туалета, откуда вышел Трей, и вспоминаю о подвеске.

Скорее всего, он отнял ее у Мэнни. Но если Мэнни был там,

почему он до сих пор не вышел?

Я оглядываюсь. Никого не увидев, подбегаю к двери туалета и осторожно ее приоткрываю.

– Мэнни! – зову.

Какого черта я это делаю? Он не захочет меня видеть. Уверена, с ним все в порядке.

– Мэнни, это Райен, – говорю.

Не слышно никаких звуков, и на секунду я решаю, что в туалете пусто, но потом слышу шорох в дальнем углу.

Пройдя мимо пустых кабинок, обхожу раковины и заглядываю за угол, где висят сушилки для рук.

Мэнни стоит ко мне спиной, наклонив голову. На правой руке у него висит рюкзак. Он весь дрожит.

– Мэнни!

Он поднимает голову, но не оборачивается.

– Уходи, – требует он. – Отвали от меня.

– Мэнни, что случилось?

Подхожу ближе и пытаюсь заглянуть ему в лицо, но вдруг кое-что вижу и замираю. Струйка крови из уха стекает по шее.

Туннель в мочке уха, в которую обычно вставлен черный плаг, теперь пуст, и из него идет кровь, хотя, кажется, она остановилась.

Трей. О боже, он что, вырвал плаг?

Я делаю шаг в сторону Мэнни. Он вздрагивает и пятится.

Конечно. С чего бы *мне* помогать ему? Он боится меня не меньше, чем Трея.

Думает, что я пришла поиздеваться. А почему бы и нет? Раньше я так делала.

Сердце сжимается. Сколько раз я заставляла его почувствовать себя одиноким!

Я стою на месте, потому что боюсь напугать его. Но хочу помочь.

– Так будет не всегда.

– Так было всегда, – отвечает он.

Я вспоминаю начальную школу. До четвертого класса мы с Мэнни неплохо ладили, а потом я… изменилась. Но и до этого с ним почти никто не общался. Он был невысокий, тощий, никогда не занимался спортом и часто получал за то, что не делал домашних заданий. Я знала, что у него какие-то проблемы в семье, но дети не понимают таких вещей.

Они только судят.

– Когда я был маленький, – продолжает он, – всегда можно было уйти домой и спрятаться от этого всего. Но теперь мы выросли. Появился «Фейсбук», и на все гадости, что они говорят

обо мне днем, я вынужден натыкаться даже по ночам.

Я слышу слезы в его голосе. Наверное, надо бы принести ему салфетки, чтобы вытереть кровь, но не хочу прерывать его.

– Один из вас, уродов, толкает мой поднос, и вся еда оказывается на одежде. Что все тут же делают? Правильно, достают телефоны. А потом мне приходится переживать это заново, натыкаясь на фотографии в ленте каждый час, даже через много дней или недель, снова и снова. Мне больше некуда от этого деться, даже когда ухожу из школы.

Я никогда не думала об этом, не видела ситуации с его стороны. В детстве проблемы дружбы и адаптации в коллективе тревожили нас, только пока мы в школе. Когда же уходили домой, мы были свободны, и большинство нас, надеюсь, чувствовало себя в безопасности. А теперь, выйдя из школы, мы только уходим из нее. Давление, сплетни и мучения следуют за нами по пятам. От них никуда не спрячешься.

– Это происходит постоянно. Унижения…

– Так будет не всегда, – повторяю я и подхожу ближе.

– Это видят мои семья, сестры и друзья. Они стыдятся меня. – Он всхлипывает и снова начинает дрожать. – Поэтому я нюхаю.

Он достает из рюкзака тряпочку и спрей. Я подхожу ближе. В горле стоит ком.

– Нанюхиваюсь как можно сильнее и в любой удобный момент, – говорит он, – потому что только так я могу выдерживать это, дышать, есть и смотреть на таких как ты.

– Мэнни…

– Когда все только причиняет боль… – он бросает рюкзак и чем-то пшикает на тряпку, – начинаешь задаваться вопросом: зачем я живу? Никому нет до тебя дела, и тебе самому становится плевать. Ты просто хочешь, чтобы боль утихла.

Он подносит ее к носу. Я подбегаю и забираю у него тряпку и спрей.

А потом обнимаю его и прижимаю к себе. Мы оба плачем.

– Все хорошо. Все хорошо, – шепчу я.

Я роняю вещи на пол, обнимаю его хрупкую, дрожащую фигуру, и слезы катятся по щекам. Какого черта? Как он до такого докатился? Он не был таким в детстве. Никто из нас таким не был.

Он тяжело дышит, а я вспоминаю те случаи, когда о нем не думала, все, чего не хотела замечать, те разы, когда я не обращала внимания на то, что происходит, потому что боялась остаться одна и стеснялась того, какая я на самом деле ранимая.

Мы были детьми, мы нравились самим себе и были счастливы. Когда все успело измениться?

Я протягиваю руку, выбрасываю тряпку в мусорку и смачиваю водой бумажное полотенце: пусть протрет шею.

Даю ему полотенце, опираюсь на столик и пытаюсь унять слезы.

Это безумие. Как он может так себя истязать? Он должен верить, что все наладится. Мир раскроет свои объятия, и ты больше не будешь чувствовать себя в ловушке. Нужно просто подождать.

Но я смотрю на него и вижу только залитое слезами лицо, мешки под глазами и пустой взгляд. Он с отсутствующим видом оттирает на шее кровь. У него уже нет сил ждать.

Я утираю слезы и стараюсь говорить спокойным голосом.

– Так будет не всегда.

Я хочу, чтобы он об этом знал. Но он смотрит на меня так, будто не надеется на счастливый конец.

– И когда же станет лучше?

Его слова болью отдаются в сердце. Да, когда? Сколько еще ему терпеть?

Никогда нельзя терять надежду: мы меняемся, изменяются наша жизнь, наше окружение. Когда-нибудь этот ужас закончится.

Но это не значит, что сейчас мы бессильны. Я не могу изменить его жизнь, но кое-что сделать все-таки могу.

Я поднимаю и протягиваю ему рюкзак. Взяв за руку, тяну его в коридор. Мэнни на ходу выбрасывает в урну мокрые полотенца.

Мы проходим через холл и идем в столовую. Я ослабляю хватку на случай, если он захочет убрать руку.

Но он этого не делает. Держась за руки, мы встаем в очередь и слышим, что вокруг все затихают, а народ за столиками начинает шептаться.

Я беру два подноса и отдаю один Мэнни.

– Зачем ты это делаешь? – тихим голосом спрашивает Мэнни. – Я же тебе не нравлюсь.

– Ты всегда мне нравился, – говорю я, поворачиваясь к нему. – А еще мне нужен друг.

Когда я вела себя как уродка, в этом не было ничего личного по отношению к Мэнни. Он никогда не переставал мне нравиться.

Очередь движется, а у меня начинает гореть спина: все смотрят на нас. Надеюсь, это моя паранойя. Если нет, то, наверно, они восприняли это как вызов. И нет Миши, чтобы защитить меня.

Но мы справимся.

– Я всегда ем в библиотеке. – Мэнни нервно оглядывается.

Я беру стаканчик с желе.

– Есть надо в столовой.

– На нас все смотрят.

– Это потому, что у тебя попка круче, чем у меня.

Он усмехается, но веселье быстро улетучивается, может, потому, что он до сих пор не уверен, что может мне доверять. Я не виню его.

Мы ставим на подносы макароны с сыром и кладем кексы. А еще я беру газировку, потому что я голодная и хочу выпить что-нибудь калорийное.

Расплатившись, подхожу к круглому столику и оборачиваюсь, чтобы убедиться, что он идет за мной.

Он несет рюкзак и поднос, стреляя глазами по сторонам: жутко нервничает.

Не могу вспомнить, когда я видела его здесь. А теперь все взгляды направлены на нас.

Не реагируя на них, я ставлю поднос на стол и сажусь. Он опускается на стул напротив. У меня волосы шевелятся оттого, что мы в центре внимания, и я знаю каждого из этих зевак. Но я делаю глубокий вдох и стараюсь приободрить Мэнни улыбкой.

– Видишь? – заявляю я, открывая колу. – Уже становится лучше.

Но вдруг что-то падает прямо передо мной, и еда разлетается. Я ахаю и замираю: макароны высыпались на руку и прилипли к волосам.

Какого?..

– Ого!

В помещении становится тихо, а потом слышится хохот. Я знаю, что он доносится с моего старого стола. Народ замечает, что случилось, и смеется. Кто-то фотографирует.

Я застываю в оцепенении.

Потом поднимаю глаза и вижу жирную макаронину, свисающую с волос прямо на лоб. Мы с Мэнни встречаемся глазами. Он протягивает руку, поднимает красное яблоко, прилетевшее на наш стол, и удивленно смотрит на меня. А потом замечает макаронину и смеется.

– Эй, – окликаю его я. – Это не смешно.

Но он все равно улыбается и трясется от смеха.

Я закатываю глаза, ощущая, как сводит желудок. Затем ставлю колу на стол и убираю макаронину. Потом беру салфетку и пытаюсь оттереть от руки прилипший сыр.

– Привет, – раздается мужской голос.

Я поднимаю глаза и вижу, что Джей Ди садится за наш стол. Он берет у Мэнни яблоко и швыряет в другой конец столовой, туда, откуда оно прилетело. Я не смотрю туда, но слышу, как оно падает и кто-то визжит.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, глядя, как Джей Ди развалился на стуле.

Он пожимает плечами, берет мою колу и откручивает крышечку.

– Знаешь, когда твоя девушка спит с твоим лучшим другом, думаю, самое время завести новую девушку и нового друга.

– В любом случае ты нам нравишься больше, – раздается чей-то голос.

Я поворачиваю голову и вижу, что рядом с Мэнни садится Тен и смотрит на него.

– Привет.

Мэнни понурился и почему-то боится даже поднять глаза.

– Привет, – бормочет он. Джей Ди делает глоток колы.

– Когда ты узнал? – спрашиваю его я. Уверена, Миша ему не рассказал бы.

– Незадолго до того, как исписал лужайку и разоблачил ее.

Я поднимаю брови. Тен удивленно смотрит на него.

– Это был ты?! – восклицаю я.

Твою мать. Если он знал, как ему удавалось все это время строить из себя дурачка и не выдать себя?

– Наверное, я боялся остаться один, – поясняет он. – Пока пять секунд назад не увидел, что делаешь ты.

– Ты не Панк, – говорит Тен, и это больше похоже на вопрос, чем на утверждение.

Джей Ди только качает головой.

– Нет-нет. Я только один раз.

Мне на мгновение становится интересно, что будет, если я расскажу им, кто настоящий Панк. Но нет. Не то время, не то место, и я не уверена, что Панк уже вышел из игры. Не хочу раскрывать себя раньше времени.

Я заканчиваю отмываться, открываю пачку чипсов и благодарю судьбу, что все наконец-то забыли про нас и вернулись к своим разговорам, конечно же, благодаря приходу Тена и Джей Ди.

Думаю, моя давняя гипотеза подтвердилась. Чем нас больше, тем безопаснее.

– Так вот, я заказал лимузин на выпускной, – говорит мне Джей Ди, глядя на всех за столом. – Как насчет группового свидания?

Тен кивает, а мы с Мэнни молчим. Я доверяю Тену, а вот насчет Джей Ди еще не уверена. Все его поступки за последние две недели говорят о том, что он наш, но я параноик. Не хочу поехать на выпускной, и вдруг – упс… – и я вся в крови животных, как в *«Телекинезе»*.

– Ты шутишь, да? – спрашиваю его я. – Ты же не против?

Он задумчиво смотрит на меня.

– Раз Мейсена нет рядом, чтобы добраться до тебя, им придется сначала разобраться со мной. – Потом он переводит взгляд на Мэнни. – И до тебя тоже. И поверьте: никто не захочет иметь дело со мной.

Я невольно улыбаюсь. Джей Ди – восьмидесятикилограммовый будущий футболист Университета Южной Калифорнии, обычно безобидный, но люди знают, что лучше с ним не связываться.

– Звучит неплохо. Мне нравится. – Я поворачиваюсь к Мэнни. – А тебе?

– Уже купил платье? – встревает Тен.

Мэнни сердито смотрит на него.

– А ты?

Тен улыбается, и это немного успокаивает Мэнни.

Он не согласился, но я потом с ним поговорю. Он нам не доверяет, и у него есть на это все основания.

Все принимаются за обед. Джей Ди стреляет еду у всех с подносов. Я достаю телефон и пишу Мише. Надеюсь, он не будет против, если я приглашу его на выпускной.

Но, немного подумав, принимаю решение загуглить его имя и найти его на «Фейсбуке». Я так много читала о его жизни, а теперь хочу ее увидеть. Думаю, выпускной – последнее, о чем он сейчас хочет говорить, но рано или поздно надо вбросить ему идею, пусть хотя бы подумает.

Но когда я вбиваю «Миша Лейр Грейсон» в поисковик и просматриваю выдачу, результаты меня ошеломляют.

В животе что-то обрывается, а сердце уходит в пятки.

О господи.

Глава Двадцатая
Райен

Впереди виднеется Бухта, поразительно необъятная под серыми облаками. Я паркуюсь рядом с пикапом Миши, выхожу из джипа и иду ко входу.

Теперь я знаю, почему он перестал писать мне три месяца назад.

Нельзя было так долго сидеть сложа руки. Просто ждать, когда он одумается и напишет снова, было в высшей степени эгоистично. Я с чего-то решила, что он забыл про меня по какому-то мелкому, незначительному поводу и что гораздо важнее сохранить в наших отношениях статус-кво.

Конечно, он не перестал бы писать из-за мелочи. Он был предан мне целых семь лет. Почему я решила, что он может в одночасье выбросить меня из жизни?

А еще теперь я поняла, почему он прячется здесь, вдали от отца. В этом есть смысл.

Я вхожу в парк и чувствую, как прохладный ветерок – отголосок вчерашней грозы – ласкает руки. На улице душно, низкие облака выглядят угрожающе. Я поеживаюсь от холода.

Глядя по сторонам, прохожу мимо аттракционов и старых павильонов. Вдалеке виднеется шатер. Войдя в него, спускаюсь по темной лестнице и мгновенно замечаю свет в другом конце коридора.

Это место меня пугает. Говорили, что кто-то из Тандер-Бей собирался выкупить Бухту, снести «останки» парка и построить здесь отель с полями для гольфа, яхт-клубом и всем остальным, но, похоже, это всего лишь слухи.

Мне было бы жаль, если бы парк уничтожили, но… каждый раз, заворачивая за угол, я морально готовлюсь столкнуться лицом к лицу со злым клоуном, хохочущим среди развалин.

Надо было меньше смотреть ужастики.

В комнате Миши светло. Горят лампа на столе и несколько свечек на другом столике, в противоположном конце. Миша лежит на кровати, свесив ноги на пол, и постукивает по ним карандашом. В его ушах наушники.

Рядом с дверью стоит несколько коробок с вещами. Все, кроме кровати, стола и лампы, уже собрано.

Я нежно улыбаюсь и не могу оторвать от него глаз: от его руки, что отбивает ритм песни, которую еле слышно из наушников, от сережки, которая делает его губы такими

сексуальными, от его темных – почти черных – волос, взъерошенных, как будто он только что стоял на ветру.

Сердце сжимается. Я делаю глубокий вдох. По спине бегут мурашки.

Я люблю его.

Подхожу ближе, залезаю на него и ставлю руки на кровать по бокам от его головы. Он вздрагивает, открывает глаза и нежно смотрит на меня.

И вытаскивает наушники.

– Ты в порядке?

Он, скорее всего, переживал, что бросил школу и оставил меня один на один с Треем и Лайлой. Я киваю.

Хочется рассказать ему, как прошел день: об угрозах Трея, о Мэнни в туалете, о Джей Ди и Трее за обедом. Но не будем отвлекаться.

– Почему ты не рассказал мне об Энни? – спрашиваю его.

Он мгновенно мрачнеет и медленно садится. Я сползаю с него на кровать и сажусь рядом.

– Я собирался, – говорит он, стараясь не встречаться со мной глазами и выключая айпод. – Ждал, пока у нас все немного уляжется.

Это можно понять, но я имею в виду не его приезд в Фэлконс Уэлл в образе Мейсена. Речь о том, почему *Миша* не сообщил об этом в письмах.

– Я видела эту историю, мне попадалось ее имя в Интернете, – говорю я, – но… почему ты сказал мне, что твоя фамилия Лейр?

Я слышала, что семнадцатилетнюю девушку, которая умерла на Олд-Пуэнт-Роуд от сердечного приступа, звали Анастейша Грейсон.

Энни, как я понимаю, – это краткое от Анастейша. Но, выходит, Миша никогда не называл мне свое настоящее имя?

– Лейр – мое второе имя, – отвечает он. – Оно семейное. В Тандер-Бей любой знает Грейсонов, мой дедушка – большой человек. И от меня всегда ждали определенного поведения, нужно было соответствовать. В детстве это всегда на меня давило, и, когда я начал писать тебе, увидел возможность освободиться от всего. Я не думал, что ребенок нашего возраста может знать, кто такой сенатор Грейсон. – Он негромко усмехается. – А когда мне исполнилось восемнадцать, я официально сменил фамилию на Лейр. Она подходит мне гораздо больше.

Оказывается, не я одна притворялась кем-то другим.

– Энни была образцовой ученицей, – рассказывает Миша, – спортсменкой, во всем просто идеальной. И я не понимал, как она

успевает, откуда у нее время и энергия на все это. Но когда понял, *что* она делает со своим телом, было уже слишком поздно. Тревожные звонки были, но мы не думали, что все настолько серьезно. Она крала деньги у меня из кошелька, могла работать много часов подряд, у нее пропал аппетит…

Три месяца назад, когда полиция наконец назвала имя погибшей, я прочитала детали дела. Она бежала, была одна в позднее время. Ее машина заглохла, наверное, она пыталась добежать до заправки. А потом упала с телефоном в руках, но, когда подоспела помощь, ее уже не было в живых. Позже установили, что к тому моменту она довольно долго сидела на наркотиках.

Я не следила за этой историей, мне было не очень интересно. Это ведь просто какая-то незнакомая девочка. Но я слышала достаточно, чтобы запомнить некоторые подробности. И меня бросает в дрожь, когда вспоминаю, что думала о ней, не зная, *кто* она такая.

Мишина сестра.

– Все произошло в ту ночь, когда мы встретились на квесте, – говорю я, вспомнив дату из статьи. Он кивает с отсутствующим видом. – Мы с тобой болтали там, на складе, а она…

Умирала. Я отвожу глаза.

– После этого я не ел, – рассказывает он, – перестал писать, потому что был не в состоянии поговорить с тобой об этом, да и ни о чем другом – тоже. Я больше не мог вести себя как раньше, потому что не получалось смириться с мыслью, что ее больше нет на этом свете. Я был не в себе. – Он наконец переводит взгляд на меня. – Ты была нужна мне, но я просто не знал, как теперь с тобой разговаривать. И со всеми остальными – тоже. Я изменился.

– Но теперь ты можешь говорить.

Он улыбается и снова сажает меня к себе на колени.

– Да. Не уверен, что переживу еще одну разлуку с тобой.

Я прислоняюсь к нему лбом. Тоже не знаю, что бы я без него делала. Жутко, что он перестал мне писать. Ужасно, что притворялся Мейсеном. Но я так рада, что мы снова вместе.

И мне правда обидно, что привела его сюда гибель сестры.

– Я понимаю, почему ты перестал писать. И что приехал сюда, чтобы убежать от этого кошмара, тоже понимаю. Но… – я смотрю ему в глаза, – зачем ты поступил в нашу школу? Если не ради меня, то зачем?

Он качает головой и вздыхает.

– Просто так.

– Миша.

– Серьезно, просто так, – говорит он, не давая мне

продолжить. – Я думал, что у меня есть еще одна причина быть здесь. Человек, которого я когда-то знал. Но нет. Это было глупо, и теперь я чувствую себя идиотом. Мне не нужно было приезжать. – А потом он улыбается и обнимает меня. – Но я ни о чем не жалею.

Я наклоняю голову набок. Он снова говорит загадками.

– Я люблю тебя, – успокаивает он меня. – А все остальное не имеет значения.

Он выглядит таким спокойным и счастливым, что я не хочу все ипортить. Глубоко вздохнув, ложусь на него и расслабляюсь.

– Можешь вернуть мне шарф?

– Да.

– Я люблю тебя, – говорю я, ощущая приятное покалывание в руках, потому что сердце начинает стучать быстрее.

Он обнимает меня за талию.

– Это был всего лишь вопрос времени.

Усмехнувшись, я его целую. Вечно он надо мной издевается.

– А еще я думаю, что пришло время познакомиться с твоей мамой.

– О, а это обязательно? – Я целую его в щеку и медленно спускаюсь к шее. Это куда интереснее, чем разговоры.

– Думаешь, я ей не понравлюсь?

Я вздыхаю и перевожу взгляд на него. У меня прекрасная мама, но она строгая. И если она узнает, что я влюбилась, мне вскружили голову и все такое, первое, о чем она позаботится, – это чтобы я не выскочила замуж вместо учебы в колледже.

– Но ведь это *твой* дедушка – сенатор, – говорю я. – Может, мы начнем с этого?

Он фыркает и качает головой. Думаю, это значит «нет».

– Ну ладно, – расстроенно соглашаюсь я. – Тогда у меня будет к тебе одна просьба.

– Какая?

– А, – отвечаю я, – расскажу по пути. Это не совсем законно.

Глава Двадцать Первая
Райен

Я поднимаю небольшую спортивную сумку, и несколько железных банок внутри звякают друг о друга. Но уже тише: не хочу, чтобы мама с сестрой что-то заподозрили, когда я понесу их вниз, поэтому завернула их в одежду, чтобы меньше гремели.

Сегодня мой последний маленький налет на школу. Миша мне помогает. И только в этот раз я совсем не испытываю чувства вины.

Мы бунтари, но у нас есть на то причина.

Пусть небольшая, но есть.

Взглянув напоследок на себя в зеркало, беру сумку и слышу дверной звонок.

Он здесь.

Выхожу из комнаты и спускаюсь по лестнице, приподняв платье. Мама с сестрой обосновались в гостиной с миской попкорна и говорят, что собираются смотреть ужастики. На самом деле они просто не хотят упустить возможность еще раз посмотреть на Мишу.

На прошлой неделе, когда я привела его домой, маме он сразу понравился, даже очень, особенно учитывая историю наших отношений. Она знает, как много Миша для меня значит, и была безумно рада наконец-то познакомиться с ним лично.

А сестра, думаю, только рассердилась.

Ой, глянь-ка. Он не забыл про меня. Я ему нравлюсь. Он меня любит.

И он такой красавчик.

За последнюю неделю она стала меньше ко мне придираться, и я решила попробовать восстановить отношения. В конце концов, в том, что они испортились, я виновата не меньше, чем она. Может, она и была врединой в детстве, когда не хотела ходить со мной за руку, чтобы я не чувствовала себя одинокой… Но когда мы выросли, именно я от нее отдалилась. Так что теперь я стараюсь следить за языком и не вставать в защитную стойку, как только она оказывается рядом. Это займет какое-то время, но, надеюсь, у нас получится.

Она мне сегодня даже волосы уложила.

Спустившись на первый этаж, вижу, что мама уже бежит к двери. Ставлю сумку на пол и встаю рядом с ней. Дверь открывается.

За ней стоит Миша. Высокий, в черном костюме, белой

рубашке и черном галстуке. Костюм сидит как влитой, и даже галстук аккуратно завязан. Волосы он тоже уложил. Единственное, что выглядит как обычно, – это серебряное кольцо в губе. Даже краешек татуировки на шее закрыт воротником.

Мне нравится, как он обычно выглядит и одевается, но Миша в костюме… В этом есть что-то особенное. Он сразу кажется таким взрослым… и очень сексуальным.

Я ценю, что он старается произвести хорошее впечатление на мою маму. Когда я в прошлый раз привела его домой, он достал из машины толстовку и надел ее, перед тем как войти в дом, чтобы прикрыть татуировки рукавами. Переживал, что мама будет судить о нем по внешности, прежде чем узнает по-настоящему.

Но потом она показала ему маленький иероглиф на плече, который набила в колледже. Тогда это был последний писк моды. И Миша немного расслабился.

Мы встречаемся глазами, а потом он опускает взгляд на мое платье. Красное, в пол, без рукавов, с высоким воротом и тонкими блестящими лямочками на голой спине. Сестра накрасила меня под четким маминым руководством, а мама за время веселых сборов успела сделать клубнику в шоколаде. Изначально мы с Лайлой и другими девочками собирались сходить в салон, но вышло даже лучше. Рада, что провела этот день с семьей.

Я кладу руки на пояс, встаю в позу и спрашиваю:

– Ну и как я выгляжу?

Он входит в дом, подходит ко мне, наклоняется и целует в щеку.

– У меня просто нет слов, – шепчет он.

– Вы оба прекрасно выглядите, – вставляет мама.

– Только вот наряды друг другу не подходят, – добавляет сестра. Я поднимаю глаза и вижу, что она входит в прихожую.

На ней коротенькие пижамные шортики, видимо, чтобы порадовать Мишу. В голову закрадывается крамольная мысль: подлить уксуса ей в ополаскиватель для рта.

Не подходят? Это типа цвет его галстука не сочетается с цветом моего платья?

Миша кладет руку на грудь и заявляет:

– Мы подходим друг другу здесь.

Я тихонько смеюсь.

Сестра закатывает глаза, а мама качает головой и улыбается.

– Ладно, пошли, – говорю я.

И наклоняюсь за сумкой, в которой, как думает мама, сменная одежда для вечеринки, на которую мы не собираемся.

Но она вдруг вскрикивает:

– А фотографии?!

Я замираю.

Негромко вздохнув, я спускаюсь с последней ступеньки. Миша разворачивает меня, прижимая спиной к своей груди.

– Стандартное фото перед выпускным, – объясняет он.

– А, ну ладно, если это обязательно.

Сестра складывает руки на груди и продолжает с недовольным видом наблюдать, как мама нас фотографирует. Конечно, я хочу фотографии. Я не так часто бываю на вечеринках. Но у меня сохранилось наше первое совместное фото с квеста, и я чувствую, что Миша просто делает мне одолжение, отправляясь со мной и парнями на праздник. А я не хочу его напрягать.

Но, к моему удивлению, кажется, ему нравится. Он обнимает меня и смотрит прямо в глаза. Мама быстренько делает пару снимков.

Я смотрю на его губы, и сердце бьется быстрее, а все тело моментально согревается. Нет, правда, я бы лучше провела эту ночь с ним вдвоем.

– Фу, ну не здесь же, – ноет Карсон, а потом поворачивается и возвращается с гостиную.

Я все еще смотрю на Мишу.

– Райен, будь дома к двум, – говорит мама.

– Это выпускной, – напоминаю я. – Он, как бы тебе сказать, на всю ночь.

– К двум, – повторяет она, глядя на нас обоих. Понятно, что отступать она не будет.

Но я все равно ввязываюсь в спор.

– К семи.

– К трем.

– К трем, и Мише можно прийти утром на завтрак.

Она легко соглашается.

– Ладно. Но будут пончики. А не рогалики с халапеньо.

– Знаю.

Я осторожно поднимаю сумку, стараясь, чтобы банки не бились друг о друга, и шепчу Мише, проходя мимо:

– Видимо, ты придешь очень рано, потому что отпускать тебя я не планирую.

Негромко рассмеявшись, он открывает передо мной дверь. Скорее всего, он не захочет рисковать, чтобы не разбудить маминых демонов, но мы оба прекрасно знаем, что он не сможет мне отказать.

Мы спускаемся с крыльца. Он забирает у меня сумку, а я замечаю припаркованный на обочине лимузин.

Подхожу к машине, останавливаюсь и жду, пока он откроет

мне дверь.

– Привет! – раздаются голоса из лимузина.

Внутри уже сидят Джей Ди, Тен и Мэнни. Они едят снеки и запивают газировкой, но, насколько я знаю Тена, это не просто газировка.

– Привет! А вы, ребят, почему не зашли? – спрашиваю, садясь в машину.

– Выпускное фото с четырьмя парнями? – иронизирует Джей Ди. – Уже вижу, как Лайла прокомментирует это на «Фейсбуке».

Да, верно.

Дверь машины закрывается. Миша остался снаружи. Он наклоняется и заглядывает в открытое окно.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Увидимся на выпускном.

Что?

Он уходит, а я высовываю голову в окно.

– Миша!

Он разворачивается и идет спиной вперед. Я обращаю внимание на стоящий неподалеку пикап. Похоже, он приехал сюда сам, а ребята подъехали позже.

– Не переживай, – кричит он, – и развлекайся. А я скоро буду.

Я смотрю ему вслед, ничего не понимая. Он забрал с собой сумку. Он что, собирается что-то сделать без меня?

Проклятье.

Нахмурившись, опускаюсь на сиденье. Я больше не иду на выпускной бал с четырьмя кавалерами.

Лимузин стартует. В салоне напряженное молчание. Подняв глаза, вижу, что Мэнни, Тен и Джей Ди вопросительно смотрят на меня.

Тишину нарушает Джей Ди.

– Кто такой Миша?

Когда мы приезжаем в отель «Бакстер», все уже готово к празднику. Белые гирлянды развешаны по деревьям, а дорогу к бальному залу освещают фонари в стиле начала прошлого столетия, в которых колеблются язычки пламени. В фойе играет быстрая музыка, и я уже чую запах еды.

Мы отпускаем лимузин, раз Миша за рулем. Но когда мы входим в зал, я вижу, что его там нет.

Помещение изысканно украшено в цвета школы. На ленточках покачиваются черные и зеленые шарики, горят свечи, на столах лежат белые скатерти. На сцене какая-то группа играет кавер.

– Ты его видишь? – кричу я Тену прямо в ухо.

Поморщившись, он прерывает разговор с Мэнни и поворачивается ко мне.

– Я его не искал.

Ладно. *Расслабься. Мы только что приехали.*

Но у нас с Мишей наконец-то все наладилось, и можно просто весело провести время. Я не хочу, чтобы все опять испортила какая-нибудь глупость.

Спокойно подхожу к ребятам, решив, что теперь уже нет ничего страшного в том, чтобы раскрыть им настоящее имя Мейсена. Миша сказал, что не вернется в школу, а у меня снова есть настоящие друзья. И мне неловко им врать.

– Хочешь что-нибудь выпить? – спрашивает Тен, намекая, что под рубашкой у него емкость с алкоголем.

Но я отмахиваюсь.

– Хочешь потанцевать? – интересуется с другой стороны Джей Ди.

Я снова оглядываюсь в поисках Миши.

– Да, – наконец соглашаюсь я. Почему бы и нет? Он сказал мне развлекаться.

Джей Ди ведет меня на танцпол, а Тен с Мэнни остаются за столиком. Я оборачиваюсь на них и вижу, как Мэнни нервно оглядывается, словно ожидая подвоха. Но вдруг… Тен протягивает руки и поправляет Мэнни галстук.

Мне трудно сдержать смех. Мэнни очень удивлен, но они обмениваются взглядами, а я сгораю от любопытства.

Ну нет. Тен никогда не стал бы встречаться с готом.

Мы с Джей Ди присоединяемся к толпе на танцполе и движемся под музыку. Вокруг все болтают и смеются. Атмосфера потрясающая. В зале темно и полно народу. Я вспоминаю, о чем говорил Миша в одном из писем. Когда понимаешь, что ты один из многих, перестаешь ощущать одиночество.

Я чувствую себя практически невидимой, и – по секрету – мне нравится это ощущение. Песня заканчивается. Я висну на Джей Ди, смеясь и тяжело дыша. Из-за дым-машины и оттого, что в зале душно, мне тяжело дышать. Я открываю клатч, достаю ингалятор и оглядываюсь в нерешительности. Обычно я ухожу для этого в уборную.

К черту. Я пшикаю в рот. Джей Ди с интересом смотрит на меня. Но это не что иное, как просто удивление. Делаю еще один пшик и пытаюсь вдохнуть.

– С тобой все хорошо?

Я киваю и показываю ему большой палец.

– Я в порядке.

Убрав ингалятор в сумочку, даю ему подойти поближе. Он

кладет руки мне на талию, и мы начинаем медленно покачиваться.

– Глазам своим не верю, – раздается чей-то голос.

Я оборачиваюсь и натыкаюсь взглядом на Лайлу и Кейтлин. Они стоят посреди танцующей толпы и пялятся на нас.

Лайла сложила руки на груди. У нее сексапильное розовое платье.

– Просто слов нет, – мурлычет она.

Стоящая за ней Кейтлин усмехается. Я наклоняю голову и тоже изображаю смех.

– Ой, прости. – Поднимаю голову и смотрю на Джей Ди. – Я чуть не уснула. Кто-то что-то сказал?

Он хихикает.

Хотя, если честно, у Лайлы есть все основания меня недолюбливать. Я никогда не была ей хорошим другом. Но, зная ее, я не уверена, что это вообще возможно.

Сзади к Лайле подходит Трей, пытается приобнять, но падает и виснет на ней. Его глаза прикрыты, он едва стоит на ногах.

– О, какие дела, – мямлит он, указывая на нас с Джей Ди. – И ты тоже, значит? Ты в курсе, что меняешь парней как перчатки, дрянная девчонка? Мне это нравится.

Это выглядит жалко. Лайла пытается его от себя отцепить. Я отворачиваюсь.

– Ну давай же, – кричит он у меня за спиной. – Джей Ди, друзья должны делиться. Ты на разок возьмешь мою, а я – твою.

Трей хватает меня за руку, но Джей Ди его отталкивает.

– Держись от нее подальше.

Трей снова подходит, но я напрягаюсь всем телом.

– Хватит! – А потом со сцены раздается голос, и я замолкаю.

– Большое спасибо, что позволили нам прервать этот прекрасный вечер, – начинает Миша. Я моргаю и осознаю, что музыка стихла.

Отрывая глаза от Трея, смотрю на сцену и вижу, что Миша стоит у микрофона. На нем по-прежнему костюм, но поверх висит гитара на ремне. Мы встречаемся глазами. Легкая улыбка играет на его губах.

Я делаю шаг вперед, увлеченно наблюдая за происходящим.

– Мы Cipher Core, и эта песня посвящается чирлидерше, – говорит он.

Сердце стучит в горле. На сцене его товарищи по группе, ребята, с которыми он был на видео в YouTube.

– Ого, да это же Мейсен, – бормочет Джей Ди. – То есть Миша.

Вступают ударные – задают ритм, потом гитары начинают

играть быструю и сложную, но душевную мелодию. Миша начинает петь, сначала тихо, но потом все громче и громче.

Все идет своим чередом,
Пока их подъем твоим крахом не станет.
Столько стараний потрачено зря.
Столько страданий потрачено зря.
Дай им насладиться своей правотой,
Пока тебя в землю не закопают.
Не беспокойся о пухлых губах.
Все, что от них останется, – прах.
Я хочу их лизнуть, пока они пахнут тобой.
Чирлидер говорит: запомни этот миг,
Ведь мы с тобой к нему еще вернемся.
Но у меня дела. Ты подожди чуть-чуть,
совсем недолго.
Мне не удержать ее, но я не отпущу ее,
И пока в ее сердце огонь, а не лед или дым,
Я запомню его таким.
Пятьдесят семь раз не позвонил,
Пятьдесят семь писем не послал,
Пятьдесят семь швов, чтоб вновь дышать,
А не притворяться, что дышу.
Пятьдесят семь дней тебя не ждать,
Пятьдесят семь раз не отвечать,
На пятьдесят семь дней тебя забыть,
Пятьдесят семь гребаных ночей
Глаз ни на минуту не смыкать.

Его глаза закрыты. У него такое красивое лицо. У меня внутри все переворачивается, потому что это лучшая песня из всех, что я слышала, и я хочу дослушать ее до конца.

Когда он успел ее написать? Когда мы ссорились? До того, как мы встретились?

Как только песня заканчивается, наша сопровождающая выходит на сцену и неодобрительно качает головой на группу. Улыбаясь, они убирают инструменты и быстро уходят со сцены, потому что разрешение выступить им дали, а вот текст никто никому не показывал. А в него закралась парочка непечатных словечек.

Дейн драматично кланяется. Я смеюсь. Толпа ликует. Я даже не знаю, что в это время происходило в зале. Народ танцевал? Где Трей и Лайла? Я не знаю, и мне все равно.

Миша отдает одному из ребят свою гитару, а я протискиваюсь

сквозь толпу ему навстречу. Он спрыгивает со сцены. Другая группа занимает сцену и начинает играть.

Миша подходит ко мне, приобнимает за талию и поднимает в воздух. Я смеюсь, несмотря на то что все лицо залито слезами.

Я касаюсь его щеки и смотрю на него.

– Я не хотела плакать.

– В этом тексте половина слов – твои, – говорит он. – Так что у нас много чего получается делать вместе, понимаешь?

– И хорошее, и плохое.

Он вытягивает шею и целует меня в губы.

– Меня все устраивает.

Я целую его и забываю обо всем на свете. Значит, *57*. Он присылал мне кусочки этого текста в прошлом году, но итоговый вариант я так и не увидела.

– Я люблю тебя, – шепчет он. – И готов уехать, как только ты захочешь, так что держи меня в курсе.

– Я готова.

Улыбаясь, он ставит меня на землю.

– Пойдем повеселимся.

Он берет меня за руку. Мы пробираемся через толпу танцующих и у столов с едой натыкаемся на Джей Ди.

– Куда это вы собрались? – спрашивает он.

Я перевожу глаза на Мишу. Он пожимает плечами.

Рядом с Джей Ди крутится девушка, имени которой я не знаю. Не хочу отрывать его от нее и последующего празднования, но…

– Не хочешь слинять отсюда с нами на часок?

Немного подумав, Джей Ди ставит тарелку на стол.

– Я в деле.

– Запомни, ты сам на это подписался.

Он шепчет что-то девушке на ухо, а потом догоняет нас. Тем временем Миша хлопает по столу, за которым сидят Тен и Мэнни:

– Пошли.

Мы набиваемся в Мишин пикап. Я обращаю внимание, что моя сумка лежит под пассажирским сиденьем.

– И куда мы поедем? – спрашивает Тен, когда Миша заводит двигатель и выезжает с парковки.

– В школу.

Я пристегиваюсь, ставлю сумку на колени и открываю молнию.

– Зачем?

Я поглядываю на Мишу. Выражение его лица говорит: продолжай.

Достаю из сумки банку смываемой краски с распылителем, то

есть баллон.

– Затем, что… уже самый конец учебного года, а я еще не все сказала.

Поднимаю в воздух баллончик с краской и вижу глаза Тена: они едва не вылезают из орбит.

– Что? – вскрикивает он.

– Ты? – Джей Ди ошарашенно смотрит на меня.

Я встречаюсь взглядом с Мэнни и вижу, как колесики в его голове начинают вращаться. Может, он понял, что это я оставила надпись на двери его шкафчика – свое первое послание:

Ты не один. Дальше будет лучше.

Ты единственный и неповторимый.

Держись.

Я посвящаю их во все: как начала рисовать на стенах, чем себя оправдывала… А еще рассказываю, что собираюсь сделать сегодня вечером в последний раз, чтобы все запомнили.

И раз у них всех есть что сказать по этому поводу, я подумала: может быть, они захотят приложить к этому руку. Особенно учитывая, что Тен уже выражал такое желание, а Джей Ди даже внес свою лепту.

– Вы в деле? – спрашиваю их.

– Черт, да, – отвечает Джей Ди.

Но я смотрю на Мэнни. Он молчит.

– Ты не обязан.

Я не прошу никого из них подставляться под удар. Они могут подождать в машине или мы можем отвезти их обратно на выпускной бал прямо сейчас.

Но Мэнни кивает и показывает на баллон у меня в руке.

– Хочу черный.

Хорошо. Я лезу в сумку, достаю баллоны и напоминаю ребятам, чтобы отдавали предпочтение поверхностям, которые потом легко отмыть, и держались подальше от экранов, плакатов, рисунков и одежды в раздевалках.

Мы паркуемся с южной стороны школы, проскальзываем в ворота и бежим через двор ко входу в бассейн.

Я отдаю свой баллончик Мише, а сама достаю из сумочки ключи.

– У тебя есть ключи? – удивленно спрашивает Джей Ди. – Поверить не могу, что они до сих пор не додумались допросить тебя.

Да, у меня есть ключи. Часто бывает, что я остаюсь в бассейне последней, и это моя обязанность: мне поручено запирать ту дверь.

– Я Райен Треверроу, – смеюсь. – И я такая дура, что клеток

моего мозга не хватает даже на то, чтобы дышать нормально.

Ребята тихонько хихикают. Я открываю дверь, и мы все забегаем внутрь.

– А почему ты думаешь, что никто не увидит граффити завтра и не сотрет краску до понедельника? – спрашивает Миша.

Сейчас вечер субботы, так что это вполне возможно.

Но…

– Крыша протекает, и завтра ее будут ремонтировать, – объясняю. – Учителей попросили для их же безопасности не находиться в здании. – Смотрю на ребят. – Вы знаете, что делать?

– Ага.

– Конечно.

– Я готов.

Хорошо.

– Тогда вперед.

Утром в понедельник мы с Мишей входим в школу и понимаем, что вокруг бушует шторм.

В глубине души я понимаю, что не надо было этого делать. В конце концов, есть множество других способов решить свои проблемы, более эффективных.

Но Миша правильно сказал: мы все ужасные. Разве не так? Только кто-то это скрывает, а кто-то – нет.

Думаю, мне просто надоело, что Трей прячет свое истинное лицо.

Что все позволяют ему безнаказанно это делать.

Я совершила кое-что очень, очень плохое.

– О боже, – бормочет парень рядом со мной, читая одну из надписей, что я оставила в субботу.

– Эй, ты это видела? – спрашивает девочка у подруги, глядя на противоположную стену.

Я смотрю в конец коридора и вижу несколько посланий, вокруг которых столпились зеваки.

Тебе не стоило оставаться со мной наедине. Ты сама напросилась.

– Трей Берроуз

Ты хоть, где у тебя член, не забыл, педик?

– Трей Берроуз

Я трахну ее, а потом ее мамку. Остерегайтесь меня.

Я буду ждать тебя за каждым углом, караулить ночами, когда ты спишь, пока не получу то, чего хочу.

Вы, мелкие сучки, очень быстро становитесь шлюхами, когда входите во вкус.

Жаль, ты не видела, как на прошлой неделе мы пустили вон ту девочку по кругу. Парни в очередь выстроились. Это было великолепно.

Головой вниз, задницей кверху – вот как мы любим трахаться.

Трей, Трей и еще раз Трей.

Мы прогуливаемся по школе мимо цитат, которые все вчетвером написали в субботу на стенах, шкафчиках и полу, сворачиваем в холл и видим еще несколько.

Хотя не все они принадлежат Трею. Встречаются и слова Лайлы, Кейтлин, парочки друзей Трея и даже мои.

Потому что нет ничего проще, чем попросить прощения. А искупить вину можно позором.

В один прекрасный вечер я подкараулю тебя на парковке после плавания, заставлю раздвинуть длинные ножки и оттрахаю прямо на земле. Как тебе такое, детка?

– Трей Берроуз

– Это отвратительно, – говорит девушка помладше и морщится.

Другая девушка достает карандаш и дописывает что-то под надписью *«Они все этого хотят»*.

«Нет, не хотим», – пишет она.

Во всех коридорах суматоха. Мы старались писать на стенах двух главных проходов: по ним идут все, когда приходят в школу.

Почти никто не остается равнодушным. Многие девушки злятся и с отвращением смотрят на надписи. Парни удивлены.

– Всем ученикам разойтись по кабинетам, – раздается из динамиков голос завуча. – Всем ученикам разойтись по кабинетам.

Тен останавливает нас в коридоре, взволнованный, но радостный.

– Кажется, мы попали в десятку.

– Да. – Я смущенно улыбаюсь ему. Ребята массово дописывают свои комментарии под нашими граффити. – Ты только посмотри на них.

Стоит одному высказаться, как остальные решают, что они тоже имеют на это право.

Вздохнув, я поворачиваюсь к Мише.

– Уходи. Тебя не должны видеть здесь. Если она заметит, то свалит все на тебя.

После того как он нахамил Берроуз с неделю назад, он ни разу не появлялся в школе, но, видимо, распереживался, как все пройдет сегодня, и решил прийти.

Он качает головой.

– Мне плевать.

– Полиция уже приехала, – говорит нам Тен.

– Полиция? – шепчу я. – Я не думала, что мы сделали что-то настолько ужасное.

– Нет, они здесь не из-за вандализма. Это по душу Трея. Несколько девушек уже пишут на него заявления. Послания дошли до адресатов.

– Тогда тебе действительно лучше уйти, – говорю я Мише.

Но тут к нам подходит директор Берроуз, и мое сердце пропускает удар.

– Мистер Лоран? Пройдемте со мной.

Он на секунду задерживает на ней взгляд.

А я подскакиваю.

– Почему?

– Думаю, он знает, почему.

Миша на мгновение замирает, и я думаю, что он опять устроит перепалку, как в прошлый раз, но он этого не делает, а идет за ней.

– Нет, нет, нет… – пытаюсь вмешаться я. – Он ничего не сделал.

– Все нормально, – шепотом успокаивает он меня.

Но Берроуз смотрит на меня и вмешивается.

– Если не считать уборщиков, то вы в пятницу вечером уходили из школы последней, – говорит она мне. – В этом нет ничего необычного, потому что вы ведете занятия по плаванию, но я вспомнила, что у вас есть ключ. А потом сообразила, в чьей компании видела вас в последний раз. – Она переводит глаза на Мишу. – Вы брали ее ключ?

– Нет! – отвечаю за него я.

– Да, – говорит он.

О боже.

– Все нормально, – повторяет он. – Со мной все будет хорошо.

Директриса уводит Мишу, а я опускаю руки, ощущая полное бессилие. Почему он не ушел, как в прошлый раз?

Он не должен защищать меня, и он знает, что я не позволила бы ему взять вину на себя.

Что он делает?

Глава Двадцать Вторая
Миша

– Присядьте.

Я предпочел бы постоять, но, думаю, ничего страшного. Я сажусь на стул перед ее столом.

– После драки и того, как вы вели себя в последние недели, я звонила по телефонам, указанным в вашем личном деле, – говорит она, закрывая дверь кабинета. – Ни один из них не работает. Или это несуществующие номера? Не хотите объяснить мне, что происходит?

Она садится за аккуратный маленький стол. Я пристально смотрю на нее. Расстегивая пиджак, она придвигается к столу и открывает личное дело. Несомненно, мое. Папка практически пустая.

Я продолжаю сидеть молча.

– Если у вас возникли разногласия с Треем, вам нужно было подойти ко мне, – заявляет она, – а не врываться в школу и писать ужасающие обвинения на стенах.

Обвинения? Фотографии, которые она нашла у себя в спальне, показались ей недостаточно убедительными?

– Где он? – спрашиваю я.

Она выпрямляет спину.

– Я перевела приемного сына на домашнее обучение, пока весь этот хаос не уляжется.

Я хочу улыбнуться, но сдерживаюсь. Просто смотрю на нее. Учитывая количество грустных школьниц, ждущих за дверью кабинета, полагаю, уляжется все не так уж быстро.

– Где твои родители? – спрашивает она.

– Отец живет в Тандер-Бей.

– А мать?

– Она нас бросила.

Она вздыхает и кладет руки на стол. Понимает, что так ничего не добьется.

Она протягивает руку, берет телефонную трубку и подносит к уху.

– Дай мне телефон отца.

Я сжимаю пальцы, но не выдаю себя. *Пожалуйста.*

– 742-555-3644.

– Как его зовут? – она набирает номер. – Назови его *настоящее* имя.

Я слышу, что идут гудки, сердце сжимается, но я держусь.

– Мэтью, – спокойно отвечаю я. – Мэтью Лейр Грейсон.

Она вдруг замирает и резко поднимает на меня глаза. Потом начинает дышать чаще и выглядит так, будто увидела привидение.

Она помнит его имя. Это уже что-то.

На другом конце провода раздается папин голос.

– Алло.

Она опускает глаза, глотает ком в горле – я это вижу – и нервно моргает.

– Мэтью?

– Джиллиан?

Она бросает трубку, будто та вдруг стала раскаленной, и прикрывает рот рукой. Очень хочется улыбнуться, просто чтобы поиздеваться еще сильнее.

Она поднимает голову, смотрит мне прямо в глаза и выглядит так, словно боится меня.

– Миша?

Ага.

Еще лучше. Она помнит и *мое* имя. Два очка мамочке.

Теперь она все знает. Мой приезд в этот город, поступление в эту школу и то, что я сижу у нее в кабинете, не имеет никакого отношения к Трею. Только к ней.

– Чего ты хочешь? – спрашивает она. Это звучит как обвинение.

Я смеюсь про себя.

– Чего я хочу? – Я опускаю глаза и шепчу себе под нос: – Чего я хочу?

Я задираю подбородок и по-птичьи наклоняю голову, сидя прямо напротив нее и призывая ее к ответу.

– Думаю, я хотел маму. Хотел семью, хотел, чтобы ты увидела, как я играю на гитаре, – говорю я ей. – Хотел, чтобы ты встречала меня с улыбкой рождественским утром, чтобы скучала по мне, чтобы обнимала сестру, когда ей было грустно, одиноко или страшно. – Она просто молча сидит передо мной, но ее глаза блестят от слез. – Я хотел, чтобы мы тебе нравились. Хотел, чтобы ты сказала папе, что он хороший человек, что заслуживает лучшей, чем ты, и что ему пора перестать ждать тебя. Хотел, чтобы ты сказала *нам,* что пора перестать ждать.

Я сжимаю зубы и собираю волю в кулак. Дело не во мне. Я давно перестал чувствовать боль и задавать себе вопросы, ответы на которые заведомо меня расстроят.

– Я хотел увидеть тебя, – продолжаю я. – Хотел понять, какая ты. Хотел узнать, ради кого моя сестра умерла от сердечного приступа в семнадцать лет, потому что принимала наркотики.

Она делала это, чтобы не спать, чтобы учиться, чтобы быть идеальной дочерью и лучшей спортсменкой. И все это – в надежде на то, что ты вернешься и будешь гордиться ею!

Я разглядываю ее лицо и вижу, что на меня смотрят покрасневшие глаза Энни, полные боли.

– Я хотел понять, почему ты не приехала на похороны собственного ребенка, – продолжаю я перечислять ее грехи, – твоей малышки, которая лежала на темной, мокрой, холодной дороге несколько часов в полном одиночестве, пока твои новые дети, – я пододвигаю к ней рамку с фотографией на ее столе и разворачиваю к ней, – в твоем новом доме, – еще одно фото, – с твоим новым мужем, – последнее фото, – спокойно спали в своих кроватках. Но не Энни. Она умирала в одиночестве, так и не узнав, что такое объятия матери.

Она наклоняется и снова прикрывает рот рукой. Нет, это не могло стать сюрпризом. Она должна была знать, что рано или поздно это случится.

Знаю, что она не видела меня с двухлетнего возраста, но был уверен, что узнает. В первый день здесь, увидев ее в столовой, я ждал, что она вот-вот обернется, почувствует меня, ощутит мое присутствие.

Но она этого не сделала. Ни тогда, ни когда притащила меня к себе в кабинет для разговора в стиле «привет, как дела?», ни после…

Она бросила нас и уехала, когда Энни была еще младенцем. Через некоторое время я услышал, что она пошла в колледж и стала преподавать, но, если честно, меня это не задевало.

Я могу понять, почему она это сделала. Быть матерью двоих детей в таком молодом возрасте – в двадцать два – тяжело, и это если не учитывать, что она вышла замуж за человека из очень серьезной семьи. Но я почему-то думал, что в итоге она вернется к нам.

А потом, когда мы с Энни узнали, что она в соседнем городе, вышла за мужчину, у которого уже был сын, и создала с ним семью, палец о палец не ударив для того, чтобы разыскать нас, я разозлился.

Все, что делала Энни, было ради того, чтобы мать услышала о ней, увидела фото ее команды в газете и вернулась.

– А теперь… – говорю я самым обычным, спокойным тоном, – мне все равно. Я хочу только, чтобы моя сестра была жива. – Наклонившись вперед, ставлю локти на колени и опираюсь на них. – Скажи мне кое-что, прежде чем я уйду. Кое-что, что я все же должен знать. Скажи, что никогда не собиралась к нам вернуться.

Она поднимает на меня мокрые от слез глаза.

Да, я смог убедить себя, что приехал сюда за альбомом со школьными фотографиями сестры, за газетными вырезками, которые, как сказала Энни, она отправила ей и которые я нашел у нее в столе, и за дедушкиными часами, но на самом деле в глубине души у меня еще теплилась надежда. Часть меня продолжала верить, что мама окажется хорошим человеком и сможет все объяснить, признаться, почему она не приехала даже тогда, когда ее дочь умерла.

– Я хочу, чтобы ты сказала, что не жалеешь о своих поступках: что бросила нас и ни разу не вспомнила с того дня, как уехала, – требую я. – Что без нас ты стала счастливее и что мы тебе не нужны.

– Миша…

– Скажи это, – рычу я. – Позволь мне уехать отсюда с полным осознанием того, что я ничем тебе не обязан. Дай мне то, что я прошу.

Может, она скучала по нам, но не хотела вторгаться в наши жизни и вносить разлад в *свою*. Или мы для нее – пройденный этап, и она не хочет к нему возвращаться. Возможно, ей вообще не было до нас дела.

Я понимаю, что больше не хочу об этом думать. Смотрю на нее и жду, пока она скажет то, что я хочу услышать, чтобы наконец расставить все по местам.

– Я не собиралась никого из вас искать, – шепчет она, глядя в стол, и слезы текут по ее лицу. – Не могла остаться. Не могла вернуться. Не могла быть вашей матерью.

Я хлопаю рукой по столу, и она подскакивает.

– Мне неинтересны твои оправдания. И я не буду тебя жалеть. А теперь вторая часть. Скажи, что без нас ты стала счастливее и мы тебе не нужны.

Она снова принимается плакать. Я по-прежнему жду.

– Я стала счастливее, когда ушла, – всхлипывает она. – Я никогда не думала о вас с Энни, и я счастливее без вас.

Она рыдает, будто каждое слово причиняет ей боль.

Мне становится грустно, и я тоже готов заплакать. Но встаю, выпрямляю спину и смотрю на нее сверху вниз.

– Спасибо, – говорю ей.

Развернувшись, направляюсь к двери, но останавливаюсь и обращаюсь к ней, стоя спиной.

– Когда другой твоей дочери, Эмме, исполнится восемнадцать, я с ней познакомлюсь, – заявляю я. – Сделай себе одолжение и не будь сукой. Подготовь ее к этому заранее.

Я открываю дверь и выхожу из кабинета.

Оказываюсь в пустом коридоре и направляюсь к выходу. Расстояние между мной и моей матерью увеличивается. С каждым шагом я чувствую себя сильнее.

Я не пожалею о том, что ушел, – говорю самому себе. – *С этого момента я о тебе не вспомню. Я счастливее без тебя, и ты мне не нужна.*

Я никогда больше не стану тебя искать.

– Ты спросил ее, почему она вас бросила?

– Нет.

Я сижу в комнате Энни, прислонившись спиной к стене, а Райен пристроилась у меня между ног.

– И тебе не было любопытно, что ею двигало? – допытывается она. – Как она оправдывала свой поступок?

– Раньше было интересно. Но теперь… не знаю. Не то чтобы мне было плевать, но… Если мы кому-то не нужны, нам и самим стоит перестать в них нуждаться. Я часто повторял это самому себе и теперь в это верю, – говорю я. – Увидеть ее и пройти мимо уже не так сложно. Если бы она хотела объясниться, она бы это сделала. Но она не гналась за мной. В конце концов, если захочет, она знает, где меня найти.

Райен гладит рукой синий шарф Энни.

– Значит, вот почему ты приехал в Фэлконс Уэлл.

– Да. У нее были часы. Фамильная реликвия, подаренная дедом по отцу ей и моему папе на свадьбу, – говорю я, утыкаясь носом ей в волосы. – По семейной традиции они переходят от отца к старшему сыну. Она забрала их, когда ушла – может, назло отцу или чтобы заложить, если понадобятся деньги, – но в итоге почему-то отдала Трею.

– Ты должен был возненавидеть ее за это.

– Я и так ее ненавидел, – отвечаю я. – От этого было еще больнее. Она ведь уже бросила нас. Как она могла украсть еще что-то? Особенно то, что по праву принадлежало мне?

Она была злой и эгоистичной. Может быть, сейчас она уже не тот человек, которым была раньше, но я не стану ждать ее, как ждала Энни. Я крепче прижимаю к себе Райен. Теперь она – мое все. С нетерпением жду те дни, что мы проживем вместе. Что-то мне подсказывает, что это будет чертовски весело.

Особенно учитывая, что мне больше не нужно нервничать из-за этого урода, с которым она учится в одной школе. Тен написал ей, что слышал, будто в дело вмешался инспектор и запретил Трею заходить на территорию школы, пока не закончится разбирательство. А раз несколько учениц выдвинули обвинения, есть подозрение, что ближайшие несколько месяцев Трей будет таскаться по судам.

Райен встает, поднимает меня, и мы выходим из комнаты. Я пришел сюда вернуть на место медальон и фотоальбом Энни. В конверте, что я забрал из маминого кабинета, были еще и письма. Энни не говорила мне, что писала маме – только что отправила альбом со своими фотографиями и вырезками, проверив, чтобы в нем не оказалось моих снимков: знала, что мне это не понравится.

Может быть, я не должен был забирать альбом и письма. Но, после того как мать не приехала на похороны, я просто не хотел, чтобы у нее оставалось хоть что-то, принадлежащее Энни.

Хотя Энни сама отдала эти вещи ей. Значит, сестра хотела, чтобы они были у нашей мамы.

Что ж… Если мать захочет вернуть конверт, она его получит. Но ей придется приехать и попросить.

Я тихонько закрываю за собой дверь, вхожу в комнату и вижу Райен. Она сидит на кровати и читает какую-то бумажку.

– Что это? – спрашивает она.

Я опускаю глаза на белый лист.

– Это письмо.

Она складывает его и кладет на место.

– Я, конечно, его не читала, но это может оказаться предложением обсудить контракт на запись. – Она усмехается. – И там еще несколько таких. – Она указывает на прикроватный столик. – Их я тоже не читала, но в них может оказаться что-то интересное. Могу поспорить, крутые чуваки увидели на YouTube видео вашей группы и теперь хотят кое-что обсудить с тобой.

Им не нужны Cipher Core. Им нужен я, а я не хочу бросать родную группу.

Я плюхаюсь на кровать, притягиваю Райен к себе и щекочу.

– Я больше не хочу делать такое, из-за чего придется быть вдали от тебя. Понимаешь?

Она смеется, извивается и пытается мне помешать.

– Еще немного – и начнется колледж, – хохочет она, отбиваясь от моих рук. – Я уеду. И я посмотрела на «Фейсбуке» страничку твоей группы. У вас назначены даты тура на это лето.

– Там только дурацкие пивнушки, ярмарки и фестивали.

Я залезаю на нее, сажусь сверху и задираю ее руки к голове.

– Но звучит очень круто.

Я высовываю язык и наклоняюсь, пытаясь дотронуться до ее носа.

– Тебе что, пять лет? – визжит она, дрыгаясь и пытаясь меня сбросить.

Я резко наклоняюсь и лижу кончик ее носа. Она морщится и вертит головой, не дает мне повторить это.

Я со смехом отпускаю ее руки.

– Честно говоря, не знаю, почему Дейн до сих пор не вычеркнул меня. Я говорил ему, что не поеду.

– Нет, поедешь.

Я слезаю с нее.

– Райен, я…

– Перестань, – говорит она. – Это не навсегда. Ты должен поехать. Просто плыви по течению и смотри, куда оно тебя вынесет.

Сейчас я хочу этого меньше всего. Сама мысль о том, чтобы оставить ее, делает меня несчастным.

– Мы с тобой поддерживали отношения на расстоянии семь долгих лет, – продолжает Райен. – Думаю, испытание временем и расстоянием мы выдержали. Никто из знакомых никогда не значил для меня столько, сколько ты. Ведь мы так долго переписывались. А теперь, когда встретились и я люблю тебя, – говорит она, забираясь мне на колени и обвивая ногами, – не сомневаюсь: ты должен поехать.

– Но у меня только что появилась ты.

– И я не хочу тянуть тебя назад.

Я засовываю руки ей под футболку со спины и наслаждаюсь теплой и нежной кожей.

– Все будет так, как мы захотим, – уверенно заявляет она. – У нас будет так и только так. Если ты поедешь и тебе не понравится, возвращайся домой. Но если понравится, я буду ждать, когда ты закончишь.

Чувствую, как кровь закипает от этих мыслей, и не знаю, что с этим делать. Пожалуй, сегодня лучше об этом не думать.

Хотел бы я покататься на старом арендованном автобусе и поиграть музыку этим летом? Может быть.

До февраля таким и был план.

Но теперь у меня есть Райен, и я дня без нее прожить не могу. Я не стану счастливее только потому, что у меня есть моя музыка.

Но она права. Она уедет в колледж. Я тоже могу поступить, но это будут разные колледжи. Можно, конечно, пойти туда же, куда она, но… не могу же я вечно следовать за ней. В один прекрасный день нам обоим понадобится работа, и эта работа должна нравиться.

– Если ты не попытаешься, – говорит она, – то будешь потом жалеть, что ничего не сделал. И не надо винить в этом меня.

Я слабо усмехаюсь. Почему ты до сих пор меня не придушила?

– Согласен, но только если ты выполнишь одно мое условие, – говорю я, глядя ей прямо в глаза. – Хочу, чтобы ты

написала одно письмо.

Она расплывается в широченной улыбке.

– Письмо? Когда ты уедешь, я напишу тебе гораздо больше, чем одно.

– Не мне. – Я качаю головой. – Далиле.

– Она уехала из Фэлконс Уэлл в шестом классе. Я понятия не имею, где она сейчас.

– Уверен, что не дальше, чем на расстоянии одного запроса в «Гугл».

Райен и так это знает. Просто ищет оправдание, чтобы не бередить старые раны.

Она отворачивается, тянет время, но я беру ее за подбородок и снова поворачиваю к себе.

– А что если Далила даже не вспомнит меня? – спрашивает она. – Вдруг для нее та история почти ничего не значила, и она решит, что я идиотка, раз до сих пор переживаю из-за этого?

Я закрываю глаза.

– Будут еще отмазки или ты закончила?

– Ладно, – злобно отвечает Райен, насупившись как ребенок. – Я сделаю это. Ты прав.

– Хорошо. – Я переворачиваю ее на спину и снова прижимаю к кровати. – А теперь раздевайся. Мне нужно возместить то, чего будет так не хватать во время разлуки.

– Что? – пытается спорить она, пока я стягиваю с нее футболку. – Будешь возмещать упущенное, когда вернешься!

– Да. И тогда тоже.

Эпилог
Райен

Пять лет спустя…

– Райен! – зовет меня кто-то по имени. – Райен, ну давай же!

Я улыбаюсь и качаю головой, ступая на дорожку около дома. Швейцар заранее держит дверь открытой, чтобы я могла беспрепятственно войти в подъезд жилого комплекса «Делькур».

– Нет, Билл, – отвечаю я репортеру «Таймс». Он и несколько фотографов бросаются ко мне, беспардонно вторгаясь в личное пространство.

Я пытаюсь обойти их, но они повсюду. Пробиваюсь сквозь толпу журналистов.

– Номинация на «Оскар» за лучшую песню к фильму? – Билл Уинтроп тычет диктофоном мне в лицо. – Ты должна быть довольна. Ему наверняка есть что сказать. Не томи.

– Он весь в работе, пишет новые песни, – говорю я, проталкиваясь к дверям. – Я вам уже говорила.

Оглядываясь, «одариваю» его и еще нескольких ребят, что караулят меня уже который день, скучающим взглядом.

– Ну серьезно, вы тут уже несколько месяцев торчите. Возьмите выходной. Сходите на свидание.

Репортеры и фотографы смеются, щелкая камерами со всех сторон.

– Да его уже несколько месяцев никто не видел, – сетует Билл. – Откуда нам знать, что он вообще жив?

Я склоняю голову набок, помещаю руки на пояс и выпячиваю уже заметный беременный животик. Конечно, с Миши станется.

И снова слышу всплески смеха.

– Вы же знаете, как трепетно Миша относится к личному пространству, – напоминаю я.

– Он появится на церемонии?

– Если удастся отвертеться, то нет. – Я поворачиваюсь и направляюсь ко входу в здание.

– Ты невозможная! – вскрикивает Билл в отчаянии, а я даже не пытаюсь скрыть улыбку.

– Я тоже тебя люблю! – бросаю я через плечо.

Действительно, это, наверно, самая утомительная работа: торчать у дома и караулить, не выйдет ли Миша за кофе или парой новых ботинок. Так будет не всегда, но мой муж сделает все, чтобы избежать внимания. Наверное, от этого он им кажется еще более притягательным и загадочным. Не удивлюсь, если уже

придумано приложение *«Поймай Мишу Лейр»* наподобие этого дурацкого *«Pokemon Go»*.

Хотя я могу понять их желание его увидеть. В конечном счете он поступил вместе со мной в Корнелл после летнего тура. Под предлогом, что его желания подождут. «У нас только одна жизнь», поэтому он отказался что-либо делать, если меня нет рядом. Ждал, пока я закончу учебу.

Я боялась, что он упустит лучший шанс в своей жизни, но Миша всегда знает, кто он такой и чего хочет.

Он оказался прав. Почти сразу после окончания колледжа он воссоздал Cipher Core и собрал всех участников начального состава. Они начали получать всевозможные награды и поехали в турне.

Поездочка вышла адская, но это было только начало.

Проходя через вестибюль, я замечаю у стойки регистрации Эрику.

– Привет, как ты? – спрашивает она, придерживая спортивную сумку.

Она одета в легинсы, сапоги до колен и безразмерный свитер. Рядом с ней я чувствую себя колобком. Когда она уже забеременеет, как я?

Мы с женой Майкла Крайста – который, кстати, тоже из Тандер-Бей – сильно сблизились в последнее время. А поскольку ее мать и Мишин отец сблизились *еще сильнее*, возможно, мы скоро станем родственниками.

Но мне не на что жаловаться. Все их друзья – интересные люди, а еще настоящие, верные друзья.

Глядя на нее с виноватым видом, я указываю на журналистов у себя за спиной.

– Прости за это.

Но она только отмахивается.

– С Майклом тоже такое случается, когда он играет в плей-офф, только не так масштабно. – Она смеется. – Честно говоря, мне кажется, он завидует. Но баскетболист есть баскетболист, а рок-звезда есть рок-звезда.

– Не напоминай.

Поправив сумку, она собирается уходить.

– Я сначала в додзе[14], а потом в Тандер-Бей на выходные. Увидимся в понедельник, и передавай привет моему будущему брату, – улыбается она, уходя.

– Хорошо.

Я иду к лифтам и поднимаюсь на двадцать первый этаж. Наверху два пентхауса: наш, а над ним – Крайстов. Мне нравится вид, и я рада, что Миша решил перебраться в большой город. Мы

часто проводим время с его отцом в Тандер-Бей, но вся ночная жизнь, шоу и концерты происходят в городе, а это слишком заманчиво, чтобы оставаться жить в пригороде. Нам нравится шумная жизнь.

Вхожу в пентхаус. Пахнет едой, и живот у меня сводит. В здании есть спортивный зал, но мне больше нравятся занятия Рики в додзе, поэтому сегодня я отвязалась от журналистов. Хотя сначала нужно поесть и принять ванну.

Кто-то приобнимает меня со спины и поглаживает живот. Я моментально расслабляюсь и отклоняюсь назад. Его пьянящий аромат обволакивает меня, хочется скорее прижаться к мужу.

– Помоги мне раздеться, – прошу я.

Он стягивает с меня футболку через голову и помогает избавиться от спортивного лифчика. Я еще только на шестом месяце – наш сын должен появиться на свет в марте, – но изображаю беспомощность. Чем больше он ко мне прикасается, тем счастливее я становлюсь. А Миша не любит, когда я злюсь.

Избавившись от обуви, носков и тренировочных штанов, я разворачиваюсь и собираю волосы в хвост.

Он невероятно круто выглядит. Мне нравится, что он посадил себя под добровольный домашний арест. Все, что он делает, – это изо дня в день бродит по дому в домашних штанах, голый до пояса, слушает музыку и пишет тексты – везде. Он уже исписал весь холодильник, по дому разбросаны исписанные салфетки, а по стенам расклеены стикеры – с тех пор как я психанула по поводу маркера на свежевыкрашенных стенах спальни.

Он говорит: так устроен его творческий процесс.

Неважно. Главное – это работает.

– Пошли. – Он тянет меня за собой. – Я уже набираю ванну.

Я иду за ним в ванную, наслаждаясь видом того, как он раздевается и залезает в джакузи, а потом подает мне руку и помогает тоже залезть внутрь.

Я сажусь в противоположном конце джакузи и благодарно улыбаюсь, а он начинает массировать мне ногу.

– Журналисты совсем с ума сошли, – говорю я. – Каждому нужно урвать частичку тебя.

– А каждая частичка меня хочет быть с тобой.

Он берет мою ногу и кладет себе между ног. Я медленно заползаю на него, но прижаться к груди не могу: мешает живот.

Взяв небольшой серебряный кувшин, что я держу рядом с ванной, он льет воду мне на волосы. Я выгибаю шею. Тепло то появляется, то пропадает, и это заставляет меня стонать от удовольствия.

Он целует меня в шею.

– Можно я кое-что тебе скажу? – осторожно спрашивает он.

Я поднимаю глаза, мы встречаемся взглядами, и я киваю.

Он с нежностью убирает мне волосы с лица.

– Я очень тебя люблю, и когда мы женились, я мечтал прожить с тобой до конца своих дней, – говорит он, – но вот это зеркало… – он показывает на мое недавнее творение, стену, отделанную зеркальными стеклами, – …бесит меня до трясучки. Каждый раз, как вхожу сюда, меня моментально выбивает из равновесия.

Я оборачиваюсь и расплываюсь в улыбке, глядя на множество маленьких зеркал, в которых отражается зеркало на противоположной стене.

Повернувшись обратно к нему, я вскидываю подбородок.

– Привыкнешь.

– Ты всегда так говоришь, – жалуется он. – Я смирился с готическим камином в переделанном старом гараже в Тандер-Бей, со столиками со станиной для швейной машинки, с тем, что в ванную можно пройти только через гардероб, но это зеркало… – он на миг замолкает и целует меня в щеку, – довольно спорный элемент интерьера.

Я ловлю его недовольный взгляд и начинаю хохотать.

– Если ты разведешься со мной, мы больше не будем заниматься сексом.

Он надувает губы.

– Понятное дело.

Просто как ребенок. Он же знает, что я люблю креатив. Даже если у меня не всегда хорошо получается.

Протянув руку, я поворачиваю кран. Из душа над нами льется вода. Она падает сверху и шумит почти как дождь.

– Тебе нужно появиться на публике, – говорю я.

Ненавижу его пилить и обычно этого не делаю, но иногда мне кажется, что его жизнь могла бы быть куда веселее.

– Уилл названивает как сумасшедший, – поясняю я. – И даже подловил меня сегодня на работе. Говорит, ты можешь покорить весь мир.

– Так и есть, – соглашается Миша и крепко меня обнимает. – Но я просто хочу писать музыку с тобой, чтобы люди ее слушали и любили. Большего мне не надо. Мне не нужна шумиха. Я и так счастлив.

Я глажу его по лицу.

– У большинства людей нет ни малейшего шанса стать богами, – говорю я. – Ты уверен, что не зря упускаешь свой? В конце концов, все мы не бессмертны.

– Мы – нет, а музыка может жить вечно.

У него всегда на все есть идеальный ответ. Он прав. Он ничего не теряет. Вряд ли мы были бы счастливее, если бы тратили на других то время, что проводим вместе. Нет.

– А в ней и мы с тобой, – заканчивает он. – А все остальное неважно, и я не хочу отвлекаться на чепуху. У меня есть один-единственный шанс все сделать так, как надо, и этим я занимаюсь.

Я притягиваю его к себе и целую. Как же сильно я его люблю.

Но его слова напоминают мне о нашем любимом рэпере, и я отклоняюсь назад, не в силах противостоять желанию его подразнить:

– «Один-единственный шанс», прямо как у Эминема в „Lose Yourself“.

И я начинаю тихонько мурлыкать себе под нос текст песни.

Он запрокидывает мне голову и засовывает под душ. Я визжу и смеюсь одновременно.

Эй, да что я такого сказала?

КОНЕЦ

Дорогая Далила,

меня зовут Райен Треверроу. Мы дружили в четвертом классе.

Уверена, что ты меня не помнишь, зато я помню тебя. На самом деле я очень часто о тебе думаю.

Если вдруг ты все-таки поймешь, кто я такая, пожалуйста, прочитай до конца, потому что мне многое надо тебе сказать. Ты не обязана, хотя я буду благодарна, если выслушаешь.

Знаю наверняка, твоя жизнь с тех пор – как и моя – сильно изменилась. Возможно, тебе будет неинтересно это читать, но… мне *нужно* было написать это письмо, не только ради твоего прощения, но и ради себя самой. Меня гложет чувство вины. Я это заслужила, знаю, и сейчас просто хочу рассказать, что у меня на душе. Это касается далекого прошлого.

Воспоминания свежи в моей памяти, словно это произошло вчера. Ты стоишь у стены на детской площадке, одна, потому что я больше не дружу с тобой. Представить себе не могу, что творилось в твоей голове в тот день и во все последующие, но надеюсь, ты знаешь: все, что произошло после того, как я оставила тебя, – не твоя вина. Дело во мне, а ты просто оказалась не в то время не в том месте.

Есть секрет, которым я хочу с тобой поделиться. Я не рассказывала об этом даже лучшему другу, Мише, потому что мне слишком стыдно за это.

Тогда мне было девять лет, и каждый вечер воскресенья проходил одинаково. Около шести, после ужина, я доставала все свои средства личной гигиены: шампунь, кондиционер, мыло, мочалку, ножницы, пилочку для ногтей… Выставляла их все в ряд на полочке в ванной и следующий час принимала ванну.

Именно так. Я терла кожу скрабом и отмывалась до тех пор, пока каждая прядь волос не начинала источать аромат лилий в ручейке, бегущем через горный луг. *Целый час.* Потом я вылезала из ванны, натиралась увлажняющим молочком и начинала делать маникюр.

Ничего себе, правда? Но подожди, это еще не все.

Потом я десять минут чистила зубы щеткой и зубной нитью, а затем еще дольше выбирала одежду, которую, разумеется, гладила и аккуратно раскладывала заранее, чтобы надеть в понедельник утром. Начиналась новая неделя, и в нее входила новая я. У меня должно было стать больше друзей. Я хотела начать общаться с популярными девочками. Люди должны были меня полюбить.

Потому что вода не только смывала с моей девятилетней головы грязь, но и уносила меня прежнюю. И раз мой внешний вид был отполирован до блеска, моя личность тоже должна была волшебным образом измениться.

Так продолжалось около года. Больше пятидесяти воскресений, наполненных надеждами на лучшее, и больше пятидесяти понедельников, полных разочарований, потому что они ничем не отличались от предыдущих. Никакое количество мыла и воды, ни идеальный маникюр, ни классная укладка не могли изменить то, что в глубине души я себя ненавидела.

За то, что была робкой, всегда вела себя скромно и не нарушала правил, что чувствовала себя неловко в больших компаниях и не умела легко сходиться с людьми, что мои любимые фильмы и музыка не соответствовали предпочтениям среднестатистического ребенка.

Проще говоря, за то, что я не вписывалась в их общество.

У меня не было ничего общего с другими детьми, я

жила в своем маленьком мирке, потому что не могла найти никого, с кем бы у меня были схожие интересы. Я все время чувствовала себя не в своей тарелке.

Как будто я чужая на этом празднике жизни, а все остальные только и ждут, что я пойму их намеки и уберусь.

Так было до тех пор, пока я не встретила тебя. Мы начали проводить время вместе и говорили обо всем. Каждый день во время перерыва гуляли вдоль ограды футбольного поля и болтали на разные темы. Ты была доброй и забавной, слушала меня, не давила, с тобой я не чувствовала себя неловко. Я была рада, что у меня наконец-то появилась подруга.

Пока не начала задумываться, что «достойна большего».

Мы по-прежнему гуляли и разговаривали, но в один прекрасный день я стала обращать внимание на других детей. Они играли и смеялись, и я снова почувствовала себя брошенной. Что в них такого особенного, что другие к ним тянутся? Почему они выглядят счастливее? Что они такого делают, чего не умею я, и как им удается так себя вести?

Я пришла к выводу, что сначала нужно самой почувствовать себя лучше, и тогда я смогу на самом деле стать лучше. Причем под «лучше» я имела в виду «популярнее». Поставив себя на пьедестал, я стала вести себя настолько мерзко, насколько могла. Я верила, что это поможет мне вырасти в их глазах. В каком-то смысле, думаю, так и было. Злоба помогла мне заполучить тех друзей, о которых я мечтала.

А теперь мне нечего сказать в свое оправдание. Это было неправильно по отношению к тебе. Даже ребенок знает, что такое быть дружелюбным. Но я хочу, чтобы ты знала, как мне стыдно. Я была неправа, и я сожалею обо всем. Это был первый шаг в долгой череде поступков, которые сделали меня крайне несчастной девочкой, и теперь я вижу, как много значит один настоящий друг по сравнению со всеми «популярными ребятами» в огромном, жестоком мире.

Я не могу изменить прошлое, но в будущем стану лучше.

Извини, что побеспокоила. Может, читая это, ты не понимаешь, почему я так зациклилась на том, что, возможно, уже не имеет для тебя никакого значения.

Или у тебя прекрасная жизнь, и ты купаешься в счастье, а я давно стерлась из твоей памяти.

Но если я все же причинила тебе боль тогда, прости меня.

Ты была хорошим другом и заслуживала большего. Спасибо, что была со мной, когда я так в тебе нуждалась.

С любовью,

Райен.

От автора

Если вы читаете эту страницу, значит, надеюсь, прочитали книгу до конца. Очень рада, если это так.

Писать *«Панк 57»* было очень сложно и непривычно. Читатели романов могут очень строго судить героинь. Мы часто видим в них себя и сравниваем их решения с теми, что приняли бы сами на их месте. Мы нередко обходимся с ними более сурово, чем с героями, потому что предъявляем к ним те же требования, что к самим себе. Именно поэтому многие героини невинные, робкие и с добрым сердцем. Наблюдать за тем, как преуспевают такие девушки, – приятное занятие. Их легко полюбить.

Не то что Райен. Особенно в первых нескольких главах.

Зная это, я, конечно, переживала. Мне оставалось только надеяться, что вы будете с ней достаточно, чтобы увидеть, какой она станет, и начать ею гордиться.

Райен нуждается в признании, ей нравится, когда ее любят. Эти чувства хорошо знакомы всем нам. Они вокруг нас. Ни один ребенок не хочет быть изгоем. Каждый мечтает оказаться на своем месте и получить одобрение окружающих. Чаще всего нам не хватает моральных сил на то, чтобы справиться с одиночеством. Но эта способность развивается с возрастом. Мы понимаем, что нет ничего приятнее, чем по-настоящему любить себя, даже если окружающие этого не делают. Мы с радостью обнаруживаем, что нам больше нет до них дела.

И это прекрасное ощущение.

Многие из нас поступали плохо во имя самосохранения. История, которую я хотела рассказать, именно об этом. Райен ненавидела себя, пыталась стать другой и хотела всячески обратить на себя внимание, но, когда у нее вышло, она лишь стала ненавидеть себя еще сильнее. Самообман никогда не приводит ни к чему хорошему.

Спасибо, что читали и (надеюсь) дочитали до конца. А всем, кто переживал нечто похожее на то, через что пришлось пройти моим героям, я хочу пожелать: запомните, так будет не всегда. Вы – единственные и неповторимые.

Держитесь. Однажды вы встретите своих.

Пенелопа Дуглас

Текст «Панк 57»

Все идет своим чередом,
Пока их подъем твоим крахом не станет.
Столько стараний потрачено зря.

Столько страданий потрачено зря.
Дай им насладиться своей правотой,
Пока тебя в землю не закопают.
Не беспокойся о пухлых губах.
Все, что от них останется, – прах.
Я хочу их лизнуть, пока они пахнут тобой.
Чирлидер говорит, запомни этот миг,
Ведь мы с тобой к нему еще вернемся.
Но у меня дела. Ты подожди чуть-чуть, совсем недолго.
Мне не удержать ее,
Но я не отпущу ее.
И пока в ее сердце огонь, а не лед или дым,
Я запомню его таким.
Пятьдесят семь раз не позвонил,
Пятьдесят семь писем не послал,
Пятьдесят семь швов, чтоб вновь дышать,
А не притворяться, что дышу.
Пятьдесят семь дней тебя не ждать,
Пятьдесят семь раз не отвечать,
На пятьдесят семь дней тебя забыть,
Пятьдесят семь гребаных ночей
Глаз ни на минуту не смыкать.
Я просто панк, убийца времени и, если без прикрас,
Твое надежное плечо и маленькая страсть.
Что-то подсказывает мне, что ты сорваться можешь враз:
За эти годы для тебя я чем-то большим сумел стать.
Чирлидер говорит, запомни этот миг,
Ведь мы с тобой к нему еще вернемся.
Но у меня дела. Ты подожди чуть-чуть, совсем недолго.

Мне не удержать ее,
Но я не отпущу ее.
И пока в ее сердце огонь, а не лед или дым,
Я запомню его таким.

Текст «Мысли»

Картина стоит тысячи слов,
Но мои слова ранят глубже ножа.
Что нас не убьет, то поможет нам, но
К черту. Я выбираю прятки.
Как мы к ним, так и они к нам,
Но что если я хочу сгореть к чертям?
Нам всем говорили, что лучше быть
в безопасности, чем стыдиться.
Сестренка лишь слушала, а я успел научиться.
Плоды пожинаешь и так и не знаешь,
Что сеял лишь то, от чего сам страдаешь.
Одиночество, пустота, притворство, стыд,
страх.
Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.
Пятерки мало – нужен плюс.
Я скоро задохнусь, но не остановлюсь.
Но мудрые слова вокруг шеи оберни,
Покрепче затяни, с гордостью умри.
Нам говорили учиться, а жить потом,
Но все мы знаем, что потом – суп с котом.
Я беру с собой зонт: мне не страшен дождь,
Но от палящего солнца меня не спасешь.
Плоды пожинаешь и так и не знаешь,
Что сеял лишь то, от чего сам страдаешь.
Одиночество, пустота, притворство, стыд,
страх.
Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Благодарность

Во-первых, читателям: вы все время были со мной, делились впечатлениями, поддерживали изо дня в день, и я очень благодарна вам за оказанное доверие. Спасибо. Я знаю, что мои истории не всегда простые, но мне они нравятся. Рада, что многим из вас – тоже.

Моей семье: мужу и дочери, которые мирились с моим сумасшедшим распорядком дня, разбросанными по всему дому обертками от конфет, тем, что со мной невозможно было разговаривать, пока я продумывала диалог, новый поворот сюжета или сцену, потому что вдохновение снисходило на меня прямо за обеденным столом. Вам обоим пришлось несладко, так что спасибо, что все равно меня любите.

Джейн Дайстел, моему агенту в издательстве Dystel and Goderich Literary Management: я ни за что не отпущу тебя, так что работать тебе со мной до конца своих дней.

Спасибо пивному дому House of PenDragon – куда же мне без вас. Без вас и Pinterest. Спасибо за то, что всегда поддерживали меня в хорошем расположении духа.

Вибеке Кортни – моей инди-редактору, которая причесала всех моих героев и их поступки. Спасибо, что учишь меня писать и исправляешь то, что не очень удается.

Киврин Уилсон – слава тихим девушкам! Если б вы знали, какие черти водятся в тихом омуте.

Инг Круз, автору блога *As the Pages Turn Book*: ты от чистого сердца поддерживаешь меня, и я не знаю, как тебя отблагодарить. Спасибо за то, что публикуешь тизеры, делаешь обзоры и с самого начала остаешься на моей стороне.

Миласи Магноло: ты читаешь и всегда внушаешь мне уверенность, которой так не хватает. А еще у меня есть по меньшей мере один человек на автограф-сессиях, с которым можно поговорить.

Лизе Пантано Кейн: твои сложные вопросы всегда звучат как вызов.

Ли Танглиа: ты делаешь великолепные иллюстрации к книгам, и я не перестаю восхищаться твоим Pinterest! Спасибо. Серьезно, тебе нужно на этом зарабатывать. Нам надо это обсудить.

Всем блогерам: вас очень много, но я знаю каждого. Я читаю ваши посты, вижу теги и осознаю, какую тяжелую работу вы делаете. Вы тратите свободное время на чтение, написание рецензий и продвижение и ничего не требуете взамен. Вы –

двигатель книжного мира. Кто знает, что бы с нами стало, если бы не было вас. Спасибо за ваш нелегкий труд. Вы делаете это по зову сердца, поэтому результаты поражают воображение.

Саманте Янг, которая шокировала меня тем, что написала твит после прочтения *„Падения”*, когда я и подумать не могла, что она знает, кто я такая.

Джей Крауновер, которая приехала на автограф-сессию, представилась и сказала, что обожает мои книги (а я только пристально смотрела на нее).

Эбби Глайнз, подарившей своим читателям список книг, прочитанных ею и полюбившихся ей, среди которых затесалась одна моя.

Табасе Варго и Комалю Петерсону, первым писателям, которые сказали мне, что им понравилась моя книга, когда опубликовали *„Агрессора“*.

Тайджану, Ви Килэнд, Хелене Хантинг, Пенелопе Уорд и Пенни Рейд – за то, что были со мной, когда я так в вас нуждалась.

Идену Батлеру и Н. Майклз, которые готовы в любую минуту кинуться читать мои книги, чтобы высказать свое мнение.

Наташе Престон – за то, что поддерживаешь меня.

Эми Хармон – за помощь, поддержку, позитивный настрой и желание создавать что-то совершенно новое.

И Б. Б. Рейд – за то, что читала мою писанину, ходила со мной за компанию в дамскую комнату и дала мне учебник по программе Calibre в полпервого ночи. Если поделишься и шоколадкой, буду вести себя еще дружелюбнее.

Это подтверждение того, что тебя считают за свою. Позитивный настрой заразителен, так что спасибо коллегам-писателям за их любовь.

Всем писателям и тем, кто хочет начать писать, – спасибо за истории, которыми вы делитесь. Я с удовольствием прочла множество из них в попытках отвлечься и поисках лучшего писателя, чем я, чтобы было с кого брать пример. Пишите, творите и никогда не останавливайтесь. Ваши слова важны для меня, и до тех пор, пока они идут от чистого сердца, они все хорошие и правильные.

notes

Примечания

1

Кайло Рен (англ. *Kylo Ren*) – вымышленный персонаж фантастической саги «Звездные войны». Основной антагонист в седьмой и восьмой частях одноименного фильма, где его играет актер Адам Драйвер.

2

Люк Скайуокер (англ. *Luke Skywalker*) – один из главных персонажей вселенной «Звездных войн», джедай, сын сенатора с *Набу ПадмеАмидалы Наберрии* рыцаря-джедая Энакина Скайуокера.

3

Jaeger-LeCoultre (рус. «Жежер-Лекультр») – производитель швейцарских часов класса люкс. На счету компании также тысячи изобретений, включая самый миниатюрный механизм.

4

Grand Theft Auto – серия мультиплатформенных компьютерных игр, разрабатываемых шотландской компанией *Rockstar North*.

5

Goodreads – интернет-портал, на котором пользователи обмениваются отзывами о прочитанных книгах.

6

Цитата из песни „*Stacy's Mom*“ группы Fountains of Wayne. Перевод: «Мама Стейси не стала терять время».

7

Канадская рок-группа, исполняющая альтернативный металл и постгранж.

Англ. *cipher core* – ключ к шифру.

9

Bridge to Terabithia (*англ.*) – повесть для семейного чтения британской писательницы Кэтрин Патэрсон.

10

Другое название – алпразолам. Лекарственное средство, используемое для лечения панических расстройств и тревожных неврозов, применяемое в основном для кратковременного снятия чувства беспокойства или страха.

11

Англ.: «Иглы вонзаются мне в горло, и я отвожу глаза».

12

Англ.: «Мне нравится, как ты врешь».

13

Нестероидный противовоспалительный препарат, обладающий болеутоляющим и жаропонижающим действием.

14

Додзе (яп.: место, где ищут путь) – изначально это место для медитаций и других духовных практик в японском буддизме и синтоизме. Позже этот термин стал употребляться и для обозначения места, где проходят тренировки, соревнования и аттестации в японских боевых искусствах, таких как айкидо, дзюдо, джиу-джитсу, кэндо, карате и т. д.